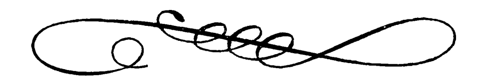
А.С. ГРИБОЕДОВ

II

А. С. Грибоедов
Акварель В. И. Мошкова. 1827.

1795 — 1995



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ГРИБОЕДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Санкт-Петербург
1999

А. С. ГРИБОЕДОВ

ТОМ ВТОРОЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ СТАТЬИ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Санкт-Петербург
Издательство «Нотабене»
1999

Федеральная программа книгоиздания России

**Печатается по постановлению
Совета Министров
Правительства Российской Федерации
№ 1010 от 7 октября 1993 года
«О двухсотлетии со дня рождения
А. С. Грибоедова»**

Подготовка текста и комментарии

А. В. Архипова, В. Э. Вацуро, Е. А. Вильк, Р. Ю. Данилевский,
П. Р. Заборов, Д. М. Климова, В. В. Колесов, Л. А. Степанов,
М. В. Строганов, Н. А. Тархова, Ю. П. Фесенко, С. А. Фомичев

Научный редактор
С. А. Фомичев

Ответственный редактор
Д. М. Климова

Редактор
И. А. Богданова

Рецензенты
А. А. Карпов, Н. Л. Лужецкая

Том утвержден к печати Ученым советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

ISBN 5-87170-043-8
ISBN 5-87170-046-2 (том 2)

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист
Эльмира
Сафир

Гостиная в Аристовом доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арист *(входит)*

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арист и Эльмира в простом утреннем платье

Эльмира

А! здравствуй, милой мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава Богу.

Арист *(в сторону)*

Веселый разговор.

(Вслух.)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образованье ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы скромны!—
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать,—
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,

Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом.— Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечной, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Нёпрошеные нас близь города найдут;
Притом соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

Куда ж направим путь —
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмира

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

По крайней мере мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть... однако где газеты?

(В сторону.)

Над ними все-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением,— мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Прежние и Сафир

Сафир

За чтеньем муж с женой,— вид важной и степенной!
Примерная чета! божусь, неоцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезной мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостьми был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю, знаешь, как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцевал нарочно;
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира *(в сторону)*

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арист и Сафир

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою, столько нежной,
Вести себя как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До утра твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь — она мне потакает,
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой друг, а маковы цветы.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь иль лень; ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма,— она их все скрывает;
Прекрасная собой,— одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первой раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца — три века!..
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Немудрено, что ей понравится другой.
Потом — как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновной охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника;— единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим,— так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире,
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею презренный, рой жалкой и несчастной!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезной мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свята,
А у вертушке той я, может быть, десятой;
Но с нею в забытьи я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, сударь, к жене.— Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сафир и Эльмира
(одетая с бóльшим вкусом, чем прежде)

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слышны.
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противоречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?

Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы.

Эльмира

Итак, не должно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок, и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образумясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обресть.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностных людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному,
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был не благодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он, и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.
Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.

В те дни, что для меня так памятны, так сладки,
Он всё любил во мне — и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Оне, сударыня, для вас немудрены;
Зачем обросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что́ вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденные правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякой поспешит,—
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковой, безмрачной?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностию тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафир

О, нет! конечно, нет; но видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,
Сам будет угождать, к свому привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других отличной,—
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастие, всех радостей собор,
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.
С теперешней поры и я прощаюсь с ними:

Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду в чуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как пременять свой вид, и даже свойства, мненья...
Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть Музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортопиано и поет.)

1

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

*

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту!— Продолжайте!

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привея,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул,—
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

*

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Эльмира, Сафир и Арист
(входит и останавливается в дверях)

3

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первой раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час,
И любовник в упоеньи
Счастлив — будто в первый раз.

*

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

А р и с т

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Э л ь м и р а

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

А р и с т

Что ж делать, где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Э л ь м и р а

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

А р и с т

Сафир?

Э л ь м и р а

Да, он.

А р и с т

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена,
И всё не мог тебя на это преклонить.

Э л ь м и р а

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

С а ф и р

Арист! тебе урок.

А р и с т

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Э л ь м и р а

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазеин.

Арист

И в магазеин?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там.
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И всё-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты верно очень рад?

Арист *(сухо)*

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых ты слов
Так скоро,— невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны;
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сижу я в четырех стенах.
Пускай к рассеянью кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Недаром — в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету.
По мне, небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арист и Сафир

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты?— Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскал?

Арист *(не внимая ему)*

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! надолго ль?

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да,
Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

Другая уже? я как вкопанной стою!

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Прежние и Эльмира

Эльмира

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может; но скажи...

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашумела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!
Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастия иного?

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы ввек.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!
В забаву для себя всё обратить умеет.
Но если новое мне платье не поспеет,
То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня.

(Тихо ему.)

Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась.
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист *(в сторону)*

Они с ней шепчутся.

Эльмира *(громко)*

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради·Бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Арист и Сафир

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветреность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее сникать,
То лучше отложи все ковы в долгой ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур!— Вот на — рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

Кто!— мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

Сафир

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честное слово.

Арист

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

Сафир

А повод к этому?

Арист

Эльмира.— Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.

Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я — сказать стыжусь!—
И в провожатые уж боле не гожусь.

Сафир

Ну, что ж? ей может быть единобразье скушно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

Арист

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность...

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему.—
Постой, что давеча она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомненье пало.
Весь толк о шляпке был; ты верно слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас — или ни слова.

Сафир

По крайней мере нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой? в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я... ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так...

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сафир (один)

Сафир

И это был Арист! он может быть ревнивым!

Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сафир и Эльмира

Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливой;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите,— с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Прежние и Арист (в дверях)

Сафир

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист
И наказания примерного достоин.

Эльмира

И накажу его, он может быть покоен.

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

Чем Бог послал.

Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

Арист

И так сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестной, еще в недоуменьи
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли, ты иль обольститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

Сафир

Обдумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, сударь!.. Иль, нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неужели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать не досужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.
Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?

(Сафир уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Арист и Эльмира

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

Чего? вопрос забавной!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы презрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен!— какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! Не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая
И, может быть, еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам неверен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;
Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной.—
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в печали,
Когда напомянул я об деревне вам;
Конечно, скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам!— на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу — и что же?

Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё,
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь — вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!
Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой Бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самой беспокойной.
Мне, право, кажется, что вы больны — в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад;— как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрались?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит;
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:
Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите,— я могу ль так вдруг возненавидеть?
Подайте мне письмо,— ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я всё обманут был.
Вы усмехаетесь;— кто смеху здесь предметом?

Эльмира

Я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо,— ведь надобно ж отдать?
Подайте,— право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает.)

«Не надлежало б так Ариста баловать,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл,— ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.
N».
Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне недостанет слов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Прежние и Сафир

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тенях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие!— что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно:
Но мой неправый гнев... но и проступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу отныне —
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полночь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю — пусть он всем обязан будет вам.

(Аристу.)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле,
Затем, чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался, сколько мог,— и, может быть, успел.

СТУДЕНТ

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Евлампий Аристархович Беневольский, студент из Казани.
Федька, его слуга.
Звёздов.
Звёздова, жена его.
Саблин, брат ее, гусарский ротмистр.
Варинька, воспитанница Звёздовых.
Полюбин, влюбленный в Вариньку.
Прохоров.
Иван, слуга.
Швейцар.
Трое слуг.
Мальчик из ресторации.

Действие в Петербурге, в доме Звёздова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Беневольский, Федька, Иван

Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительства Александра Петровича Звёздова. Ведь это его дом?

Студентъ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ

сочиненіе

А. Грибоѣдова и П. Катенин

(1817)

«Студент». Титульный лист списка.

Иван. Его-с.

Беневольский. А я его гость.

Иван. Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

Беневольский. Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами. С тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили, между прочим, вот что: барин твой сказывал, что его супруга воспитывает прелюбезную девицу.

Иван. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольский. Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее сопутницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете. С тех пор батюшка скончался, и я, сказав «прости» казанскому рассаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом, всё. Ну, понял ли?

Иван. Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

Беневольский. Всё равно. Вели ей стоять на улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир незнаемый, смутная будущность!

Иван *(отходя, говорит Федьке)*. Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

ЯВЛЕНИЕ 2

Беневольский, Федька

Беневольский. Что он тебе сказал?

Федька. Барин-де твой, видно, большой искусник.

Беневольский. Искусник... Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный?

(Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш.)

Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу. *(Пишет.)* Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани...

Федька. Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибитчонка-то всё вытрясла, проклятая.

Беневольский. Вступаю в новый для меня свет. — Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом, Бедной Молочницей? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

Федька. Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы съестного да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку,— простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги,— и сытехоньки, и горя половина.

Беневольский. Не говори вслух, ты мне мешаешь.

Федька. Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

Беневольский *(не слушая его)*. Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, любительниц талантов, какую-нибудь Нинону, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники — я их устрашу сатирами, они станут уважать меня. Тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными — в двадцати, в тридцати из лучших домов; я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, он будет моим Меценатом, мне дадут пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что с вами, сударь?

Беневольский. Сколько ты от меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самим известно.

Беневольский. Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: всего сорок рублей на месяц.

Беневольский. Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

Федька. С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ко, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да лягте-ко отдохнуть!

Беневольский. Тысячу, тысячу.

Федька. Да где ж вы, сударь, возьмете? Вы, помнится мне, говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани, да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь всё записано.

Беневольский. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

Федька. Вот оно что; ну, барин, так богатейте же скорее.

Беневольский. Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарований от преосвященного, от вице-губернатора, от самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена; если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр — дрянь, а за всё придется важная сумма.

Федька *(смотря в окно)*. Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

Беневольский. Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

Федька. Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйте, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

Беневольский. На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный... Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

Федька. Да там всего, сударь, фрак лиловый да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольский. Подавай его.

Федька. К чему вам переодеваться!

Беневольский. Какое тебе дело?

Федька. С вас не взыщут: вы человек приезжий.

Беневольский. Молчи!

Федька. Образумьтесь, где теперь выкладывать из чемодана: вам и комнаты еще не отвели.

Беневольский. Не умничай!

Федька. Притом власть ваша: есть хочется, ей-богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь. Нет, барин, мне таким способом служить будет не в охоту.

Беневольский. Олух! прибери эту тетрадь и карандаш, да ступай за мной: я сам вытащу чемодан и выну платье. Скорей! Скорей! *(Уходит с Федькой и в дверях встречается с Полюбиным.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Полюбин и Иван

Полюбин. Стало, никого нельзя видеть; а это кто вышел?

Иван. Приезжий, сударь, из Казани.

Полюбин. Из Казани! и зовут его?

Иван. Беневольский.

Полюбин. Ах! Боже мой!

ЯВЛЕНИЕ 4

Полюбин и Варинька

Варинька. Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин. Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька. О, конечно, нет. Представьте, я давеча сижу перед окошком у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит... вы еще его не видали?

Полюбин. Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька. Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят: Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу прийти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин. Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька. Нет нужды: он, конечно, ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтобы я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадется на глаза. Боже мой! как тяжело зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами, как собственностью! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин. Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; принявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька. Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин. Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, всё-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и немудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька. Пойду, брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду.

(Полюбин целует у нее руку.)

Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин. Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей,— кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастие.

Варинька. Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете. *(Подходя к окну.)* Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин. Кто? Беневольский? *(Смотрит в окно и хохочет.)*

Варинька. Нет, не только теперь,— если б я и вас не знала, ни под каким видом не вышла бы замуж за этого

безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть, она встала. Приезжайте ужо, простите. *(В дверях.)* Будьте же здесь ужо непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает, когда увидимся.

ЯВЛЕНИЕ 5

Полюбин, вскоре после Беневольский

Полюбин *(смотря на часы)*. Теперь половина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обедне,— Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский *(шаркая)*. Ваш покорнейший слуга-с.

Полюбин. Здравствуйте!

Беневольский. Позвольте с вами познакомиться.

Полюбин. Очень рад вас видеть.

Беневольский. Что-с? так точно-с. *(В сторону.)* Непостижимо. Я верно в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

Полюбин *(в сторону)*. Бесценный. И это мой соперник.

Беневольский. Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

Полюбин. Вы не ошибаетесь.

Беневольский *(в сторону)*. Как краткословен! Он меня убивает.

Полюбин. Вы недавно сюда приехали?

Беневольский. С час будет.

Полюбин. Из Казани?

Беневольский. Я сын волжских берегов.

Полюбин. Вам здесь всё должно быть ново?

Беневольский. Ничто не ново под солнцем.

Полюбин. Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

Беневольский. Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастие.

Полюбин. Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

Беневольский. Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в

берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес,— вы это называете неудивительным?

Полюбин. Не я, а вы: вы сказали, что ничем уж не удивляетесь.

Беневольский. Я разумел моральные явления.

Полюбин. Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки.— Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

Беневольский *(приосанившись)*. Вы знаете, как меня зовут?

Полюбин. Беневольский, кажется.

Беневольский. Да-с.

Полюбин. Так что ж?

Беневольский. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? там эти безделицы, я их, ей-богу, полагаю безделицами, так... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и несколько точек, вместо имени — Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольский. Нет! ну, так «Вестника Европы»?

Полюбин. Тоже нет.

Беневольский. Помилуйте, а «Музеум»? Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?

Полюбин. Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский. Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольский *(смотрит на него с презрением и отходит в сторону)*. Не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума», ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! — Я перед ним робел! и я перед ним скромничал! *(Садится на стул.)* Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы — вот все мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзиею?

Полюбин *(в сторону)*. Каков же! Однако вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями немудрено, что вы со временем попадете...

Беневольский *(с восторгом)*. В чины?

Полюбин. В государственные люди... каких, конечно, у нас немного.

Беневольский *(вскакивая со стула)*. Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин. Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, я статский советник.

Беневольский. В ваши лета?

Полюбин. Представьте, чем вы можете сделаться!

Беневольский. Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбин. Я? нисколько!

Беневольский. Как же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбин. Что ж делать?

Беневольский. Зачните его читать, сделайте одолженье, зачните; право, это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здравом рассудке.— Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта,— но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! — О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

Полюбин. А поэзия?

Беневольский. Прелестная игра воображения, отрада в скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром... *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Беневольский, Полюбин, Саблин

Саблин. Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь! *(Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону.)* Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это черт знает что такое!

Полюбин. Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

Саблин. Казанский?

Полюбин. Как видишь, налицо.

Саблин. Чудо!

Полюбин. Хочешь ли, я вас познакомлю?

(Саблин делает знак согласия.)

Евлампий Аристархович! позвольте представить вам моего друга Евгения Ивановича Саблина.

(Беневольский раскланивается.)

Саблин *(Беневольскому)*. Для первого знакомства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свете промышляете?

Беневольский. Как ваш вопрос? извините. *(Тихо Полюбину.)* Я не понимаю его.

Полюбин *(тихо Беневольскому)*. Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский *(Полюбину)*. Вы меня обяжете.

Полюбин *(Саблину)*. Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, доныне занимался только изящной словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в «Сыне Отечества».

Беневольский *(Полюбину)*. Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалою.

Полюбин. В ней нет ничего лишнего.

Беневольский. Вы так думаете?

Полюбин. Присягнуть готов. *(Саблину.)* И сверх того — в «Вестнике Европы».

Беневольский. Пощадите скромность поэта.

Полюбин. И где бишь еще?

Беневольский. В «Музеуме».— Да перестаньте. Хоть это всё очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу.

Саблин. И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин. Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай...

Саблин. Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу. *(Беневольскому.)* Это до вас не касается.

Полюбин. Кроме, что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться со временем государственным человеком.

Саблин. Чем черт не шутит! — Так вы метите в министры? а?

Беневольский. Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин. Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри, пожалуй! он еще дуется!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете недолго, скорей бы вакансия очистилась.

Беневольский *(в сторону)*. Житель Виотии в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

Саблин *(Полюбину)*. Неужли ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Вариньке?

Полюбин. Э, братец! от твоего зятя всё возможно.

Саблин. Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее, оттого что вдвое старее. Здесь неловко говорить: идем завтракать на бульвар.

Полюбин. Пойдем.

Саблин. А ужо как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя, как душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! как можно этаким выродиться! Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил. *(Беневольскому.)* Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану-царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны,— это наш полк; на другом и лошадь, коли она у вас есть, и сами вы умрете с голоду,— это стихотворство; а на третьем и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны,— это статская служба. Во всяком случае вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдем к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

ЯВЛЕНИЕ 7

Беневольский *(один)*. Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны! Тот, статский советник, в порядочных людях, и не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мере, видно, что ему это совестно,

больно: он мне после угождал взорами, речьми, нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором Виргилий говорит: Barbarus has segetes[1],— еще храбрится своею глупостью. Однако он мне дал мысль; ступайте к нам в полк... Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну, что ж? разве нельзя всё это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости! Существа очаровательные! всё в жертву вам!.. Но, Боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса,— величественный стан, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идет — две женщины!.. Сердце, ты вещун! — это она с субреткою... Мой идеал!.. Она!..

ЯВЛЕНИЕ 8

Звёздова, Варинька, Беневольский

Звёздова. Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде... Что с вами сделалось? Не дурно ли вам?

Беневольский (*кланяясь*). Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова. Вы долго ехали из Казани?

Беневольский. Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова. Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

Беневольский. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова. Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

Беневольский. В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

---

[1] Варвар эти нивы... (Вергилий. Эклога первая, ст. 70—71) (*лат.*).— *Ред.*

Звёздова. Разве вы бывали прежде в Петербурге?

Беневольский. Никак нет-с.

Звёздова. Когда ж вы могли ее видеть?

Беневольский. Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутливого, крылатой фантазии.

Звёздова. Да где же?

Беневольский. Везде: образ ее носился в облаках воздушных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних...

Звёздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольский. Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова *(тихо Вариньке)*. Он говорит так странно...

Варинька *(тихо Звёздовой)*. Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневольский *(в сторону)*. Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова. Вы, кажется, поэт?

Беневольский. Так! Я не ошибся! Я счастлив! Я любим!

Звёздова. Что такое?

Беневольский. Вы меня узнали?

Звёздова. Узнала ли я?..

Беневольский. Вы меня поняли?

Звёздова. Нет, право...

Беневольский. Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

Звёздова *(Вариньке)*. Он с ума сходит.

Варинька *(Звёздовой)*. Помилуйте, с чего ему сойти?

Беневольский. Я желал, и свершилось; я искал бессмертия в любви, божества в природе,— и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

Звёздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольский. Сердце имеет свою память. Вы приметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой нашей встрече? — в нем слышали вы голос пиитической совести.

Звёздова. Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не видала и не слыхала. *(Вариньке.)* Побудь с ним, ради Бога, мне сил недостает его слушать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Беневольский, Варинька
(Она все время печальна и сердита.)

Беневольский *(не примечая, что Звёздова ушла)*. Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольский. Краска стыдливой скромности, конечно, взыграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в груди?

Варинька. Нужды нет; вообразите себе, что я ваша невеста, и доканчивайте, как начали. Оно в своем роде, право, хорошо.

Беневольский. Верю, милая.

Варинька. Милая! Как он смеет!..

Беневольский. Но ты не моя невеста, ты не она.

Варинька. Дай Бог!

Беневольский. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей невесте.

Беневольский. Положение ее должно быть...

Варинька. Несносно.

Беневольский. Стрелы любви, конечно, язвительны, богатыри могучие по три дни не едали и не спали от них. Илья Муромец... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрелы любви, подобно копью Ахиллову, исцеляют собственную рану... Ох! я опять забыл, что ты не поймешь.

Варинька. Авось, пойму: продолжайте.

Беневольский. Если б ты, красавица, взялась мне помочь, поговорить своей барышне...

Варинька *(в сторону)*. А! я служанка.

Беневольский. Если б ты растолковала ей, как выгодно быть подругою стихотворца...

Варинька. К чему это? Невеста ваша всё сама от вас слышала.

Беневольский. В самом деле. С каким жаром я изъяснялся! Как ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно... Только жаль...

Беневольский. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольский. Понапрасну! Поверь, что нет. Я примечал всё время, и приметил, что она...

Варинька. А кто она?

Беневольский. Вот вопрос забавный: она, что вдруг явилась и наполнила душу радостью, а потом исчезла, как призрак,— невеста, избранная мне рукою тайного Провидения, словом, она.

Варинька. Ах, сударь, она — не она.

Беневольский. Как не она?

Варинька. Вы говорили не с нею.

Беневольский. Не с нею! С кем же?

Варинька. С хозяйкою здешнего дома, с женою вашего покровителя.

Беневольский. С женою... Невозможно! Нет, нет... Какое тут правдоподобие!

ЯВЛЕНИЕ 10

Варинька, Беневольский, Иван

Иван *(Вариньке)*. Барыня вас спрашивает.

Варинька. Слава Богу! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Беневольский, Иван

Беневольский *(ей вслед)*. Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобия, это шутливый вымысел субретки. *(Ивану.)* Постой хоть ты.

Иван. Что прикажете?

Беневольский. Представь себе, что мне сказала горничная.

Иван. Какая, сударь, горничная?

Беневольский. Ну, вот, что сейчас отсюда вышла.

Иван. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здесь в доме воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневольский. Моя невеста! Я погиб. Зловещий человек! Что ты сказал?

Иван. Сущую правду-с.

Беневольский. Но как же мне не ошибиться?.. Входит женщина молодая, ни дать ни взять — мой идеал. Кому же взойдет в голову, что она жена старика Александра Петро-

вича Звёздова? С ней другая должна была показаться мне горничною.

Иван. Станет ли, сударь, горничная растабарывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, середи бела дня, где все люди ходят? Довольно, что и урывкою пошаливают.

Беневольский. Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света.

Иван. Как вам угодно.

Беневольский *(в размышлении)*. Из тысячи книг собирал я познания о свете, и вдруг одна нечаянность всё превращает в ничто. О fatum! — Нет, не виню тебя, ученье! Так, догадываюсь, понимаю, я сам виноват, я читал же... как забыть? как не вспомнить? Это одно и то же положение; они хотели испытать меня: одна притворилась горничной, другая — моей невестой, а я не угадал. Но — не дам им торжествовать, оборочу им же в беду, скажу им, что я знал всё и нарочно притворялся, чтоб помучить хитрую. Эту развязку я читал, очень помню.

Иван. Еще ничего не прикажете?

Беневольский *(в сторону)*. Этот человек может мне послужить. Он так хорошо одет; верно, много значит в доме. Я читал, что у знатных есть слуги, которые в доме всё делают и даже управляют господами. *(Громко.)* Послушай, мой друг, полюби меня, делай, что я тебе скажу.

Иван. Что будет угодно?

Беневольский *(дает ему деньги)*. Вот тебе для знакомства. Не откажись...

Иван. Кто, сударь, от денег отказывается?

Беневольский. Не откажись подать мне те сведения, что я от тебя потребую. Ты, верно, всё в доме знаешь до утонченности... все тайны тебе известны.

Иван. Виноват, сударь, я вчера только поступил сюда в услужение. Александр Петрович изволил меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу вам что хотите; почтенная, целомудренная девица, шестидесяти лет; я у ней исправлял должность буфетчика.

Беневольский. Какое мне до нее дело? — Судьба меня преследует. По крайней мере впредь, братец, старайся всё слышать, всё знать, что здесь происходит.

Иван. О! вперед, сударь, будьте уверены, всю подноготную выведаю.

Беневольский. Под завесой тайны слушай всё: где, что, кто кому тихо станет шептать.

Иван. Да, сударь, коли очень тихо будут шептаться, и не услышишь.

Беневольский. Лови малейшие намеки, наблюдай за телодвижениями, за выражением лиц, из того выводи свои заключения, сшей себе тетрадку, всё записывай; вот тебе карандаш.

ЯВЛЕНИЕ 12

Звёздов, Беневольский, Иван
(Звёздов вбегает в мундире.)

Звёздов. Фрак! поскорее фрак! Ох! устал до смерти.— А! Иван, ты здесь! Целое утро тебя давеча искали, и говорят, ночью был Бог знает где... Нет, брат, у меня своих шатунов куча. Поди, откуда пришел, живи опять у своей княжны, ты мне не надобен. *(Садится перед зеркалом, задом к Беневольскому и не примечая его.)*

Иван. Да ваше превосходительство сами меня изволили услать с вечера на дачу.

Звёздов. Ты мне не надобен.

Иван. Власть ваша, а я с тех пор как воротился, один только и сидел в передней. *(Показывая на Беневольского.)* Вот извольте спросить.

Беневольский. Я действительно могу засвидетельствовать...

Звёздов *(не слушая и не оборачиваясь)*. Чтоб его духу здесь не было.— Фрак! поскорее фрак! — А! хорошо.— Да отнести назад картины этому шельме итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; я кому ни показывал картины, все говорят — мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч. Чтоб взял назад свою дрянь хоть за половинную цену, а то подождет же денег лет десять, не у него одного есть вексель на мне.— Да отправить старосту из жениной деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка-плотник не отлынивал от оброку и внес бы 25 рублей, непременно, слышите ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан,— то рекрут для царя, а оброк для господина: так чтоб 25 рублей были наготове. Он, видно, шутит 25 рублями; прошу покорно, да где их сы-

щешь? Кто мне их подарит? на улице, что ли, валяются? 25 рублей очень делают счет в нынешнее время, очень, очень... Говорят, что всё подешевеет, а между тем всё вздорожало; так чтоб Фомка внес 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольский *(подкрадывается униженно)*. Ваше превосходительство...

Звёздов *(вскакивая со стула)*. Ах! извините, откуда вы? как? с кем я имею честь говорить?

Беневольский. Моя фамилия Беневольский.

Звёздов. А чем я могу вам служить?

Беневольский. Я сюда приехал... вы изволили обещать...

Звёздов. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, всё будет исполнено.— Какая толкотня была нынче во дворце! Какая куча народу! Я ужасно устал, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйте, я человек старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вам очень рад. *(Хочет уйти.)*

Беневольский. Ваше превосходительство, верно, изволили забыть...

Звёздов. Нет, батюшка, всё помню, всё; я вам сказал, что всё будет исполнено. А между тем напишите мне в четырех строках об вашем деле да воткните здесь к зеркалу.

Беневольский. Мне-с ничего такого не надобно...

Звёздов *(в дверях)*. Помилуйте, батюшка, да коли вам ничего не надобно, так что ж вам надобно?

Беневольский. Я из Казани.

Звёздов *(возвращаясь)*. Как из Казани?

Беневольский. Так точно-с. Я сейчас приехал сюда из Казани: вы там очень знакомы были с моим батюшкой, он имел хождение по вашим делам.

Звёздов. А, помню, помню... Какое было я сделал дурачество! Извини, дружище, здесь такая путаница, себя забудешь; зато и еду скорее в деревню на покой.— Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел.— Ну, здравствуй в Петербурге. Что твой делает отец? здоров ли?

Беневольский. Его уж нет на свете, он отошел к лучшей жизни.

Звёздов. Умер! Ах, какое несчастие! Давно ли? от какой болезни? какой был толстый! Да в этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого так уморят.— Ходи ко мне почаще, мой милый, обедай, сиди здесь по целым дням, у меня

народу бывает много всякого: можешь сделать знакомство.— Где ты остановился?

Беневольский. Покамест под синевой небесной.— Ваше превосходительство обещали покойному батюшке, что по приезде моем в Петербург...

Звёздов. Пристрою тебя к месту? помню, помню; не заботься, всё сделаем.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали также мне дать приют в вашем доме.

Звёздов. Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецким, тотчас отведут комнату; ничего не мудрено, дом большой, весь к твоим услугам, располагай им, как своим.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали мне также в сердце моем заместить ту пустоту, которая...

Звёздов. Что такое, батюшка? переведи, пожалуй, на простонародный язык. Ты, я вижу, человек ученый, говоришь всё фигурно; а я простой человек, люблю, чтоб было всё ясно.

Беневольский. У вас воспитывается прелестное создание.

Звёздов. А! да, да, помню: я обещал Вариньку. Ну, брат, я сдержал слово, ни за кого не выдал, она еще теперь в девушках; а сватались многие, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своих слов. Всё ждал тебя.

(Беневольский всё время кланяется.)

1-й слуга *(входит)*. Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

Звёздов. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга *(входит)*. Княжна Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

Звёздов. Какое дело? когда она мне говорила?

2-й слуга. Вчерашний день.

Звёздов. Всё будет исполнено; вели ей доложить, что всё будет исполнено.

3-й слуга *(входит)*. Лев Иванович Недосугов прислал спросить ваше превосходительство...

Звёздов. Чего у меня просить! Убирайся к черту. Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что всё будет сделано, непременно всё, всё, всё.

3-й слуга. Да он сам приказал вам сказать, что он всё уж сделал по вашему делу, только просит вас к себе.

Звёздов. А!.. ну так вели благодарить: очень-де, батюшка, благодарен. Да никого ко мне не пускать; слышите ль? меня нет дома, я как уехал во дворец, так еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь ли? — Тоска в этом городе; нет, скорее в деревню от здешней суматохи. Пойдем, брат, ко мне в кабинет; я немного посплю, а ты мне расскажешь кое-что об Казани.

(Уходят оба.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Полюбин, Саблин

Саблин. Говорят тебе: дай волю и не мешайся не в свое дело.

Полюбин. Как не в свое дело! чье же оно? кто же из нас хочет жениться?

Саблин. С чем приступил! верно не я. Вот тебе рука моя, что я женюсь разве лет в шестьдесят на какой-нибудь богатой купчихе.

Полюбин. Которая заплатит долги твои, повеса!

Саблин. Как догадлив и мил! Однако убирайся!

Полюбин. Не хочу, мне надобно самому повидаться с Настасией Ивановной и попросить ее.

Саблин. Вздор. Звёздов узнает, что ты просил его жену, и нарочно пойдет наперекор, а я, как брат родной, могу с ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбин. Хорош ходатай!

Саблин. Ничуть не дурен.

Полюбин. Ты всё забудешь.

Саблин. Не забуду, коли обещал.

Полюбин. Ничего не скажешь путем.

Саблин. Всё скажу лучше тебя.

Полюбин. Например, что?

Саблин. То, что ты славный малый, что Беневольский скот, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Вариньке.

Полюбин. А там?

Саблин. Чего тебе еще?

Полюбин. Нет, братец, это совсем не то; я сам поговорю, я скажу сестре твоей...

Саблин. Ну, говори.

Полюбин. Я докажу сестре твоей, что она погубит свою воспитанницу, если откажет мне. Мы друг друга любим и, верно, будем счастливы; состояние мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя дает мне право надеяться вдаль,— ты знаешь, что я заслужил несколько отличий; что же касается до счастия домашнего, и сестра твоя, к горю своему, должна знать его цену,— я уверен, что доставлю его жене моей; ты знаешь меня и скажешь сам...

Саблин. Ну да, ты славный малый.

Полюбин. С другой стороны, я постараюсь усовестить Настасью Ивановну. Ей стыдно будет выдать Вариньку за студента, в котором нет ни ума, ни души, словом, ничего; недоученный педант, одет, как шут, говорит, как дурная книга, ничего не знает, думает о себе, что он осьмое чудо.

Саблин. Скот, одним словом.

Полюбин. И что они в нем нашли? Если Звёздов, как приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кроме Вариньки у него ничего нет? Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе — и отправить с Богом.

Саблин. Его надо прогнать к черту.

Полюбин. Коль скоро его не будет здесь и Звёздов о нем забудет, я уверен, что мне не откажут, и теперь я не знаю, почему...

Саблин. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что ж так смешного?

Саблин. Прямой ты шут, наговорил с три короба, и сказал всё то же.

Полюбин *(смеясь)*. В самом деле.

Саблин. Ну, прощай же.

Полюбин. Разве лучше?

Саблин. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбин. Знаешь ли что? Я пойду и постараюсь какнибудь поладить с Звёздовым: авось он...

Саблин. Ступай и подличай.

Полюбин. Я надеюсь, что ты хоть этот раз сделаешь дело и поговоришь благоразумнее обыкновенного; полно тебе ветреничать.

Саблин. Полно тебе проповедовать, надоел; ступай: вот и сестра.

ЯВЛЕНИЕ 2

Звёздова, Саблин

Звёздова. Куда же Полюбин убежал? Мне сказали, что он хочет со мной поговорить. Я насилу отделалась от хлопот: ведь мы сегодня переезжаем, пришла будто за делом, а он исчез.

Саблин. Я его услал в кабинет растабарывать и всё тебе за него скажу. Да наперед растолкуй мне, что с тобой сделалось?

Звёздова. Со мной ничего не сделалось.

Саблин. Помилуй, матушка: ты мне век свой читаешь проповеди за всё про всё, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дождаться не мог.

Звёздова. Я вчера поздно приехала, часу в четвертом; у княжны Дарьи Савишны на даче был детский бал.

Саблин. Ты что за дитя?

Звёздова. Нельзя же не ехать, если зовут.

Саблин. Слыханное ли дело! и ты тут же с ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звёздова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные. Со стороны смотреть и смешно, и стыдно: приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же и уедет. И как ему остаться: он зван еще в три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсем не ехать, если только за тем же; другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за крепс, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят в игре, кричат во всё горло, или, что еще хуже, при людях шепчутся. Хозяйка хочет занять гостей, музыканты целый час играют по-пустому, никто и не встает: тот не танцует, у того нога болит, а всё вздор; наконец иного упросят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале — и устал до ужина; тут, правда, усталых нет: наедятся, напьются и уедут спать.

Саблин. А я тебе коротко скажу, что кроме ужина нет ничего хорошего ни на одном бале; я их терпеть не могу еще с десяти лет: как дядюшка заставлял меня насильно прыгать со всеми уродами.

Звёздова. Боже мой! как вы разборчивы!

Саблин. Нет, вы не разбираете... Ты ведь никому не отказывала: подослал бы я к тебе какого-нибудь Евлампия

Аристарховича, да... Кстати, что вы с ума сошли с мужем вдвоем? неужели вы в самом деле хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звёздова. Я вовсе не хочу, да Александр Петрович обещал его отцу.

Саблин. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебе напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вас в доме не будет. Это срам — сравнивать честного человека, каков Полюбин, с Евлампом Аристарховичем.

Звёздова. Я бы рада всей душой...

Саблин. Это будет курам на смех.

Звёздова. Я, право, не знаю, что делать.

Саблин. Хочешь ли, я дело сделаю? Скажу просто этому студенту, чтоб он со своей кибиткой, с чемоданом и с лиловым фраком убирался вон, пока без греха.

Звёздова. Хуже этого нельзя придумать: Александр Петрович рассердится, и тогда его никак не уговоришь.

Саблин. Пусть его сердится, что мне за дело?

Звёздова. Тебе ничего, но Вариньке тогда не бывать за Полюбиным. А я не хочу заводить шуму в доме. Я придумала гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольского и так напугаю моего мужа приятным обществом казанского студента, что тогда он на всё согласится.

ЯВЛЕНИЕ 3

Звёздова, Саблин, Беневольский
(Беневольский входит тихо и подслушивает.)

Беневольский. Что я вижу! tête-à-tête!

Саблин. Выдумка хороша.

Беневольский. Выдумка!

Саблин. И ты думаешь, что твой муж не догадается?

Беневольский. Муж! и *ты*! Это так, точно так.

Звёздова. Мы постараемся от него скрыть.

Беневольский. O tempora! o mores![1]

Саблин. Смотри же, надеюсь на твое обещание.

Беневольский. Мармонтель, ты прав: вот свет!

Звёздова. Ты можешь быть во мне уверен.

Беневольский. Надобно воспользоваться открытием. Я столько читал об этих вещах...

---

[1] О времена! о нравы! (*Лат.*) — *Ред.*

Саблин. Как я тебя люблю за это!

Беневольский. Он любим; всё ясно, вот причина ее равнодушия, когда сегодня утром...

Саблин *(приметив Беневольского, Звёздовой)*. Смотри пожалуй, оглянись.

Звёздова. Уж не слыхал ли он? *(Шепчется с Саблиным.)*

Беневольский. Они меня приметили. Нечего делать: успокою их, сделаюсь их поверенным, наперсником; они за то постараются о моей женитьбе. Благодарность...

Саблин *(Звёздовой)*. Э! что за беда?

Беневольский *(Звёздовой)*. Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставил меня вам помешать.

Саблин. Догадался, батюшка!

Беневольский. Но поверьте, что я знаю свет, и моя скромность...

Саблин. Что тут скромничать?

Беневольский. Времена патриархальные были почтенны, но они были.

Звёздова. Что вы хотите сказать?

Беневольский. С успехами просвещения, с развитием людкости, всё пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна.

Звёздова. Я вас прошу, сударь, объяснить мне, что вы хотите сказать?

Беневольский. Я проник вашу тайну, но я сам имею сердце; законы вас осуждают, но какой закон святее любви?

Звёздова. Если б это я слышала от другого... но на вас я не должна и не могу сердиться. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Саблин, Беневольский

Саблин. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольский. Вы меня поняли, довольно.

Саблин. Я человек военный и, к стыду моему признаюсь, в стихах ничего не понимаю.

Беневольский. Он думает, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблин *(в сторону)*. Дурак меня взбесит. *(Беневольскому.)* Нельзя ли, шутки в сторону, сказать мне просто, что вы ей такое сказали?

Беневольский. Поверьте, слова мои были столько же невинны, как и мое намерение.

Саблин. За что же она как будто рассердилась?

Беневольский. Или вы не знаете женщин?

Саблин. Знаю или не знаю, это не ваше дело. Я спрашиваю, чем вы ее рассердили?

Беневольский. Может быть, ей показалось неприятно, что незнакомец узнал то, что она хотела бы скрыть от всех, от самой себя. Она слаба, но добродетельна. Мне даже жаль, что это случилось. В наше время как быть иначе. Одна ли взаимность располагает сердцами? Родители жертвуют судьбой детей своему корыстолюбию, выдают молодую девушку за человека знатного и богатого, но старого и немилого, в оковы супружества вплетает она розы любви, ищет друга и счастлива, если найдет достойного.

Саблин. Как вы смеете думать о почтенной женщине?..

Беневольский. Помилуйте, разве маркиза дю-Шателе не была другом Вольтера, разве Жан-Жак?..

Саблин. Знаете ли вы, господин студент, что вы мне надоели до смерти? Я слушал ваш вздор целый час и думал, авось, уйметесь; но вижу, что молчать-то хуже, и теперь скажу вам наотрез: вы целый час бредили, как во сне, и только помешали мне с сестрой об деле говорить.

Беневольский. Ваша сестрица! Нет, скажите, вы не шутите?

Саблин. Стану я с ним шутить.

Беневольский. Сделайте милость, извините. *(В сторону.)* Ну, в чем я виноват?

Саблин. Мне, батюшка, ваши извинения, право, не нужны.

Беневольский. Я пойду к вашей сестрице и оправдаюсь перед ней...

Саблин. Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вам говорю, оставьте ее в покое.

Беневольский. Она может подумать обо мне...

Саблин. Она об вас и думать не хочет.

Беневольский. Я надеюсь, что вы никому не скажете.

Саблин. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вот и все.

ЯВЛЕНИЕ 5

Звёздов, Звёздова, Варинька, Полюбин, Саблин, Беневольский

Звёздова. Не езди, Александр Петрович, останься с нами.

Звёздов. Э, матушка, и рад бы остаться, да нельзя: дел беремя, а на кого положиться? всё сам езди да хлопочи.

Звёздова. И дома дела не меньше, ничто не устроено.

Звёздов. Ну, матушка, сама потрудись, не всё же мне одному. В старину, право, живали лучше нашего, а хозяйка сама всем домом заведовала и не ходила к мужу за всякой дрянью.

Звёздова. Ты сам запретил, чтоб без тебя ничего не делали.

Звёздов. Поневоле запретишь, как никто ни за что взяться не умеет. Да что я заговорился? женщин не переспоришь, потерянный труд и время.— Не правда ли, Полюбин?

Полюбин. Я с вами согласен, с ними спорить не должно.

Звёздова. Давно ли вы против нас?

Варинька *(тихо Звёздовой)*. Не мешайте ему.

Саблин *(тихо Звёздовой)*. Из чего вступилась?

Звёздов. Что вы там все плечьми пожимаете? Вам досадно, что он со мной согласен, а он прав, совершенно прав. Мы с ним целый час разговаривали обо всем, и он обо многом так судит как нельзя лучше.

Полюбин. Я только придерживался вашего мнения.

Звёздов. Нет, не в том сила; а что дело, то дело. Который час?

Полюбин. Третий в начале.

Звёздов. Ну вот, а я еще никуда не поспел.— Кто там! готова ли карета?

Слуга *(входит)*. Подана уж, у крыльца-с.

Звёздов. Ну, тотчас; что ты торопишь? — Прошу покорно пятнадцать мест объездить: тетка хочет определить бедняка в корпус — надобно просить директора; Взяткин векселя не переписывает за то, что я ему за год не отдал процентов. Дерет кожу, проценты безбожные, да я еще ему их стану платить! — пусть припишет. Итальянец-плут надавал дрянных картин, я впотьмах не разглядел, всё копии, и назад не берет; а я нарочно взял на уговоре отдать за половинную цену, если не понравятся: всё же лучше.— А визитов на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки все вышли,

куплю мимоездом... Скука смертная в свете жить! И что это все на меня навязались? чего они хотят? — Однако прощайте, пора.

Беневольский. Ваше превосходительство...

Звёздов. А! Любезный, что ты в углу притаился? каково дела идут?

Беневольский. Ваше превосходительство, я надеюсь на вас, не изволите ли заехать и обо мне...

Звёздов. Будь уверен, всё сделается. *(К прочим, кланяясь.)* До свиданья, господа.

Беневольский. Если б вы изволили поговорить...

Звёздов. Поговорю... Да что я! чуть не забыл: я уж говорил одному человеку, он обещался прийти ужо, так вы с ним и перемолвите. *(Кличет.)* Человек! если без меня придет Прохоров, доложить тотчас *(показывает на Беневольского)*. Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-с.

Беневольский. Но позвольте узнать, с кем?..

Звёздов. Ты его разве не знаешь? Прохоров? его все знают. Человек очень умный, со всеми авторами знаком, славный человек, вот сам увидишь.

Беневольский. Но, ваше превосходительство...

Звёздов. Извини, любезный, ей-ей! теперь некогда; еще успеем, время не ушло, всё будет.— Да я еще тебя и домашним своим не отрекомендовал, голова кружится от забот. Вот жена моя; прошу любить и жаловать.

Звёздова. Твой гость меня давно знает и любит.

Звёздов. Что за вздор! разве ты с ним виделась?

Звёздова. Он меня видел всегда и везде.

Звёздов. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звёздова. Он на мне жениться хочет.

Звёздов. Как, на тебе жениться!

Звёздова. Он во мне узнал свою невесту, открылся в любви и так хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звёздов *(помирая со смеху)*. Ха, ха, ха, Евлампий Аристархович! Что это на тебя выдумывают? — Неужели в самом деле?..

(Общий смех.)

Беневольский. Позвольте изъяснить...

Звёздов *(хохочет)*. Извини, милый, я с природы смешлив... И что ты против меня затеял? ха! ха! ха! легко ли бедному мужу? ха! ха! ха!

Беневольский. Смею уверить...

Звёздов. Верю, верю, что за беда? Не смотри на них, пусть себе смеются, ошибка в грех не ставится. Чтоб в другой раз то же не случилось,— вот твоя невеста *(подводит его к Вариньке)*. Знакомьтесь, как бы ни в чем не бывало.

Варинька. Мы тоже знакомы и очень коротко; господин Беневольский меня иначе не зовет, как милая.

Звёздов. Вот еще! какой бойкий! — Однако я уж ничего не понимаю, в пень стал, да и только. *(Звёздовой.)* Тебе он изъяснялся в любви?

Звёздова. В любви.

Звёздов *(Вариньке)*. А тебе говорил: милая?

Варинька. Милая.

Звёздов *(Беневольскому)*. Как же это, любезный? растолкуй, ради Бога, в кого ты влюблен? на ком хочешь жениться? неужели на обеих? *(Продолжает смеяться.)*

Варинька. Он не захочет жениться на служанке.

Звёздов. На служанке!

Варинька. Да, меня он счел за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звёздов. Ну, Евлампий Аристархович, от часу не легче. Этого бы я ввек не выдумал.— Да как ты, человек умный, человек ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха!

(Все смеются.)

Беневольский. Одно слово...

Звёздов. Да взгляни, братец, похожа ли она хоть чемнибудь на горничную?

Варинька *(с досадой)*. Может быть, в глазах господина Беневольского я и в самом деле на это похожа.

Звёздов *(Вариньке)*. Ну, вот и сердится. Как тебе не стыдно! ты бы смеялась этому.

Варинька. Хорошо вам смеяться.

Звёздов. Будто я смеюсь! — Полноте, господа, я вижу, что вы все сговорились против одного, и меня, старика, засмешили. Вот нынче свет каков! рады придраться ко всему, чтоб на чужой счет позабавиться, а, право, нехорошо.

Полюбин. Нельзя с вами не согласиться.

Звёздов. И зачем было рассказывать? к чему мне это знать? женщины не утерпят, если что смешно.

Звёздова. Кажется, ты смеялся больше всех.

Звёздов. Поневоле, когда все хохочут.

Варинька. Я и не улыбнулась.

Звёздов. Ведь ты здесь не одна: вот, например, первый мой шурин любезный,— ему уж не житье, а масленица.

Саблин *(в сторону)*. Несносный человек! сам затевает, а складывает на других.

Звёздов *(Саблину)*. Не сердись, милый, у всякого свой нрав: я насмешек терпеть не могу, а ты охотник. Скажи по совести, многим ли сегодня расскажешь? я чай, ни встречному, ни поперечному спуску не будет, всем проблаговестишь.

Саблин. Вы очень ошиблись, я даже вам не расскажу ничего, что еще знаю о вашем... приятеле.

Звёздов. А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольский *(Саблину)*. Будьте скромны.

Саблин *(Беневольскому)*. Теперь уж верно не скажу. *(В сторону.)* Звёздов как на огне горит.

Звёздов. Что уж греха таить? Евлампий Аристархович, признавайся.

Саблин. Зачем вам это знать?

Звёздов. Зачем! так, хочется: право, если ты что знаешь, и мне сказать можно, я уж верно поскромнее тебя.

Саблин. Бог весть.

Звёздов. Без шуток, что еще?

Звёздова. Я и знаю...

Беневольский *(Звёздовой)*. Ради Бога!

Звёздова. Но тоже не скажу, чтобы ты не укорял беспрестанно женщин в болтливости.

Звёздов. Коли раз начала, зачем после скромничать?

Звёздова. Ты насмешек терпеть не можешь.

Звёздов *(с досадой)*. А всё мой шурин дорогой, всё он; изволил рассердиться, что я ему шутя правду сказал, и вышло по пословице: говорить правду — терять дружбу. Только в этом, брат, извини, я на правду черт, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будет труда довольно, никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать.— Не так ли, Полюбин?

Полюбин. Ваши слова могут служить наставленьем.

Звёздов *(Саблину)*. Видишь ли, милый? и друг твой так же думает. Правда, он гораздо порассудительнее тебя.— Стало, ты не скажешь?

Саблин. Не скажу.

Звёздов *(Звёздовой)*. А ты?

Звёздова. Не скажу.

З в ё з д о в. Дети вы оба: и брат и сестра. Они, право, думают, что мне очень жаль будет, если я не узнаю; а я и знать не хотел.— Беневольский! ты тоже не скажешь, разумеется?

Б е н е в о л ь с к и й. Я прошу вас...

З в ё з д о в. Бог с тобой, братец, твоя воля; беды нет, а не хочешь, как хочешь. Мне же ехать пора, и то заговорился. Который час?

П о л ю б и н. Без четверти три.

З в ё з д о в. Ну куда же я поспею? всюду опоздал; а кто виноват? всё вы с пустыми рассказами, да еще и недоговаривают.

З в ё з д о в а. Ты, стало быть, остаешься дома?

З в ё з д о в. Нечего делать, а нужда крайняя была. Пойду хоть к себе, напишу письмо по делу к прокурору; я было и то забыл.

З в ё з д о в а. Так мы пойдем в сад до обеда. А гостя своего взял бы ты с собой, он бы помог тебе написать получше; ты же сам признаешься, что на это ленив.

З в ё з д о в *(в сторону)*. Она к нему что-то благоволит. Как ни говори, а женщине любовное признание, чье бы ни было, всегда хорошо.

В а р и н ь к а *(Звёздову)*. Господин Беневольский, может быть, сам откроет вам наедине то, чего другие не хотят говорить.

З в ё з д о в *(в сторону)*. А Варинька его сживает с рук. Сделаю же обеим назло. *(Звёздовой.)* Нет, матушка, я не хочу приезжего гостя беспокоить своими делами, как-нибудь справлюсь. Ему надобно познакомиться с невестой, так вот мы так и сделаем: вы себе гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а их мы оставим вдвоем, пусть попривыкнут друг к дружке.

В а р и н ь к а *(Полюбину)*. Ради Бога! не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком.

(Она садится с досадой в стороне. З в ё з д о в а, С а б л и н и П о л ю б и н уходят. Звёздов, смотря на них, улыбается.)

ЯВЛЕНИЕ 6

З в ё з д о в, В а р и н ь к а, Б е н е в о л ь с к и й

З в ё з д о в *(подходя к Беневольскому)*. Что ты, братец, невесел? чем огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вот и всё.

Беневольский. Однако, ваше превосходительство...

Звёздов. Да, да, да, всё неприятно, правда, я этого сам не люблю. Ты видел, как я за тебя заступился? Все перестали: у меня чтоб этого не было, у меня кто гость, тот гость, кто друг, тот друг, а ты у меня первый.

Беневольский. Вы слишком изволите...

Звёздов. Первый, я тебе говорю: уж коли я тебя, а не другого женю на Вариньке, стало, всё тут.

(Беневольский кланяется.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Федька

Федька *(Беневольскому)*. Поговорите же, сударь, поскорее, а то вашу повозку совсем угонят.

Звёздов. С чем он пришел?

Беневольский. Я не смею сказать...

Звёздов *(Федьке)*. Говори, братец, говори, что тебе надобно?

Федька. А вот сами видеть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказия.

Звёздов. Смелее говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла с приезду на улице, так по той самой причине ее и гонят.

Звёздов. Как гонят! кто гонят? куда гонят?

Федька. Да вот... как их?.. Господь знает, бутошники, что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться.

Звёздов. Ну, брат, я не полицеймейстер, это не мое дело.

Беневольский. Если бы вы приказали назначить мне небольшой приют...

Федька. Кабы милость была повозку хоть на двор, а для пожитков чулан опростать.

Звёздов. Как! что это я слышу? разве еще ни комнаты, ни сарая, ничего вам не отведено?

Беневольский. Еще нет.

Звёздов. Э, братец! что ж ты давно не скажешь? возьми комнату, две, что хочешь.

Беневольский. Но где?

Звёздов. Где хочешь, любую.— Это твой, что ли, человек?

Федька. Ихний-с.

(Во всё время разговора Звёздова с Федькой Беневольский ухаживает за Варинькой, которая от него отворачивается.)

Звёздов. Сходи же, приятель; ты знаешь здесь Штукарева?

Федька. Как не знать-с.

Звёздов. Скажи ему от меня, чтоб он вам сейчас отвел, что надобно, да комнату бы выбрал где получше; слышишь, я-де приказал.

Федька. Я к нему уж и толкнулся было, изволите видеть; да смею доложить, он не дает.

Звёздов. Какой вздор! не дает! — даст, коли я приказываю.

Федька. Смею доложить, он говорит так: что, мол, у нас все-де покои теперь заняты, а пустопорожних не имеется.

Звёздов. Врет он; как не быть пустой комнаты? верно есть. Скажи ему, что он врет.

Федька. Слушаю-с. Да смею доложить, коли он опосле комнаты всё не отведет, а повозку, не в гнев милости вашей... то бишь вашего превосходительства, сгонят на съезжую.

Звёздов. Не угонят из моего дома. Делай, что тебе говорят, и не бойся ничего.

Федька. Смею доложить...

Звёздов. Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не дают тебе, что ли, комнаты?

Федька. Так истинно, что не дают-с.

Звёздов. Позови сюда Штукарева; его, кажется, дома нет.

Федька. Никак нет-с, он дома, я его как раз кликну.

Звёздов. Постой! не бегай! ну, что его звать? всё то же. *(В сторону.)* Как быть, чем бы отвязаться? *(Громко.)* Беневольский! да ты, брат, уж и приволакиваешься, а по мне твой... *(указывая на Федьку)* как его?..

Федька. Федор Емельянов, смею доложить.

Звёздов. Ну вот он, с ножом к горлу пристал, а всё за тебя.

Беневольский. Простодушное усердие...

Звёздов. А я не знаю, что делать. Теперь я вспомнил, комнаты у нас теперь, точно, ни одной нет, разве вот эту возьмешь.

Беневольский. Но как же в зале, где все ходят?..

Звёздов. Никого не пускай, да и только. Ведь у тебя есть чемодан, сундук, что-нибудь такое?

Федька. Чемодан с бельем-с и сундук с книгами-с.

Звёздов. Ну вот, чего тебе лучше? и загородись со всех сторон, никто не войдет.— Доволен ли теперь? всё сделано? прощай, пойду письмо писать. *(Уходит.)*

Федька *(Беневольскому)*. Прикажите, что ли, нести пожитки?

Беневольский *(Федьке)*. Внеси в переднюю да подожди, я тебя позову, когда следует; видишь, здесь люди.

(Федька уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Беневольский, Варинька

Беневольский. Давно сердце мое билось желанием изъяснить вам, как единственной своей владычице...

Варинька. Я удивляюсь, как вы можете со мной говорить!

Беневольский. Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!

Варинька *(в сторону)*. Что это Полюбин нейдет!

Беневольский. Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи...

(Полюбин входит.)

Варинька *(увидя Полюбина)*. Я ни слушать вас, ни говорить с вами не намерена. Вот кто вам за меня всё скажет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Беневольский, Полюбин

Полюбин. Я намерен вам сказать два слова.

Беневольский. Два слова! и в них заключается всё мое блаженство! слова красноречивые! слова бесценные! говорите, прошу вас, говорите.

Полюбин. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольский. Ах! кто может видеть и не любить ее!

Полюбин. И так как я сам ее люблю...

Беневольский. И вы ее любите! Вы, конечно, ее брат или друг с младенчества: полюбите же и счастливца, кому суждена рука ее, обоймите его, как друга, как брата...

Полюбин. Потише, господин Беневольский, не горячитесь. Варвара Николаевна с первого разу, как вас увидела...

Беневольский. Предалась чувству симпатии, которое от мест отдаленных невольно увлекало нас друг к другу?..

Полюбин. Напротив, она вас терпеть не может.

Беневольский. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что вы смеетесь без пути?

Беневольский. Кто вам сказал, что она меня терпеть не может?

Полюбин. Она сама.

Беневольский. Она! и просила вас мне это сказать?

Полюбин. Да, она поручила мне поговорить с вами, и я...

Беневольский. Не трудитесь понапрасну, я давно всё знаю, всё понял.

Полюбин. Вы ничего не понимаете.

Беневольский. Всё, я говорю вам, всё; вот в чем дело...

Полюбин. Совсем нет, дайте мне сказать одно слово.

Беневольский. Нет, позвольте уж мне наперед, и вы согласитесь, что я всё знаю.

Полюбин *(в сторону)*. Что делать с дураком, который свое несет?

Беневольский. Вот извольте видеть: Варинька...

Полюбин. Прошу вас: Варвара Николаевна.

Беневольский. Помилуйте, не всё ли равно? мы можем...

Полюбин. Вы никак не можете.

Беневольский. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна слышала, как я при ней изъяснялся в любви ее превосходительству...

Полюбин. Что ж вы твердите о своих проказах? их без того все знают.

Беневольский. Как вы это назвали?

Полюбин. Проказы.

Беневольский. Вы сказали точно так, как оно есть, и увидите почему.— Ей, напротив, не говорил я ни слова о любви, обошелся с нею, как со служанкою...

Полюбин. Какая дерзость!

Беневольский. Терпенье, прошу вас, терпенье. Всё это вместе должно было поразить сердце юное, нежное, едва начинающее любить; она на меня рассердилась и, верно, называет меня чудовищем...

Полюбин. Уродом.

Беневольский. Так должно быть, я это всё знаю. Вы видите ли теперь, что вам нечего было мне говорить?

Полюбин. С вами точно говорить напрасно.

Беневольский. Итак, слушайте: я догадался, что они нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и притворился, будто обманут; но меня обмануть трудно, я всё приметил и внутренно смеялся, смотря на смущение одной и досаду другой.— Вам самим смешно?

Полюбин. Вы имеете дар всякого рассмешить.

Беневольский. Но сделайте одолженье, выведите ее из заблужденья; я ее довольно помучил, пора перестать, не правда ли?

Полюбин. Давно пора. *(В сторону.)* С ним говорить нечего.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Саблин

(Во время разговора Саблина с Полюбиным Беневольский отворяет дверь, Федька вносит пожитки, они расставляют их по местам.)

Саблин *(Полюбину)*. А, ты здесь! а там по тебе стосковались. Уж я сжалился да пришел за тобой. Ты с приятелем о стихах, что ли, толкуешь?

Полюбин. Какие, братец, стихи! я целые полчаса бьюсь с ним понапрасну, хочу ему сказать, чтоб он Вариньку оставил в покое, если не хочет, чтоб я его самого обеспокоил.

Саблин. Ну что ж он? когда вы деретесь? я секундант, что ли?

Полюбин. Чего, братец! он ни слова не понимает либо не хочет понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблин. Я? Нет, брат, я стихами говорить не мастер.— Да что ты к нему приступил, из чего бьешься? разве тебе

честь будет убить студента? Оставь это, и положись во всем на Настасью Ивановну.

Полюбин. Пожалуй; мне, право, его смерти не хочется.

Саблин. Ступай же туда, тебя ждут к обеду.

Полюбин. А ты?

Саблин. Нет, я иду в ресторацию: Звёздов мне надоел, как собака.

Полюбин. Уведи с собой Беневольского, если можно.

Саблин. Хорошо.

Полюбин. Прощай. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Беневольский, Саблин

Беневольский *(любуясь на пожитки)*.

О Лары и Пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златом не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Где я на новосельи
Вас мирно тут и там
Расставил по местам.

Саблин. Полно возиться с чемоданом, хорошо и так. Скажи мне, где ты обедаешь сегодня?

Беневольский. Я думал, что здесь.

Саблин. Нет, что здесь? скука: Звёздов еще пустится хохотать да расспрашивать.

Беневольский. Это правда; но где же?

Саблин. Душа моя, мы, кажется, в Петербурге,— здесь рестораций тьма; жаль только, что все никуда не годятся. Всё же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольский. Кто не любит его? О, всемогущее вино! веселие героя!

Саблин. Мы с тобой хоть не герои, а выпьем по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольский. Нет, уж позвольте мне: я столько виноват, что хоть чем-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблин. С уговором: ни об ней, ни об стихах не говорить ни слова.

Беневольский. Ни слова.

И стукнем в чашу чашей
И выпьем всё до дна:
Будь верной дружбе нашей
Дань первого вина.

(Уходят вместе.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Звёздова, Варинька, Полюбин

Варинька. Насилу отобедали. Я как на иголках была во весь стол. Александр Петрович нарочно всё хвалил своего несносного студента, а сам, верно, иначе думает; так только, чтоб огорчить других, знает, как это всем противно.

Звёздова. Всё бы ничего, да как быть таким ветреником в пятьдесят лет: теперь вдруг без всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послал за подорожной, за лошадьми, скачет в деревню Бог знает зачем.

Полюбин. Неужли это ему сегодня только пришло в голову?

Звёздова. Нет, он и прежде говорил, да нерешительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, так через два-три года или и никогда, как все другие его замыслы; у него их тысяча.— Любя вас, меня его отъезд не очень огорчает. Без него Беневольского можно будет уговорить, достать ему место где-нибудь в дальнем университете, отправить его туда и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька. Ах, как бы счастливо! Какие вы добрые!

Звёздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себе. Муж мой едет в деревню, а я с чем здесь останусь? в доме расстройка ужасная, денег нет, всем должны, всё по его милости.

Полюбин. Ах, сударыня, пусть он едет, и позвольте мне быть вам полезным.

Звёздова. Я в вас всегда была уверена, Полюбин. Итак, вашему попечению препоручаю себя, мое хозяйство и всех домашних. Между ними есть кое-кто, об ком вы и без того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы как-нибудь сде-

лать, чтоб муж мой сам собою захотел Вариньку за вас выдать? Сперва я хотела было напугать его тем, чтоб Беневольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится.

Полюбин. Теперь я никак не смею надеяться.

Звёздова. Есть способ очень простой: уверить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы уж больше не хотите, и Варинька не хочет, вот три причины, чтобы ему того захотеть. Вам известно, что он любит делать всё по-своему.

Полюбин. Но не всегда ему удается.

Звёздова. Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивее? Теперь только в первый раз желаю поставить на своем, пускаюсь на тонкости, и то, чтоб составить ваше счастье.— Однако ведь он в состоянии уехать не простившись. Пойду посмотрю; дождитесь меня здесь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Варинька и Полюбин

Полюбин. Когда бы она успела!.. Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, может быть, я не умна, а ручаюсь, что век свой проживу без хитростей.

Полюбин. Не ручайтесь, все так говорят до замужества. Впрочем, вы на других не похожи.— И надобно отдать справедливость, вас воспитала женщина редкая; какой пример! на ее месте всякая другая с меньшим умом и с бóльшим лукавством делала бы из своего мужа что хотела, а она пять лет замужем, и в первый раз намерена поступать с ним нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька. В первый! Вольно ей говорить,— в сотый раз! Да какое нам дело? лишь бы теперь ей удалось.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Звёздова

Звёздова. Он внизу, торопится, распоряжается, велит укладываться. Я послала его звать сюда.— Вы не будете

при нашем разговоре; однако, Полюбин, не уезжайте: вам надо же знать, чем это кончится. Да если Беневольский придет, нельзя ли брату поручить, чтоб он его опять увел куда-нибудь: без него всё ловчее может обделаться.

Полюбин. Не беспокойтесь: братец ваш с ним, так не скоро воротятся.

Варинька. Ах! как я стану дрожать, пока вы будете за нас стараться. Дай Бог, чтоб вам удалось! боюсь до смерти. *(Звёздова ее целует.)* Пойдемте, пойдемте. *(Уводит с собою Полюбина.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Звёздова *(одна)*. Боится, что я не успею; я никак не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой муж, например, дожил до пятидесяти лет и, кажется, насмотрелся, наслышался всего того, что обыкновенно говорят насчет лукавства нашего пола, сам поминутно о нем твердит и никак от него не отделается, когда надобно. Он еще должен образ мой выменять, что я так бережно на это отваживаюсь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Звёздова, Звёздов
(Он вбегает через боковую дверь и чуть не падает, наткнувшись на сундук и чемодан Беневольского.)

Звёздов. Ох! черт возьми! лоб было расшиб! Люди! люди!

(Входит слуга.)

Есть ли в вас смысл человеческий? что вы за беспутные? про что вас держат в доме, такую ораву? подлый народ! зачем эта дрянь тут стоит?

Слуга. Ваше превосходительство сами приказали тут поставить; это добро Евлампия Аристарховича Беневольского.

Звёздов. Провались ты и со своим дураком Аристарховичем! зачем перед дверью?

Слуга. Вы приказали никому в нее не входить.

Звёздов. Я! чего? когда? все на меня, как на мертвого, клепают. Отставь это к стороне да пошел вон.

(Слуга, исполнив приказание, уходит.)

Звёздова. И что за мысль поселить этого студента в зале, где все ходят?

Звёздов. А зачем тут ходить? разве мало других комнат?

Звёздова. Да вот ты первый взошел.

Звёздов. Ты же позвала. Тебе всегда до меня дело, когда у меня другие дела. Ну, что надобно?

Звёздова. А вот что. Неужли ты в самом деле отправляешься в деревню?

Звёздов. Неужли!.. Сейчас лошадей приведут.

Звёздова. А я здесь остаюсь?

Звёздов. Здесь.

Звёздова. Как же я останусь?

Звёздов. Так же, как останешься.

Звёздова. С чем?

Звёздов. Как с чем?

Звёздова. Да у меня ничего нет.

Звёздов. Как ничего? всё есть.

Звёздова. Ничего.

Звёздов. Всё.

Звёздова. Ах, Бог мой! ничего, говорят тебе.

Звёздов. Да чего ничего? например?

Звёздова. Первое, у меня нет денег.

Звёздов. У тебя нет, у других есть, можно занять.

Звёздова. Коли дадут.

Звёздов. Еще мы, кажется, не совсем обеднели, в состоянии заплатить.

Звёздова. Ты платить в состоянии, да не платишь,— оттого мало верят. Впрочем, это еще не всё; у меня на руках остается твой Беневольский: что мне с ним делать?

Звёздов. А вот еще стану я много об нем думать! Дурак этакой! ставит свои сундуки перед дверьми; того гляди рассержусь, велю всё на двор выкинуть.

Звёздова *(в сторону)*. Счастливая минута! он на него сердит. *(Громко.)* Знаешь ли что? перед твоим отъездом выдадим Вариньку замуж.

Звёздов. За кого?

Звёздова. За Беневольского, разумеется.

Звёздов. Как, разумеется? я думал, что ты этого не хотела.

Звёздова. Я не хотела прежде, мне казалось, что это Вариньке противно.

Звёздов. Так, стало, Варинька не против этого?

Звёздова. Нисколько — назло Полюбину.

Звёздов. Отчего же назло ему?

Звёздова. Разве ты не знаешь, что он женится?

Звёздов. Откуда мне знать?

Звёздова. Да, намерен жениться на другой с тех пор, как заметил, что здесь в доме ищет понапрасну.

Звёздов. Почему понапрасну? ведь еще он не сватался настоящим образом.

Звёздова. Избегал явного отказа, который немудрено было ему предвидеть: ты при нем Вариньку обещал другому; а впрочем, видно, он не очень был влюблен.

Звёздов. На ком же он женится?

Звёздова. Как бишь ее?

Звёздов *(в сторону)*. Что за бестолочь! сейчас я шел коридором, а Полюбин у Вариньки руку целует.

Звёздова. Варинька очень умно рассуждает: коли Беневольский смешон и очень смешон, так это не беда, его можно будет исправить.

Звёздов *(в сторону)*. Да зачем же она дает Полюбину руку целовать?

Звёздова. Для молодой девушки главное выйти замуж, а там, если муж только странен, а не совсем дурак, ее дело иным его странностям снисходить, насчет других стараться вразумить его.

Звёздов *(в сторону)*. Тут есть какие-нибудь плутни.

Звёздова. Притом страстное желание отплатить Полюбину, показать, что она им больше не дорожит, всё это вовсе переменило ее мысли.

Звёздов *(в сторону)*. Плутни, чистые плутни; да к чему бы это?

Звёздова. Я, с моей стороны, страх рада, за кого бы она ни вышла: надзор над осемнадцатилетней девушкой очень трудная обязанность.

Звёздов *(в сторону)*. Из чего она бьется?

Звёздова *(в сторону)*. Ничего не отвечает — верно, раздумал. *(Громко.)* Право, Александр Петрович, послушайся меня хоть раз в жизни, погоди ездить в деревню, и выдадим Вариньку за Беневольского.

Звёздов *(в сторону)*. А! а! насилу-то понял: не хочет, чтоб я ехал в деревню, и выдумывает разные тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа. *(Громко.)* Стало, ты хочешь, чтоб Варинька вышла за этого студента?

Звёздова. Очень хочу.

Звёздов. И она тоже?

Звёздова. Тоже.

Звёздов. А Полюбин женится на другой?

Звёздова. На другой.

Звёздов. Жаль, очень жаль.

Звёздова. Что?

Звёздов. Беневольский этот не по мне. Как Полюбина с ним сравнять? — я бы охотно передумал.

Звёздова (*в сторону*). Попался.

Звёздов. Ну, да если нельзя иначе, так пусть останется все по-прежнему.

Звёздова. Как?

Звёздов. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, об которой он перестал думать.

Звёздова. Но ведь он больше оттого перестал думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звёздов. Нет, нет, ты очень умно делаешь, что советуешь Вариньку выдать за Беневольского.

Звёздова. Мне, право, всё равно, за кого бы она ни вышла, ведь не я замуж выхожу.

Звёздов. Нет, против этого нечего спорить; Беневольский, конечно, шут, ни на что не похож, безалаберная голова; ну да если муж только странен, а не совсем дурак... как бишь ты говорила? точно дело. Пусть он женится на Вариньке: быть по-твоему. Человек! человек!

(Слуга входит.)

Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здесь.

(Слуга уходит.)

Звёздова. Зачем?

Звёздов. Вариньке объявить, чтоб она была готова нынешний же день к свадьбе.

Звёздова. Помилуй, ведь она не крепостная твоя; что за презрение ко всему роду человеческому? надо же сделать помолвку, подумать о приданом, как везде водится.

Звёздов. Ты же меня торопила.

Звёздова (*в сторону*). Какой сумасбродный! *(Громко.)* Зачем же ты послал за Полюбиным?

Звёздов. Хочется узнать, на ком он женится.— Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотела, то и сбудется. Не говори вперед, что я люблю всё делать всем наперекор.

Звёздова (*в сторону*). Надо же быть такому несчастью: в первый раз отроду соглашается со мною без отговорок и на мою же беду.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Полюбин, Варинька

Полюбин. Вы меня звали?

Звёздов. Да, любезный; ты, говорят, женишься?

Полюбин. Я, ваше превосходительство? как вы это разумеете?

Звёздов. Ах, батюшка, да ты, я чай, знаешь, как женятся,— все на один манер. Хорошо, что ты за ум взялся, право, славно; а я ведь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорее, перед моим отъездом.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-с?

Звёздов. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ах! как вы милостивы!

Звёздов. Жаль только, что жених твой запропал. Этот повеса, шурин мой, хоть кого так развратит, затащил его Бог знает куда. Ну! да воротится, и тогда по рукам и к венцу; я, вправду, думал, что этому не бывать так скоро, авось ли, мол, как приеду назад из деревни; да вот Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька (*Звёздовой*). Ах! растолкуйте, что это значит?

Звёздов (*в сторону*). Какие у всех длинные лица! (*Полюбину.*) Ну, любезный, на ком же ты женишься?

Полюбин. Вы слишком жестоко шутите.

Звёздов. Бог с тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я, признаюсь, всегда полагал, что ты ищешь в Вариньке; да вот жена разуверила, говорит, что ты на какой-то другой намерен жениться. Спроси у нее.

Полюбин (*Звёздовой*). Неужели, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневольского ни за что не выйду.

Звёздов. Это что за новость?

Варинька. Зачем же вы сейчас сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звёздов. А разве ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что он мне противнее смерти!

Звёздов. Кто ж вас поймет! Вот она мне сказала, что ты только и думаешь о Беневольском и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтоб отплатить вот ему. Вольно ж ей было всё это говорить.— Что? разве ты мне этого не говорила?

Звёздова. Я тебе всегда говорила и теперь повторяю, что ты несносен.

Звёздов. Прошу покорно! она же разгневалась! Сама Бог знает что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволит сердиться. Ха! ха! ха! что? каков урок? хорош? будешь помнить вперед, не станешь хитрить со мной? Нет, моя душа, молода меня проводить, я уж пятьдесят лет на свете живу, все твои умыслы тотчас смекнул. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтоб я не ездил в деревню, вот она и затеяла. Он-де, то есть я, очень желает Вариньку выдать за Беневольского, сем уверю его, что Варинька на это согласна, что Полюбин от нее отказался. Вот, мол,— как он увидит, что всё близко к тому, чего ему хочется, авось ли останется, потом дело-то продлится и вовсе, может, не сбудется, а он покамест раздумает ехать в деревню.— Не так ли?

Звёздова *(обрадовавшись)*. Ах! как ты догадлив!

Звёздов. Ан вышло всё напротив: об Беневольском я и думать не хочу. Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; в деревню еду сейчас.

Полюбин и Варинька. Как счастливо!

Звёздов. Ну, любезный, я давеча как шел сюда коридором, вы меня не видали, ты у нее украдкой руку целовал.

Звёздова *(в сторону)*. Вот что!

Звёздов *(берет у Вариньки руку)*. Теперь дай сюда. Можешь ее целовать при всех и не совеститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, с будущим своим мужем, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, реже будешь промаха давать; а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. *(Жене.)* Ты что, моя душа! не сердишься? а? неужли еще сердишься? Дай щечку.

Звёздова. С твоей легкостью в нраве недостает одного, чтоб ты имел не более двадцати лет,— ты был бы бесценный человек.

Звёздов. О! я понимаю, что для тебя это в ином случае гораздо было бы приятнее; ну, да что ж делать, мой ангел! Будь довольна, чем Бог послал.— Однако нечего из пустого в порожнее переливать.— Готовы ли лошади?

Слуга *(входит)*. Впряжены-с.

Звёздова. Постой! как же нам быть с Беневольским?

Варинька. Ах! не поминайте об нем.

Звёздов. Я об нем уж говорил одному, Прохорову, давеча со мной встретился. Ну! да что об нем много думать! дураки в Петербурге не бывают без места. Кабы поскорее поспеть в деревню! Шутка ли, я там не был с тех пор, как женился, и мне оттуда пишут такие небылицы, доходов не высылают. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте без меня. Эй! коляску подавать скорее! дорожный колпак! трость! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Звёздова, Варинька, Полюбин,
немного погодя Федька

Звёздова. Поедемте его провожать, и кстати сейчас можем переехать на дачу, я почти всё туда отправила. Полюбин, вы с нами?

Федька *(вбегает)*. Ох! прости, Господи! какая тяжелая рука!

Звёздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось.

Звёздова. Кто ты таков?

Федька. Я слуга-с Евлампия Аристарховича.

Звёздова. А! кланяйся ему от меня, скажи, что я уехала на дачу за двадцать верст отсюда на всё лето. *(Уходит.)*

Варинька. И от меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста, и выхожу замуж, только не за него,— скажи ему это. *(Уходит.)*

Полюбин. И от меня поклонись ему; я Полюбин, и женюсь на его невесте,— можешь ему донести об этом. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Федька *(один)*. Эк, что поклонов! знать, мы с барином-то у праздника! видно, ему здесь житье от господ, что мне от

своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрысился! У этих больших бар, кто им первый пырь в глаза, да не вовремя, тот и виноват. Хорошо, что мой-то барин не великий господин; будет ли только исправно платить? — Ну, да что! Я ведь в Питере понавострился: за месяц вперед, а не то прощай. Денег нет — слуги нет, сам себе сапоги чисти.

ЯВЛЕНИЕ 9

Федька, Беневольский, Саблин
(Входят рука об руку, оба несколько шатаются;
Саблин поет песню.)

Федька. Видно, наши-то навеселе.

Саблин. Вот мы и у тебя в комнате. Ну что? по-твоему, каково едят у этого француза?

Беневольский. Амброзия! *(Садится в кресло и задумывается.)*

Саблин. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормил.

Федька. Вам, барин, приказано сказать...

Саблин. Поди вон, после скажешь.

Федька. Чего после, сударь! нужда прекрайняя. Ее превосходительство...

Саблин. Убирайся, знаешь куда.— Беневольский! выгони его.

Беневольский. Оставь нас.

Саблин. Кстати, там пришел с нами мальчик из ресторации, у него за пазухой бутылка; подавай сюда, штопор и стаканов достань в буфете, да чтоб никто в доме не видал, слышишь ли?

Федька. Позвольте наперед вымолвить два словца... мне приказано...

Саблин. Вон! сейчас! не то пятьсот палок! *(Выталкивает его и ложится на сундук.)* Пришли его ко мне в эскадрон, братец, я его научу послушанию.— Ну, что задумался? деньги проиграл! я бы тебе охотно помог, да, ей-богу! никогда копейки нет за душой. То уж здесь, брат, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы от них давно без мундира шатался. Да и ты что за простяк! читал, читал, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну где это видано?

Беневольский. Своенравие судьбы! ее железная рука...

Саблин. Нет, брат, разве у того, кто банк метал, лоб железный! Жаль, что не знаю довольно игры, не к чему придраться.

Беневольский. Как его имя?

Саблин. Кто его знает? я сам впервые отроду его вижу.

Беневольский. Но я по вашему приглашению зашел к нему.

Саблин. Он обедал подле той комнаты, где мы с тобой сидели; я зачем-то вышел, он стал со мной говорить, познакомился, позвал к себе,— а меня куда хочешь позови, я всюду пойду.— Хорошо живет; какая куча народу к нему нашла! я чай, такие же плуты, как он сам.

Беневольский. Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной...

Саблин *(зевает)*. Полно бредить.

Беневольский. Я опять ваш, я опять с вами, мечты уединенья!

Саблин. Шутишь, брат; когда со мной, так не один. Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить.

Беневольский *(вынимает бумагу и читает)*.

Дружись, мой друг, с мечтой...

Саблин *(вырывает бумагу и кидает на пол)*. Брось свой вздор, и без того скучно.

(Федька входит с бутылкой и стаканами.)

А! вот оно! повеселее будет, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Федька. С горя, право, с горя; сходил не-одаль, дай-де поравняюсь с господами. *(Прислонясь к стенке, поет.)* Ах ты козлик, мой козлик! дедюли мой! гей!

Беневольский. Шш! что ты, с ума сошел?

Саблин *(трудясь за бутылкой)*. Экой пьяница!

Федька. А сами-то что? лежу в грязи, кричу: не брызжи.

Саблин *(наливает и поет)*.

Vive Henri Quatre!
Vive ce roi vaillant![1]

---

[1] Да здравствует Генрих Четвертый!
Да здравствует храбрый король! *(Франц.)* — *Ред.*

Беневольский. О! умолчите! что за охота петь французскую песню? У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали.

Саблин. Пусть они сами свою печаль поют, а я стану петь «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневольский. Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?

Саблин. Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня! Пей же, ну, без гримас!

Беневольский *(с стаканом в руке)*. Вакх!.. тебе!

Саблин *(вливает в него весь стакан)*. Без россказней!

Федька. Пей, да про себя разумей.

Саблин *(выпивши)*. Что за бургонское! стакан было проглотил.

Беневольский *(сморщившись)*. Нектар.

Саблин. Беневольский! душа моя! выпьем еще по стаканчику.

Беневольский. Нет, никак; я еще с обеда отуманен этими парами.

Саблин. Беневольский! не будь хоть теперь Беневольский: выпей, не заставляй себя просить. Беневольский, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну пословицу... постой! кажется: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Беневольский. In vino veritas[1].

Саблин. Ну, а ведь ты теперь не трезвый.— Скажи мне, любишь ли ты меня?

Беневольский. Люблю.

Саблин. А я тебя не люблю, да всё равно: ты любишь, так докажи, выпей! на! Да полно, я не в шутку рассержусь; бери же, вот так, поцелуй меня! стукнем!

Беневольский. Чашу в чашу.

Федька *(подкрадывается)*. Подойду поближе хоть понюхать.

(Саблин пьет, а Беневольский ловит эту минуту,
чтоб вылить стакан, и попадает
прямо Федьке в лицо и на платье.)

Что за обливанье, сударь? еще я покамест свое платье ношу, когда-то сошьете!

---

[1] В вине — истина. *(Лат.)* — *Ред.*

Саблин. Выплеснул! не выпил! Поделом не терплю я этих марателей: всякий из них, последний, презирает всех, думает, что он всех умнее, ничем не дорожит.

Беневольский. Именем дружбы...

Саблин. Плевать я хотел на твою дружбу и знаться с тобой не хочу.— Поеду домой. *(Смотрится в зеркало.)* Раскраснелся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и так Бог знает что говорят. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Беневольский, Федька

Беневольский *(не вставая с кресел)*. Презрение буйным чадам Арея! бесчувственные враги изящного! — Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закоснела она в коре невежества; но ты имеешь душу!.. подыми!

(Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол.)

Слушай! *(Читает.)*

Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем-лакеем, да вишь, и увезли его.

Беневольский. Шш.

Дружись, о друг, с мечтой.
Таинственный покой
Сопутствует нам с нею;
И Грация — печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
С ней будут нам сиять!

Счастливое вступление! эта неопределенность будущего, сумрак дальний приготовляют сердце к тихому, сладостному мечтанью. *(Федьке.)* А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-с.

Беневольский. Ты врешь.

С ней будут нам сиять,
Дни мирны ублажать

Души и чувств прельщеньем,
Как легким сновиденьем...

(Федьке.) Понимаешь ли ты? сновиденье?

Федька. А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

Беневольский. Хочешь ты слушать или нет?

Федька. Как вы приказать изволите.

Беневольский. Так слушай же и молчи! *(Продолжает читать.)*

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один;
Он преплывает море
Туманных бурных дум,
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют.

(Федьке.) Скажи правду: страшно ли это?

Федька. Страшно-с.

Беневольский. Ты понял что-нибудь?

Федька. Ничего не понял-с.

Беневольский *(с радостью)*. И этот дар возбуждать ужас самой незначащей, часто непонятной мыслию,— он неизвестен был доныне: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии. *(Продолжает.)*

Ах! Скоро ли приспеют
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою-усладой!

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

Беневольский. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят. *(Продолжает.)*

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

(Федьке.) Сколько цветов поэзии! А?

Федька. Нечего сказать, что много цветов-с.

Беневольский. Цветы поэзии! Кто вас не чувствует? *(Федьке.)* Не прерывай же меня. Где бишь я остановился? да... «пред томным взором...»

Как чистых муз собором
Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?

(Федьке.) Ты зеваешь — бесчувственный?

Федька. Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлется,— еще бывало смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость...

Беневольский. Прочь со своими сравнениями, в пыли таящаяся душа! прочь, пока гнев не совсем овладел мною.

(Федька отходит, садится на сундук и засыпает.
Беневольский продолжает читать.)

Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым
Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью, в бесконечность!
А там! — награда... вечность!

И это я написал! это излилось из моего пера! — Федька!.. Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремленья, этого позыва души — туда! к чему-то высшему, незнаемому! — Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввыспрь из среды обыкновенности! — Рука фортуны отяготела надо мною, я проиграл мои деньги,— но дары фантазии всегда при мне, они всё поправят. Вельможи, цари будут внимать строю моей лиры, и золото и почести рекою польются на певца. Но я ими не дорожу, я доволен одною славою, уделом великим.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Швейцар

Швейцар. Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Беневольский. Что такое?

Швейцар. Скоро ли вы изволите отселе выбраться!

Беневольский. Пожар? неужли пожар? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! в них всё мое богатство.

Швейцар. Нет, сударь, Бог милостив, еще ничто не горит.

Беневольский. Нет? что ж ты сказал?

Швейцар. Я спрашивал, скоро ли вы отселе съезжаете?

Беневольский. Разве тебе Александр Петрович велел?

Швейцар. Нет, он об вас ничего не приказывал; а уж как он изволил отправиться в деревню, а барыня съехала на дачу, так когда вы опростаете комнату? я бы запер.

Беневольский. Не может быть. Как это? давно ли? так скоро? будто Александр Петрович уехал?

Швейцар. Изволил уехать.

Беневольский. В деревню? далеко ли?

Швейцар. Вотчина его Прилиповка в Костромской губернии, верст отселе девятьсот с десятком, да в Рязанской село Потешное, верст будет побольше тысячи, да около Нижнего барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душ тысячи с полторы.

Беневольский. В которую же он теперь уехал?

Швейцар. Да Бог весть, люди надвое говорили.

Беневольский. Неужли он ничего не приказывал перед отъездом?

Швейцар. Изволил крепко наказывать, чтоб штучные полы везде починить, где расклеились, да люстру из галдареи вынести...

Беневольский. Да обо мне что?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал.

Беневольский. Верно, ты не знаешь; кто еще в доме есть, кроме тебя?

Швейцар. Ни одного живого человека: барыня шестерых людей забрала с собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольский. Что ж мне делать?

Швейцар. Как станете перевозиться, дайте мне знать с вашим человеком: надо будет здесь убрать после вас.

Беневольский. Зачем же мне переезжать?

Швейцар. Барин крепко наказывал, чтоб здесь никому не оставаться, что-де комнаты все станут заново расписывать.

Беневольский. И мне велел переезжать?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 12

Беневольский, Федька

Беневольский. Федька! Федька! беспросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька *(впросонках)*. Левей, Алёха...

Беневольский. Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька *(потягиваясь)*. Что, сударь? ась?

Беневольский. Ты спишь, мерзавец! и не говоришь мне, что все отсюда уехали и мы с тобою одни остались в опустелом доме!..

Федька. Вишь, сударь, я не раз принимался вам докладывать, да поди-ко, вы с вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольский. Говори, что здесь без меня было? что ты видел? Александр Петрович не приказывал ли тебе чего-нибудь?

Федька. Он второпях дал мне толчка, что в ушах зазвенело; только я от него добра и видел.

Беневольский. Но другие что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велели вам кланяться.

Беневольский. Только?

Федька. Нет-с; еще что бишь они велели вам сказать?

Беневольский. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да, право, всё из головы вон вышло.— Что бишь они велели вам сказать?

Беневольский. Терпенья! дайте мне терпенья!

Федька. Да, что барышня-то, ваша невеста,— уж не ваша невеста, а выходит замуж за его милость, забыл, как зовут.

Беневольский. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мне в этом кораблекрушении? — Ты не знаешь всех моих бедствий: у меня ни копейки нет денег.

Федька. Ах, создатель! ужли потеряли?

Беневольский. Проиграл.

Федька. В картёж! вот-те благодарствуй!

Беневольский. Без денег! без друзей!

Федька. А еще разумник! грамотник! вот-те разживусь да разбогатею.— «Что ты от меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!» — Ан вышел сам без гроша: я видел, что тебе несдобровать.

Беневольский. Как ты смеешь говорить со мною во втором лице единственного числа?

Федька. Вишь, всё хорохорится: «я-де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропасти!» — ан, лучше бы помнить пословицу: еду — не свищу, а наеду — не спущу. *(Треплет Беневольского по плечу, тот его отталкивает.)* Эка дворянска амбиць! без денег, а спесивится! Пойду, возьму свои пожитки да уберусь, поищу себе барина потолковее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Беневольский, Прохоров

Прохоров *(читает записку)*. Евлампий Аристархович Беневольский, недавно приехавший в Санкт-Петербург, обучался в Казанском университете разным языкам и наукам, знает грамматику.

Беневольский. Это я. Что вам нужды до меня, вам, чуждым моей скорби?

Прохоров. Вы без места, как мне довелось слышать, находитесь?

Беневольский. Я всеми отвержен, душа моя подавлена под гнетом огорчений.

Прохоров *(садится)*. Позвольте присесть. Я некоторое такое место имею, недавно упразднившееся, вам особенно свойственное.

Беневольский *(в сторону)*. Он для меня имеет место! стало, слышал обо мне, я здесь известен. *(Громко.)* Что побудило вас подать мне руку помощи? кого я в вас вижу?

Прохоров. Мое прозвание Прохоров, говорил мне об вас его превосходительство Александр Петрович, у которого вы жительство имеете.

Беневольский. Ах, сударь! я об вас от него столько наслышался,— вы, кажется, близки его сердцу.

Прохоров. Я только с давишней поры имею честь быть включенным в число его знакомых.

Беневольский. Как, сударь! не прежде?

Прохоров. Действительно так. Мы встретились в милютинских лавках, в 9-м номере. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое к чему приторговывался.

Беневольский. Он мне сказывал, что ваше имя пользуется большой известностью.

Прохоров. Справедливо так. Вы мое имя на заглавных листках многих книг помещенным видеть можете.

Беневольский *(в сторону)*. Ему посвящают книги! *(Громко.)* Позвольте, сударь, и мне поднести вам мои опыты в прозе и стихах, досуги моей беспечной музы; они, конечно, будут приняты публикою с большею благосклонностию, если украсятся вашим именем.

Прохоров. О! государь мой, сие для меня слишком много, я не более, как честный содержатель типографии; но вы хорошо сделаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, он человек достопочтенный и надворный советник.

Беневольский. Как! вы содержатель типографии?

Прохоров. Истинно так. Не соизвольно ли вам будет дать мне на образец ваше некакое рукописание? — Сие весьма необходимо.

Беневольский. К чему ж это? Если вы хотите видеть мой почерк, то я уверяю вас, что он самый плохой,— отрисовка моих идей обнаруживается не в красивых литерах. Если же вы хотите знать мой слог, то можете найти кучу моих произведений во многих известных наших журналах, в «Сыне Отечества», например.

Прохоров. Сие периодическое издание из лучших, нумера выходят всегда аккуратно, буквы отменно четкие, бумага вообще хорошая.

Беневольский. О! сударь, с какой точки зрения вы смотрите на вещи!

Прохоров. Вы, вероятно, переводите?

Беневольский. И сочиняю.

Прохоров. Весьма похвально. Знаете ли вы правописание?

Беневольский. Помилуйте, я, кажется, сказал вам, что многие мои сочинения помещены в журналах.

Прохоров. Бесспорно так. Но я скажу вам, государь мой, что многие из наших, впрочем весьма почтенных, словесников, коих сочинениями журналы наполняются, удостаивают меня своими посещениями: из них большая часть не весьма тверды в правописании. Оно же, правописание, разумею я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуважению.

Беневольский. Какая ж это должность?

Прохоров. Должность сия в том состоит, дабы с неусыпным бденьем за ошибками, встречаться могущими при книгопечатании, надсматривать.

Беневольский *(в сторону)*. Скорее влачить за собою котомку нищеты, чем взять на себя эту прозаическую, неблагодарную должность.

Прохоров. Вы имеете ежегодно получать в определенные сроки четыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет.

Беневольский *(в сторону)*. Он мне душу раздирает.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и Мальчик

Мальчик. Мне, сударь, пора домой идти.

Беневольский. Что тебе надобно?

Мальчик. Я за вами бутылку с вином давеча принес, этот офицер сказал, что вы заплатите, а меня хозяин наш мусье побьет, коли я промешкаю.

Беневольский. Ах, братец! у меня человек вышел, унес ключ от шкатулки. Милостивый государь! я согласен быть у вас корректором; между тем заплатите за меня небольшой этот долг.

Прохоров. С превеликим удовольствием, в зачет будущего вашего жалованья.

Беневольский. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшие меня из Казани сюда! сопутницы неизменные! куда вы исчезли, заманчивые?..

Конец комедии

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ
<«СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»>

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться, и в этом успевает.— Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они:

<ЯВЛЕНИЕ 1>

Варвара Савишна, Любим, Наташа

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню,
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной.— Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную,— там в очках она читала,
Вспрыгнула, ахнула и в обморок упала.
Оттерли.— Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове,
Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как верно в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,

Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...

Любим

Ах! нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-маиором. Ну,
Полюбят также все они твою жену,—
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы случайно!..
Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветреной и так же добр и мил.
Максим Меркулович — тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну! если не пойдут никак оне на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим *(обращаясь к Варваре Савишне)*

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы как раз
Женились бы на ней.— Все перед нею пас.

Варвара Савишна *(посмотрев в окошко)*

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?
Что сварливая?

Варвара Савишна

Да! крикуша.

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в девичьей спросить... Нет! у Натальи
Передничек ее да шемизетку взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

Наташа *(уходя)*

Любим!

Любим

Я за тобой.

(Уходят вместе.)

<ЯВЛЕНИЕ 2>

Мавра Савишна, Варвара Савишна

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава Богу!
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,
Да вишь пожаловал в тот самый час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малой путной?

Я одному дивлюсь: что карточкой визютной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой
И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же:
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до нас,— помиловал Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражает в том столичному он краю,
А всё-таки спесив! увижу — разругаю.
Ведь нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небойсь не думает угодность сделать тетке,
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

<ЯВЛЕНИЕ 3>

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа

Наташа

Ах! вы здесь не одне! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

Мавра Савишна

Она? — Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе вырастали
С твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил,
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах! на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...

Варвара Савишна

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Обращаясь к Мавре Савишне.)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

Варвара Савишна

А! знаю, хорошо.— Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.

(Уходит.)

<ЯВЛЕНИЕ 4>

Мавра Савишна, Наташа

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело,
Хватились поздно мы. Так, как-то не пришлось.

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

Мавра Савишна

Твоей?— Оно б не худо,
Да ведь пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с, у меня зато всё снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

(Наташа качает головой.)

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь Бога!
Нет! и без сахару расходов нынче много.

Мавра Савишна

Да! согрешили мы! крутые времена!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому приучена,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

Мавра Савишна

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

Наташа

Помилуйте...

Мавра Савишна

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-та сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней,— зачем? кому на диво?

Наташа

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила
Куда не роскошно, я чай, и вам известно?

Мавра Савишна

Умна была — дай Бог ей царствие небесно!

Наташа

Однако странность я одну вам расскажу.

Мавра Савишна

Как, друг мой? что?— Садись.

Наташа

Вот что...

Мавра Савишна

Да сядь!

Наташа *(севши на краешке стула)*

Сижу.
Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

Мавра Савишна

Лет двадцать пять, поболе;
Мы молоди тогда, невесты были с ней,

(со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случалось
Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

Мавра Савишна

Нет! не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно!— Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.—
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на всё расход невероятный!
И шляпкам, и шалям, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцовальной,
А завтра что-нибудь другое.— Натурально,
Вы можете судить, что в эдаком дому
До бережливости нет дела никому.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство
И давка вечная в передней за долгами —
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать Бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила.
Да лишь бы суетно так время не губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не девичий!— К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь.— А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю, и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
С большими барами? а всё с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом дому:
Когда к француженкам поедем мы, бывало,
Графине только бы купить что ни попало,
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то и сё,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И дома, запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мне чужой работы —
Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий,— и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,
На балах день и ночь, а я за рукодельем;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

Мавра Савишна

Теперь на свете нет вещей невероятных.
Скопила!— Чем?— Трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать!

(Обнимаются.)

Вот, если б был Любим степенной и толковой!

Вот счастье! вот оно! вот случай здесь готовой:
И услужил бы всем, родным бы и себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, в Питере он сватанье завел!
Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? — Я знаю.

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру.— Не может, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные все свалятся,
Чтоб поскорей по них наследство получить.
Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось —
При жизни что хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле Божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних немудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно мастерица.
Им только надобно...

<ЯВЛЕНИЕ 5>

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и по словам моим
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,
Пришли его ко мне.— А между тем, прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай:
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем.— Прости!

(Обращаясь к Наташе.)

Ах! жаль, что недосужно,
А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье.
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне.)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне.— Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Комедия в одном действии,
в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Э л е д и н а, молодая вдова.
Л и з а, сестра ее.
Р о с л а в л е в.
Л е н с к и й.
Б л ё с т о в.

Комната в доме Элединой.

ЯВЛЕНИЕ I

Л е н с к и й, Р о с л а в л е в

Л е н с к и й

Ну нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Р о с л а в л е в

А так любить, как ты, и не любить — всё то же.

Л е н с к и й

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Р о с л а в л е в

Зато с ее сестрой ты холоден как лед.

Л е н с к и й

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,
Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою,— и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.
Оне несносны? — Да? — Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец
Или на твой;— ведь ты таков же, наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин воружился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной.
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них.— Мы сами же заводим их в пороки.
Немножко ветрены, неверны иногда,
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда?— Всегда, сударь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? С любезною расстаться
И всё-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех.— Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестьми украшен.
Я признаюсь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт — я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал:
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым оне так много занимались,
Что нас забыли.— С ним всё время просмеялись.

Ленский

Оне смеялися и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый франт! Он слишком
в сорок лет
Везде волочится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно же, для них
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев *(с досадой)*

Ну, так оне и правы!

Ленский

Э! полно, здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним — уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить?— Мне в женщинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,

Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев *(с сердцем)*

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной.— Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновеньи.

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош!— я в огорченьи,—
А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский *(хохочет)*

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

Бог с тобой!
Вот каковы друзья:— хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

(Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Ленский, Блёстов

Блёстов *(вслед Рославлеву)*

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать — ушел, не поклонился.
Ах! Ленский, здравствуйте!— Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.
Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

Что?
Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло!— Однако,
Кто ж нынче им не мил? без исключенья всякой:
Сначала все оне как будто далеки,
А после...

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть?— победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

И вот, не далеко искать:

Рославлеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну, что же?

Блёстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блёстов

Ничего — одно предположенье;
Клянусь вам, ничего.— Ну, вот и подозренье!

Ленский

Я и не думал.

Блёстов

Нет? — Где вам меня провесть! —

(Рассеянно.)

А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях — и более никак.

Ленский

Я верю без божбы.

Блёстов *(значительно)*

А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал?— Стреляться не беда!
Но быть ревнивым?— о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь; ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал?— Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба!— Не пленяется в наш век никто никем,—
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить,— и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем?— Любезностью, умом?
Нет!— Бледностью лица!— Я был жестоко болен.—
Зато болезнию потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную,— в нее
Вмешалось несколько достоинство мое.
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле

Я с вами расстаюсь,— мне здесь нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать.— Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите,
И хоть Эледину, жестокой, пощадите.

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Блёстов *(один)*

Шути, мой друг, острись!— Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно.— В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать — так знать, как я их знаю.
Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестрам я письма написал;
К обеим об любви?— Ну, как в беду попал?
Да что?— Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ,— не та, так всё другая.
Вот дурно, ежели оне одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: оне не разболтают:
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот оне идут!— Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе,— убегу!

ЯВЛЕНИЕ IV

Элединa, Лиза

Лиза

Как можно целой час смеяться до упада?

Эледина *(хохочет)*

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина *(хохочет)*

Ах! что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Эледина

От Блёстова.— Как нежно!

Лиза

Неужли?
Он и ко мне писал сегодня же.

Эледина

Забавно!
Да где ж твое письмо?— Дай посмотреть... Вот славно!
Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза *(прочитав)*

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Эледина

Уж Блёстов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо — и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Эледина

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет!— Ах! друг мой, как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивой;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,

Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну, что же?

Элединa

К Блёстову напишешь ты ответ;
Для шутки, так, чтобы он был ни да ни нет.

Лиза

Как можно?

Элединa

Напиши; ты страх меня обяжешь.

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Элединa

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается,— и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Рославлева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Немного надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решись,— пиши; я пособлю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Элединa

Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Эледина

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Эледина

Ах! полно.

Лиза

Я боюся не шутя.

Эледина

А время между тем уходит.— Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

Эледина

Ничего.

(Лиза садится.)

Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Эледина

Поверь мне: не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Эледина

Пусть думает.— Пиши:

(Диктует.)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Элед ина *(продолжая)*

«И не решилась бы я долго,— но со мной
Рославлев, как назло, несносный стал такой...»

Лиза

Несносный, что за вздор?

Эледина

Ну, беспокойный...

Лиза

Точно.

Эледина

Пиши: *«Он ревностью, как будто бы нарочно,*
Надоедает мне».

Лиза

И всё не надоест!

Эледина

«Надоедает мне.— Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его;— я век в неволе;
Его мученья...»

(Лиза бросает перо.)

Ну?

Лиза

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать всё злое на него?

Эледина

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Эледина

Дурно страх!

Ну, да пожалуй я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас. (*Читает.*) *«Его мученья...»*

Элединa (*диктует*)

«Так надоели мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его...»

Лиза

Нет! этого писать я век не соглашуся.

Элединa

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Элединa

Ты шутишь;— да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рославлев с Блёстовым, Рославлев как ревнивый,
А Блёстов как дурак.

Лиза (*дописавши*)

Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Элединa

Кто? — он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах! все без исключенья
Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Рославлевым не хочешь вовсе знаться.—
Пусти ж меня.

(*Садится.*)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить как приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, непонятно!

ЯВЛЕНИЕ V

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза

Лиза

Ах! вот они!— Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Эледина *(нарочно громко)*

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Рославлев

Смотри, что так она прилежно пишет!

Ленский

Вижу.

Рославлев *(Лизе)*

Я ждал вас давеча до половины дня;
Или решилися вы бегать от меня?

Лиза

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись: я вас точно убегаю.

Рославлев

Не убежите же: я вас везде найду.

(Лиза перебегает и становится за Элединою.)

Эледина *(в сторону)*

Вот любит истинно! а на мою беду,
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому.)

Ах! да вы здесь. Давно?

Ленский

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Элединa *(продолжая писать)*

Нет, ничего.

Рославлев

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его,— к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Элединa

Хоть бы к соперникам его,— почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Ленский

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Элединa

К кому ж?

Ленский

Ко мне.

Элединa

Напрасно.

(В сторону.)

Как можно столько быть уверенным в себе!

Ленский

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!
Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

(Элединa складывает письмо.)

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Элединa *(в сторону)*

Смеется?— Если б я в сердцах не рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет.)

Кто тут?

(Лакей входит.)

На, вот письмо: поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленский

Куда ж идти ему?
Я здесь покаместь.

Эледина

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит.)

Ленский *(с улыбкой)*

Вы этого хотите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Лиза, Рославлев
(Лиза хочет уйти.)

Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;

Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите; вы были так прекрасны!
Я видел вас однех;— опять, какой же след
Вам замечать меня, где тьма народу?— нет!
Вы милы! веселы!— для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдруг Блёстов с значущей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов возле.—
Меня упрятали покаместь за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете — и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одне, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца!— Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё беда!
Всё виновата я,— и с вами брань всегда;

Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу, там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей!— Тогда!— Ах! нет! избави Боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век!— Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы?— добра, умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня идти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться,— подите!

Рославлев *(хочет идти)*

Я вас послушаюсь — иду сейчас. *(Воротясь.)*
Скажите,
Кто этот счастливой, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

Затем, что он
Заплатит дорого... да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;
Вы что-то страшны.

Рославлев

Как?

Лиза

Я вас боюсь... *(Убегает.)*

Рославлев

Не бойтесь!
Какая нужда мне до вас и до него,
И как его зовут...

ЯВЛЕНИЕ VII

Рославлев *(один)*

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!

(Ходит взад и вперед.)

Но в самом деле, мне кого предпочитают?

(В это время Блёстов показывается.)

Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно!— нынче он доволен так собой!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Рославлев, Блёстов

Блёстов

Вы здесь, Рославлев?— Ну, опять сердит? Скажите:
За что?— Вы влюблены, любимы.

Рославлев

Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно спросить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Блёстов

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Рославлев

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Блёстов

С какими?— Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если...

Рославлев

Их на вас имеет кто-нибудь...
Ну, кто ж?

Блёстов

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы, конечно?

Рославлев

Может статься.
Но вы?— вы скажете?— не правда ли?

Блёстов

Бог мой!
Как эдак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я — жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блёстов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако этого не должно б говорить.

Рославлев *(с бешенством)*

Теперь всё говорят,— ну, говорите ж.

Блёстов

Милой!
Вы слишком горячи! А если б что и было,

И если даже есть, так вам нет нужды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Элединa?— Вот это будет ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честное слово?

Блёстов

Честное слово.— Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш!— Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, всё это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одне догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
Нá доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно?—Нет, не оно.— А, вот!— прочтите сами.

(Показывает Рославлеву письмо.
Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает,
и Рославлев читает с жадностию.)

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы — вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж?— Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе...

Блёстов

Когда?— как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев *(сердито)*

Нет!
Гораздо прежде.— Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блёстов

Да, да,— я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять...

Блёстов *(с значащей гримасой)*

Нельзя; когда я знаю...
И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощайте же.

(*Уходя, поет из «Жоконда»*: «В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уединеньи».)

ЯВЛЕНИЕ IX

Рославлев *(один)*

Он весел и поет!— он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я?— Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг!— Что?..

ЯВЛЕНИЕ X

Рославлев, Ленский

Рославлев *(увидя Ленского)*

А! да вот и он
И что-то невесёл!

Ленский *(увидя Рославлева)*

Опять уж рассержон!

Рославлев *(помолчав)*

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

Ленский

Мне тоже, признаюсь.

Рославлев

Оне... невероятно!
Как хитры, скрытны!— в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев *(в сторону)*

Да он заговорил не то;—
Неужли угадал?

Ленский *(в сторону)*

Таить не много прока;
Узнает без меня,— а рассказать жестоко.

(Оба сходятся с двух сторон.)

Рославлев *(подходя к Ленскому)*

С чего бы мне начать? *(Ленскому.)* Послушай,
милой мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой,
Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть.— Так! Бог уж ей судья,
А что душой кривит Эледина твоя.

Ленский

Нет! за Эледину, как за себя, ручаюсь;
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж не сердись, ведь это ни к чему;
Будь рассудителен.— А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы,
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена;
Что пишет к этому кому-то;— это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам
Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам
Тебе известно всё,— а я сказать боялся.
Так точно: Блёстов здесь со мною повстречался;
И тотчас показал мне, к горю твоему,
Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь, прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно...
У Блёстова... Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же?— Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг.— Оставим их в покое.
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так; я очень рад!
Однако ж посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна?— да, дожидайся!
Верна!— Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем!— Все верны, хоть куда!
Да что я? Для тебя невелика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский *(очень хладнокровно)*

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она!.. По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов,— в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский *(особо)*

От каждой по письму! *(Ему.)* Как ты сказал?— моя?

Рославлев

Писала к Блёстову письмо,— сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев *(усиливая голос)*

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блёстову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, сударь, да, сударь, я говорю вам, да!
К чему расспрашивать? для вас ведь это малость.

Ленский *(в сторону)*

Так обе к Блёстову оне писали?— Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались, велите повторить?

Ленский *(с улыбкой)*

Нет, вслушался, и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал?— «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шута, в Блёстова, покаместь влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привесть;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.

(Хочет идти.)

Рославлев *(его держит)*

Элединa сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла...
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блёстов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал.
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо... проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь смело;
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу.

(Хочет идти.)

Ленский *(удерживает его)*

Постой; какой ты вздорной!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев *(хочет уйти)*

Слуга покорной!

Ленский *(держит его)*

Постой;— поверь же мне, что Блёстов нелюбим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.

Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно.— Нет! вернее
Узнать бы.— Растолкуй всё это мне яснее.

Ленский

Да всё объяснено: одна из них скромна,
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче...

Рославлев

Так!
Ты жизнь мне возвратил!— Какой же я дурак!
Я сомневаться мог!— Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как, до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь оне и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похохочем,— после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И как другу
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев *(с живостию)*

Вели; приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

Однако ж, если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю *(почти толкает его)*, всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его.)

Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский *(выталкивает)*

Да ну, поди скорей!

(Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Ленский *(один)*

Довольно покричал!
Немудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные!— Как? все трое мы попались,
Чтобы Эледину и Лизу забавлять?
Пустое!— Не люблю я женщин баловать.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам женами...
Оне? я очень рад!

ЯВЛЕНИЕ XII

Ленский, Эледина, Лиза

Эледина *(Лизе в глубине комнаты)*

Печален! — Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Эледина *(Ленскому)*

Куда вы шли?

Ленский *(печально)*

Не знаю.

Эледина

Что за грусть?— Ведь вы смеетесь вечно.

Ленский *(ходя взад и вперед)*

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово,— и потом, как на смех, изменить,
В досаде эдакой от смерти недалеко!

Эледина

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

Ленский *(остановясь)*

Поступок ваш меня, конечно, оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове вертится...

(Лизе.)

Представьте, он совсем хотел уж застрелиться.
Всё проклинал: любовь, друзей и целой свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет.

Что в свете всё обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы...

Э л е д и н а *(перебивая)*

А вы, как должно, хладнокровно
Утешили его?

Л е н с к и й

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

Л и з а *(испугавшись)*

Какой?

Л е н с к и й

Известно, что ревнивой,
В любви обманутый тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Э л е д и н а

Ну, что же?

Л е н с к и й *(Лизе)*

Так точно; вас она немного помоложе.—

(Элединой.)

Брюнетка! острая! живая!.. Словом, он...

Э л е д и н а *(перебивая и показывая на Лизу)*

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

Л е н с к и й

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе: на столе лежат два пистолета;
Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла...

Э л е д и н а *(перебивая)*

И к ней он полетел.

Л е н с к и й

Нет, я отвез его.— А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после — согласился.

Э л е д и н а *(в сторону)*

Злодей!

Л и з а *(в сторону)*

Ах!

Л е н с к и й *(Элединой)*

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищенье их!

Не могут говорить, хоть говорить хотели,
Зато с каким огнем друг на друга глядели!

(Лизе.)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой.)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе.)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой.)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то, чтоб Блёстову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; оне с досады на него не смотрят, и он уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIII

Эледина, Лиза

Эледина *(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)*

Какой же человек!— и я его любила!

Лиза

А я себя, скажи, за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать!—
Ах! я от этого Рославлева теряю.

Рославлев *(выходя из кабинета, в котором он прятался)*

Дай их подслушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)

Эледина

Да я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой?— С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.

Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпочитаем...

Эледина

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что вмиг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем?— Ах, Боже мой!

Эледина

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза *(почти плачет)*

Честь?— Разве честь велит обманывать других?

Рославлев *(тихо в глубине комнаты)*

Прелестна! *(Хочет к ней подойти.)*

Лиза *(плачет)*

Как любил! Как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Рославлевым лишаюся всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

ЯВЛЕНИЕ XIV

Рославлев, Эледина, Лиза

Рославлев *(с радостию)*

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

Лиза

Рославлев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Эледина

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Р о с л а в л е в

Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.

Л и з а

А вы с ним заодно!

Р о с л а в л е в

Кто?.. я?.. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне — такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элединой.)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен!— Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе.)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне?— Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Л и з а

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Р о с л а в л е в

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Э л е д и н а *(увидя Ленского)*

Тс! — тише!

ЯВЛЕНИЕ XV

Л е н с к и й, Р о с л а в л е в, Э л е д и н а, Л и з а

Л е н с к и й *(будто ищет кого-то)*

Точно здесь.— Что, если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех.)

Нет, всё известно...

Э л е д и н а

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;

Всех ради обсмеять вы для своей забавы,
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? — виноват!
А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милой мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так верно без тебя.

Рославлев *(с довольным видом)*

Пожалуй.

Элединa

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя, — признаться я обязан, —
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Блёстов, Ленский, Элединa, Рославлев, Лиза

(Рославлев целует руку у Лизы;
Ленский с тем же подходит к Элединой;
она от него отворачивается.
В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху.)

Блёстов *(в сторону)*

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Элединой.)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.

(Элединa смеется.
Блёстов становится между Ленским и Рославлевым.)

(Ленскому.)

Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, Боже нас избави!

(Ленский смеется.)

(Рославлеву.)

Каков вам кажется ваш Ленский?— Право, клад!
Ведь за Эледину он побожиться рад,
Что всё ему верна!

(Все смеются.)

Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, сударь, все; мне так оно сдается.

(Элединой.)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Эледина

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блёстов, слова нет, соперник преопасный...
Рославлев ревновал.— Ну! он любовник страстный.
А я почтительный,— тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блёстова.)

За наши ссоры он пусть Богу отвечает.

Рославлев *(самым насмешливым тоном)*

Вот Блёстов разом как двух женщин обольщает!

(Каждый в свою очередь подходит к Блёстову с ироническим поклоном, и потом все уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Блёстов *(один)*

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да правда, ведь и мы не лучше в доброй час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши.)

Как будут замужем оне,— тогда увидим!

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

Интермедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фёколков, Алегрин, Резвушкин, Припрыжкин, Свисталова, Бемольская — актеры
Машинист
Суфлер
Актеры и актрисы

Действие происходит в провинциальном театре.— Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

Много вас, актеров и актрис,
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

Прочие актеры и актрисы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

Фёколков

Вон как раз
В бенефис меня вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь
Мы не прочь.

№ 270

4313

№ 2435.

Проба Интермедии

Интермедия в одном действии.

Соч: А: С: Г:

Позволяется:

№ 15

16 февраля 1818

Секретарь В. Лон[illegible]

Представлена в первой раз в Санктпетербурге на большом театре Ноября 10 дня 1819 года

В пользу актера Г. Брянского

«Проба интермедии».

Титульный лист цензурного списка

Фёколков

Вас, друзья мои, так много,—
Помолчите ради Бога!

Прочие

Правда, много нас числом,
Да какая польза в том?

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Алегрин

Поскорее?— Так за дело!
Взяться надлежит с умом!

Фёколков

В этом затрудненья мало,
Делайте как ни попало.

Прочие

Хорошо,— да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?

Фёколков

Ох, нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Припрыжкин

Комедью?

Фёколков

Интермедью!

Все *(кроме него)*

Интермедью!— Боже сохрани!
Интермедью!— Нет, уж искони
Солоны достались нам они!

И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

Фёколков. Неужто, господа, мне быть без бенефису?

Алегрин. Дайте в свой бенефис что́ хотите, да только не интермедию.

Все *(повторяют)*

И какая вам охота?—
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

Фёколков. Да, господа, дело праздничное; сериозное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Резвушкин *(обращаясь к прочим)*. Ну, уж выведемте его из хлопот; делать так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве ваш суфлер примется,— человек он грамотный. Ну-ка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Фёколков. Вылезайте, отец родной, я сам услужу в другое время.

Суфлер. Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

Все *(кроме его)*

Браво! Фора!
У суфлера
Всё кипит!
Кто коль скоро
Что́ проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что горазд.

Суфлер. Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь.—Вам нужна новая пиеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы и пляски.

Резвушкин. Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

Свисталова. Актеры все налицо, в костюмах и без костюма.

Бемольская. Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин. Музыки у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин. За танцами дело не станет.

Фёколков. Так, стало, самое нужное есть, стоит только к нему присочинить кое-что.

Суфлер. Это ничего не составляет...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушкин. Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин. Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пиеса готова.

Свисталова. Не беспокойтесь, он, на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и уменье!
Его ж такие сочиненья,
Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело всё на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода,—
Так главное готово.
На завесе река...
Пусть будет же: *Ока.*
Готово и securityнье,
Благодаря реке:
Пирушка на Оке,
Иль: *За Окой гулянье*;
И песнями начать,
И плясками кончать!

Алегрин. Что же нам петь?

Припрыжкин. Какие пляски?

Суфлер. Пойте и скачите сколько душе угодно, только не все вдруг.

Фёколков. Однако, нельзя без пробы.

Суфлер. Ну, так пробуйте.— Г<осподин> певец, выступайте. Что потверже, то и пойте. А прочих прошу изготовиться для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы.— За дело! скорее! а не то я перестану сочинять.

Все. Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. По окончании суфлер говорит.

Суфлер. Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключенье?

Фёколков. Неужели заключенье?

Бемольская. Что ж вы еще хотите? *(Берет куплеты и поет их.)*

Куплеты

Довольно все плясали, пели!
Покуда вам не надоели,
Всего умнее разойтись.
Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.

А мы не с авторским умишком —
Хоть пошалили, да не слишком.
Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.

И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.
На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось,
Никто не спросит: как оно —
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

Куростров. Ищут Михаила. Находят его.
Ночь перед отплытием в дальний путь.

Орел, едва лишь пухом оперенный,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассек эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумленный,
Неспорный крик ему навстречу шлет.
Нет! Дерзость тех очей и тот полет
Не зрит себе ни равных, ни преслушных
И властвует в селеньях он воздушных.
Не так между людьми: ах! от пелен
Томится столько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и не признан, угнетен...
Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим — средь Австралии зыбей
Иль в Севера снегах, везде одно ли
Присуждено?— Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!
И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен,
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,
Сын рыбаря, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!..

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Новая опера-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пан Чижевский, содержатель почтового двора.
Антося, Лудвися — его дочери.
Рославлев младший, гусарский офицер.
Юлия, жена его.
Рославлев старший.
Андрей, слуга его.
Вациус, писарж почтовый.
Передовый Рославлева старшего.
Слуги проезжающих.
Жиды.

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме. Комната; справа от зрителей стол, на нем шнуровые книги, бумага и проч., слева клавикорды, на стене гитара, в середине открытый вид в цветник.

ЯВЛЕНИЕ 1

Рославлев младший и Юлия сидят за столом в цветнике и пьют чай. Антося и Лудвися, одна за клавикордами, другая с гитарой, и поют. Рославлевы слуги увязывают чемодан и проч. Писарж пишет за столом. Пан Чижевский читает варшавскую газету.

№ 1

Антося и Лудвися

Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, поцветет — и нет!
«Милая Магдуся!—
Янек говорил.—
Злых людей не труся,

6345

Кто братъ? кто Сестра

или за обманомъ.

Обманъ. ~~одинъ про тысячи~~

Новая Опера водевиль

въ 1мъ Дѣйствiи

оригинальное сочиненiе съ хорами и разнохарактерными дивертисментами музыка соч: а. н. верстовскаго

Представлять дозволяется

№ 4

10 Генваря 1824 года

Секретарь В. Соц

«Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом».
Титульный лист Петербургского цензурного списка.

Молви: ты мне мил!» —
Что ж на то Магдуся
Молвила ему?
«Сердцем отдаюся
Другу моему!»
Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!
На любовь и радость нам одна пора!
Слышу ли, как зыбкой
Крадется ручей,
Как на ветке гибкой
Стонет соловей,
В розу ли всмотрюся,
Что цветет на срок,
Вспомнится Магдуся
И ее урок.
Завтра — гость неверный! *и проч.*

Рославлев младший и Юлия входят в комнату.

Рославлев младший. В дороге, чай, и песни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освежились; отправьте нас скорее, пан почтмистрж!

Пан Чижевский. За́раз, яснеосвещенный! кони готовы.

Писарж *(между тем показывает ему подорожную и тихо говорит)*. Позвольте только расспросить о имени вашем: мы никак не разберем. *(Читает.)* «Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву...»

Рославлев младший. «Гвардии ротмистру Рославлеву».

Пан Чижевский *(читает про себя)*. «...С будущими...»

Рославлев младший. И слава Богу, не только с будущими, но и с настоящею *(показывая на жену)* назло всем препятствиям.

Пан Чижевский. А, понимаю, понимаю!

№ 2

Рославлев младший

Жизнь скучным трактом мне казалась!
Я взял любовь в проводники,
И в будущие приписалась
Тут радость с легкой мне руки!

Так! к счастью пристани надежной
Всем мил открытый лист в жене...

Антося

Ах! как хотелось бы и мне
Скорей быть также подорожной.

Пан Чижевский

Любовь и брак!

Рославлев младший

Одно и то же:
Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе,
А братец — барин пожилой.
В дороге спутник ненадежный —
Сестра на вольных навострит,
А брат отстанет и сидит
Один, с законной подорожной.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и передовый старшего Рославлева.

Передовый. Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его высокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский *(читает подорожную)*. «Из Варшавы в Санкт-Петербург майору Рославлеву». *(Отходит к письменному столу.)*

Рославлев младший. Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия. Куда нам деваться?

Пан Чижевский. Рославлев из Петербурга в Варшаву — Рославлев из Варшавы в Петербург.

Рославлев младший *(отводя его в сторону)*. Тс! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, любезный, драгоценный пан почтмистрж.

Передовый *(писаржу)*. Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

Писарж. Хоть два, только вместе со мною.

Слуга и они уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

Рославлев младший, Юлия, пан Чижевский, Антося и Лудвися.

Юлия. Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лошадей проезжающему!

Пан Чижевский. Да не беспокойтесь! вас не обидим! В лошадях, благодаря Бога, здесь недостатка нет. Моя станция — первая по всему тракту...

Рославлев младший. Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да и его нужно нам задержать.

Пан Чижевский. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный доверенностию правительства,— как пойду против постановлений!..

Рославлев младший. За другими... дорога наезжена.

Пан Чижевский. Что скажут обо мне начальники?..

Рославлев младший. Что говорят о других.

№ 3

Пан Чижевский

Знать, ложен толк в вас о почтмистрже польском:
Кривнуть душой нас Бог оборони!
Ввек не споткнутся в месте скользком
Ни гонор мой, ни лошади мои!
Нет! польских почт историю прочтите
И с норовом почтмистржа в Посполитей
Не сыщите, ручаюсь вам!
Присяга в нас непобедима,
И Нарушевич скажет сам,
Что наша честь ненарушима!

Юлия. Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька...

Рославлев младший *(впуская в руку несколько червонцев)*. Да троньтесь хоть этим... за упокой Нарушевича.

Юлия *(снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам)*. Вот, мои милые, носите это на память обо мне.

№ 4

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого маршалка дочка
Такой имеет ли навряд!

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему.
А кто дружок?

(Надевая кольцо.)

Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому.

Пан Чижевский. Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! Добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

№ 5

Кровь польская сказалась в сердце польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скользком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я нелегко пускаюсь на измену,
Но ваших просьб признал я вес и цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокралися вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.

Юлия. Как мы вам благодарны!

Пан Чижевский. Оно благодарности не стоит!

Рославлев младший. Нет, стоит-то стоит, да не в счете дело.

Пан Чижевский. Но растолкуйте мне теперь, зачем вы непременно хотите задержать однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром почтмистрж: много тайн перебывает у меня в руках.

Рославлев младший. Немало и останется!

Юлия. Муж мой все вам расскажет. *(Сестрам.)* А вы, милые, подите со мною. Надобно нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку.

Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Рославлев младший и пан Чижевский.

Рославлев младший. Узнайте же, что едущий из Варшавы в Петербург Рославлев — мой родной брат. Лишившись родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайных намерений.— Нравы, склонности, образ мыслей — все сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви; он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину — он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться, и прошу его согласия,— он отвечает, что если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. Я женился и еду к нему с женою — он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то, что без успеха начал письменно. Вот наша история.

Пан Чижевский. Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

Рославлев младший. Я сам еще порядочно не знаю! но есть надежда: брат — человек пламенный. И вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще меньше.

Пан Чижевский. И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена, однако же, принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне, читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят и все в них ищут.

№ 6

Бар и барынь все бранят
Под рукою,
Презирать их каждый рад
За спиною;

Но столкнися с мудрецом
Барин знатный
Иль красотка брось тайком
Взор приятный:
Станет нову песню петь
Наш Сенека,
Переменится медведь
В человека;
Смотришь,— он, как и другой,
Гибок, тонок,
Кстати мастер делать свой
Пáдам-дó-ног.

Рославлев младший. Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее. *(Убегает в боковую комнату.)*

Пан Чижевский *(пересчитывая деньги из рук в руку)*. Скромнее и осторожнее!

ЯВЛЕНИЕ 5

Пан Чижевский, Рославлев старший (в фуражке и не снимает ее).

Рославлев старший. Лошади готовы? Впрягать скорее!

Пан Чижевский. Ясновельможный...

Рославлев старший. Готовы, я спрашиваю?

Пан Чижевский. Ясноосвещенный, извольте взять терпение.

Рославлев старший. Терпение?— Лошадей, я говорю. Где ж мой передовый?

Пан Чижевский. Гм! Здесь!

Рославлев старший. А лошади?

Пан Чижевский *(нерешительно и боязливо, с поклоном)*. Будут.

Рославлев старший. Ну, сейчас, сию минуту!

Пан Чижевский *(прибодряется и откашливается, не трогается и начинает петь, Рославлев с первого стиха зажимает ему рот.)*

Могу сказать вам о почтмистрже польском...

Рославлев старший. До песней ли мне теперь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! Живо! мигом! *(Выталкивает его.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Рославлев старший *(один)*. Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам хотел было сделать три месяца тому назад; но вы меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь — вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно. *(Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет.)*

№ 7

Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дамся вновь.
Из ваших рук довольно пил отраву,
Довольно я, красавицы! страдал;
Моя тоска была вам на забаву,
Смеялись вы,— я слезы проливал,—
Но слез моих вам боле не увидеть,
Я в школе был и с горя поумнел.
Как я вас обожать умел —
Так вас умею ненавидеть!
Готовьте другим
Оковы и розы,
Обеты, угрозы,
Улыбки и слезы,—
Я стал невредим.
Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дамся вновь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Рославлев старший, Антося и Лудвися.

Антося. Ах, как вы приятно поете!

Лудвися. С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре!

Антося. Продолжайте, сударь.

Рославлев старший бросает гитару.

Антося. Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися. Мы вам помешали?

Антося. Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев старший. Пойдите или оставайтесь: мне решительно все равно.

Антося. Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев старший. Я терпеть не могу женского голоса!

Антося. Как? Вам неприятно, когда женщины поют?

Рославлев старший. И даже когда говорят!

Лудвися. Это почти что очень неучтиво!

Рославлев старший. Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися. Сестрица, он шутит.

Антося. Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися. И я тоже думаю, что он вам даже слишком мил!

Антося. Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев старший. В вас?

Антося. Коли не в нас, так у нас, по крайней мере!

Рославлев старший. В здешнем городе?

Лудвися. Хоть и в здешнем доме, как знать?

Рославлев старший. Не худо на дорогу.

Антося. Ни за что не ручайтесь! а кто истинно до женщин не охотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

Рославлев старший. Именно так, прощайте. *(Кричит при выходе.)* Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Антося, Лудвися, Юлия (в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами).

Юлия. Ну, каков нелюдим наш?

Антося. Очень забавен!

№ 8

Чудак он, право, своенравной!
Его ввести не можно в толк:
На разговор он рыбе равной,
А вежлив, как сердитый волк.
На шутки гневом отвечает
И дуется...

Лудвися

Нет дива тут:
Предчувствием он, видно, знает,
Что нами будет он надут.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, Рославлев старший, пан Чижевский, писарж, курьер и слуга Рославлева.

Рославлев старший *(держит пана Чижевского за ворот)*. Ты бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

Рославлев старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой — тормошат пана Чижевского.

№ 9

Рославлев старший

Скорей! скорей!
Лошадей! лошадей!

Антося и Лудвися

Смелей! смелей!
Вы откажите лошадей!

Пан Чижевский

Я рад вам дать бы лошадей,
Но с час последня пара вышла.

Рославлев старший. Как вышла!

Пан Чижевский

Есть лошади, да не для вас!
Здесь сверхкомплектных пять у нас:

Из них не ходят две у дышла,
А три не ходят уж никак!

Рославлев старший

Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя — тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися

Вы забываетесь никак —
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок!
Наш герб — подкова и рожок.

Рославлев старший

Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскочи в Моздок,
Но, верно, хуже почты этой
Нигде по трактам не найдешь.

Пан Чижевский

Да говорят же вам не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!
За городскою эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж и офицер!
Тут панна вслед за офицером!

Антося и Лудвися

И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы — совсем без головы.

Юлия *(вслух)*. Несносный упрямец! с ним не сговоришь; я уже моих людей разослал всюду, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте, с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах, отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при пос-

леднем издыхании. Упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев старший *(расхохотавшись)*. Какая мысль! а что? может быть.— Тесть любезный, не быть бы тебе моим крестником. *(Грозит рукою.)*

Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют.

№ 10

Антося

Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.

(Уходит, приседая.)

Лудвися

Я, сударь, бешеных боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.

(Также уходит.)

Пан Чижевский

Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне следу!

(Уходит.)

Рославлев старший

Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!

ЯВЛЕНИЕ 10

Рославлев старший и Юлия.

Юлия. Успокойтесь! мои люди все сделают, все достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатимся каждый по своей дороге, а может быть, по одной и той же.— Вы куда?

Рославлев старший. В Петербург.

Юлия. А я оттуда.

Рославлев старший. Тамошний житель? Всегда или временно?

Юлия. Я там служу в гусарах.

Рославлев старший. Ах, Боже мой, так вы знаете Александра Рославлева,— он в них же служит?

Юлия. Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев старший. Он мой брат родной.

Юлия. Неужели? Как счастливо! Следовательно, вы и мне родной,— дайте обнять себя.— А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец чуть было не женился.

Рославлев старший. Чуть было? стало, миновалась опасность?

Юлия. Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Рославлев старший *(в сторону)*. Мои письма подействовали. *(Громко.)* Как я рад встрече с вами и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

Юлия. Что вам надобно? Антося, Лудвися!

Сестры входят.

Рославлев старший. Шампанского!

Антося. И! Какие прихоти! в нашем местечке этого не водится. Венгерского, коли угодно?

Рославлев старший. Чего-нибудь! что душу располагает к веселью! Скорее!

Юлия. Туда, в цветничок.

Сестры уходят.

Рославлев старший. Расскажите мне о брате, пожалуйста, все, что знаете.

Юлия. Представьте себе — в его лета жениться!

Рославлев старший. И на польке, это всего опаснее.

Юлия. Почему же? Я сам поляк.

Рославлев старший. Нет! будьте справедливы, любовь к отечеству в сторону. Наши кокетки — ученицы перед здешними.

Юлия. Быть так, но братец ваш... ему совсем было голову вскружили, подговорили, заворожили, он уже готов был под венец, но я заклинал его именем вашим, не зная вас, и моею дружбою... он образумился. Вы видите во мне закоренелого мизогина.

Рославлев старший. Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Юлия. Со дня моего рождения тверд, как кремень, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и воло-

китства, томных вздохов и нежных поцелуев. Если бы все женщины какой-нибудь благодетельной чумою исчезли с лица земли...

Рославлев старший. Я бы не охнул.

Юлия. Я также.

Рославлев старший. Я их терпеть не могу!

Юлия. Я их ненавижу!

Рославлев старший. Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны сначала, но под конец докучливы.

Юлия. Самые ничтожные, бесполезные! Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев старший. Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия. Тем лучше, забот меньше.

Антося и Лудвися входят, подносят налитые стаканы.

№ 11

Юлия

Стократ счастли́в, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой.—
Я выпью за его здоровье.

Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье,
Женись лишь только — и как раз
Родятся ревность, подозренье.

Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму
И вечная почти беспечность!
Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними,
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

Антося и Лудвися устанавливают поднос с бутылками в цветнике и уходят.

Юлия. Одна есть женщина в свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев старший. Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия. Нет! двух таких не бывает! она — сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев старший. О! все они ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия. Не ошибайтесь. Речь идет о моей сестре. Кроткое, невинное существо и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать — вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого же случая готовы лопнуть с досады.

Антося вбегает.

Антося. Вас сестрица зовет, крайняя нужда!

Юлия. Сейчас.

Антося *(ей на ухо)*. Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия. Иду, я скоро ворочусь к вам.

ЯВЛЕНИЕ 11

Рославлев старший *(один)*. Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако он поселил во мне сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкой?.. Пригожею?— это еще неизвестно, но то верно, что между мною и старым паралитиком она бы недолго колебалась. Разумеется, все бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится. Что ж — попробуем. И я многим нравился... *(Охорашивается перед зеркалом.)* Конечно, не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

№ 12

Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, сча́стливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело?

Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил и ими,
Как быть!.. был проведен иными,—
Зато, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.

ЯВЛЕНИЕ 12

Рославлев старший
и Юлия (в женском платье).

Юлия. Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

Рославлев старший. Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия *(между тем бегает к дверям, в цветник и в окно смотрит)*. Пан почтмистрж!

Рославлев старший. Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия. Здешний хозяин обещал мне достать шалфея и нейдет до сих пор.

Рославлев старший. Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия. Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

Рославлев старший. Близкий вашему сердцу?

Юлия. Ах, сударь, помогите ему,— вы, верно, лекарь.

Рославлев старший. Почему вы это думаете?

Юлия. Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

Рославлев старший. Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия. Так я ошиблась, извините. *(Уходит.)*

Рославлев старший. Ошиблась — и не любопытствует знать, кто я! В самом деле это редко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительна — и не любопытна!

Юлия возвращается.

Рославлев старший. Нашли, кого искали?

Юлия *(среди комнаты, печально)*. Нет-с, не нашла.

Рославлев старший. Позвольте же, я за вас пойду, разведаю, отыщу и приведу.

Юлия. Пожалуйста, я вам много обязана буду.

Рославлев старший. Сию минуту. *(Ворочается.)* Какое в вас небесное добродушие и как непритворно! Как вы

для других себя забываете! Клянусь вам... что я не видывал ничего подобного.

Юлия. Перестаньте, сударь!

Рославлев старший. Вы рассердились?

Юлия. Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только, простите мне, они не у места. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изможденному страданиями. Идите, спешите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Рославлев старший. Бегу, лечу. *(В дверях.)* Не оскорбляется и похвалами, а не любит их. *(Ворочается.)* Ах! кстати, вспомнил, что со мною есть маленькая дорожная аптека,— я вам сейчас принесу ее.

Юлия. Очень кстати! пожалуйста, скорее!

Рославлев старший *(ворочается)*. Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на английском языке!

Юлия. Я умею по-английски.

Рославлев старший. А название составов и способ составления и мера приемов по-латыни.

Юлия. Я умею по-латыни.

Рославлев старший. А драхмы, унции и их дроби?

Юлия. Вес как вес, я по необходимости его знаю: матушка целый год была больна; впрочем, это знание так нетрудно, что нечем хвастать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

Рославлев старший. Сию минуту. *(В дверях.)* Сколько познаний, и не выказывает их, и не дорожит ими! *(Ворочается.)* Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услугах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, только...

Юлия. Что вы хотите сказать?

Рославлев старший *(в сторону)*. Куда девалась моя дерзость? *(Вслух.)* Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное перед расставанием, когда вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без сострадания; осмелюсь ли я просить у вас...

Юлия. Чего? скажите!

Рославлев старший. Поцеловать вас в знак дружбы.

№ 13

Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных

Теперь мне сладостнее нет.
Меня не страсти пыл волнует —
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.

Юлия. На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мне не поцеловать вас? Я готова обнять доброго человека. Только не мешкайте, бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

Рославлев старший. Невинна, как ребенок! *(Уходит.)*

Юлия *(смотрит вслед ему, потом в окно)*. Ушел! Войдите!

ЯВЛЕНИЕ 13

Юлия, Антося и Лудвися (ведут Юльина мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляет и любуется).

№ 14

Антося

Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!

Лудвися

Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?

Антося

Болезней всех образчик он!

Лудвися

Вот предисловье похорон!

Антося

Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча...

Лудвися

Но тем болезнь ему сплеча,
Что в ней врачи ему не нужны.

Рославлев младший *(слабеющим голосом)*. Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлия. Шалун, ты ужо не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен и не подавай ни малейшего знака жизни.

Рославлев младший. Уговор лучше денег: я не гожусь в паралличные; хочешь, лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, забурлю, развоюсь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену...

Юлия. Не дурачься, мой милый, ты все испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы на колесах? Хочешь, я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

Рославлев младший. Сажай, вези!

Юлия. Ну, пойдем. *(Уводит его.)*

ЯВЛЕНИЕ 14

Антося, Лудвися, Рославлев старший и пан Чижевский.

Рославлев старший. А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

Антося *(в сторону)*. Наш дикарь становится, кажется, пообщежительнее.

Лудвися. Мы от вас бегали, боялись вам на глаза попасть; вы такие сердитые!

Рославлев старший. А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

Антося. Она тотчас будет.

Пан Чижевский. У нее нет минуты свободной! все время посвящено у нее на разумные дела.

Рославлев старший. Да скажите мне, давно ли вы ее знаете: известны ли вам обстоятельства ее жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Вот все, что знаем, слушайте.

№ 15

Она друг сирым и убогим!

Антося

Она благотворит шутя!

Лудвися

Она невинностью дитя!

Антося

Она мудрец рассудком строгим!

Пан Чижевский

Она благое существо,
В ней человеческого мало...

Рославлев старший

Да в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же и Юлия (в мужском костюме).

Рославлев старший. А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия. Поздравляю с доброй вестью: мало-помалу лошади собираются и мы скоро отправимся.

Рославлев старший. Поздравьте меня лучше с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия. Правду сказать, слуга у меня препроворный и в дороге — клад: в минуту избе́гал все местечко, переколотил всех жидов...

Рославлев старший. Как сестра ваша похожа на вас! Но признаюсь, не сердитесь — черты одни, а миловидности в ней гораздо более.

Юлия. Уступаю охотно! Я, право, не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите: верно, уже все изготовлено?

Пан Чижевский. За́раз, ясновельможный капитане! *(Уходит.)*

Юлия. Что у вас за ларчик? не казна ли ваша?

Рославлев старший. Нет! но на эту пору дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку. Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести? *(Хочет идти.)*

Юлия. О нет, подождите. Вы знаете, что к молодым красавицам и знатным барам входить без докладу не можно; дайте мне предварить ее. *(В сторону.)* Победа наша! *(Уходит.)*

Рославлев старший отпирает ящик и осматривает его внутри.

№ 16

Антося

Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз.—
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!

Лудвися

Знать, от нас он не уйдет!
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, сударь, пилюля!

Обе уходят.

ЯВЛЕНИЕ 16

Рославлев старший *(один)*. Однако, я с своим ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде нежели я отказался от любви навсегда: три месяца тому назад; встреча с нею могла бы на меня сильно подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решился ничего не чувствовать. Но где же она и что так долго медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит: заманчивость, новость приключения.— Ах! Вот она!

ЯВЛЕНИЕ 17

Рославлев старший, Рославлев младший (в виде больного в креслах на колесах), Юлия (развозит его по цветнику).

Рославлев старший. Какие пристальные заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика. *(Обращаясь к ней.)* Я принес обещанное и давно жду вас.

Юлия *(прибегая к нему из цветника)*. Дайте сюда, разберемся вместе, я вам много обязана, я вам очень-очень благодарна.

Рославлев старший. Я вам во сто раз более... Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным? но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на все хорошее способен.

Юлия. Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлев старший. О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах. *(Идет и останавливается; задумавшись.)*

№ 17

Ручаться можно ли за что?
Наш ум — ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято
Намеренье — не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бежит в цветник и везет тележку с больным.)

Юлия *(смотря на него)*. Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Рославлев старший *(довезши до Юлии, останавливается, она разбирает аптеку; он поет)*.

№ 18

Ваш лазарет я прикатил,
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!

Юлия. Лишь только... что вы говорите?

Рославлев старший

Лишь только б я вам угодил.

Скажите, что вам нужно, я достаточный имею навык в этих травах, порошках, эликсирах и, может быть, скорее выберу то, что требуется.

Юлия. Какое-нибудь легкое средство к возбуждению испарины.

Рославлев старший. Дайте примусь за дело. *(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою в стакане, между тем продолжает разговор.)* Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Юлия. Недавно.

Рославлев старший. Он вам родственник?

Юлия. Несколько.

Рославлев старший. Нет, от меня не кройтесь, я все знаю, он вам чужой, совершенно чужой. Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Юлия. Не дивитесь. Это делается не по рассудку, но по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет и скорее того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попекусь об этом недужном, и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в добрых делах и тогда только называйте человека добродетельным. *(Между тем оправляет больного.)*

Рославлев старший. Как мило она отклоняет от себя все, что на лесть похоже. Вот раствор, он готов, мне всегда был целебен, ужасно противен вкусу, но, во всяком случае, безвреден. *(Подносит Рославлеву младшему, тот рукой машет, что не хочет.)*

Юлия. Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Рославлев старший. Как вам угодно; однако какая у него здоровая, жилистая рука!

Юлия. Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Рославлев старший. Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу из этих свивальников.

Юлия *(торопливо удерживая его)*. Оборони Боже! не делайте того: малейшее неосторожное прикосновение произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Рославлев старший *(отшедши, смотрит на больного издали)*. Передвижная мумия! Одною ногою уже в гробе, а придется позавидовать жребию подобных ему жалких существ! Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

№ 19

Когда в вас сердце признает
Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участья,—
Ужель могли б вы не внимать

Души тоскующей взыванью?
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью?

Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наследство,
Недужным помощь подает
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученья знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может сострадать,
Кто сам виною был страданья.

Будьте искренны,— если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но бодрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и все свое блаженство, вы неужли бы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия. Отчего же нет; но, во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев старший. Не русским? кем же, ради Бога!

Юлия. Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев старший. Напротив: мужчины, все мы боготворим вас.

Юлия. Свет не из одних мужчин составлен. Ваши дамы...

Рославлев старший. О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их будет из-за угла вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца, невольно вырвались; но бесполезно вам высказать все то, что я теперь чувствую! *(Осыпает ее поцелуями.)*

Рославлев младший. Он не путем пристает!

Рославлев старший. Больной простонал что-то.

Юлия. Он к себе просится, ему назад пора. *(Идет к больному.)*

Рославлев старший. Неужели мы расстанемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия. Я вам не запрещаю.

Рославлев старший *(отнимает у нее колясочку)*. Нет, уж это мое дело; покуда мы вместе, я буду возить больного; любовь села на козлы и правит.

За кулисами слышен хор.

Хор

Любит обновы
Резвый Эрот.

В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарж, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу.

Рославлев старший. Какая ярмонка! Что вы, с ума сошли?

Юлия. Пусть их веселятся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня!— У них нынче праздник!

Рославлев старший *(уходит с Юлией и увозит больного)*. Веселитесь, и я весел.

ЯВЛЕНИЕ 18

Пан Чижевский, писарж, Антося, Лудвися, Андрей, слуга Рославлева старшего (и прочие).

№ 20

Хор

(Мазурка краковская)

Любит обновы
Резвый Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед,—
Вожжи шелковы
В руки берет.
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Андрей. Эк, барин-то у меня не путем развозился!

Пан Чижевский. Не он первой, не он последний!

№ 21

Судьба-проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,

Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай? (2)

Имея счастье на примете,
Век целой возится народ, (2)
Везде возня на этом свете: } (3)
Кто возит, а кому везет! }

Антося

Пускай шумиху с возу счастья
Глупец хватает, вздернув нос,
И после с лихвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)

Лудвися

Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки, } (3)
Пока нас молодость везет! }

Танцы.

ЯВЛЕНИЕ 19

Те же и Рославлев старший
(Андрей между тем заснул на стуле).

Рославлев старший. Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашею веселостию: у меня и без того голова кругом идет!

Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается — зевает и потягивается.

Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а в промежутках зевать!

Андрей *(зевая и шатаясь)*. Да помилуйте! Что же другое делать?

Жизнь наша сон...

Рославлев старший. Молчать, пьяница! куда девался тот,— как его зовут!..

Андрей. Как его зовут? *(Опять принимается петь.)*

Жизнь наша сон...

Рославлев старший. Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего рта. *(Про себя.)* Куда девался

брат ее? мне непременно нужно видеться и объясниться с ним. Пойду отыщу его. *(Андрею.)* А тебя знаю, как протрезвить. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 20

Андрей *(один)*. В песне-то не то сказано, как бишь ее наладил:

№ 22

Жизнь наша сон! всё песнь одна!
Или ко сну, или со сна!
Одно всё водится издавна:
Родятся люди, люди мрут
И кое-как пока живут;
Куда как это всё забавно!
Как не зевать? всё — песнь одна:
Или ко сну, или со сна.

Иной зевает от безделья,
Зевают многие от дел,
Иной зевает, что не ел,
Другой зевает, что с похмелья!
Как не зевать *и проч.*

Актер в своей зевает роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая, пишет журналист,
А сускрибент зевает боле!
Как не зевать *и проч.*

Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком
И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать *и проч.*

ЯВЛЕНИЕ 21

Андрей и Юлия в мужском платье.

Юлия. Где твой барин?
Андрей. Мой барин... а вот он!

ЯВЛЕНИЕ 22

Рославлев старший и Юлия, потом вся компания.

Рославлев старший *(входя, толкает Андрея вон)*. Прочь! Ах, любезный, новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.

Андрей уходит.

Юлия. Я пришел проститься с вами.

Рославлев старший. Куда вы? Как, уже в дорогу?

Юлия. У нас все готово, идти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отселе во всю конскую мочь.

Рославлев старший. Ваша сестра... постойте, погодите... у вас сестра — существо необыкновенное!

Юлия. Я вам сказывал.

Рославлев старший. Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Юлия. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградились против нежных впечатлений пылких страстей.

№ 23

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Мильон страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым,—
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет —
Ему мы скажем: добрый путь!

Рославлев старший. Стойте за себя, я ни за что не отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за

что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым — все наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

№ 24

Неужли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненье?
Ужель не знает, что́ любовь,
Что́ сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?

Ах, точно ль для ее души
Еще счастливец не сыскался,
Который счастия б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет,— он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процвесть:
Любовь, блаженство, радость с вами!

Юлия. Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из сомнения: сердце моей сестры давно уже неравнодушно.

Рославлев старший. К кому? как? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Юлия. Будьте терпеливы, дайте мне все до конца открыть вам; но пуще не перебивайте меня ни в одном слове.

Рославлев старший. Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Юлия. Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь: конечно, судьба этого хотела: мы недаром с вами здесь встретились.

Рославлев старший. Какое таинственное начало!

Юлия. На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, оброшенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилою наставницею; здесь она провождала бо́льшую часть времени: посещала хижины поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство и своею печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца и матери, приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнию: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них, по крайней мере для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаровательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснялся еще лучше.

Рославлев старший. Ах, Боже мой! уж это не я ли?

Юлия *(в сторону)*. Вот не самолюбив! *(Громко.)* Вы, конечно.

Рославлев старший. Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего не знаю.

Юлия. И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? я просил вас дотерпеть до развязки.

Рославлев старший. Мог ли я выдержать? Продолжайте, ради Бога, продолжайте!

Юлия *(в сторону)*. Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю. *(Громко.)* Вы тогда кружились в бурном водовороте, в шумных веселостях, могли ли заметить смиренную провинциальную девушку, и которая, может быть, не смела равняться красотой с вашими знакомыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые себя вперед выставляли,— она была стыдлива, следственно, по вашему вкусу, робкая невинность вас бы самих обробеть заставила. Наконец, она вас любила, а вы без примечания проходили мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце живейшим бескорыстнейшим чувством.

Рославлев старший. Ах! это сама истина; я только теми и занимался, которые обманывали меня.—Но почему все это вам известно, неужели эта Юлия, ангел на земли, сестра ваша?..

Юлия *(сбрасывает с себя конфедератку и шинель)*. Я сама.

Рославлев старший. Боже мой! Какое превращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы, от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не известна, старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляла на успокоение других.— Ах! другим хорошо; но мне где найти утешение? Прочих тайн моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я все объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был — последний наш разговор, последнее свидание.

Рославлев старший. Как! чтоб мне с вами расстаться! едва верю всему, что слышу... иногда в романах начитывал что-то подобное... Я вне себя, я в восторге; нет, нет, я вас не пущу, сударыня!

Андрей *(входит)*. Лошади готовы.

Рославлев старший. Убирайся! пошел вон! Ах! повторите мне еще раз об любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите об расставании.

Пан Чижевский *(входит)*. Ясновельможный...

Рославлев старший. Будь проклят и оставь нас одних!

Юлия. Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на все отваживаются для достижения своей цели?

Рославлев старший. Я!.. чтоб смел приравнять вас...

Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец.

Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! *(Бросает им червонец.)* Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда.

Юлия старается от него освободиться. Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника.

Юлия. Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюдова туда, где никто меня не сыщет.

Рославлев старший. Нет! нет!

Антося и Лудвися входят.

Антося. Этакое презрение к нашему полу!

Лудвися. На коленях всю комнату изъездили!

Рославлев старший. Оставьте нас; вам будет праздник, только после, подите!

Рославлев младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу.

Рославлев старший *(вскрикивает)*. Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

Рославлев младший *(сбрасывает с себя одежду пациента)*. Узнаешь ли?

Рославлев старший. Брат?

Рославлев младший. Как видишь, а вот моя жена, рекомендую.

Рославлев старший. Какое дьявольское сплетение!

№ 25

Антося

Что, каково свели концы?
Вот с польками быть в ссоре!

Лудвися

Напрашиваясь в мудрецы,
Вы назвались на смех и горе.

Пан Чижевский
(кланяясь)

Позволите ль и мне при том
Сказать, ясновельможный, слово:
Как вас доехали путем —
И ехать в путь вам все готово!

Рославлев старший. Как я был глуп, о, как я глуп был! Однако, если дался ей обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлев младший. Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или к нам в Петербург?

Рославлев старший. К вам, и как можно скорее, с прекрасной Юлией, а может быть, имя вымышленное, все равно: с твоею женою знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Пан Чижевский. Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

Рославлев старший. Делайте что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

Рославлев младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

№ 26

Водевиль

Рославлев младший

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость вся туман,
Вечно люди будут падки
И к обманам, и в обман,
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман. } (bis)

Лудвися

Бойтесь,— нам твердят издетства,—
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства,—
Он обманщик и тиран!
Знать обманы — жребий жалкий!
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки —
Вот несноснейший обман! } (bis)

Пан Чижевский

Ян, как брат наш, без талана
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с деньгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем, и жупан,
То в болване и кармане
Ты найдешь пустой обман. } (bis)

Андрей

Я в зевалах мастер ловкий,
Я зеваю трезв иль пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызевать изъян.
Раз на винах и на жлудях

Прозевал я свой карман...
Зазевайся в добрых людях —
И тотчас попал в обман. } (bis)

Рославлев старший

«Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!»—
Вопит Вралькин, так же громкий
И пустой, как барабан.
Счастлив он, пока в нем бродит
Самолюбия дурман;
Но одних вралей ли вводит
Самолюбие в обман? } (bis)

Юлия
(к зрителям)

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,
Всем доволен шарлатан!—
Суд же публики правдивый
Не впадет никак в обман. } (bis)

Антося

Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты или пан!
Что, как скажет критик едкий,
Мненья общего орган:
«Нас поддели, но напредки
Не заманите в обман!» } (bis)

Входят музыканты — жиды, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент.

<СЕРЧАК И ИТЛЯР>

<Отрывок трагедии>

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом пар,
А мы на них — то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь,— что день, то шумный бой,
Дух ветреный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном.
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет,—
Тот ляг в сыру землю: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук — натянут в их руках;
Недаром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон

Добыли нам ценою лютых браней,
Блестящих сбруй и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть делят. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел,— еще пылают
По берегам Трубежа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский внедрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к груди прижимаю —
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...
Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, не в семье чад милых...
Наездник горький, ветх и одинок
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И всё мое заветное разделят!..

РОДАМИСТ И ЗЕНОБИЯ

АКТ I

Дебрь, лай, звук рогов, гром бубень. Несколько охотников, потом Родамист и за ним приближенный оруженосец Семпад, которому он доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и серн. Ему ненавистны и Фарасман, и римляне, и парфы, но он сперва ополчится на сих, а Рим страшен царю, едва твердому на собственном престоле. Велит пригласить к себе посланца от римских восточных легионов, который тут же тешится охотою. Семпад идет. Родамист раскаивается, что был с ним слишком чистосердечен.

Является Касперий. Переговоры, хвастовство с обеих сторон. Римлянин кичится свободою и славою отечества. Родамист дает ему чувствовать, что то и другое живо только в памяти, по преданиям. Рим рабствует, и сила его оружия давно уже не испытана, власть царя восточного народа вернее и чистосердечнее,— велит, и любой из дружины его пожертвует жизнию. Касперий не удивляется, упоминает о Деции и о многих других опытах самопожертвования, но для благороднейшей цели.— Родамист велит удалиться прочим, а Семпаду готовиться к бою с тигром. Наедине с Касперием пытается подкупить его притворною приязнью, корыстию, честолюбием. Касперий непоколебим. Родамист отпускает его прежде себя на зрелище. Сам остается один и рассуждает: к чему такой человек, как Касперий, в самовластной империи,— опасен правительству, и сам себе бремя, ибо иного века гражданин.— Коня! Коня! отправляется за Касперием на ту же травлю.

2-я сцена в царском теремном саду. По-восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке. Около нее глав-

ные чины в раболепном ожидании властителя,— Ярванд, Мирван, Бахрат, Аспрух, Армасил и проч.

Аспрух сидящий, все около него стоят. Он грузинин, албанского происхождения, взят в плен Фарасманом, им вскормлен, дрался против соотечественников и тем гордится. Арфаксат первый по Родамисте, все перед ним преклоняются; он кичится тем, что знает только царево слово, которое ему вместо совести и славы. Толки о близком возвращении царя с охоты, об отправлении римского посла и о том, чтобы никто из жителей не имел сообщения с чужеземцами — парфы они или римляне. Все соглашаются на всё, что он ни говорит, потом он уходит. Долго никто не смеет сказать своего мнения, наконец Армасил, славный воин, воспитанный в Риме, где он был при Митридате, во время его заточения, прерывает молчание и своею откровенностию и убеждением невольно исторгает у каждого одно желание: смерть утеснителя. В Бахрате, Ярванде и Мирване видны мелкие страсти. Жалобы, что все главнейшие места воинские и все поборы поручены грузинам, иноземцам. Один жалуется, что уже не он орлоносец, которого важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршана, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистию к нынешнему царю,— при венчании царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой он по наследству был хранителем; третий, что Аспрух первый в доверенности царя, когда по роду и богатству ему принадлежит сей сан. Иные даже попрекают царю, что он воздержан с женщинами, почти не имеет наложниц и в пиршествах мало участвует, что он более похож на простолюдина, нежели на царя. Армасил упрекает их в малодушии. Вбегает Ассюд, его остерегаются. Он объявляет о насильственной смерти брата, о мщении, которым пылает за сие злодейство против Родамиста, Армасил недоверчив.— «Отчего же ты равнодушием его отбиваешь от нашего сообщества?» — «Он вскормлен в царедворцах, вчера еще дышал милостию царевой, ныне мгновенно возбужден против него одним внезапным случаем,— но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушием в ревностного ласкателя?» — «Мне ли, юноше, быть опытнее вас, старцев? Но помните: не во множестве сила, когда дело правое, но в испытанном, надежном, несомненном мужестве участников». Является юродивый, пророчит. Он нищий скиталец, просит

милостыню или соглядатай царев? Притворно ли проповедует, или точно безумный? Но многие, в том числе Бахрат, его знают. Все в него веруют, он давно уже стяжал славу святости; пещера его в утесе, на берегу Аракса.— Здесь он тайными словами из Зендавесты прорицает успех заговорщикам. Сперва тоже нем, не отваживается говорить. Армасил: «Я знаю, отчего он немствует,— сей юноша, бывший ласкатель царев, ему заграждает уста». Армасил убеждает ему верить, и он религиею истинного армянина еще более их воспламеняет к скорейшему взрыву, назначает им ночное, решительное сходбище в склепе царей армянских. Заговорщики назначают ночь к тайному сходбищу в капище за южными вратами города. Потом пустынник исчезает. Асслод удаляется с растерзанным сердцем, что никто не принимает участия в его скорби. Он армянин, но армяне к нему холоднее иверов.— «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятьями за жестокость царя к несчастному брату».— Целый полк прислужников, за ними Родамист. Аспрух всех раболепнее.— Противуположность аспруховой спеси с низшими и унижения перед властителем.— Родамист иных дарит дичью с охоты, кому благоволение, кому грозный суд.— Армасилу попрек, что не был на охоте. Говорит об отъезде римлянина, с которым он заключил союз, и <о> мире с парфами. Ждет от отца подкрепления. Все под его державою благоденствуют. «Тот день потерян, в который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивых. Идите, покойтесь в мирных семейственных упражнениях, но не дремлет царево око. Врагов я имею и благодарю за них небо: они поощряют меня на безленостную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

АКТ II

Женский терем

Зенобия, Перизада и прочие прислужницы. Зенобия — дочь убиенного Родамистом Митридата, его дяди, но выданная замуж еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, и потому Перизада напрасно хочет возбудить в ней ненависть, желание мести — страсти, ее невинному сердцу вовсе чуждые. Перизада ей напоминает о удавлении отца и кто его

убийца, Зенобия едва этому верит. Отца она мало видала, почти не знала, муж ближе к ее сердцу, и ее долг его любить, угождать ему во всем и трепетать его гнева. Что приобретет она бесплодною местию? Успех невероятен, способы к тому превыше женских ее сил. Но, если бы и удалось,— какое от того счастие? Перизада трогает ее совесть гневом небесным[1]. Зенобия впадает в грусть, Перизада предлагает ей ворожбу для развлечения и святого пустынножителя, который давно управляет ее собственным суеверием. Его вводят сенные девушки потаенно. Он еще более подкрепляет слова Перизады. Наконец Зенобия совершенно расстроена его таинственными прорицаниями. Он с нее берет слово, что она ночью, в сопровождении Перизады, придет в капище вне города, где склеп царей армянских, и мертвых зовет во свидетели, что там откроет ей тайну, от которой зависит будущее безмятежное течение ее жизни. Зенобия говорит ему, что Родамист всеми любим и злодеям страшен; кто покусится восстать против него? Юродивый пустынник уверяет ее в противном.

Евнух возвещает приход Родамиста. Пустынник скрыт толпою женщин. Сцена Родамиста с Зенобиею наедине: она печальна; воспоминания, которыми ей сейчас возмутили душу, препятствуют ей предаться иному чувству. Родамист недоволен ею, подозревает в ней притворство, нелюбовь. Ни в ком не уверенный, окруженный трепещущими раба́ми, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели в лоне супружеской любви нет ему успокоения!! Оставляет ее расстроенную и сам в волнении.

Бахрат входит с Ассюдом, который уже включен совершенно в тайное умышление против Родамиста. Армасил скорбит при самом Ассюде о сей неосторожности. Ассюд горит нетерпением отомстить царю, Армасил об одном его просит — о совершенном бездействии и о скромном сохранении тайны. Ассюд обещает более: он на себя берет убить царя. Армасил всем в свете заклинает его не предаваться

[1] Сбоку, на поле листа, в подлиннике было приписано: «Это должно быть отнесено в I действие, между 1-й и 2-й сценой».

сему нетерпению, что он прочих тем губит, не совершив ничего; наконец говорит, что их дело слишком зрело, еще несколько мгновений, и кто поручится, что они не будут преданы — участников слишком много, в которых он не уверен, и потому надобна решимость; последнее слово — сходбище ночью и потом за оружие. (NB. Характер Армасила самый основательный: он не скор, но тверд в поступках и более молчалив; опасность его не пугает, но неосторожности не простит себе. В 3-м действии совершенное развитие его характера, которому Ассюд во всем противоположен.) Некоторые из заговорщиков присоединяются к сей беседе. Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле,— он будто не существует. В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи: восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстановляет их против себя.

Аспрух велит через евнуха, чтобы все удалились; ему повинуются. Входит Родамист, несколько слов с Аспрухом о порядке дружины. Аспрух доносит о содружестве между собою многих сомнительных царедворцев, Ярванда, Бахрата и проч. Родамист презирает слишком людей, чтобы от них бояться чего-нибудь важного. Он желает какого-нибудь важного происшествия, чтобы в полной мере предаться своей деятельности, измерить себя, людей и силу обстоятельств, насколько он их превысить может,— враги нужны великому человеку. Но скрытно и прилежно велит за ними наблюдать, при первом двусмысленном движении донести ему вновь; если требуется спеха,— схватить их без доклада ему и ввергнуть в оковы; если опасность неминуема,— без исследования предать смерти. Отпускает Аспруха с евнухом; несколько слов о Зенобии, о гареме; евнуху поручает насчет женщин, как Аспруху о вельможах. Родамист один. Смутное предчувствие, недоволен своим положением.

Но кто этот, бродит вокруг ставки, в часы царского отдохновения, когда никто сюда не смеет приближаться? Боязлив, озирается... Родамист готовится к обороне, но делает вид, будто не замечает скрытного врага. Ассюд сперва медленно

подступает, потом устремляется на царя, обезоружен им и ранен в руку.

В 2-м <акте> Ассюд хочет заколоть Родамиста, тот удерживает его, притворное соучастие, выманивает у него тайну, потом свирепствует.

В 3-м <акте> заговорщики ссорятся о будущей власти, в эту минуту устремляется на них Родамист.

<1812 ГОД>

<План драмы>

ОТДЕЛЕНИЕ 1

Красная площадь

История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М* с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский

Трубный глас Архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о том, чтó было с ними за пределами сей жизни, и где были и откудова ныне вновь призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выспрь и исчезают.

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н*<аполеон> один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение — или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его

одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный,— что́ бы он мог произвести?

ОТДЕЛЕНИЕ 2

Галерея в доме Познякова

Входит офицер R* из приближенных к Наполеону (см. сц<ена> 3-я, 1-го отд<еления>), исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседелый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки плеска и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня.

Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков.— R* и M* в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства —выставлена или нет, как случится.)

ОТДЕЛЕНИЕ 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание R* и поседелого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги M*. Множество других сцен.

ЭПИЛОГ

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. M* в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

Село или развалины Москвы

Прежние мерзости. М* возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние,................ самоубийство.

<Сцена из драмы>

Петр Ан<дреевич>

Дитя мое любезное, Надежда!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжать
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато убранной карете.
А ныне знать, вельможи — где они?..
Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистали разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бессчастные рассыпалися дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд
И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой?.. Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет!.. Не оторвался б от тебя,
О матерь наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно пожил, видел счастье.
В тебе и гроб найду. Мой друг, Надежда,
Гроза над нами носится — потерпим
И с верою вдадимся той судьбе,
Которую Господь нам уготовил.
Грустна, грустна!.. О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Н а т а ш а

Ах, батюшка! Я плачу не о том!
Теперь не та пора...

(Рыдает.)

П е т р А н<д р е е в и ч>

И те ли времена? О брате, что ли?
Наш Алексей... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратном поле.
Мне всё твердит: он будет жив.

Н а т а ш а

Нет, батюшка, я плачу не об нем.

(Рыдает пуще прежнего.)

П е т р А н<д р е е в и ч>

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя,— и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно — посох в руки,
С тобою сердцу легче, всё забыто...
Утешенный я приходил домой.
Бывало, посетишь и ты меня, отца.
Обнимешь, всё осмотришь... Угол мой
На полгода весельем просветится...
А ныне вместе мы, и нам не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!..

(Растворяет окно.)

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

1

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали...

Г.

Ругаться старостью — то в лютых ваших нравах.
Стара я, да,— но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие годины в заточеньи,
Бесславью преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромах опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты
Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких младые дни убиты.
А ты? Ты, совести и Богу вопреки,
Полсердца вырвал из утробы!
Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы...
И кочет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать,—
О сыне я скорблю: я человек, я мать...
Где гром твой, власть твоя, о Боже вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущельи предпочту,
Где бурный Ксань крутит седые воды,
Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
От стужи, непогод не быв укрытым,
Залечь за камнями с ружьем на сторожах,
Чтоб путника убить иль быть убитым,
Чем этой фурии присутствие сносить,
И злость души, и яд ее упрёков.

Г.

Ничем тебя не можно умягчить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай,— сам отец, и сына ты лишен.
Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,
Без памяти приник к очам его остылым
И оживить хотел потухший взор,
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты наших гор
С утра до вечера пронзительные крики,—
Ты сам хотел зарыться в землю с ним.
Но взятый смертию вовек невозвратим!
Когда ж бы искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

К.

Я не питал к тебе вражды!...
Я помнил о людях, о Боге,
И сына твоего не дал бы без нужды.
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня...
Тот подел, кто б его в чужих руках оставил.

Г.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,
Никто из слуг твоих любимых

Так верой, правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых.
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю, и кинжал,
Не убоялся бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он.

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев
И не терзай мне жалобами слуха...
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой — раб другого господина,
И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том,—
Он был мой крепостной...

Г.

(падает на колена)

Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба,— зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать!..
Ах, ради Бога имени святого,
Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы — вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй с высока
О сыне с мраками ночными,
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой...
Уймись или исчезни с глаз долой.

Г.

Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и всё твое стяжанье!

Как ловчие,— ни быстриною вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут, по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной,—
Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,
В безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь Божию взирая.
Твой прах земле не предадут!
Лишь путники произнесут
Ругательства над трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным...
А там,— перед судом Всевышнего Творца,—
Ты обречен уже на муки без конца!

2

Г.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь!..
Ночные чуда! али! али!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,
Дружины али! Знак условный —
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат единокровный,

Когда в ......[1] он блуждал
На мшистых высотах уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той...
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,
Из груды тли и разрушенья,
Из сонных тинистых зыбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршеством червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой призыв не отзовутся!
Лишь тучи на небе несутся
И воет ветр... Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них.)

Али

(плавают в тумане у подошвы гор)

В парах вечерних, перед всходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из недозримой глубины.

Г.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля, не расступайся подо мной...

Али

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья
И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,

[1] Я поставил точки вместо слов, которых совершенно невозможно было разобрать.— *Примечание публикатора.*

Вражды вовек не утолит,
Нетерпеливый мститель.

Р.

. . . .
. . . .[1]
Настанет день и час пробьет.

Али

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится.

(*Молчание.*)

Куда мы, али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

Одна из них

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.

Другие

А мы в загорские края,
Где пир пируют кровопийцы.

Последняя

Там замок есть... Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

[1] Две строки точек — в подлиннике.— *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Его народ
Кастальских не вкушает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il, nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?

Gilbert[1]

Эй! Господа!
Сюда! Сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас оказий разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам!
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тароватый,
Извольте видеть — вот
Рогатый, нерогатый
И всякий скот.
Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:

[1] Беря в расчет скуку, которою его муза меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер.(Франц.) — Ред.*

Pantelogr?

Лубочный Театръ.

Contrebande de Bonnie, dont sa Muse t'a nommé,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?
Gilbert.

Ай! Господа!
Сюда! сюда!
Для деловыхъ людей и праздныхъ,
Есть тьма у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая Мадамъ,
Взойдите къ намъ!
Добро пожаловать, кто баринъ тароватый
Извольте видѣть вотъ
Рогатый, не рогатый
И всякій скотъ:
Вотъ вамъ Михайло Тоскинъ
Вотъ весь его причётъ:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгинъ и
Князь [illegible]
Они хоть не [illegible], да самъ за то ужъ онъ,
Куда смѣшонъ!

«Лубочный театр». 1-й лист автографа.

Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блёсткин;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон!—
С ним вместе быть, ей-богу! праздник.
Вот вам его *Проказник;*
Спроказил он неловко — раз упал,
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научён — грешит перед партером,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит, и пишет.
Вот *Богатонов* вам: особенно он мил,
Богат чужим добром, всё крадет, что находит,
С *Транжирина* кафтан стащил
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняла у *Буйного Соседа.*
Что ж вы?.. Неужто по домам?
Уж надоело вам!
И кстати ль?
Вот вам Загоскин-*Наблюдатель*;
Вот *Сын Отечества*, с ним вечный состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор,
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою.
Махнул пером — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте.
Махнул пером — отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

КАЛЬЯНЧИ

(Отрывок из поэмы)

Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец Пери, или Джиннием взлелеян?
Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым,—
Воздушной пеною темнеет ток кристальный,
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого Ширазского листа
Глотают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
Собрание ты осветишь людей —
Во всех любовь!.. Дервиш отбросил четки,
Примрачный вид на радость обменил:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лице,
И заиграла жизнь на бывшем мертвеце?
Властитель твой — он стал лишь самозванцем,
Он уловлен стыдливости румянцем,
И кудрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И груди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, нескрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью, и станом пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?

«На Риона берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос — едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценинный!
Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

Караван с шелками шел,
С ними ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

Спал я. Вдруг взывают: „бой"!
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился вглубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно — кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье — сече конец.
Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен,

На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та?.. О, горе!.. Отец!..
Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
„Будь он проклят, кровный твой!—
В слух мне клятва загремела.—
Твой отец разбойник был...”
И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...»

ВОСТОК

Из Заволжья, из родного края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На конях ретивых посадились,
На отъезд перекрестились,
Выезжали на широкий путь.
Что́ замолкли? в тишине
Что́ волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный,
Бьют ключи живой воды;

Рай-весна цветет, не увядает,
Нега, роскошь, пир в лесах,
Солнышко горит, не догорает
На высоких небесах!
Терем злат, а в нем душа-девица,
Красота, княжая дочь;
Блещет взор, как яркая зарница
Раздирает черну ночь;
Если ж кровь ее зажжется,
Если вспыхнет на лице,—
Позабудь о матери, отце,
С кем душой она сольется.
Станом гибким, белыми руками
Друга мила обвивает,
Крепко жмет, румяными устами
Жизнь до капли испивает!
Путники! от дочери княжой
Отбегите неоглядкой!
Молодые! к стороне чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародейных снов!
Тех земель неправославных
Дивна прелесть и краса лугов,
Сладки капли роз медвяных,
Злак шелковый, жемчуги в зерне.
Что́ же видно в стороне?
Столб белеет на степи широкой,
Будто сторож одинокой,
Камень! Он без надписи стоит:
Темная под ним могила,
Сирый им зашельца прах покрыт.
И его любовь манила;
Чаял: «Тут весельем разольюсь,
Дни на веки удолжатся!»
Грешный позабыл святую Русь...
Дни темнеют, вновь зарятся;
Но ему лучом не позлатятся
Из-за утренних паров
Божьи церкви, град родимый, отчий <кров>
Буйно пожил век, а ныне —
Мир ему! один лежит в пустыне,
И никто не поискал,

Не нарезал имени, прозванья
  На отломке диких скал;
Не творят молитвы, поминанья;
  Персть забвенью предана;
У одра больного пожилая
  Не корпела мать родная,
Не рыдала молода жена...

* * *

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что́ судьба, разлука, смерть!..

* * *

Крылами порхая, стрелами звеня,
  Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
  Решите задачу Эрота.

Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?
Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался,
Роскошствовал и обмирал?..
Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет!— Вами,
Нет!— не моей душе процвесть.

ДАВИД

Неславен в братии измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада:
И се! внезапно Богу сил
Орган мои создали руки,
Псалтырь устроили персты,
О кто до горней высоты
Ко Господу воскрилит звуки?..

Услышал сам Господь-Творец,
Шлет Ангела, и светлозрачный
С высот летит на долы злачны,
Взял от родительских овец,
Елеем благости небесной
Меня помазал.

Давидъ.

Неславенъ въ братіи измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! Внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О кто до горней высоты
Ко Господу восприметъ звуки?..

Услышалъ самъ Господь-Творецъ;
Пошлетъ Ангела, и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ онъ на долъ злачный,

«Давид». 1-й лист автографа

Что ж сии
Велики братия мои!
Кичливы крепостью телесной!
Но в них Дух Божий, Бога сил,
Господень Дух не препочил.
Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я отженя,
Во сретенье изшел: меня
Он проклял идолми своими;
Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд Отечества отъял,
Сынов Израиля прославил.

<ЭПИГРАММЫ>

Надпись к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева

И сочиняют — врут! И переводят — врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!

* * *

Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть,— но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

* * *

Как распложаются журнальные побранки!
Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой, полною волшебных, чудных сил,—
И вылез черт из банки;
И будто Фаусту вложил
Он первый умысел развратный —
Создать станок книгопечатный.

С тех пор, о, мокрые тряпичные листы,
Вы полем сделались журналам для их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости познаний!
Уж наложил на вас школярные персты
Михайло Дмитриев с друзьями,
Переплетясь они хвостами,
То в прозе жилятся над вами,
То усыряют вас водяными стихами.

ТЕЛЕШОВОЙ

В балете «Руслан и Людмила», где она является обольщать витязя

О, кто она?— Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг — как ветр ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной...
Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье!—
Улыбка внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно — персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выспренного мира
Скользит, как по зыбям эфира
Несется легкий метеор.

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,

Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти,
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу —
Всё в жертву он отдал тебе.

Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство — роз и пальм обитель,
Которым Эльф-обворожитель
В сопутники природой дан,
О, нимфы, девы легкокрилы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы,
И безрассветны души их.
Певцу красавиц что в награду?
Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив
И небо ризой погребальной.

ОТРЫВОК ИЗ ГЁТЕ

Директор театра

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно, иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
Чтоб большинство людей осталось мной довольно,
Которое живет и жить дает.

Дом зрелища устроен пребогатый,
И бревяной накат, и пол дощатый,
И всё по зву: один свисток —
Храм взыдет до небес, раскинется лесок.
Лишь то беда: ума нам где добиться?
Смотрите вы на брови знатоков,
Они, и всякий кто каков,
Чему-нибудь хотели б удивиться;
А я испуган, стал в тупик;
Не то, чтобы у нас к хорошему привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушают, и ловят всё так жадно!
Чтоб были вещи им новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я, при раздаче лож и кресел;
Кому терпенье — труден вход,
Тот получил себе — и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!
Как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит?— Поэт!
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,
Толпу, которая пестреющей пучиной
С собой противувольно нас влечет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет;
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.
Ах! часто, что отраду в душу льет,
Что робко нам уста пролепетали,
Мечты неспелые... и вот
Их крылья бурного мгновения умчали.
Едва искупленных трудами многих лет,
Их в полноте красы увидит свет.

Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то,
Что духом все парят к потомкам отдаленным;
Неужто, наконец, никто
Не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как чародей,
Присутствие порядочных людей!
Кто бредит лаврами на сцене и в печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль резец
Изгибы обнажать сердец,
Тот поробеет ли?— Толпа ему и кстати;
Желает он побольше круг,
Чтоб действовать на многих вдруг.
Скорей Фантазию, глас скорби безотрадной.
Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
К себе зовите на чердак.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, так,
Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия!— Что зрителей манит?
Им видеть хочется,— ну живо
Представить им дела на вид!
Как хочешь, жар души излей красноречиво;
Иной уловкою успех себе упрочь;
Побольше действия, сплетеней и развитий!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числом событий.
Где приключений тьма — никто не перечтет,
На каждого по нескольку придется;
Народ доволен разойдется,
И всякий что-нибудь с собою понесет.
Слияние частей измучит вас смертельно;
Давайте нам подробности отдельно.
Что целое? какая прибыль вам?
И ваше целое вниманье в ком пробудит?
Его расхитят по долям,
И публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в виду!
Обречь себя в веках укорам и стыду!—
Не чувствует, как душу мне терзает.

Директор

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей желает,
Способнее оружье изберет;
Но время ваши призраки развеять,
О, гордые искатели молвы!
Опомнитесь!— кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять,
И скука вместе с ним ввалилась — дремлет он;
Другой явился отягчен
Парами пенистых бокалов;
Иной небрежный ловит стих,—
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренье затемняет,
И на устах бездушия печать;
Красавицы под бременем уборов
Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей высоте?
Смотрите им в лицо!— вот те
Окременевшие толпы живым утесом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
Там мыслят дань обресть картежные ловцы;
Тот буйно ночь провесть в объятиях бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенье Муз прелестных!
Побольше пестроты, побольше новизны,—
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

Поэт

Нет! нет!— негодованье.
Поди, ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
Свободу, в жертву прихотей твоих?
Чем равны небожителям Поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца и всех обеты,
Стихии все во власть им предает?
Не сладкозвучие ль?— которое теснится
Не из груди, вливает ту любовь,
И к ним она отзывная стремится
И в них восторг рождает вновь и вновь,
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники тверды?
Превыше всех земных и суетных честей,
Из бренных листвиев кто чудно соплетает
С веками более нетленно и свежей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чела украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
Цветы роскошные родит пред нею перст
Того, кто спутник ей отрад любви стезею;
По смерти им Олимп отверст,
И невечернею венчается зарею
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта.

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

1

Окопáйтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, твержей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы,
Над челом крутой скалы.

2

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь, и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

3

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

4

Наши — камни, наши — кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли?— Вон над тучей —
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

10.

Дѣвамъ пленнымъ ожерелье.
Вотъ обломки друзьямъ!
Пьемъ бузу! Стони земля!
Кликомъ огласимъ ущелье!
Радуемъ миръ; живемъ весело.
Разъ еще увидимъ дворъ
Вольный край родимыхъ горъ!

А. Грибоѣдовъ.

Кам. Мостъ на Малкѣ.
** Октябрь 1825.

(x) Джигитъ — удалецъ. Ид.

«Хищники на Чегеме». Фрагмент автографа

5

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам,
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной,
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

6

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес — берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
Вглубь летит, разбитый в прах,
Риньтесь с ним, откиньте страх!

7

Ждем.— Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече
И по ряду, дележом
Делим взятое ножом.

8

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим.
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

9

Узникам удел обычный,
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы — жребий им приличный,
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи! в чуже — плен!

10

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем *бузу*! Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

Каменный мост на Малке
**Октября 1825

<ОСВОБОЖДЕННЫЙ>

Луг шелковый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. но я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.

Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

А. О<ДОЕВСКОМУ>

Я дружбу пел... Когда струнам касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил,
И призывал, и о тебе терзался!..
О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце,
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно!—

Мы молоды и верим в рай,—
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постой! и нет его! [угасло!]—
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор?— Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу

«Прости, Отечество!» Черновой автограф

И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!! —
Займемся былью стародавной,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

ДОМОВОЙ

Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Ступней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочит.

ДУША

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что́ за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир мое веленье!
И вот от сна
Привлечена
К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тьма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестный!
Нет, поживу
И наяву
Я лучшей жизнию, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

ОДА НА ПОЕДИНКИ

Доколе нам предрассужденью
Себя на жертву предавать,
И лживому людей сужденью
Доколе нами управлять?
Не мы ли жизнь, сей дар священный,
На подвиг гнусный и презренный
Спешим безумно посвятить
И, умствуя о чести ложно,
За слово к нам неосторожно
Готовы смертью отомстить?

Тобой ли, страсти нежной чувство,
О сладость чистых душ, любовь!
Могло быть создано искусство
Пролить любезных сердцу кровь?
Ах, нет! то не твое внушенье!
То ревности одной стремленье,
То гнусной гордости удел!
Они, отраву в нас вливая,
В свирепство нежность претворяя,
Нас мчат на тьму злодейских дел.

Там вижу: юноша, страдая,
В крови, лишенный жизни, пал!
Соперник, яростью пылая,
На смерть с веселием взирал.
Еще он, страстью покоренный,
Не внемлет истине священной
И злобы шествует стезей;
Рассудок им не управляет,
Ему он тщетно повторяет:
Страшися мщенья! ты злодей!

Когда, забыв вражду, очнешься
От сна, несчастный, твоего,
Узрев свой подвиг, ужаснешься,
Как мог исполнить ты его!
Наполнит сердце трепетанье,
И тайной совести страданья,
Как змеи, будут грудь терзать!
Мечтами будешь ты томиться,
И тень кровавая явится
Тебя в убийстве укорять.

Стараться будешь ты напрасно
Ее из мысли истребить;
Она в душе твоей всечасно
И в мрачном сердце будет жить.
В ушах стенанья повторятся,
И будет кровь в очах мечтаться,
Пролитая твоей рукой!
Быть может, скорбью изнуренный
И сына чрез тебя лишенный,
Отец предстанет пред тобой!

Се старец, сединой покрытый,
Едва не в гроб сведен тоской!
От грусти впадшие ланиты,
Черты, изрытые слезой!
Уста полмертвы растворяет,
Рукою сердце он сжимает,
Стремится гласу путь открыть;
Но стоны, стон перерывая,
Сей глас во груди умерщвляя,
Претят страдальцу говорить.

И наконец, прервав молчанье,
Злодей! тебе он вопиет:
Хоть раз почувствуй состраданье!
Зри! старец горьки слезы льет.
Тобой подпоры всей лишенный,
Пришел, мученьем отягченный,
Молить тебя, чтоб жизнь прервал:
Умру! тебя благословляя,
Умолк и, руки простирая,
Без чувств к ногам твоим упал.

Вотще бежишь, да отвратится
Твой взор от жалкой жертвы сей!
Смотри — се мать к тебе стремится,
Души лишенная своей,
Предавшись сердца исступленью,
Не верит сына умерщвленью,
Везде бежит его искать!—
Узря тебя, не укоряет,
Но гласом слезным умоляет,
Чтоб ей, где сын ее, сказать.

Тут бросишь яростные взоры
На близстоящих — на себя,
Почувствуешь в душе укоры,
Но поздны, поздны для тебя!
В мученья сердце погрузится,
И на челе изобразится
Тебя карающий позор;
Глас совести твоей открылся!
Но лют, неумолим явился:
Изрек ужасный приговор.

Лить кровь ты почитал отрадой,
Итак, страданьем дни исчисль!
Сцепленье лютых мук наградой
За ложную о чести мысль!
Итак, отчаянью предайся
И мыслью горестной терзайся,
Что вечны казни заслужил,
Чтоб мир, сей клятвой устрашенный,
Твоим примером наученный,
В смиренье духа возгласил:

Приди, прямое просвещенье,
Невежества рассеять тьму!
Сними с безумцев ослепленье
И дай могущество уму,
Чтобы, тобой руководимый,
Под свой покров необоримый
Он мог все страсти покорить;
Заставь сей мысли ужасаться:
Что должен робким тот считаться,
Кто извергом не хочет быть!

ВАЖНОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Германской музою пиита вдохновенный,
В залог бессмертия нетленный
От Славы имя получил:
Михайлом прежде был, а ныне *Михаил*.

* * *

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово: раб...
За то посажен в главный штаб
И там притянут к Иисусу!

* * *

Вы, коих беглый ум влечет
То к музам, то на поле брани,
Которым в руки он кладет
То кисть, то ветвия чекани,
Не будьте ВЫ
И в дружбе таковы.

СТАТЬИ

ПИСЬМО ИЗ БРЕСТА ЛИТОВСКОГО К ИЗДАТЕЛЮ <«ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»>

Июня 26 дня 1814. Брест

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривому, его офицеры. Издатель «Вестника Европы» должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего[1].

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден Святого Владимира I степени. Неподражаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При первом объявлении о монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, пиитическое.

Так, день желанный воссиял,
И к генералу строй предстал
Пиитов всякого сословья;
Один стихи ему кладет
В карман, другой под изголовье;
А он, о доброта! какой примеров нет,
Все оды принимает,
Читает их и не зевает.—

Нет; он был тронут до глубины сердца и подобно всем дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость.

---

[1] Это приятно видеть в сем письме. Из уважения к его чувству мы ничего почти не переправляем ни в стихах, ни в прозе. Впрочем, нельзя читателям требовать от Марсовых детей того, что мы требуем от детей Аполлоновых в условия их искусства. И<здатель>.

Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

Вождь, избранный царем
К трудам, Отечеству полезным!
Се новым грудь твою лучом
Монарх наш озаряет звездным.
Державный сей герой,
Смирив крамолу
И меч склоняя долу,
Являет благость над тобой,
Воспомянув твои заслуги неиссчетны:
Тогда, как разрушал он замыслы наветны,
И ты перуны закалял,
От коих мир весь трепетал;
Тобою внушены кентавры,
Что ныне пожинали лавры,
И в вихре смерть несли врагам.
Царь помнит то — и радость нам!
Скорее осушим, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши
Меж окружающих сподвижников твоих,
Не подчиненных зри — друзей, сынов, родных.
В кругу приверженцев, в кругу необозримом,
Ты радость обретешь в сердцах,
Во взорах, на устах.
Блаженно славным быть, блаженней быть любимым!

Всё это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали на место, где давали праздник,— одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб докончить нужные приуготовления.

Есть в Буге остров одинокой;
Его восточный мыс
Горою над рекой навис,
Заглох в траве высокой
(Преданья глас такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные там нынешней порой;
Преданье кажется мне сказкой, между нами,
Хоть верю набожно я древности седой;
Нет, для окопов сих отцы не знали места,
Сражались, били, шли вперед,
А впрочем, летописи Бреста
Пусть <Каченовский>[1] разберет);
Усадьбы, города, и селы,
И возвышенности, и долы
С горы рисуются округ,
И стелется внизу меж вод прекрасный луг.

---

[1] Мы выпустили здесь нечто, не хотев оскорбить одного собрата нашего журналиста. И<здатель>.

На сем избранном месте,
При первой ликованья вести,
Подъялись сотни рук;
Секир и заступов везде был слышен стук.
Едва ль румянила два раза свод небесный
Аврора утренней порой —
Все восприяло вид иной,
Вид новый, вид прелестный,
Творенье феиной руки!
Где были насыпи — пестрелись цветники,
А где темнелись кущи —
Явились просеки, к веселию ведущи,
К красивым убранным шатрам,
Раскинутым небрежно по холмам.
В средине их, на возвышенье,
Стояли светлые чертоги угощенья;
Из окон виден их
В лугу разбитый стан для воинов простых.
На теме острова был к небу флаг возвышен,
Чтоб знак веселия узреть со всех сторон,
И жерлов ряд постановлён,
Чтоб радости отзыв везде был слышен.
На скате ж, где приступен вал,
Один лишь вход удобный,
И город где являл
Картине вид подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Из копий, связанных цветами,
И укрепили их в полкруге над столпами,
Унизанными осокой.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами оружие снабдило;
Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне бы весьма хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блеск воинских нарядов; к несчастью, никак не мог прибрать рифмы для лядунок и киверов, итак, пусть будет это в прозе. Но то, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенному, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял безмолвен, удивлен, обрадован, растроган, потом взошел, или, лучше сказать, внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

Сей вход отличиям условным был рубёж;
Но случай подшутил, и что ж? —
Кто чином высшим украшался,
И доблестями тот отличней всех являлся.—

Взошед в галерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помещу оттого, что не спросился у кавалериста-сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими живописными видами. На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая всё место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник,— всё пленяло взор наблюдателя, всё приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось по лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

Уж запахом к себе манили яствы,
Литавры грянули! — и новые приятства,
Обед сближает всех,
С ним водворяется в собранье сто утех,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, приязнь, непринужденность
И, словом вам сказать,
Все радости сошлись нас угощать.
Когда ж при трубах, барабанах
Заискрилось шампанское в стаканах,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зарделось,—
У всякого лицо от нектара краснелось;
Но стихотворец тут перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб- и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

И гости все едва ли
Из-за обеда встали,
Взялись за песни, остроты;
Тут излияния сердечны
Рекою полились: все в радости беспечны!
Болтливость пьяного есть признак доброты;
Пииты же, как искони доселе,
Всех более шумели,

Не от вина, нет; — на беду
Всегда они в чаду:
Им голову кружит другое упоенье —
Сестер Парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она сопутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6500 рублей.

Так посвящали мы — честь нашему собранью! —
Забавам час, другой же состраданью.

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпались по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Мало-помалу стало смеркаться, и под вечер пригласили всех на противуположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, всё в глазах их переменилось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галерея и всё место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки сельская картина, луга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей радости, нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

Их взоры нежные шумливость укрощают
И грустные сердца к веселью возбуждают.

Несколько ракет возвестили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственного огня горело вензелевое имя генерала и Владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминован. Дамы и офицеры смешались вместе; в галерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного

гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели, или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах полубоярские затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения,— такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

Философы в ученом заточеньи,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг!
Здесь узрите вы дружный, братский круг,
Начальника, отца обширного семейства,
Коль надобно — на смерть идут;
Не нужно — праздники дают.
У вас как будто чародейство:
От книг нейдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Наш стоит 10 000 рублей, кроме фейерверка. Кончая мою реляцию, желаю вам так же веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов

P. S. Посылаю вам 1000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

От издателя. Желаю оправдать доверенность, выполнить поручение благотворительного человека и заслужить не имя заступника неимущих, на которое не могу иметь права, но имя посредника между бедными и благодетельными людьми. О раздаче денег, сколько и кому именно, уведомлю через «Вестник». *В<ладимир> И<змайлов>*.

О КАВАЛЕРИЙСКИХ РЕЗЕРВАХ[1]

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего героя, сей рассадник юных воинов, который единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорого купленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был очевидцем, дивился быстроте ходу его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частию, который в точности оправдал слова великого нашего Государя, изъявившего ему в всемилостивейшем рескрипте[2], *что не нашел иного, коему бы можно было вверить столь важную часть*. Все сие усмотрит читатель из обозрения кавалерийских резервов, которое я постараюсь сделать как можно внятнее и короче, не входя в излишние подробности.

18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов рескрипт о принятии его в службу и повеление приготовить в Муроме 9000 кавалерии и по два эскадрона для каждого гвардейского полку. Формирование, возложенное прежде на генерала графа Толстого, не было еще начато по многим важным причинам. Ни людей, ни лошадей, ни материалов для обмундировки, ниже каких необходимых пособий не было. Едва начали собираться толпы рекрут, как был сказан поход в Новгород-Северск, а не доходя до места, получено повеление идти на Могилев Белорусский. Между тем план формирования переменен и сделан гораздо обширнее. Повелено было сформировать для каждого армейского пол-

[1] Мы получили сию статью из Бреста Литовского при следующем письме: «Прошу Вас покорно, милостивый государь, поместить следующую статью о кавалерийских резервах в вашем журнале. Чем скорее вы это сделаете, тем более обяжете меня и всех моих здешних сослуживцев. Кажется, что это не против плана вашего издания; не думаю также, чтобы читатели меня упрекали в сухости. Они находили в Вестнике известия о доходах, расходах и долгах Франции и других наций; неужели государственная экономия их отечества менее стоит внимания? Честь имею пребыть и проч... Грибоедов».— *Примечание издателя.*

[2] 14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии.

ку по два эскадрона из 200 нижних чинов. В Могилеве, однако, всё более и более приходило в устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съезжаться офицеры, которые все, подстрекаемые духом достойного их начальника, пылали благородным соревнованием, чтобы споспешествовать к славе действующей армии, и доказательство сему недвусмысленно. В начале марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму и едва успела туда вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников испытанных, закоснелых в военном ремесле, и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! в толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы вправе ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии с блестящей наружностью искусные в построениях и всем отличные, достойные телохранители великого! Но что? одобрение его величества по прибытии их во Франкфурт есть несомненный знак их достоинства.

Из Слонима перешли все кавалерийские резервы в Брест Литовский и оттоле отправлялись ежемесячно в действующую армию по десяти, двенадцати, двадцати, а в разные времена от августа до января пошло в армию 113, ныне же в готовности 150 эскадронов. И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев образовалось 65 000 кавалерии.

Кто когда-либо служил в кавалерии, кто хоть малейшее имеет понятие о трудностях сей службы, кто приведет себе на память, что прежде сего один конный полк формировался целыми годами, кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприяли свое начало, кто расчислит, какие запутанности встречаются при начале всякого важного и огромного государственного дела, кто взвесит обстоятельства, коих не в силах отвратить никакая предусмотрительность, например: отдаленность губерний, из коих приводятся лошади, порча их на дороге, неопытность иных гражданских чиновников, коим поручено было в губерниях принимать, разбирать, отводить ремонты и так далее, кто притом знает, чего стоит в кроткого земледельца внушить дух бранный, чего стоит заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским

уставам,— тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2000 вер<ст>) по краям, опустошенным неприятелем, подивится войску, ополченному в случайностях войны, как бы в тишине мира, под сению которого редко что требуется к спеху, и дается времени столько, сколько потребно для совершения нужного дела.

К вящему доказательству, как успешно формировалась кавалерия, служит конница Польской армии, стоявшая под Гамбургом, равно как и большая часть бывшей во Франции, которая вся составлена генералом Кологривовым; притом эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примеру упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его наголову и взял 200 нижних чинов в плен; также и Сумской ударил один на 2 эскадрона и обратил их в бегство, имея в виду сильное неприятельское подкрепление. Теперь, обозрев быстрое и успешное формирование, займемся другим не менее важным предметом.

Утихла буря на политическом горизонте; уже не отзываются громы ее, и мир, как благотворный луч солнца, озаряет гражданскую деятельность; истинный патриот, не помышлявший о своем стяжании тогда, когда отечество, удрученное бедствиями, взывало к нему, ныне в мирном досуге рассчитывает убытки, претерпенные государством. Убытки сии неизбежны в военное время. Но скажем, к успокоению людей, пекущихся о народном благосостоянии, что кавалерийские резервы, относительно к огромности сего учреждения, весьма мало стоили казне не по одному только бескорыстию командующего сею частию (я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях); нет! Но немудрено бы было ему, единственно занятому важным поручением, и простительно даже не иметь внимания к экономическим расчетам, по-видимому, несовместным с пылким духом ревностного военачальника. Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономии, и покажем это на опыте.

В Муроме делались заготовления провианта и фуража на 12 000 человек и 90 812 лошадей. Генерал Кологривов, по прибытии своем туда, прекратил сие, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло прийти в одно время и содержаться в одном месте. Последствия оправдали принятые им меры, ибо резервы переменили квартиры, а бесполезные заготовления продались бы с публичного торгу гораздо дешевле, чем стоили казне: таким образом сбережено более полумиллиона казенной суммы.

Военным министерством назначено было употребить вольных ремесленников для скорейшего обмундирования нижних чинов и для делания конского прибора. Сие оказалось ненужным: хозяйственными распоряжениями, употреблением своих мастеров и приучением наиболее к ремеслу рекрут всё сделано равно поспешно, а казенные издержки уменьшены более чем на 200 000 рублей.

С самого начала формирования приводились лошади не только в изнурении, но и в болезнях; должно было продавать их с публичного торгу. Но генерал Кологривов, почитая всегда священнейшею обязанностию пещись о сохранении государственной пользы, завел на свой счет конский лазарет, в коем лошади по большей части вылечиваются и обращаются на службу. Основание и содержание сего заведения не стоит казне ничего, кроме корма лошадям.

Скажу еще одно слово о продовольствии войска, о сей необозримой части государственных расходов. Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались. Польза, проистекавшая от того для казны, можно сказать, неисчисляема; ибо только во время пребывания кавалерийских резервов в Брестском и соседственных поветах уменьшение казенных издержек простирается до нескольких миллионов.

Впрочем, нельзя упомнить всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который могла претерпеть казна. Конечно, должно бы более сказать о ревности его к службе, об известной опытности, о невероятных его стараниях и о чудесной деятельности; но он, сколько я знаю, не любит небережные, хотя правдивые, хвалы; касательно ж до читателей, верно всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих дол-

жностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя! Хвала мудрому государю, умеющему избирать и ценить достойных чиновников!

О РАЗБОРЕ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ «ЛЕНОРА»

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit[1].

Я читал в «С<ыне> О<течества>» балладу «Ольга» и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики,— это очень важно, если только справедливо; сомневаюсь, подлинно ли оно так; дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии!

Г. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже, следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г. рецензента. Может быть, иные не одобрят оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? Г. рецензент читает новое стихотворение; оно не так написано, как бы ему хотелось; за то он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале и не подписывает своего имени. Всё это обыкновенно и уже никого не удивляет.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике; она, напр<имер>, никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город *под* звон колоколов, плясать *под* музыку. Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением, но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно.

Между тем уважим прихоти <г.> рецензента, рассмотрим по порядку всё, что ему не нравится.

Во-первых, он не жалует баллад и повторяет сказанное в одной комедии, что «одни только красоты поэзии могли до

[1] Несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну *(лат.).— Ред.*

сих пор извинить в сем роде сочинений странный выбор предметов». Странный выбор предметов, т. е. чудесное, которым наполнены баллады,— признаюсь в моем невежестве: я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения.

В «Ольге» г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее[1].

Также ему не по сердцу восклицание *ах!*, когда оно вырывается от души в стихах:

Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую страну:

На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с трубами
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов,—

слово *турк*, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова и в простонародных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: *с песньми*. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез которую описание делается живее; и вот что нужно г. рецензенту: его длинная рецензия доказывает, что он не из краткости бьется.

Далее он изволит забавляться над выражением: *слушай, дочь*,—«подумаешь,— замечает он,— что мать хочет бить дочь». Я так полагаю, и верно не один, что мать просто хочет говорить с дочерью.

---

[1] Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышущие пиитической простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

...В Украйне дальной
Если клятв не чтя своих,
Обошел налой венчальной
Уж с другою твой жених.

Он находит, что проза его гораздо лучше:

Может быть неверный
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.

Так переводит он из Бюргера; не видно, между тем, почему это хорошо, а русские стихи дурны. Притом г. рецензенту никак не хочется, чтобы налой, при котором венчаются, назывался налоем венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет: *слезный* ему кажется слишком *сухим*, в другом тон мертвеца слишком грубым. В этом, однако, и я с ним согласен: поэт не прав; в наш слезливый век и мертвецы должны говорить языком романическим. Nous avons tout changé, nous faisons maintenant la médecine d'une méthode toute nouvelle[1].

Вот как в балладе любовник-мертвец говорит с Ольгой:

«Мы лишь ночью скачем в поле;
Я с Украйны за тобой:
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
— «Ах, войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

* * *

— «Пусть он свищет, пусть колышет,
Что до ветру мне? Пора!
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою,
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

* * *

— «Где живешь? скажи нелестно:
Что твой дом? велик? высок?»

[1] Мы всё изменили, мы лечим теперь по совершенно новому методу *(франц.)*.— *Ред.*

— «Дом землянка».— «Как в ней?» — «Тесно»,
— «А кровать нам?» — «Шесть досок».
— «В ней уляжется ль невеста?»
— «Нам двоим довольно места».

Стих: *«В ней уляжется ль невеста?»* заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? Что же ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной? Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос.

Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом,
Обвила ему вкруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица
Как стрела, как пращь, как птица,
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Эта прекрасная строфа, сверх чаяния, понравилась и г. рецензенту; он только замечает, что поэт дал слову *пращь* значение, ему не свойственное; — наконец, исписав 17 страниц, г. р<ецензент> дописался до замечания справедливого. Скажу только, что слово *пращь* в таком смысле, как оно принято в «Ольге», находится также в одном месте у г. Жуковского:

От стука палиц, свиста пращей
Далече слышен гул дрожащий.

Стихотв[орения] Жуковск[ого],
т. I, стр. 107

Потом г. р<ецензент>, от нечего делать, предлагает несколько вопросов для решения,— от нечего делать, говорю я: потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, напр[имер], в стихах:

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор,
С двери вдруг, хлыста ударом,
Спали петли и запор.

Он спрашивает: что такое *наскакал на забор?* Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что наскакал на забор значит: примчался во всю прыть к забору.

«С какой двери (продолжает он) спали петли», и пр.— С той же, на которую в переводе у г. рецензента: *седок поскакал, опустив узду*. Далее в стихах:

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю — провалился
И навеки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. Он свою рецензию прислал из Тентелевой деревни С<анкт-> П<етер>-б<ургской> губернии; нет ли там колонистов? не колонист ли он сам? — В таком случае прошу сто раз извинения. Для переселенца из Немечины он еще очень много знает наш язык. Но к концу рецензент делается чрезвычайно весел. Ему не нравится, что

Ольга в страхе, без ума,
Неподвижна и нема,

и он хочет ее уронить.— Да, да!— *ведь у Бюргера*,— говорит он,— *могла же она упасть и лежать*. Надобно ее непременно уронить. Куда девалась ваша стыдливость, г. рецензент?

Но за этим следует замечание, которое похоже на дело. В балладе адские духи припевают погибшей Ольге:

С Богом в суд нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грешну душу Бог прости.

Точно, не шло бы адским духам просить Бога о помиловании грешной души, хотя это и у Бюргера так, однако три первые стиха, по-моему, более походят на злобные укоризны, на иронию, чем на проповедь, вопреки г. рецензенту; но, видно, участь моя ни в чем с ним не соглашаться. Его суждения мне не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленький предрассудок, над которым он, верно, будет смеяться: напр<имер>, я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен между прочим хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в русском языке переведет с немецкого:

Rasch auf ein eisern Gitterhor
Gings mit verhängtem Zügel,

т. е. «пустился во весь опор на железные решетчатые ворота».

Кто переведет это таким образом, как г. р<ецензент>: «быстро на железную решетчатую дверь поскакал (седок), опустив узду». Так точно французское: ventre à terre[1] можно перевести *брюхом по земле.*

У Бюргера Ленора говорит:

Verloren ist verloren[2]

А Ольга в русской балладе:

Нет надежды, нет как нет!

Рецензент кричит: «Нет! не то! не то! не то!» Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. Но если верить г. рецензенту, он сам по себе не вооружился бы против Ольги, взыскательные неотвязчивые читатели его окружают. Они заставили его написать длинную критику. Жалею я его читателей; но не клеплет ли он на них? — В противном случае, зачем было говорить с ними так темно: «Что касается до меня, то я, право, ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме того, что, так сказать, нейдут в душу». Такой нескладный ответ, натурально, никого не удовлетворит: с неугомонными читателями надобно было поступить простее; надобно было сказать им однажды навсегда: «Государи мои! не будем толковать о поэзии, она для нас мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а бесполезная и оскорбительная критика в журнале не наполнила бы 22-х страниц.

Но нет! г. рецензент не мог отговориться; судить криво, бранить — какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом! притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении,— подвиг немноготрудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия вроде той, которая сделана на «Ольгу».— Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт — лучшее доказательство.

Переношусь в Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в стихах и в прозе, но мне, будто невзначай, попалась в руки «Людмила». Читаю и на первом стихе второго куплета останавляюсь:

Пыль туманит *отдаленье.*

---

[1] Во весь опор *(франц.).— Ред.*
[2] Утрачено — значит утрачено *(нем.).— Ред.*

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то слишком фигурно, а отдаление просто значит, что предмет удаляется; если принять, что пыль туманит отдаленье, можно будет сказать, что она туманит удаленье и приближенье. Но за сим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для рифмы. О, рифма![1] Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость!
Ах! прости *надежда-сладость*.

Надежда-сладость.— Опять-таки для рифмы! Одно существительное сливают с другим, для того, чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нем необходимо. Напр<имер>, девица-краса, любовник-воин, но надежда — всегда сладость. Далее мать говорит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

. . . .
Не призвать минувших дней
. . . .
Что прошло, невозвратимо.
. . . .
Возвращу ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта — заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчаяние. Вообще, как хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать? Должно думать, что за безрассудные слова, ибо под концом усопших хор ей завывает:

Смертных ропот безрассуден,
Час твой бил — и пр.

Но где же этот ужасный ропот, который навлек на нее гнев Всевышнего? Самая богобоязненная девушка скажет то

---

[1] Читатели не должны быть в заблуждении насчет сих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту «Ольги».

же, когда узнает о смерти своего любезного. *Царь небесный нас забыл* — вот самое сильное, что у ней вырывается в горести, но при первом призраке счастия, когда она мертвеца принимает за своего жениха, ее первое движение благодарить за то Бога, и вот ее слова:

Знать, *тронулся* царь небесный
Бедной девицы тоской!

Неужели это так у Бюргера? Раскрываю «Ленору»,— вот как она говорит с матерью:

O Mutter! Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben[1].

Извините, г-н Бюргер! Вы не виноваты! Но возвратимся к нашей Людмиле, она довольно погоревала, довольно поплакала, наступает вечер.

И зерцало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак *облеченны.*

Облеченны вместо *облечены* нельзя сказать; это маленькая ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов! Но чу! бьет полночь! К Людмиле крадется *мертвец* на цыпочках, конечно, чтоб никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шепотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила,
Помнит друга иль забыла?» и т[ак] далее.

Этот мертвец слишком мил; живому человеку нельзя быть любезнее.

После он спохватился и перестал говорить человеческим языком, но всё-таки говорит много лишнего, особливо когда подумаешь, что ему дан *краткий, краткий срок* и *миг страшен замедленья.*

Мы коней своих *седлаем,*
Темны кельи *покидаем.*

---

[1] О мать, мать! То, что жжет меня,
Никакая святыня не может утолить,
Никакая святыня не может жизнь
Вернуть мертвецу. *(Нем.) — Ред.*

Такие стихи:

Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски.

И не прощаются в хорошем стихотворении.

Поздно я пустился в путь.
Ты моя — моею будь!

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтоб уговорить Людмилу за собою следовать, очень оригинален.

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Едем, едем . . . .

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив, и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это *чу!* слишком часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Чу! полночный час звучит.
. . . .
Чу! в лесу потрясся лист!
Чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в «Людмиле» есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзый конь заржал.
. . . .
Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь? колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукой и помчалась с ним

Скоком, лётом по долинам.

Доро́гой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвый и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги». Но что ж? Людмила верно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба.

Впрочем, доро́гой Людмиле довольно весело; ей встречаются приятные тени, которые

Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились.

И вкруг ее

Поют воздушны лики,
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую *ранний ветерок.*

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

Чтоб не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю с себя маску привязчивого рецензента и, в заключение, скажу два слова о критике вообще. Если разбирать творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет — не стоит того, чтобы писать критику; если ж есть, то рассмотреть, какого они рода, много ли их или мало. Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения. Вот чего рецензент «Ольги» не знает, или знать не хочет.

<ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ А. А. ЖАНДРОМ «СЕМЕЛЫ» ШИЛЛЕРА>

Вы знаете прекрасные сцены Шиллеровой «Семелы». По усиленной просьбе моей, А. А. Жандр согласился перевести их на русский язык и добавить от себя, чего недостает в подлиннике. Вообще он обогатил целое новыми, оригинальными красотами. И в отрывке, который при сем препровождаю, лирическое во втором явлении от слова до слова принадлежит ему. *Грибоедов.*

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ <«СЫНА ОТЕЧЕСТВА»> ИЗ ТИФЛИСА ОТ 21 ЯНВАРЯ <1819 года>

Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу (не мысленно, а по почте: одно другого побеспокойнее!); вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова, *Россия локтем возлегла*, но теперь его подвинула уже гораздо далее. Округ меня неплодные скалы, над головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди светлелись снежные верхи гор, куда я вскоре потом взобрался и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы; но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась: крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы; оттуда один шаг до *Тифлиса*, и я уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу́ им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; люблю и теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда об них думаю, наведываюсь у приезжих обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; всё, что оттуда здесь узнать можно, самые незначащие мелочи сильно действуют на меня, и даже *газетные* ваши вести я читаю с жадностью.

Теперь представьте мое удивление: между тем как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном про-

свещенными жителями столицы, на днях, перебиравши листки *«Русского Инвалида»*, в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут... И было порадовался, но что ж прочел? Пишут *из Константинополя от 26 октября, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя.* Это меня и опечалило, и рассмешило.

Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значащем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно б было, кажется, усомниться, тем более, что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь. Возмущение народа не то, что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, ни обширна наша Россия. И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет, во-первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что *немецкий граф* — одно и то же: ни тот ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, всё так спокойно и смирно, как бы в земле, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства, ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, оберегатели частных прав, каждого удовлетворят сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу *рамбавии* (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда, конечно, из наших никто прежде не заходил. На плоских здеш-

них кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои нарумяненные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в *«Инвалиде»*. В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстроиваются; зажиточные исчисляют, сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени, проповедуют Ш<тиллингов> золотой Иерусалим с жемчужными вратами, недостаточные работают; дети их каждое утро являются на улицах и в домах с духовными виршами механика К ***, которых никто не слушает, и с коврижками, которые все раскупают и щедро платят себе за лакомство, им на пропитание. Вечером в порядочных домах танцуют, на *саклях* (террасах) звучат в бубны и завывают песни, очень приятные для *поющих*. Между тем город приметно украшается новыми зданиями. Всё это, согласитесь, не могло бы так быть в смутное время, когда богатым татарским князьям пришло бы в голову возмущать всеобщее спокойствие.

Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии *Ермолова*. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно. Имея притом в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и разрыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору *Пестелю* занять Басилы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные, обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбудителям этого скопления дарована пощада, и, одним словом, никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним Главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и народов, ему вверенных,— и необузданность горцев

останется только в рассказах о прошедшем. Впрочем, если и принять в уважение, что экспедиция, о которой я сейчас упомянул, причиною толков о мнимом грузинском бунте, на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать? Они ясно показывают, что события с Кавказской линии так же не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случается в Финляндии.

Я бы, впрочем, не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей[1], и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или в Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может.

А где настоящий источник таких вымыслов? Кто первый их выпускает в свет? Какой-нибудь армянин, недовольный своим трудом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передается другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьему нетрудно мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до *«Гамбургского корреспондента»*, от которого ничто не укроется, а у нас привыкли его от доски до доски переводить, так как же не выписать оттуда статьи из *Константинополя*?

Потрудитесь заметить почтенному редактору «Инвалида», что не всяким турецким слухам надлежит верить, что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться *краем забвения,* то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно.

---

[1] «Русский инвалид», в статьях иностранных, не есть официальная газета (Прим<ечание> изд<ателя>.)

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАВОДНЕНИЯ

Я проснулся за час перед полднем; говорят, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили с крепости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным тротуарам; скоро их захлестнуло; еще несколько минут, и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья (это было на Торговой, в доме В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас не скоро дойдет; бегаю, распоряжаю — и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса — и тут во́ды со всех сторон нахлынули, люди с частию вещей перебрались на чердак, сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у N. П.— Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хотелось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за час пролегала оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. К театральной площади, от конца Торговой и со взморья, горизонт приметно понижается; оттуда бугры и холмы один на другом ложились в виде неудержимого водоската.

Свирепые ветры дули прямо по протяжению улицы, порывом коих скоро воздымается бурная река. Она мгновенно мелким дождем прыщет в воздухе, и выше растет и быстрее мчится. Между тем в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука ежедневного человеческого; ни одна лодка не появила́сь, чтобы воскресить упадшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная с места, пронеслась к Кашину мосту, который тоже был сломлен и опрокинут; лошадь с дрожками долго боролась со смертию, наконец уступила напору и увлечена была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи, отломки от строений, дрова, бревна и доски — от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных,

различить было невозможно. Вид стеснен был противустоящими домами; я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окны. Ветер сильнейший и в панораме пространное зрелище бедствий. С правой стороны (стоя задом к Торговой) поперечный рукав на место улицы между Офицерской и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спирались, их с тротуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отовсюду обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы, всё изломанное в щепки неслось, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением. Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще не опрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна <девушка>[1], которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостию членов. Всё это осиротело. Где отцы их, матери!! Возвратясь в залу к С<толыпину>, я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иные совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин от уличной поверхности. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами. Между тем вода с четверть часа остановилась на той же высоте, вдали появились два катера, наконец волны улеглись и потоп не далее простер смерть и опустошение; вода начала сбывать.

Между тем (и это узнали мы после), сама Нева против дворца и Адмиралтейства горами скопившихся вод сдвинула и расчленила огромные мосты Исакиевский, Троицкий и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда

[1] Слово «девушка» прочитано предположительно.— *Примечание публикатора.*

гибли и с ними люди, иные истощавшие последние силы поверх зыбей, другие на деревах бульвара висели над клокочущей бездною. В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от потопления, но вскоре исчез из виду, и во весь этот день о нем не было вести. Граф Милорадович в начале наводнения пронесся к Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, как пароходные крылья, рыли бездну, и он едва мог добраться до дворца, откудова, взявши катер, спас нескольких.

Всё, по сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской, было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов выписные изделья быстро поплыли к Аничкову мосту; набережные различных каналов исчезали и все каналы соединились в одно. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядами, исторгнутые, вверх корнями. Ограда ломбарда на Мещанской и другие, кирпичные и деревянные, подмытые в основании, обрушивалась с треском и грохотом.

На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Набережные железные перилы и гранитные пиластры лежали лоском. Храповицкий[1] отторгнут от мостовых укреплений, неспособный к проезду. Я перешел через него, и возле дома графини Бобринской середи улицы очутился мост с Галерного канала; на Большой Галерной раздутые трупы коров и лошадей. Я воротился опять к Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез. По плавучему лесу и по наваленным поленам, погружаясь в воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матиловых тоней. Вид открыт был на Васильевский остров. Тут,

[1] Мост.— *Примечание публикатора.*

в окрестности, не существовало уже нескольких сот домов; один, и то безобразная груда, в которой фундамент и крыша — всё было перемешано; я подивился, как и это уцелело.— Это не здешние; отсюдова строения Бог ведает куда унесло, а это прибило сюда с Ивановской гавани.— Между тем подошло несколько любопытных; иные, завлеченные сильным спиртовым запахом, начали разбирать кровельные доски; под ними скот домашний и люди мертвые и всякие вещи. Далее нельзя было идти по развалинам; я приговорил ялик и пустился в Неву; мы поплыли в Галерную гавань; но сильный ветер прибил меня к Сальным буянам, где на возвышенном гранитном берегу стояло двухмачтовое чухонское судно, необыкновенной силою так высоко взмощенное; кругом поврежденные огромные суда, издалека туда заброшенные. Я взобрался вверх; тут огромное кирпичное здание, вся его лицевая сторона была в нескольких местах проломлена, как бы десятком стенобитных орудий; бочки с салом разметало повсюду; у ног моих черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумаг с надписью: «№ 16, февр. 20. Дела казенные».

Возвращаясь по Мясной, во втором доме от Екатерингофского проспекта заглянул я в нижние окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трех столах. Я вошел во внутренний двор,— ни души живой. Проникнул в тот покой, где были усопшие, раскрыл лица двоих; пожилая женщина и девочка с открытыми глазами, с оскаленными белыми зубами; ни малейшего признака насильственной смерти. До третьего тела я не мог добраться от ужаснейшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленников или скончавшихся иною смертию. На Торговой, недалеко от моей квартиры, стоял пароход на суше.

Необыкновенные события придают духу сильную внешнюю деятельность; я не мог оставаться на месте и поехал на Английскую набережную. Большая часть ее загромождена была частями развалившихся судов и их груза. На дрожках нельзя было пробраться; перешед с половину версты, я воротился; вид стольких различных предметов, беспорядочно разметанных, становился однообразным; повсюду странная смесь раздробленных <...>[1]

[1] Недописано.— *Примечание публикатора.*

Я наскоро собрал некоторые черты, поразившие меня наиболее в картине гнева рассвирепевшей природы и гибели человеков. Тут не было места ни краскам витийственности, от рассуждений я также воздерживался: дать им волю значило бы поставить собственную личность на место великого события. Другие могут добавить несовершенство моего сказания тем, что сами знают; г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здесь уже не будет.

Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия. Река возвратилась в предписанные ей пределы; душевные силы не так скоро могут прийти в спокойное равновесие. Но бедствия народа уже получают возможное уврачевание; впечатления ужаса мало-помалу ослабевают, и я на сем останавливаюсь. В общественных скорбях утешен мыслию, что посредством сих листков друзья мои в отдаленной Грузии узнают о моем сохранении в минувшей опасности; и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем.

<ПРИМЕЧАНИЯ К «НЕОБЫКНОВЕННЫМ ПОХОЖДЕНИЯМ И ПУТЕШЕСТВИЯМ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА ДЕМЕНТИЯ ИВАНОВА ЦИКУЛИНА В АЗИИ, ЕГИПТЕ, ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ с 1808 по 1821 год, ИМ САМИМ ОПИСАННЫМ»>

...по договору с астраханским купцом Яковом Кузьминым Селиным, подрядился я плыть на судах с разными его товарами в Каспийское море, а потом в персидскую пристань Зензели*.

[1] *Зензели.* Собственно Зинзилин не есть город, но залив в юго-западной оконечности Каспийского моря.

...оставив в персидской пристани своих единоземцев, пошел я в город Ряшм.

---

* Здесь и дальше петитом — текст Цикулина, комментированный Грибоедовым.— *Ред.*

[2] *Ряшм*, читай *Ряшт* или *Решт*, торговый город на южном берегу Каспийского моря, отстоящий от оного на 6 или 7 верст и построенный при реке Сияруд, впадающей в оный залив.

...В это время случилось выехать из города на охоту Кармашанскому хану.

[3] *Кармашанскому хану*, читай: Кирманшахскому хану. *Кирманшах* — известный персидский город, в расстоянии около 200 верст от Багдада. Ханами в Персии называются губернаторы.

...проезжали мимо пасомого мною стада крутские разбойники.

[4] *Крутские* разбойники, читай: курдские, курды.

...по прошествии недели продали меня сардару.

[5] *Сардар* — персидское слово, значит: предводитель, полководец.

...Давид-Паша определил мне на пропитание 20 куруш денег.

[6] Давид-Паша три года тому назад прислал своего поверенного в Грузию, чтобы позволено было его матери прибыть к нему в Багдад. Но она, крепостная князей Орбелияновых, решительно отказалась от путешествия в мусульманскую землю и предпочла свое состояние в православном отечестве той пышной жизни, которая ее ожидала в Багдаде.

[7] *Куруш* — турецкий пиястр.

...объявил я намерение свое отправиться в город Иерусалим, для поклонения св<ятым> местам. Они присоветовали мне ехать по реке Шату.

[8] *Река Шатт.* Здесь наш путешественник делается совершенно непонятным в географическом отношении. Он говорит, что, выплыв по реке Шатту, переплыл через реки Евфрат, Тигр и Мурад и прибыл в Бостру через 3 дни. Он смешивает разные названия Евфрата и Тигра и, вероятно, *Бострою* называет *Бассору*, или *Бассру*. Хотя и в самом деле существует город по имени *Бостра*, но он не лежит в Сирии, в Дамасском пашалике, и вовсе не при Евфрате, ниже при Тигре. Река Евфрат, вытекая из гор Армении, соединяется с другой рекою в Диарбекире, называемою Мурадом; ниже Багдада соединяется она с Тигром, где, получив название

Шатта, протекает к Бассоре и наконец впадает в Персидский залив. Следовательно, Цикулин выплыл из Багдада по реке Тигру, который по-арабски называется *Диджлы*, прибыл на Шатт и оттуда отправился в Бассору, не в Бостру.

...мы, плывя по рекам Шату, Евфрату, Тигру и Мураду, чрез 3 дни после ограбления прибыли в город Бостру.

[9] Не *Бассора* ли?

...При сем хочу сказать благосклонному читателю о хлебопашестве и образе жизни балбаских жителей.

[10] *Балбасцы*, горное военное племя в западной Персии и в сомнительной зависимости от шаха. Их географическое положение поблизости с турками и на крутизнах едва доступных много способствует им при частых возмущениях.

...Сверх того посетил я разные персидские города: столичный Тигран[11], а поменее оного Ширязь[12], Козминь, Ряшт и Таврис[13], в котором владелец Мирза Абаз[14]. Также города Марачу, Урюм, Хурма, Ват и Кармашан.

[11] Тегеран. [12]Город Шираз, столичный провинции Фарс, на восточной стороне Персидского залива. Казвин, известный город в Персидском Ираке. *Мараджа*, или *Марага*,— город, лежащий на восточном берегу озера *Урмии*, или *Урумии*, получившего свое название от города сего имени, который находится на западном берегу оного. *Хурремабад* — город в небольшом расстоянии от Кирманшаха, к югу. [13]Тебрис, [14]Аббас-Мирза.

...в Крутском владении, главный город Киллюм управляется сардаром Буда-Ханом.

[15] В *Крутском владении*, т. е. в Курдском, или в провинции, называемой *Курдистаном*. Но в Курдистане главный город есть *Кирманшах*, не *Киллюм*. *Кирманшах*, по-арабски *Карамсин*, лежит при реке *Кера*; город *Киллюм* нам вовсе неизвестен: не есть ли это Киллакади, небольшой курдистанский город?

...мне, бедному путешественнику, шла провизия, которая состояла каждодневно из фунта хлеба и пенеруда.

[16] Сыр по-перс<идски>.

...турецкий город Бастро (Бассора) лежит близ Арабского (Персидского) залива, в который впали и соединились в одно течение пять прекрасных

рек, а именно: Шат, Евфрат, Тигр, Мурат, и какое название пятой реки, о том не упомню.

(Вероятно, он хочет сказать о реке Кера.)

...реки сии со всех сторон украшены хурмовыми деревьями.

(Пальмами, dattiers.)

...растущие на них плоды, по наружности своей, во всем подобны дубовым желудкам.

[17] Финики, хурме́ по-персидск<и>.

...комнаты топят и обжигают кирпичи травою, которую называют тамошние жители коренистою комочкою.

[18] Aubépine, боярышник, любимая пища верблюдов; такими кустами поросли все невспаханные поля в Персии.

...от Маската до города Абушери.

[19] Бендер Бушир.

...капитан взял меня сперва к себе, а после препоручил родному своему племяннику Александру Грифсу, крестному сыну нашего всемилостивейшего государя императора Александра Павловича.

[20] Семейство Грифс (дети покойного с.-петербургского медика) получило богатое наследство в Бомбае, с условием там поселиться. Девицы Грифс славятся своею красотою, любезностью и привязанностью к России, и вообще известны в Индии под именем гордых петербургских красавиц. Многие знаменитые искатели домогались вступить с ними в брак, но не были даже приняты в число их знакомых. Напротив того, всякий русский, или только бывший в России, пользуется в их доме родственным приемом. Мы имеем сие известие от самого верного источника.

Находящиеся здесь католики в воспоминание страдания Спасителя нашего и светлого воскресения его представляют такое страдание его практическим образом, во все семь пятниц святого и великого поста.

Примечание изд<ателя>:

[21] Мы исключили подробное описание сего представления посредством восковых фигур и действующих лиц, которое поныне употребляется во многих католических монастырях, а в средних веках оно было общим в Европе. Представления

производились на улицах и в театрах. В Испании и Португалии многие из сих обрядов поныне сохранились.

...ежели после умершего останется жена, то ей позволено выходить замуж за другого, но если ее никто взять за себя не согласится, то и ее также сожгут, как и мужа.

[22] Цикулин пропустил важное обстоятельство, что жен сожигают в Индии не насильно и что они добровольно подвергаются сему варварскому обычаю.

...оттуда отправился я в африканский город *Кив-Гудок*.

[23] Cape of good hope? — Мыс Доброй Надежды. Вообще слог и содержание этих записок напоминают о путешествии тверитянина в Индию, в XIV столетии. См. Софийск<ий> времянн<ик>.

...в Англию идет сахарный песок из Вастинии (Вест-Индии), также чай и кофе привозятся к ним из тех мест, где они родятся, а у них, в Англии, этого ничего нет.

[24] Цикулин, вероятно, в Петербурге наслышавшись, что сахар и кофе приходят к нам на английских кораблях, хотел сим объяснить своим землякам, как очевидец, что эти произведения англичане привозят в Россию не из своего отечества.

...у них есть также трактиры и кабаки, коим у них одинаковое название *публикус*.

[25] *Public-house*. Англичане, как известно, так сокращают и сливают вместе слова в произношении, что Цикулину в этом случае простительно ошибиться.

ЗАГОРОДНАЯ ПОЕЗДКА

(Отрывок из письма южного жителя)

На высоты! на высоты! Подалее от шуму, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник. Но куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? — в Парголово.

В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы. Не роскошные окрестности! Приро-

да с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрыпучий песок — всё это не располагает странников к приятным впечатлениям. Подымаемся на пригорок и на другой (кажется, на шестой версте); лошадям тяжело, но душе легче, просторнее. Отсюда взор блуждает по бесконечной поверхности лесной чащи. Те же ели, но под скудною тению их редких ветвей, в их тощей зелени, в бездушных иглах нет отрады, теперь же, с крутизны холма, пирамидальные верхи их сглажены, особенности исчезли; под нашими ногами засинелся лес одною полосою, далеко протяженною, и вид неизмеримости сообщает душе гордые помышления. В сообществе равных нам, высших нас, так точно мы, ни ими, ни собою не довольные, возносимся иногда парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения!

Другого рода мысли и чувства возбуждает, несколько верст далее, влево от большой дороги, простота деревенского храма. Одинок и построен на разложистом мысе, которого подножие омывает тихое озеро; справа ряд хижин, но в них не поселяне. Нежная белизна красавиц и торопливость их услужников напоминают... не знаю именно, о чем; но здесь они менее озабочены чинами всякого рода.

Вот и край наших желаний. Всё выше и выше, места картинные; мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по нескольку вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины,— доехали.

Тут всякий спешит на дерновую площадку, на которую взбегают уступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просек виднеются вдали верхи башен петербургских. Так рассказывают, но мы ничего не видали. Наше зрелище ограничивалось тем живописным озером, мимо которого сюда ехали; далее всё было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении. В замену изящной отдаленности, мы любовались тем, что было ближе. Под нами, на берегах тихих вод, в перелесках, в прямизнах аллей, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские, с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и

Волги! Приходим назад: то место было уже наполнено белокурыми крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами.

Песни не умолкали; затянули: *Вниз по матушке по Волге*; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена! Как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили ни красоты девичьей, ни седины старческой. И, по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота, и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостию и славили в песнях.

Время длилось. Северное летнее солнце, как всегда перед закатом, казалось неподвижно; мой товарищ предложил мне пуститься верхом, еще подалее, к другой цепи возвышений. Сели на лошадей, которые здесь сродни горным мулам, но из нашей поездки ничего не вышло, кроме благотворного утомления для здоровья. Дым от выжженных и курившихся корней носился по дороге. Солнце в этом мраке походило на ночное светило. Возвратились опять в Парголово; оттуда в город. Прежнею дорогою, прежнее уныние. К тому же суровость климата! При спуске с одного пригорка мы разом погрузились

в погребной, влажный воздух; сырость проникала нас до костей. И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава: если своротить туда, тинистые хляби вместо суши. На пути не было никакой встречи, кроме туземцев финнов; белые волосы, мертвые взгляды, сонные лица!..

<ЗАМЕЧАНИЯ НА РУССКУЮ ГРАММАТИКУ Н. И. ГРЕЧА>[1]

§ 7. Русские глаголы имеют шесть главных видов. 1) *Неопределенный*, выражающий совершение действия просто, без означения притом, часто ли оное совершается и совершается ли именно в то самое время, о котором идет речь, например: *я пишу письма, я хожу, он бегал, я буду ездить*. 2) *Определенный*, означающий, что действие совершается именно в то самое время, о котором говорится; например: *я иду теперь в поле; он бежал по улице, когда грянул гром; я буду ехать подле кареты верхом*. 3) *Многократный*, показывающий, что действие совершалось несколько раз; например: *он езжал верхом; ты хаживал пешком*. 4) *Однократный*, означающий, что действие совершилось или совершится один раз; например: *я тронул, ты скажешь*. 5) *Несовершенный*, выражающий, что действие не совершенно кончилось или кончится, например: *я подписывал, ты будешь рассматривать*. Сей вид имеет два подразделения: первое, *неопределенный несовершенный* вид, выражающий совершение действия неопределенно, и второе, *определенный*, выражающий оное определенно. 6) *Совершенный*, означающий, что действие совершенно кончилось или кончится; например: *я описал, ты рассмотришь*. Сей вид имеет еще подразделения: 1) *неопределенный*, выражающий совершенное окончание действия неопределенно (напр., *вытолкал, износил*), 2) *определенный*, означающий оное определенно, наприм., *изнес*,— и 3) *однократный*, показывающий, что действие совершенно кончено или кончится в один раз, наприм., *вытолкнул*. Виды неопределенный, определенный и несовершенный могут быть во всех временах; однократный и совершенный только в прошедшем и будущем, а многократный в одном прошедшем (а+).

Признаюсь, не вижу никакой разницы между несовершенным определенным и просто неопределенным. *Не выноси сор из избы, или не носи сора в избу*. В обоих случаях эти глаголы одинакового знаменования. Также ни малейшей оттенки не нахожу между совершенным определенным, совершенным однократным и просто однократным. *Я толкнул или оттолкнул кого-нибудь или вынес чего-нибудь* — все три глагола означают действие, один только раз совершенное, и притом мгновенно, тут нельзя рассуждать ни о начале его, ни о конце, ни о середине. Может быть, я ошибаюсь, но тогда либо определение, либо примеры не довольно ясны, и най-

[1] Петитом набран текст Греча.— *Ред.*

дутся многие, которые, подобно мне, не поймут вещи, как бы следовало.

Одно изъявительное наклонение имеет времена. Неокончательное и повелительное бывают только в разных видах; последнее не имеет вида многократного.

Выше сказано, что одно прошедшее время принимает вид многократный (см. а+), а здесь явствует, что и неокончательное наклонение (не имеющее прошедшего времени) бывает многократного вида.

§ 12. Глаголы *простые* разделяются на следующие: 1) *Неполные*, к коим относятся все простые глаголы, не входящие в последующие два определения. 2) *Полные*, отличающиеся от прочих простых глаголов тем, что означают действие физическое, совершаемое человеком, животным и т. п., например: *ахать, толкать, шагать, рубить, трясти.* 3) *Сугубые* глаголы, означающие движение с одного места на другое: например: *ходить, плавать, носить, ездить.*

Определения, кажется, сбивчивы, особенно неловко разделять глаголы таким, н<апример>, образом:

Первые, те, которые на других не похожи (?), добро бы еще *последние*, когда бы условия всех прочих были уже исчислены.

Вторые, означающие действие физическое.

Третьи, движение с одного места и проч., следовательно тоже физическое действие, но тогда должно бы в *полных* сделать оговорку и исключить в них движение, но стало быть глагол *шагать* никак не может быть причислен к этому разряду.

§ 14 ...<Десять видов предложных глаголов>.

Подразделения предложных ужасно утонченны, это от излишней утонченности в разделении видов вообще, что мною, грешным иноком, замечено уже выше.

§ 17. Из самого существа глаголов явствует, что одни только глаголы самостоятельные могут быть первообразными: все совокупные, выражая одним словом и сказуемое и связку, должны быть словами производными. Сие находим мы на самом деле: всякий глагол составлен из какого-нибудь корня, т. е. другого слова, составляющего материю или смысл оного, и из окончаний, дающих смыслу или корню форму, т. е. значение глагола, и более или менее соответствующих окончаниям глагола самостоятельного. Сие последнее свойство не так ощутительно в русском языке, как в церковном и польском.

Если предположить, что система языка *не разом издана*, а развилась постепенно, то глаголы, конечно, придуманы

прежде других частей речи. У дикого мало предметов, в которых он нуждается, и те около его, к чему станет он голову ломать, чтобы называть их по имени, когда одним движением пальца может их обозначить, укажет на что-нибудь, и дело с концом. Но отношения между собой и вещами без языка определить труднее. *Сечь*, говорит он, это, например, значит, что дождь идет, и по аналогии *сечь* он произносит с угрозою, значит *высеку тебя (дождем посыплю на тебя удары)* или со страхом: *сечь*, т. е. *боюсь, чтобы тебя, или меня, или нас обоих не высекли.* Таким образом, *жечь*, и *влечь*, и *беречь* (или в младенчестве языка вероятно *брчь*) — и вот отчего образование глаголов так просто, окончание главной формы почти всегда одно и то же, и легко врезывается в память; но между тем как окончания имен нарицательных, собирательных и пр. чрезвычайно разнообразны, и нужны, кажется, побочные способы к сохранению их в памяти, коли не письменно, так зарубки на палках, камнях и т<ак> далее. Но по-моему, система языка только в подробностях образуется постепенно, а главное ее основание есть *одна из врожденных идей в человеке*, доказательством служат народы, отделенные друг от друга океаном, никогда не имевшие сообщения между собою, а коренные правила языка у всех у них одни и те же.

§ 24. Произведение глаголов второобразных от скрытнообразованных.

Брести, бродить; Везть, возить; Весть, водить; Итти, ходить.	глаголы сугубые

Полно, произошел ли тут один от другого!

Сесть, садиться <глагол совершенный>

Почему же *садиться* глагол совершенный? *сажусь* не значит еще, что действие уже совершенно кончено, я могу целый час садиться, и все-таки не *усесться* совершенно.

Весть, ведать; Честь, читать;	глаголы сугубые

Почему же *ведать* и *читать* глаголы сугубые? какое тут движение с одного места на другое?

Или я ошибся, и глаголами совершенными и сугубыми названы здесь только скрытнообразованные, и это не отно-

сится к торообразным? Тогда надобно будет сделать NB для объяснения.

<ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»>

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставило меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи,— так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком,— но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом, сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетическою частью творения,— однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге,— и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то есть делать глупости.

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались,

но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: «*я*, брат!..»

СТАТЬИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ <«СЫНА ОТЕЧЕСТВА»>

М<илостивый> г<осударь> м<ой>. Вы печатаете в «Сыне Отечества» *все* и *обо всем*. Всякая ода, всякая речь и т. п. находит место в вашем журнале, но о сочинениях и переводах, достойных внимания, неизвестно почему храните упрямое молчание. В нынешнем году вышел в свет перевод «Есфири», который заслуживает, чтоб вы обратили на него взоры читающей публики, но вы, к крайнему всех удивлению, молчите. Не стоит ли сие того, чтоб вам напомянули о соблюдении данного публике слова извещать ее о всех произведениях красноречия и поэзии? Не есть ли молчание сие *нарушением* обязанности вашей? Извините мою откровенность: я должен буду, в случае продолжения сего безмолвия, отнестись к другим издателям и требовать, чтоб вас вызвали к печатанию того, что вы печатать взяли на себя. Ваш покорный слуга. N. N.

Дек<абря> 21 1816 года

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ <«СЕВЕРНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»>

Вчерась я был в концерте, который давала недавно приехавшая сюда первая гамбургская певица г-жа Бекер. Вот несколько замечаний, сделанные мною о голосе и искусстве сей известной певицы; надеюсь, вы не откажетесь поместить их в вашем журнале.

Если талант состоит в побежденной трудности, то г-жа Бекер должна быть поставлена наряду с величайшими артистами нашего времени. Имея от природы все способы, необходимо нужные для хорошей певицы, голос сильный и необыкновенно высокий, она трудом своим приобрела искусст-

во владеть им с удивительною свободою; переходы ее из *грудного* голоса в *горловой* (voix de gosier) совершенно неприметны. Уменьшение и прибавление голоса (cresc. sforz.), рулады, триллеры и все, что есть трудное для пения, выполняет она, так сказать, с *математическою* точностию; со всем тем, истинные любители музыки не всегда будут довольны ее пением. В быстрых пассажах, стараясь не пропустить ни одной ноты, она до такой степени усиливает голос, что выходит уже не пение, а крик самый неприятный для слуха; беспрестанные рулады, часто некстати ею прибавляемые, делают из всякой пиесы какой-то ученический exercice, в котором нельзя даже видеть и мысли композитора. Из шести пиес, ею петых, я слушал с особенным удовольствием гишпанский романс сочинения Пиантанида, в котором г-жа Бекер, переставши *удивлять* слушателей, заслужила всеобщее одобрение.

Августа 14 дня,
1817 года *N.*

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

А. С. Грибоедов в персидской шапке.
Рисунок А. С. Пушкина в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829.

<МОЗДОК — ТИФЛИС>

<13 октября 1818>

1-й переход

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светлооблачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего. Караван, описание, странствующие 600 <человек>: ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад — темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.

<14 октября>

2-й переход

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час от часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобращаются в дубраву. Смешение времен года; тепло, и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смешение зелени. Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем гусем, всё круче, зов товарища, скачу, прискакивают, картина. Гальт. На ближнем холме расположим приют.

Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей. Приезжаем к Кумбалеевке; редут. Вечером иллюминация.

<15 октября>

3-й переход

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешан в складки,

золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма обломков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет — сослать. Владикавказ на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут не глупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть в Владикавказе.

<16 октября>

4-й переход

Аул на главе горы налево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо. Замок осетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево. Подъем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни всхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель. Копны, стога, лошаки на вершине[1].

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

<17 октября>

5-й переход

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества каменьев; иные из них огромны, один разделен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необъятен,—каков же был прежде! Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque[2]. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора в 25-ти верстах.

---

[1] Сбоку приписано: «Товарищи порываются вперед, я за ними не следую».— *Примечание публикатора.*

[2] Живописное зрелище *(франц.).— Ред.*

Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

<18 октября>

6-й переход

Ужасное положение Коби — ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем всё по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и всё камни и снега, солнца не видать. Всё вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, с лишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка; едва можно различить на крутой уединенной горке осетинские жилья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни оброшенные; на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-помалу пропадает, всё начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням всё ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди дерев, другие в лесу, которые как привешены к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду — грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремятся в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспомина-

ние о прежних,— горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Поса<н>анур.

Мы в дрожках; один из нас правит.

<19 октября>

7-й переход

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени, Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков. Ананур, карантин. Удаляемся вправо от Ананура. Душет. Замок и замки. Наша квартира как <......>[1]

<20 октября>

8-й переход

Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев.

Я лег между обгорелым пнем и лесистым буком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними большие деревья. Холмы из-за дерев, фазан в роще; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

<ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА К С. Н. БЕГИЧЕВУ>

29-го января <1819>

Прелюбезный Степан Никитич!

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин, и даже князь, который почти не живет в вещественном мире, а все с своими идеальными Холминскими и Ольгиными,— и угадали, что я вряд ли в Тифлисе найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуэль, карты и болезнь.

Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке. Стоит ли того, друг мой! Еще бы мне уда-

---

[3] Недописано.— *Примечание публикатора.*

лось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я же заплатил за свое дурачество. Судьба... В тот самый день, в который... Ну, да Бог с ним! Пусть стреляют в других, моя прошла очередь.

Иные славят Александра,
Иных прельщает Геркулес,
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще других Мильтиадес.
Есть мужества пример,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британский гренадер.

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтенье, сочиненья, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной,— не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселят меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазарович торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер тоже не выдержал, поехал к водам, а может быть, не воротится. Что ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина всё-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнешь же вперед, право нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-накрепко. Однако, как мне горько бывает!..

<30 января 1819>

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом <не> сомневаюсь. Кажется, что он меня

полюбил, а впрочем, в этих тризвездных особах нетрудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: « Ne nous sacrifiez pas Excellence, si jamais vous faites la querre à la Perse »[1] Он рассмеялся, <сказал>[2] что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! — А с нами что тогда будет? Кстати об нем,— что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на всё годен, не на одни великие дела, не на одни *мелочи*, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедиться, всё-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памятны, потому что я с ним часто спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был уверен, иначе бы так не было; однако ни разу не переспорил; может быть, исправил. Я его видел каждый день, по нескольку часов проводил с ним вместе, и в удобное время [его отдыха][3], чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев, которую в марте снова предпринимает, следовательно — менее был озабочен трудами.

Что ты читал или прочтешь до сих пор, мною было писано давеча, в два часа пополудни, но червадар, как у нас называют, а по-вашему подводчик, с обозом тогда пришел, стали развьючивать, шуметь и не дали быть пристальным; теперь, в глубокую ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что поутру или

---

[1] «Не обрекайте нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-либо будете воевать в Персии» *(франц.)*.— *Ред.*
[2] Зачеркнуто.— *Примечание публикатора.*
[3] Зачеркнуто.— *Примечание публикатора.*

как говорится по<нрзб>[1] неприступен, а впрочем, готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь... Я<кубович>, на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в Инвалиде вздор, на который я в С<ыне> О<течества> отвечал таким же вздором. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые сло́ва его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать? — По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии,— здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр, сколько мне кажется, премягких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писал стихов[2].

В последний раз на бале у Мадатова я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: «Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь; предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser»[3].

Однако свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет: кругом воронье и ястреба с погремушками привязаны к столбам; того гляди шинели расклюют. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

31-го января <1819>

Мой милый, я третьего дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя о моем быту, но Е<рмолов>

---

[1] Не разобрано.— *Примечание публикатора.*

[2] Далее в рукописи — пробел.— *Примечание публикатора.*

[3] «Укажите мне моего победителя, и я брошусь его обнимать» *(франц.).— Ред.*

еще так живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех плутарховых героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я<кубович>, и жалели, кажется, о моем отъезде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый всход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойной ездою. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по-вашему 40 с лишком верст; я поутру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастию, у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли до Демурчизама. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. Мы ехали по ее течению, а на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. В диких, снегом занесенных, степях вдруг наехали на такое прекрасное произведение архитектуры, ей-богу. Утешно! и удивляет!.. Я долго им любовался, обозревал со всех сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен. Река обмывает только половину его, в другой половине караван-сарай, верно — пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом,— нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи остры; первая от

караван-сарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и параллельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Караван-сарай велик, но лучше бы его не было; при мне большой зал был занят овцами; не знаю — куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галерею, которая висит над рекою. Тут путешественники, кто углем, кто карандашом, записывают свои имена или врезывают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю — почему так близко к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе чрез незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе[1] Страбона, нет ничего подобного этому. Как бы то ни было, Сенаккюрпи, или, как русские его называют, «Красный мост», свидетельствует в пользу лучшего времени, если не для просвещения, потому что Бетанкур мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей, или одного из Софиев, любителя изящного.

Съехавши с мосту, я долго об нем думал; возле меня трясся рысцой наш переводчик Шемир-Бек. Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании П<авла> Петр<овича> Свиньина. «Представьте,— сказал он мне,— 8 раз побывать в Персии и не видать Петербурга, это не ужасно ли!» — «Не той дорогой мы взяли»,— отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю — рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантов С<ына> Отечества, куда, впрочем, это марание по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромен и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, чтобы

[1] В первопечатном тексте, вероятно, опечатка: «Цируге».— *Ред.*

они как-нибудь со столика нашего любезного князя не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах, и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, насколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам — к какому роду принадлежит их зелень.

Зовут обедать, прощай покудова. Если бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле остатков караван-сарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому что встали давеча в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлезал и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; недоставало только бороды.

Вечером

Хочешь ли знать, как и с кем я странствую, то по каменным кручам[1], то по пушистому снегу? Не жалей меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство,— свернут вбок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют

[1] В первопечатном тексте очевидная опечатка: «кругам».— *Ред.*

вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-й ночи, когда он невесту кашемирского султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в «кавалерийском»,— здесь скачу сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лошадью, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музы, я молчал, а здесь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человекам. Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давеча, напр<имер>, сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак, между тем как это оброски от караванов,— в тесных излучинах здешние колючие отростки цепляют за хлопчатую бумагу, и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во всё утро круг горы стлались; солнце их позлащало, и они тогда, как кипящее огненное море...[1] потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор. Между ними черная скала Пепис плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление; наконец подошли к ней,— нет приступу и в середине за́мок; не понимаю — как туда всходят. Мы ночевали в ***, но не имели в виду страшилища <...>[2]

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом, против которого в задней стене камин; по обеим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не заслоненные, не заставленные. Между этими нарами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится; и уважителен, и весел.

---

[1] В рукописи оставлен пробел для одного слова.— *Примечание публикатора.*

[2] Строка осталась недописанной.— *Примечание публикатора.*

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского, над пропастями; туманы, туманы над горами[1].

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем.

2-го февраля <1819>

От караван-сарая мы отправились по течению Автафы, встречь ее течению, и пошли ущельем, где около нас повторялись кавказские места,— скалы лесистые, у их подножия, между ними шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными тверждами, а здесь руками человеков ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место, тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себе из вьюков булаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, около которого обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригорках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли,— славой и любовью награждался в обширном своем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами, а всё в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не доедем...[2]

Эривань. 4-го февраля <1819>

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный друг. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по

[1] Далее в рукописи — пробел. Сбоку приписано: «Ребята и взрослые глазеют на приезжих».— *Примечание публикатора.*

[2] Далее в рукописи — пробел.—*Примечание публикатора.*

маршруту, но, для верности, на каждый переход прикладывай верст по пяти, на иной и десять придется лишних, которые, если недомерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса

	Версты
Демунчихассанлу	42
Инджа	24
Джогас	24
Караван-сарай	30
Биваки: Богас	42
Караван-сарай	36
Эривань	50
	248 = 41 1/3 агачам

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов,— разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, в других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии, и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся,— он уклоняется к западу; всё вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили,— пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des déserts de l'antique Arménie[1].

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы,— первая, сюда ближе, необычайной

[1] «Из средины пустынь древней Армении» *(франц.)*.— *Ред.*

вышины. Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностию; обе вместе завладели большею частию горизонта,— это двухолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростию, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча, висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, пояснились две части зданий, одна с другой ничем не соединенные. Мы въехали в пригородок. Но представь себе удар человеку, который в жестокую стужу протряссся полдня в надежде приютиться в укромной горнице; навстречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так же бы оскорбило. Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а навстречу нет никого! Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю и сделает суматоху. Наконец выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе, на богато убранном коне, и просит извинения, что адъютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле, мы избрали путь кратчайший, но не тот, которым обыкновенно сюда прибывают. В ту же минуту фараш, в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висячими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины становились к нам задом,— это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья в отведенный нам дом,— это меня веселило. Такое особенное предпочтение нам, русским; между тем как англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как

Бог велит и разутые,— мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде чем идти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человек, не взыщешь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток ассафедиты в наших аптеках — резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

Вслед за действующим посохом фараша, за толпою народа, им гонимого, мы въехали чрез широкие наружные ворота в дом Мегмет-бея; в круглом, крытом и немощеном подъезде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую запону, которою здесь завешивают все двери, и вступили в переднюю комнату. Справа зал, слева зал, и один, как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окны косящатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четвероугольничков из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обеих залах. Вмиг запылали камины, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку, тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и, следовательно, чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат заступал его место и изъяснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежат. Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во всё мешается, всё указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичом возле кюррикеля или работать веслами в Темзе,— здесь он переводит альбионское строевое учение на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион или меньше, по крайней мере он так гово-

рит. Сарбазы порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между тем он нам смерть надоедает; вот другой день не знаем — как от него отделаться; вообще, неугомонное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза, в бумагу, если пишешь, и в ту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты; пребольшой зверь, рога с оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазарович щедро отплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому что нам уже пригляделись.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани — лысый, приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, саранг, полковник,— не в том значении, что за этим чином следует генерал-майор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним несли увесистые подсвечники, подносы с сластями и лакомства, которыми, если бы их описать, вряд ли бы я разлакомил твое воображение. Но, в каком бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомить тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до того обрадован его приездом, что если бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату, он бы чрез то великое удовольствие принес хозяину; а мне, первостепенному мирзе, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отсесть от него далее, объявил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин бы заплакал. Жуковский стукнул бы чашей в чашу, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши — его домочадцами, сам я — Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюдцы с сахарными брашнами — всё это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, кото-

рый хотя и называется англичанином, а право, нельзя ручаться — из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем,— я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрии, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет или Дурьгильбред язвительно отзывается на счет персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань. 5-го февраля <1819>

Наутро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головною болью; надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас иасскул его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гуссейн-хан (из царствующего ныне поколения Каджаров) в здешнем краю первый по Боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бейрам, не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов, несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третию долю со всего, что земля производит, а расшутится, так и все три доли его. Разумеется, что продавцы ждут, покудова он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля,— им часто стесняется и внешняя, несмотря на трактаты, которые так, как и Адам Смитова система, не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание — закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар, кодексу великого пророка, которого уставы неизменны. Одевшись, мы отправились к его высокостепенству. Нам предшествовал иасскул и так же исправно отправлял свою должность, как фараш накануне. Дома здесь испещрены внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, по большей части дикие. В нашем отечестве роскошь гостиные и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали до зубчатой крепостной ограды, потом, через несколько скважень, которые называются улицами, протес-

нились до последнего двора сардаря. Не знаю — что тебе сказать об его хоромах? Нет ничего целого, притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку не доберешься. В преддверии, род конуры, и на площадке перед ним толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья — всё это похоже на вход в маскерад. Взошли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими, узорчатыми коврами, и потолок, и весь зал расписан многими японскими узорами; слева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешана с резьбою и с наклейными коймами — это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукружие, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины,— похождения Ростома, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю. Я имел время на всё это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами сидел на отцовском особенном ковре возле камина, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровье высоких особ. Потом все в пояс поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами, потом с тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими приближенными чиновниками, брат сардаря сидел по другую сторону камина, мы к окну на приготовленных для нас стульях, всё прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном. На головах несли огромные серебряные подносы с конфектами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленах. Конфекты совсем для меня нового рода, однако превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего государя по Европе для утверждения повсеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену перепутал с Венециею <....>[1]

---

[1] Недописано: далее в рукописи — пробел.— *Примечание публикатора.*

Нахичевань. 9-го февраля <1819>

Третьего дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего $133^1/_2$ версты. Не усталость меня губит,— свирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. Притом, как мне надоели все и всё! Прав Шаховской,— скука водит моим пером; немудрено, что я тебе сообщу ее же! Нет! нынешний день не опасайся ничего: ложусь спать с одним воспоминанием о тебе!

10—13 февраля <1819>

Сейчас думал, что бы со мною было, если бы я беседой с тобою[1] не сокращал мучительных часов в темных, закоптелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для меня благодеяние. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным, и всё в глазах моих украшает надежда, что Бог даст свидимся, прочтем это вместе, много добавлю словесно — и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливо созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы там всего пробыли три дня с половиной, и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмядцинский монастырь, в 18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще, кроме как для церемониального посещения сатрапу, не отходил от мангала и от камина, который, по недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть, при въезде и выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы последней осады русскими, дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что я видел в доме богатого и знатного эриванца. Фараши его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой шеей, без зипунов, не согреваются даже достаточною пищею, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачки со своего стола из собственных рук, по кусочку

[1] В рукописи под словом «тобою» написано: «Бегичевым».— *Примечание публикатора.*

пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что, стало быть, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах объяснялся с сардарем, наприм<ер>: о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении наших купцов, высокостепенный был кругом не прав, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И всё это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая.— Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы. И эта лествица слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглер-бега и каймакама, и таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, невзирая на его 30-летнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам,— разумеется, без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают. Криво ли, прямо ли судят, иногда не как хотят, а как велят,— подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом, может быть, очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бега.

День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро осыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило. Потеря небольшая; сторона, благословенная летом, в рассказах и в описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся от нас за снегом, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково

странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; незамерзшие проезжали вброд. Их множество орошают здешние поля; вода нарочно проведена из горных источников и весною, усыряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девалу, большого татарского селения, в $8^1/_4$ агача от Эривани, бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять тошное странствие! К счастию, отъехав с пол-агача, поравнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся к шах-зиде! За ним фараши,— один вез кальян, у другого к седлу прикреплена жаровня со всегда готовыми угольями для господской курьбы, у третьего огромная киса с табаком для той же потребности. Если бы вместо этой пустой роскоши собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повозках, не гораздо ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках «Для милых»! Любовь будто бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неутушимый пожар, и проч. Во всякое другое время я бы заткнул уши; но теперь этот восточный каталаксус пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6-ть агачей до ночлега. Мне пришло в голову,— что кабы воскресить древних спартанцев и послать к ним

одного нынешнего персиянина велеречивого,— как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили? <....>[1]

<ТЕБРИЗ — ТЕГЕРАН>

Таврис

С его базаром и караван-сараями. Встреча, почести, Фет-халихан боится каймакама. Обед у англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, англичане, мое мнение на счет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го выезд из Тавриса. Лошади шах-зиды славные, день кроткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, $2^{1}/_{2}$ станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше чем в прежних.

Второй день. Путь внизу, возле гор: справа долина, за которой другая цепь гор. Возле караван-сарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня просиял. Из караван-сарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан. В виду летний замок. После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх снежно. Съезд на катера<х>. Долго еду, спускаюсь в селение, где ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый раз, когда объезжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много подъемов. Река Миана. Часто переезжаем вброд около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче; оттуда же по горам, на

[1] Далее в рукописи — пробел.— *Примечание публикатора.*

каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать. Блужданье по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где проталины, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный издали Занган красиво представляется. Встреча. Перед Занганом в деревне — встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление весны. Музыка вечером.

Восьмой день там же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот до которых пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четвероугольная, как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султанеи. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Лепные слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид оттудова.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл везде снег, даже на горах. Скачем до Абгара. Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг перед другом и доскакиваем до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в $3^1/_2$ часа поспеваем в Казбин.

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется Богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия — мечети, мейданы и проч. Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро славное; мальчик с ослом плачет, что он вперед нейдет. Встреча с ханом, религиозное прение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на террасах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья

и башня. С другой стороны замок Алия и горы. И теперь хороши, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дорогах. Мы то въезжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и уклоняются schreck überrüks[1] влево; открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань. Наш дом.

Тагирань

Негиристанские горы влево. Даваменд за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с башнями, вороты выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) — это Тагирань.

Визит седеразаму, бодрый старичок. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принимания.

В навруз мы, как революционные офицеры, перед нами церемониймейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые вороты; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через вороты в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суетятся в промежуточных аллеях; перед троном бассейн с водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся; далее, в продолговатости, другой такой же бассейн.

Взводят на наши места. Три залпа фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Амлихово замечание. Муллы, стихи, God save the king[2], трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля. Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам.

Накануне, ночью и во весь день, всё варварская музыка.

Наш дипломатический монастырь.

---

[1] Следует: schräg überrücks — вкось и назад *(нем.).— Ред.*

[2] Боже, храни короля *(англ.).— Ред.*

<ТЕГЕРАН — СУЛТАНИЙЕ>

8-го июня целую ночь не сплю, изготовляемся в путь. Толпа женщин; раскрываются напоследях. Прощальное посещение седер-азаму. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его лета́; упоминает об Румянцеве.— Откланиваемся.— Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полдневный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины. Между гор Демавенд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда. Тьма разнообразных дерев, черешен, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, объедаемся фруктами.

9-го встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы всё <едем> вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. «Откуда эти господа?» — «Со страхом повергаюсь в прах перед вашим величеством».— «Усердие всегда водит нас истинным путем». Залп в Сулейманге. Моя встреча с дочерью хана в трахтараване.— За Сулеймангой три деревни: самая последняя Сункур-Абид. Насилу доезжаем.

Высокий свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го ночью же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа; кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го ночью жар и утро печет немилосердно, все с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Касбина, срывал молодые фисташки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. Pittoresque[1].

12 июня. Касбин. Посылается Эйвас к Хозров-Хану.

. . . .

15 <июня>. Бунт в Реште, осажденный Хозров-Ханом. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб посылается в Решт.

. . . .

---

[1] Живописно (*франц.*).— *Ред.*

Давуд-паша багдатский прислал шаху подарки.

. . . .

<10 июля.> Говорят о походе в Багдат.

. . . .

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что делает эффект на параде, не всегда еще полезно в деле, в сражении. Внутренность палатки вся в коврах, а внешняя <сторона> так и поливается...

<Июля> 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томошится на своей подушке. Разговор о маскерадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит государю Аббас-Мирзу.

<Июля> 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: «Ей Али!» и, обратившись в другую сторону,— «Имам-Риза». Поэт Фехт-Али-хан, лет около 60, кротость в обращении, приятность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

<Июля> 17. Шах с избранными из гарема отъезжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнию.

<Июля> 19. Юсуф-Хан-Спадар делал учение с пальбою.

<Июля> 20. Шах его потребовал к себе.

— К чему была вчерашняя пальба?

— Для обучения войск вашего величества.

— Что она стоила?

— 2000 р. из моих собственных.

— Заплатить столько же шаху за то, что палили без его спросу.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Все это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки — развалины моста. На возвратном пути между нами свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: «да погубит Бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно...» Пословица о Каджарах.

<Июля> 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

<Июля> 26. Приезд Аббас-Мирзы.

<Июля> 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

<Июля> 28. 10 000 отправляются к Багдату против турков.

Разговор с нагиб-султаном. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пищалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

РАССКАЗ ВАГИНА

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари[1]. В их Бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно, всё ворожил; бывало, запрется у себя, сделает вощеного человека, произнесет над ним что и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова. Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди, возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Мегмед-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем посла послал, его не выдали. Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди, и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету Божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошачьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворожит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия надвое разорваться. Так и вышло, и всё его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью М<егмед>-

[1] Сбоку написано: «духовный».— *Примечание публикатора.*

А<ли>-М<ирзы> опять воротился к Багдату. Несколькие в городе узнали, что он при себе ферман имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и всяких степных арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не нашли, из...[1] его искры посыпались[2].

Обмакнул в чернилы.

<МИАНЕ — ТЕБРИЗ — ГЕРГЕРЫ>

Вали Курдистанский; молитвы Фетали-Шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее.

17 <августа>. Жар в саду. Амлих плечо сжег. Мианские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Мианачай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особливо при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю, прекрутой.

18 <августа>. Ночью приезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаток. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаток; гористая дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 караван-сарая; прежние разбои, ныне безопасно.

19 <августа>. Под вечер в Ужданах, в палатках, в виду дворец.

20 <августа>. Поутру едем во дворец,— двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен ветлами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят. В другой комнате красавицы, азиатки и мадамы; принадлежности — собачка, куропатка, утка.

22 <августа>. Ханский сынок умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встреча. Таврис. Ханский певец. Ханский мирза.

[1] Не разобрано.— *Примечание публикатора.*
[2] Недописано.— *Примечание публикатора.*

23 <августа>. Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 <августа>. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда Бог поведет... Верещагин и шах-зида Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати... Забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и батоги при мне.

30-е августа

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь поодиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату, и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Н<аиб>-с<ултан>. Если Мазарович будет так продолжать, поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

Н<аиб>-с<ултан>. Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему не велик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

Н<аиб>-с<ултан>. Я не мешаю русским возвратиться в отечество.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

Н<аиб>-с<ултан>. Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу вам.

Я. Может быть, в<аше> в<ысочество> так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

Н<аиб>-с<ултан>. Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно вашему высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

Н<аиб>-с<ултан>. Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было делано без вашего ведения. Впрочем, вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте объявить.

Н<аиб>-с<ултан>. Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали ли мы хоть червонец этим людям; нашептывать же им ни под каким видом не можем, потому что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас взаперти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

Н<аиб>-с<ултан>. Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем-императором. Однако, в<аше> в<ысочество>, позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их расспрашивают.

Н<аиб>-с<ултан>. Мои чиновники дело делают, и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем присутствии расспрашивать русских об их желании, только что проповедовали им разврат, девками и пьянством их обольщали; когда же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся идти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из баталиона, которые по выходе из моей квартиры были захвачены, я сделал вам в угодность, своих привел третьего дня, их тщательно расспрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые объявили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне представить на лицо, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот — мои люди, а прочих, мною требуемых, нет. Притом же ваши четыре чиновника поодиночке каждого из солдат, что я привел, берут на сторону, уговаривают, и Бог знает как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих и проч.

Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, так же, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести вашему высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда, отведя их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как вы, Наиб-султан, об их участи заботитесь. Ваше высочество, конечно, не знаете, что их уже за давнее время не удовольствовали жалованьем в вашей службе, и, верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Наиб-султан. Нет, нет, нет. За что это? Если бы они меня не покидали, продолжали бы мне служить, это бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их ваше высочество не захотите их лишить платы.

Н<аиб>-с<ултан>. Пусть Мазарович дает, они теперь его.

Я. Да, у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидаю от вашего высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами идти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца С<амсона> М<акинцева>; я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру, и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? — «Он мой ньюкер».— «Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья, и я не должен его видеть».— Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела — и мы расстались.

4-го сентября

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября

Ночь, поустаю, днем нахожу своих. Брошенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софиян у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтракаем.— Идем в ущельи, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 пополуночи, пришли в Маранд в 7-мь пополудни. Виноградная беседка.

6-го сентября

Днюем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-Хану. Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душечка, задушевный друг». Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза[1].

«Спевались ли вы в баталионе?» — «Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат».— Сказка о Василье-царевиче,— шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями, генерал-стряпчий, пироги собирает, и проч. и проч. «Слышал, сказывает — кто?» — «Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письмянный».

Успокоение у разрушенного караван-сарая; оттудова равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; потом сквозь ущелье, трещины, расседины. Водопроводы с шумом извергаются из ущельев. Около горы сворачиваем вправо до Гаргар.

(Разнообразные группы моего племени, я Авраам).

Выступили из Маранда в $8^1/_2$ часов вечера, в караван-сарае 4 часа утра; оттудова в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах.

---

[1] Справа приписано: «Каменисто».— *Примечание публикатора.*

АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН

29-го ноября

Вползываем в страннориимную хату, где действительно очень странно принимают. Холод, спрашиваем дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупаем дорого охапку. Затапливаем, от дыму задыхаемся. Истопили, угар смертельный и морозно по-прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей,— ничего съестного. Наконец, является маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и объявляет, что мы в «политическом госпитале» (в мефитическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату, иногда, заливает вода по колена, что срок сиденья зависит от комиссара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился комиссар, как смерть курносый.

— «Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам комиссар, как смерть, курносый,— мы его, наконец, видели), но Беб<утов> и я не чумные, не прикажите морить...»

<ТИФЛИС — ТЕБРИЗ>

10 января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, кряж гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора и хребет. Озеро. От Код Квеши на возвышении. Перед этим развалины на утесе, который как будто руками человеков сложен из различных камней.

12-го <января>. Через гору в Гергер. Казармы. Оттудова высочайший Безобдал...

1801. Омар-Хан разбит пшевцами, хевсурцами, в кольчугах, в шишаках, в числе 5000. Русские только были зрителями.

Ad mem<orandum>[1].— При князе Цицианове Гуляков взял Чары и Беликаны и убит в Чарах в сражении против лезгин: обнадеялся на 15-й Егерский полк, который побежал и смял прочих.

[1] Для памяти *(лат.)*.— *Ред.*

Цицианов армянам: «Я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мертвыми».

Возится с солдатами, бьет одного и после уверяет, что поссорились, награждает деньгами. Рубли превращает в медали после приказа, что гвардии за развод, а его солдатам за штурм дано по рублю[1].

17-го <января>. В монастыре хорошая гостиница, услуга. Бедственное положение патриарха.

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия, копье, кусок от креста. Место — 4 столпа мраморные — где было сошествие Христа по представлении, тому назад 1500 лет. Ризница скрыта. Ковры. Типография на 3 станка. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. Ad mem<orandum>: Mehmour.

Патриаршее сравнение: Эчмедзин как роза между терниями. Портрет шахов гравирован в Париже.

---

19 <января>. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправе, как преогромный белый шатер. Много деревень, садов, речек. Маленькое ущелье Девалу[2].

---

22 <января>. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар,— окно для света и дыму, без камина. Мирза Мамиш, персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более редеет[3].

---

[1] Далее в первопечатном тексте опущены записи о горе близ Гумри (Алагезе), «где часто замерзают, хотя высота обыкновенная», об Арарате (16 января), о приезде в Эчмиадзин (17 января).— *Ред.*

[2] Далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая «вздулась и нигде нет проезду».— *Ред.*

[3] Далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары.— *Ред.*

Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту — равнина до караван-сарая.— По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача.— Из Маранда в горы подъем трудный. От караван-сарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы.

<ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ>

<1>

С. Бегичев. Мать и сестра.
Огарев.
Шаховской.
Катенин.
А. О.
Шмидт.
Панин.
П. Н.
Завадовский.
А. П. Огарева.
Бебутова.

<2>

28 томов книг получил каймакам из Италии, однако говорит, что там еще много осталось хороших.

Визирь, битый, по условию каймакама с шах-зидою, за финансы.

Где только персиянин может на словах отделаться без письма,— он очень рад. В важнейших делах обсылаются через фарашей, которые словесно их производят, и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства. В Москве тоже обычай есть с людьми многое приказывать, что гораздо заходит за сферу их деятельности.

Верзилище женщин. Мусульманов обличают в любви с христианками.

11 Зак. № 437

<3>

5-го марта 1822. Тифлис

Прихожу к Полю; бичё его, который тарелки чистит, принимает депутацию от крепостных своих мужиков. Они жалуются, что им есть нечего; он, князь, им уделяет рубль из своего жалованья. И мой бичё, конюх Иван — князь, сын маиорский. Прихожу домой, у моего Амлиха гости. «Кто у тебя?» — Цари.— «Как цари?» — Да-с, царевнины сыновья, царевичи, нам соседи.

КРЫМ

Июня 24. Середа, Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка — приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-Дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир. Тополи, надгробные камни с чалмами.— Аянь, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым О<брыво>м. М. Ш. называет это глазом. Вода холодная как лед.

После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Ч<атыр>-Д<агом> и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик, тут дача Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем чрез ущелье Альгар, деревня Чо́вки (станция к Алуште), влево малый Джанской, вправо речка Кизиль-Кобе, ущелье входит клином в гору, там родник сперва наружу, потом отвесно под землею, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизиль, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму — смесь татарского с польским и малороссийским.

Июня 25. Дождливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чат<ыр>-Д<ага> до Буюк Джанской, оттудова вверх довольно отлогая дорога, лесистая, справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма (ее исток между Ч<атыр>-Д<агом> и

С<алтан>-Г<орой>), белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чабанов внизу, а далее в равнине всё еще туман. Шатаемся по овчарням.

После обеда. Наелись шашлыка, каймака, на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль всё еще подернута непроницаемою завесою, оттудова тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас производит их от лигурийцев и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе.

Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли дерева. Спускаюсь в глубь, впалзываю в узкое отверстие, и там снежное приятелище — родник замерзший. Скатываем камень,— продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттудова,— синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака,— ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синеется вдали; корабль в Алуште, будто на воздухе; море слито с небом. Попадаем в овчарню на восточной вершине, обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, блеяние козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?

Июня 26. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек, лесом ручьи. На квартире (крайней к верху) с балкона вид на море. Справа из-за Салтан-горы высовывается Кастель. Балкон под сливою и грецким орешником.— Под вечер пешком в Алушту средними возвышениями, подошвою Чатыр-Дага. Замок Алустон в развалинах, налево Шумы, деревня Темирджи на воздухе; возвращаюсь низом, сперва садами, потом тропою, которая ведет в Бешмы, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно.

27 <июня>. Опять в гору; сперва лесом, потом голые вершины уступами. Круча.

Панорама с Чатыр-Дага:

Впереди под ногами площадь, терраса Чатыр-Дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лес, в нем источник Альмы между С<алтан>-Г<орой> и Ч<атыр>-Д<агом>. Далее дугою Севастополь, Бахчисарай, Саблы, белые меловые горы, правее Салгир, Акмечеть, еще далее Козлов и море, между всем этим; ближе к месту, с которого смотрю, волнистые холмы, по ним солнце играет.— Справа Зуя, Карасу-базар, над ним дымок, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовского моря голубою полосою окружает с востока степь и дол до Перекопа.— Слева западная часть задней Яйлы, Св<ятой> Нос к Балаклаве чернеется.— Обратясь назад — море, даль непомерная, с запада спускается к нему Яйла, из-за ней Кастель, прямо Алушта, к востоку берег изгибом до Судака, выдавшегося далеко в море, точно между Обсерваторией и Горным Корпусом. За Судаком Кара-Даг и проч. 3 корабля. На вершине (западном зубце, где мы стоим), между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь.— За Темирджи несколько слоев гор еще ее возвышеннее.— От Чатыр-Дага к северу площадь, терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами, из них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые тянутся, как лагерь.

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет. Дождь, словно занавесь, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противуположность,— спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот.— Следую направлению верхнего обреза от з<апада> к востоку, смотрю на дольные картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля.— Сперва Салгир был вправо, потом прямо против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится у́же и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизиль-Кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Ч<атыр>-Д<аг>. Ветер переменился, облака назад пошли и, после дождя, разодранные, как после битвы, тянутся от Салтан-горы серединою Чатыр-Дага в Темирджинское ущелье, словно

оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек.

После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту.

Алушта, древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-Дага; около него ручьи и сады в яминах. Всё место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл и Чатыр-Дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицерами о Чатыр-Даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею.

28 июня. Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кастель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав из-за него выказался Кучук-Ламбат. С одной стороны голый и не самый высокий утес, с другой возвышенный и лесистый Аю-Даг, далее выдавшийся в море, окружают приятнейший залив; волны дробятся о берег. Фонтан под фигою; вид благосостояния в селении. Дом. Воскресный день. Бороздин называет это «пользоваться премиею природы, *не выезжая из отечества*». Сад, розмарины, lauriers-roses[1], маслины, смоковницы, лилей, дева утеса в Кизильташе.— Еще родник в саду; беседка к морю, затишие от бури, напоминает такую же в Выдубеце. Подводные камни, не доезжая до деревни. Бакланы, дельфины. Venite adoremus[2].

29 <июня>. Парфенит, вправо Кизильташ, шелковицы, смоковницы, за Аю-Дагом дикие каменистые места, участок Олизара, шумное, однообразное плескание волн, мрачная погода, утес Юрзуфский, вид с галереи, кипарисники возле балкона; в мнимом саду гранатники, вправо море беспредельное, прямо против галереи Аю и впереди его два голые белые камня.

Отобедав у Манто (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лицо и глаза черные, восточные), еду далее; Аю скрывается позади, сосны на Яйле, лесистые высокие места, впереди Гаспринский мыс ограничивает горизонт.

---

[1] Олеандры *(франц.).— Ред.*
[2] Приидите, поклонимся *(лат.).— Ред.*

Подъезд к Ник<итскому> саду лучше самого сада. Заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства, под гору, плющом увитые, ясени и клен, грецкий орешник, акация, дикий виноград, смоковницы, плачущие ивы. В саду rus delphinus, которого я давно домогался названия в Ширване.

Всегда ли лето бывает так прохладно? Дорога более возвышенна. Род часовни, где лошадь привязана. Выезжая из саду и поднявшись кверху, в перелеске руины греческой церкви. Вообще до сих пор развалины неживописны, исключая алустонских торчащих трех обломанных башен.

Приятный запах листьев грецкого орешника, когда его в руках растираешь.

NB. Отъехав от Юрзуфы и посмотреть назад, вид берега расширяется через передовые отроги Яйлы, вид на долины к Ялте тоже пространен, и пожелтевшие нивы разнообразят темную, многотенную картину.

Ночую в Дерекое. Кладовая хозяина. Один каштанник во всем краю. Сад Мордвинова в Ялте.

Округ Никиты. Запущенные и оброшенные сады греков, выведенных в Мариуполь.

30 июня. Пространная долина и плодоносная. Горы почти так же высоки, как около Алушты, и окружают до пристани. Аутка — греческое селение в сторону от дороги, но в ней всё по-татарски. От Аутки лесом прямо в гору, справа с Яйлы водопады Ялты. Оборотясь назад, вид расширяется от верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (fôncée) долина, усаженная лесом; пестрота нив, садов и деревень, часть моря у Яйлы. Спустясь на большую дорогу, опять лесом, Кушелева сад в Урьянда. Нос Ай-Тодор каменистый выдается в море; тут развалины монастыря. Выезжая из леса и поднявшись на высоту — пространный вид. Яйла, голая, дикою стеною господствует над Гаспри, Хурсис, Мускор и Алупкою. С пригорка над Гаспрою опять виден Аю-Даг, который было исчез за Никитинским мысом.— Чрезвычайно каменисто; земляничный лес на Яйле, как кровь красный. Вчера высота Яйлы была осенена соснами, а ныне безлесна.

В Алупке обедаю, сижу под кровлею, которая с одной стороны опирается на стену, а с другой на камень; пол выходит на плоскую кровлю другого хозяина, из-за нее выглядывает башенка мечети. Муэдзин Селами-Эфенди, шелковицы, виноградные лозы, сюда впереди два кипарисника тонкие и высокие, возле них гранатовый куст; вообще здесь везде оли-

вы, лавры и гранатники рдеют. Паллас говорит, что у Ай-Тодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловят. Греки в Аутке.

После обеда. Из Алупки в Симеис, оливы, гранаты; коурме́; роскошь прозябения в Симеисе; оттудова утес, обрушенный в море торчмя, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение. Дождь, укрываемся к казакам (береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк), от дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась из-за передовых гор. Кукунейс; между ним и Кучук-Коем обвал от землетрясения, будто свежевспаханная земля; оттудова вид на крайний мыс южного берега Форус, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади светящим вечерним заревом. (На другой день я увидел, что это только зубчатая поперечная скала между Пшеткою и Кучук-Коем.)

Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

1 июля. Из Кучук-Коя косогором. Я задумался и не примечал местоположения; впрочем, те же обвалы, скалы справа, море слева, поперечные зубчатые скалы. Поднимаемся близ Форусского утеса вверх лесом, похоже на подъем с моря на Чатыр-Даг, красноречивые страницы Муравьева, переваляс через Мердвень. Паллас прав насчет лицеочертаний приморских татар трех последних деревень.

Байдарская долина — возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичные; кажется, хозяйство в лучшем порядке; хозяйский сын хорошенький. Тут я видел, что́ во всей Азии, как хлеб молотят: подсыпают под ноги лошадям, которых гоняют на корде.

После обеда в лес до Мискомии. Оттудова две трети долины заслонены выступающею с севера горою, так что тут делается особенная долина; отсюдова в гору извивистой тропою спускаемся к хуторку, к морю (bergerie), где была разбита палатка для Екатерины во время ее путешествия; справа из-за плетня белеются меловые горы, между Узеном и Бельбеком. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, под пригорком Комара или Карловка, слева море разными бухтами входит, врезывается в берега. Прямо впереди тоже море окружает полуостров, которого две оконечности — Севастополь и Балаклава. Влево, в море флот из

9-ти кораблей; под ногами два мыса, как клавиши. Еще ниже островерхий пригорок, на нем замок и башни древнего Чемболо; на втором мысу (из двух параллельных) сады и обработанная поляна.

Объезжаем ближайшую гору, к северу Кадикой, бухта тихая, как пруд и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете. Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала.

2 июля. Поутру, бухтою, вниз к устью,— не видать никакого выхода; на протяжении до открытого моря на $1^{1}/_{2}$ версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и бакланы. Плывем в оба направления, к востоку Святой Нос, как будто развалины монастыря. Воротясь назад, приятный вид местечка,— в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа — самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру.

Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики.

Возвышение, с которого Гераклиевский полуостров как на ладони; окружен морем. Панорама: мы лицом прямо на запад, вправо белеются дома Севастополя и большая бухта, корабельные мачты, далее *северная коса* и еще далее козловский берег, впереди маяк и две бухты, как на чертеже. Хутор монастырский и другие, налево новая колокольня св. Георгия (напрасно выстроенная). Позади гористый вид, мыс Ай-Дак, Св<ятая> Гора, отвсюду виден; говорят, что он первый в Крыму представляется плывущим из Царьграда. Не это ли *Криуметопон*? Это похожее на дело, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слева белый кряж гор известковых новейшего образования: вглубь всей картины верх Чатыр-Дага, нависшего как облако.

NB. Воспоминание о В<еликом> К<нязе> Владимире.

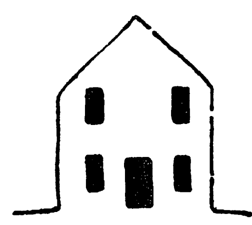
Едем в монастырь. Крутизна по входе в ворота; внезапности для меня нет, потому что слишком часто описано (так же как и Байдарская долина: если бы безимянная, она бы мне

более понравилась; слишком прославлена). Спускаюсь к морю, глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал. От церкви глядеть наверх, к колокольне, похоже на Киевскую Лавру, но вид из Лавры несравненно лучше.— В море справа два камня, как башни, между ними утес вогнутою дугою, слева скалы; под их тенью раздеваюсь и бросаюсь в море. Вода холодная, как лед. Красивые разноцветные камушки, прекрасно округленные. Назад подъем тяжел. Змея. Митрополит из Кефалоники.

Едем в Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Город красив. Сначала виден с Артиллерийской бухты дом Снаксарева. Мы берем вправо, в заставу. Под вечер гуляю. Лучшее строение города гошпиталь над южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерийскую бухту, базар, живопись, купаются, скверные испарения. Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань, оттуда большою улицею вверх, мимо двух церквей, домой. Ночь звездная, прекрасная, но безлунная. Маяки светятся в стороне к Инкерману.

3 июля. Севастополь лежит лицом к Ктенусу, одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерийскую. Несколько батарей на северной косе и на мысе военной гавани. Ктенусом плывем 7-мь верст; лес истреблен (жаль, а то бы прелестное гулянье по воде). В Балках справа казенный сад, где гулянье 1-го мая, пороховой магазин, слева сахарный завод, справа и слева хутора. Выезжаем в камышовый Узень, струйка пресной воды, ясени и другие деревья; направо гора двойная, изрытая пещерами, коридор, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святый с ликом, стертый), точно арки гостиного двора или караван-сарая. Древний мост слывет Ханским; перейдя через него, насупротив прежних и выше их две другие горы, тоже пробитые пещерами, иные застроены и вымазаны, с окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренном заводе. Здесь церковь целее, фигурные украшения, горнее седалище. Из придела церкви обломанный свод без лестницы; Александр туда и я за ним. Вверху ступени в крепость, идет к южной крутизне, там пещеры ярусов в десять, иные раскрашенные, иные клетчатые, выдолбленные украшения.

Вид на луг и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на залив. Вероятно, когда нападали на жителей, то они спасались в верхние жилья; если подламывали пилястры, то бросались в крепость. С севера и востока стены и



башни довольно целы, так как эти обе стороны здесь приступнее и положе, то и был тут он укреплен тверже, двойною стеною. На север башня круглая и далее четырехсторонняя, на восток зубчатая стена, башня круглая, опять стена, четырехугольная башня и еще стены и круглая башня угловая.

Инкерман самый фантастический город; представляю себе его снизу доверху освещенным вечером.— Но где брали воду? — Отчего монахи? — Во всяком случае ариане, ибо готфы сперва были ариане; таков был и переводчик их библии епископ Ульфила.

С севера сход, крыльцо к роднику. Приятно умываться, когда сам божок или нимфа ручья подает воду из рукомойника.

Панорама с крепости: к западу Ктенус и горы такие же, как та, на которой крепость и которые отделяют полуостровок. К югу, за долиною Узеня, Байдарские горы; с востока и севера протяжения тех гор, на которых крепость.

После обеда. Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Не здесь ли Владимир построил церковь? («Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыплемую персть и ношаху себе в град, сыплюще посреде града и воины Владимировы присыпаху более». Нестор.) — Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четверосторонней площади к Стр<елецкой> бухте.— Впереди всё видно, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок. Через город видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт, как по обрезу; Чатыр-Даг левее и почти на одной черте с городом особится от всех, как облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назад видны два кургана, один прибрежный, другой средиземной. Я на этом был,— груда камней и около него два основания древних зданий. Солнце заходит в море, и черное облако застеняет часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов.

С насыпного холма, внутри города, виден маяк, а далее, по морю и кругом, не видать.— Пещеры к югу; их множество. Проводник уверяет, что они ведут к Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями.— Колодезь, водопровод.— Лисица.— Два корабля и флот.

4 июля. Поутру однообразною дорогою, тою же заставою, в которую въехал. Надоело, велел своротить вправо, чтобы сблизиться с морем; едем рвом, множество четверосторонников; поля разделены на клетки каменными основаниями; налево, над рвом, возвышение, на нем ▭ из огромных, грубообтесанных камней, сложенных одни над другими в два ряда, к югу два круглые основания, в них ямины, далее параллелограмм, тут и кончится возвышение.

Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград. Паллас предоставил себе со временем внимательнее осмотреть остатки древностей около бухт Казацкой, Круглой и Стрелецкой, но при том и остался. Вот что я видел. В конце загиба Камышовой бухты два хутора, второй купца Сергеева «Екима Сергеевича покойного; сын его Левушка махынький, 22-й годочик». В одном из его огородов ▭: один бок 16, другой 24 шага, с одной стороны в 4 ряда камни, и еще надделан неполный ряд; иной камень в $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ ширины; другие бока в три ряда. Обойдя загиб бухты и перевалясь через пригорок, такой же ▭ и тут на холме, до самого маячного перешейка, груды огромных и средственных.

Маяк в 12 саженей вышины. Панорамный вид полуострова не так хорош, как с горы Карани: кроме двух возвышенных мысов, с правой стороны ничего не видать. Флот в море, идет к Николаеву на всех парусах. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаном пущают воду из головных отдушин; столпили в стадо рыбу салтанку, которая от них не может отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаек реет округ их и подхватывает объедки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывут впереди.

На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здесь ли витийствовали херсонцы, живали на дачах и сюда сходились на совещания? А нынешний остаток стен может быть только Акрополь. Впрочем, я ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе даже дога-

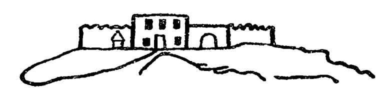
док. Что такое bâtisses cyclopéennes?[1] Похоже на турок и персиян, у которых Тезеев храм в Афинах и Персеполь приписываются построению Дивов.— С маяка и на здешнем полуострове видно то же направление земли, как во всем Крыму,— северные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5 июля. Через Ахтиарский залив на северную косу; оттуда вид на Севастополь. Корсунь и маяк. Едем вдоль берега, поворачиваем, миновав Учкуй, вдоль Бельбека. Берега в садах; справа горы положе и в зелени, слева крутые и голые, меловые. Вероятно, на Каче и на Альме тоже. Дуван-Кой, долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срезана, выглядывает из-за протяжения гор, что с правой стороны от дороги.

Сворачиваем еще правее, переезжаем через Бальбек и продолжаем путь вдоль речки Кара-Илаза. Примечательный и оригинальный вид гор, чрез которые прорывается Бальбек,— сахарные головы, верхушки бисквитные. Иной бок закруглен вперед или назад, наверху род теремов и замков или бельведеров, разноцветных от смешения зелени со слоями камней. Гора над Кара-Илазом тоже как будто сверху укреплена исходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшие. Мельница, дом, гарем (желтенький, в ограде). Гостиница, прекрасное угощение.

Гроза великолепная.

Поднимаемся в верхний Кара-Илаз, ущельем вдоль Суук-Су, потом в Ходжа-Сала, влево в ущелье, плутаем заглохшею тропою, въезд на Мангупскую гору с севера, вороты, стены, часть замка, окна с готическими украшениями.



В утесе высечены комнаты. Ходы, лестницы, галереи к с<еверо>-в<остоку> вне крепости. На самом конце площадка, под нею вторым уступом острый зубец утеса, направо долина, налево под ногами голое ущелье, где Ходжа-Сала; далее море. Спуски, сходни в круглый зал, шесть комнат к западу, к востоку три, узкий ход по парапету, множество других развалин.

[1] Циклопические кладки *(франц.)*.— *Ред.*

Башни и стены к востоку в маленьком промежутке, где не так отвесно. Большая, местами довольно целая, стена западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. *Не худо бы разобрать надписи.* Вид прямо на Кара-Илаз. Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейные, журчание фонтанов, мечети, тополи. Татарин мимо нас скачет вон из города, искры сыплются из трубки.

Хан-сарай полуразвалившийся. Вид с минарета.

6 июля. Иду пешком вверх по нашему переулку, оттуда к мавзолею Грузинки, от него вверх и опять вниз к мостику. В перспективе гаремная беседка, вид города: тополи, трубы, минареты. Азис, вниз по Чурук-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеев, один осьмиугольный, карнизы обложены мрамором. Опять в Бахчисарай; от него на восток ущельем вверх по Чурук-Су. Дома под навесом утесов. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врезана в ту же гору, которая с юга господствует над Бахчисараем. Сворачиваем туда; проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен к горе; лестница и церковь и коридоры высечены в камне, балкон пристроен снаружи и келейка, где старик со старушкою. Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверх, везде фонтаны, дорога влево, клином наверху Иосафатова долина в дубовой роще. Налево отвесная гора Чуфут-Кале, туда ведет лестница. Та же система укрепления, что в Мангупе. Оленье поле; на стремнине против монастыря остатки башни и стены.

Местоположение Чуфут-Кале: к северу ущелье, где протекает Чурук-Су и где Бахчисарайские горы; к з<ападу> ложбина монастырская; к ю<гу> лощина кладбищная; к в<остоку> долина глубокая и лесистая между гор, где низменная дорога от Алмы к Каче. Тут вид горный до самой Яйлы западной. Промежуточные возвышения, холмы и долина погружены в тени, над ними природа разбила шатер, он светозарен от заходящего солнца, которое прямо в него ударяет; всё прочее от нашедших с запада облаков покрыто темнотою. Эту картину я видел, проехав Иосафатову долину; к югу от нее и выше, над стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермен с пещерным его венцом,— точно вышка, крепостца наверху. Тут я увидел почти всё течение Качи, как она вьется из гор, а позади нас впадение ее в море, которое светится. Впадение в Качу Чурук-Су. Дождь в Бахчисарайском ущелье. Вправо горы

Кара-Илаза. На Каче Татар-Кой. Возвращаюсь к мавзолею Грузинки.

Чуфут-гора одна из меловых белых гор между Салгиром и Касили-Узенем, подобно как Тепе-Черкес-Инкерман и Мангуп, и все они пещеристы. Кто этот народ и против кого окапывался к югу? Раббин говорит: хазары, которые прежде назывались готфами.

---

9 июля. По двухдневном странствовании еду к M-me Hoffréne в Татар-Кой. Из Ахмечета дорога влево от кладбища, вправо остается Лангов хутор и еще далее его же деревенька. Верстах в шести от города с высоты вид моря. Во всем Крыму, как бы долина глубока ни была,— подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непременно видно. Спуск к Саблам, где всё зелено, между тем как в степи, позади меня, всё желто. Чатыр-Даг. Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. Султан. Ирландский проповедник Джемс в Саблах, увидавши меня, рад, как медный грош. Школа плодовых деревьев: коли слишком растут в вышину, то это плохо для плодов. Столетнее алоэ. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем Бодрак, налево Мангуп. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо.— Баня в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я там не был, потому что, когда прочел Муравьева,— как будто сам водою окатился.

10 июля. Утром в Татар-Кой. Крутизна в Каче: прекрасная Качинская долина, милые хозяйки. Султан о религии толковал очень порядочно в Бахчисарае, свое и чужое, но премудрость изливается иногда из уст юродивых.

11 июля. Кавалькада в Тепе-Кермен. Гора, нависшая над Татар-Коем, верх которой в виде стены, стоймя поставленной. Ораторство Султана. Ходим по пещерам.

12 июля. Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы, ночую там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив. Джемс кормит, поит, пляшет и, от избытка усердия, лакомит лошадью, которая ему руку сломила. Возвращаюсь в город...

<ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ>

Изгибистый Терек обсажен лесом от Моздока до Шелкозаводска. В станицах старообрядцы и жены на службе у гребенцев, дети вооружены. От 15 — до 100 лет. Из 1600—1400 служат.

Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей,— нынче самих продавцов вешают.

Телава и Сигнахи взбунтовались в 1812 г. В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь. Коменданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски.

Исправник Соколовский не берет взяток и не имеет жены, которая, из низкого состояния вышедши в классные дамы, поощряла бы мужа к лихоимству.

Казаки бежали. Цицианов спросил подобно царю Ираклию: «Горы их на том же месте? Ну, так и они воротятся».

На мудрое уничтожение стряпчих Цициановым — мерзость провиантских комиссаров. Не скупают вовремя хлеб, всё хотят дешевле. Время уходит, и они, в зимнюю пору и в отдаленных местах, подряжают несколько тысяч арб; волы падают без корма. За отпуск пыли деньги выморжают. Жители обременяются и войска не довольствуются вовремя.

Амилахваров в башне.

Внизу сторожа, в среднем этаже он сам, в верхнем его казна. Вместо окон скважины. Начальствовал в Кахетии. Сменный, получил 2000 руб. сереб<ром> пенсии, которую и

сберегает. «Русские даром ничего не дают. Коли придерутся: вот им за 14-ть лет пенсия обратно»[1].

<ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД>

12 мая. Четверток. Прибытие Семптер-аги из Карса. Новости от Бенкендорфа, нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и беспищные. Выезжаем из Тифлиса. Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибегока; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дребезгами искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди, верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван, вдали лагерь у Храма. Услужливость мусульман. Речь муллы.

13 <мая>. Пятница. Поутру прибыли к Храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление реки, мост снесен. Ночью Шулаверы, живописные ставки в садах. Казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14 <мая>. Суббота. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражом; люди пешие.

15 <мая>. Воскресенье. Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер, как Чатыр-Даг с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь на приятном месте. *Бабий мост*, 4 версты от Самийского погоста, где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.

16 <мая>. Понедельник. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Акзибеюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, Волчьи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острову, покудова чернила не разлились по отсыревшей бумаге и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он всё болен. Тут и доктор, и блохи.

17 <мая>. Днёвка.

[1] Сбоку приписано: «Детям ничего не дает».— *Примечание публикатора.*

18 <мая>. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего.

19, 20 <мая>. Днёвка. Карапапахцы поселились на турецкой границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттудова вытеснить? Заботы о транспортах.

21 <мая>. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22 <мая>. Там же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезаю в овраг каменистый и крутобрегий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу, вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с в<остока> вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами, к с<еверу> оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедою, к з<ападу> бок над нею же, к в<остоку> над другою речкою, к с<еверу> замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве[1].

— Письмо Игурлехана. *Лишение надежды есть тоже покой.*

Просьба, адрес поздравительный карабахцев. *Роза расцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь.*

---

[1] Далее в рукописи — перерыв; следующий текст — на других листах.— *Примечание публикатора.*

Отъезд турецкого посланца.— Приезд Обрескова. Полная ночь.— Поход.

Июнь 1. Среда. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят Бога главнокомандующему, который его от них как рапорт принимает.

К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен.

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

2-го <июня>. Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го <июня>. Подъем на Безобдал. Трудность обозам. Я боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветр порывистый. Спуск грязный на Кишлаки. Гвардейский лагерь прелестен.

Палатка Аббас-Кула над рекою. Заглохшие тропы к опустелым саклям.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь на дворе.

4-го <июня>. Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Пещеры. Мавзолей Монтрезора. Дурной лагерь в Амамлах.

5-го <июня>. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины вроде котловины.— Прекрасное лагерное место. Алагез к ю<го>-з<ападу>.

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го <июня>. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к з<ападу>. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го <июня>. Алагез к с<еверо>-в<остоку>. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий. Кормы тучные.

Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала мест*á*, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштараки,— мост в три яруса на трех арках, под ним река Абарень дробится о камни.

Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдат<а> и маркитанта.

8-го <июня>. Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея.

Гассан-Хан — враг монастыря. Багдатский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-Хан перешел к нам с 3000 семействами.

9-го <июня>. Четверг. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и ему подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-Хана с 3000 кутали и карапапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский с колокольни видит пыль вдали.

10-е <июня>. Пятница. 11-е <июня>. Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е <июня>. Воскресенье. У обедни в монастыре.

Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13-е <июня>. Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядзине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45; в тени 37. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е <июня>. Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан изрезал границы Римской империи, чтобы лучше охранять их.

Вот задача моей жизни в главной квартире.

C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spéctateur. Celui qui ne prétend qu'observer, n'observe rien, parcequ'étant inutile dans les affaires et importun dans les

plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agire les autres, qu'autant qu'on agit soi-même, dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre[1].

Поэтический вечер в галерее Эчмядзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19 <июня>. В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского; спор генералов о бреши. Посылают Кольбелей-Султана, чтобы способствовал Курганову к выгону скота.

Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль.

Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского. André Chénier.

20 <июня>. Днёвка. Являются с покорностию племянник и сын Вели-аги. Вечером переносим лагерь на противуположный берег реки. Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Горнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен в моей палатке.

21 <июня>. Поутру известия опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазом, всё деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата. Лагерь на Ведичае, куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 <июня>. Идем чрез Девалу. Два аиста на мечете стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал, по слуху о неприятеле, отправляется в авангард. Прокламация садакцам и миллинцам. Садараки прекрасный ночлег.

23 <июня>. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре,— всё сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

---

[1] Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его никуда не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах — одинаково при изучении света или любви. Нужно начинать с того, чтобы самому упражняться в том, что хочешь изучить (*франц.*).— *Ред.*

24 <июня>. Днёвка. Термометр до 47°. Приезд карапапахцев, Мехмет-аги, Гумбет-аги бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 <июня>. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще, война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача знамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но недовязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки. Заезжаю в авангард. Лагерь не доезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26 <июня>. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елисаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами.

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к с<еверо>-в<остоку> Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-Дак и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к з<ападу> Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид оттудова из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Комендант сменен.

Змеиная гора — в увеличенном виде обожженный уродливый пень. Такие еще две.

27, 28 <июня>. Известие о шахе от Мекти-Кули-Хана. Муравьев послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми его движениями.

29 <июня>. В $4^{1}/_{2}$ ч<аса> кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста саженях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка — 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий

обступают крепость. Канонируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противуположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага, переговариваются с нами с гласиса.

30 <июня>. Приезд иавера. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль, 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

ВАРИАНТЫ

СТУДЕНТ

(с. 45 – 101)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 5

С. 53. Стр. 20 Имени вашего не забуду; но — *вписано сверху.*

ЯВЛЕНИЕ 6

С. 56. Стр. 12—13 [...Живая Виотия в Афинах! гоморра! ни малейшего воспитания! какие правила! За перо! За перо! в целых пяти актах заставлю над ним смеяться.]

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 2

С. 67. Стр. 16 [Что ты за дитя?]

ЯВЛЕНИЕ 11

С. 81. Стр. 38—39 [не говорить ни слова. Пойдем же]

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

С. 82. Стр. 12 а сам, верно, [другое] думает

ЯВЛЕНИЕ 8

С. 91. Стр. 1 от своей братьи! [Один, правда, Алексей, лакей, повадливее других, жаль, что уезжает, а то бы мы с ним дружескую компанию повели [смотрит в окно] Вон он стал за каретой! экой бравой из

себя! Алеха! Алеха! подыми, пригодится, вон! вон! смотрит сюда, догадался, собака, язык кажет. Прости, брат! щастливая дорога! — Куда здесь прытко ездят! их! Как передняя-то коляска вперед взяла! из виду вон, только пыль столбом.]

ЯВЛЕНИЕ 11

С. 97. Стр. 27 Изволил крепко [наказать] наказывать.

ЯВЛЕНИЕ 13

С. 101. Стр. 2—3 [дабы надсматривать с неусыпным бдением]

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

С. 101. Стр. 27 сопутницы неизменные — *вписано сверху Грибоедовым.*

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ <«СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»>

(с. 102—112)

Отдельное издание

<ЯВЛЕНИЕ 1>

Ст. 27—47

Наташа

Ах! дядюшке понравиться не трудно:
Он весел, добр и мил,— и, право, даже чудно,
Как он напоминал Любима мне.

Любим

А чем?

Наташа

Да кроме лет, лица и воспитанья — всем.
Ты точный дядюшка, мой друг, под старость будешь.

Любим

Вот на!

Наташа

Ты никогда гусарить не забудешь;
Все станешь вспоминать с восторгом старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу уж тебя: ты, в дядюшкины годы,
Как он в седых усах, про славные походы,
Про Лейпциг, Кульм, Париж без памяти кричишь;
Без милосердия все новое бранишь.
Свой полк, своих друзей, свои проказы славишь;
Повесам будущим себя примером ставишь,
И сердишься за то, что рано устарел.

Любим

А ты в углу ворчишь: он все еще пострел;
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?
И вслух меня бранишь, а внутренно смеешься.
Не правда ли, мой друг?

Наташа

Да, может быть легко;
Но, к счастью, до того еще нам далеко.

Вельдюзева

Сестра сюда идет.

Наташа

Ах, Боже мой! какая?

Вельдюзева

Ох! Фекла Савишна.

Любим

Крикуша и скупая.

Наташа

Да где бы платьица найти мне попростей?

Вельдюзева

У Груньки ты возьми передник поскорей.

<ЯВЛЕНИЕ 2>

Ст. 51 Да ведь пожаловал в тот самый час, в который

Ст. 55—58 Чего! он разве путных правил?
Дивись еще, мой свет, тому, что не оставил
Визитной карточки; а то у них такой

Ст. 61 Вот посещают так: сам барин дома спит,

Ст. 67 Что сам он заходил, я от Потапки знаю,

Ст 72 А в Петербурге бы к какой-нибудь красотке...

<ЯВЛЕНИЕ 3>

Ст. 93—94 Сестрица! кажется, не гостья вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду тотчас.

<ЯВЛЕНИЕ 4>

Ст. 108 Нет! и без сахару расходов очень много.

Ст. 129 Мы молоды тогда, невесты были с ней,

Ст. 132 Об том, что к Ладовой графине я попалась

Ст. 135 Ведь были по всему противных свойств и правил.

Ст. 167 Диковина, мой свет! ты, кажется, водилась

Ст. 180 Вот ни на столько...

Ст. 191 Вот, если б наш Любим был человек толковый,

Ст. 193 И услужил бы всем родным и сам себе,

Ст. 197 А то, Бог знает, где он сватанье завел!

Ст. 219 ....А! верно мастерица.

<ЯВЛЕНИЕ 5>

Ст. 235—237 И что, мой свет, сидеть не любишь склавши руки,
Так я тебе найду заняться чем от скуки:
Ведь у меня в дому кой-что шелками шьют.

После ст. 242 (Уходит; Вельдюзева ее провожает)

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

(с. 158—192)

Московский суфлерский список

Заглавие — Кто брат? Кто сестра? или [Обман один из тысячи] за обманом. Опера-водевиль в 1-м действии — *рукой Грибоедова*

ЯВЛЕНИЕ 1

С. 160. Стр. 23—24 — и говорит тихо

Стр. 27—28 — «Гвардии [капитану князю] ротмистру Рославлеву» *(исправлено Грибоедовым)*

Стр. 34 — Пан Чижевский. А, понимаю, понимаю! — *отсутствует*

ЯВЛЕНИЕ 2

С. 161. Стр. 21 — Его [Сиятельству] высокородию — *исправлено Грибоедовым.*

Стр. 23 — Камергеру князю Рославлеву

Стр. 30—31 — Ст! Ни слова обо мне!

Стр. 33 — Пока — *вписано Грибоедовым.*

Стр. 36 — Они уходят

ЯВЛЕНИЕ 3

С. 162. Стр. 10 — да [и] его нужно нам задержать!

Стр. 15—16 — Рославлев младший. За другими...
[Пан Чижевский. Против присяги]
Рославлев младший. Дорога наезжена...

С. 162. Стр. 18 Рославлев младший. То, что говорят [о них высшие] о других.

С. 163. Стр. 21 Не устою на роковой черте — *вписано Вяземским.*

Стр. 25 [Нет.] Но ваших просьб признал и вес и цену.

Стр. 36—37 перебыва[ло]ет у меня в руках.

Стр. 38 Немало и остается.

ЯВЛЕНИЕ 4

С. 164. Стр. 8—9 [князь] Рославлев мой брат. Утратив родителя своего

Стр. 11—12 ни тайн[ой мысли]ых намерений.

Стр. 13—14 Но вдруг согласие [наше] разрывается.

С. 164. Стр. 35—38 — с. 165. Стр. 1—12

Бар и [красавиц] барынь все бранят
под рукою,
[В глаза] през[реть]ирать их каждый рад
за спиною.
Но [повстречайся] столкнися с мудрецом
барин знатной,
Иль [брось] крас[авица]отка брось тайком
взор приятный:
[Начнет иную] Станет нову песню петь
наш Сенека
[И] переменится [наш] медведь
в человека!
[По]смотришь он как и другой
Гибок, тонок:
[И] кстати мастер делать свой
Па́дам до́ ног!

ЯВЛЕНИЕ 5

С. 165. Стр. 35 петь — *вписано.*

ЯВЛЕНИЕ 6

С. 166. Стр. 5—6 которое сам на ходу был сделать

ЯВЛЕНИЕ 7

С. 167. Стр. 21—22 что он вам даже слишком мил — *даже — вписано.*

Стр. 32 Именно прощайте.

ЯВЛЕНИЕ 8

С. 168. Стр. 11 Что будет нами он надут.

ЯВЛЕНИЕ 9

С. 169. Между стр. 12 и 13 [Рославлев старший. Мне дела нет до вашей шляхты!]

Антося и Лудвися. Как дела нет до нашей шляхты!]

Стр. 25 Тут арендарж — тут офицер!

ЯВЛЕНИЕ 10

С. 170. Стр. 15—16 Я бешеных, сударь, боюсь,
[И на глазах] А говорить при вас опасно!

Стр. 35 Я там служу в [гвардии] [в лейб] гусарах.

С. 171. Стр. 2 Александра [Ленского] Рославлева;

Стр. 3—4 мы с ним живем в одной комнате, [спим на одной постеле]

Стр. 5 [Он] А мне брат родной.

Стр. 10—11 Опасность миновалась?

Стр. 20—21 в нашем местечке [эдакого зверя] этого не водится.

С. 172. Стр. 5 Я [бы отпел благодарственный молебен] также.

Стр. 9—10 Любезны на первых порах,

Стр. 11 Самые ничтожные, бесполезные, лишние две

трети населения. Дайте мне руку. [Если мы поживем и будем уметь] и передать такие же правила нашим детям, [а они своим современникам, то есть надежда, что в шестом поколении дети вовсе не будут родиться.]

С. 172. Вместо стр. 18—34

Юлия

Здоровье холостых.
Спокоен, кто любви лукавой
Не подчиняет разум здравой,
В поступках волен, сердцем пуст —
Что поцелуй от милых уст?
Приманка мужу рот разинет,
Чмок: раз, другой — и след простынет,—
Но [тысяча] множество других статей,
Которым счет не так короток:
Жены причуды, визг детей
И у жене что дядей! теток!
Ах, то ли дело одному!
Покой душе, простор уму.
(Стакан свой только к губам подносит)

№ 10

Рославлев старший (выпивает все)

Любил бы, может быть, и я
Заботы, нежности и ласки,
Но кто б уверить мог меня,
Что эти нежности не сказки!
Жена сердита — в петлю лезь!
Нежна — замучат подозреньи!
Родятся дети — с ними здесь
Родятся новые сомненьи! (2)

Прими совет мой, молодежь!
Любовь лукавая наука:
В любви бывает часто ложь,
За истину ж вино порука!
Влюбись в красотку неравно
Твой вкус — приманка заблужденья!
Когда ж на вкус придет вино,
Его ты выпьешь без сомненья. (2)

С. 172. Стр. 36—37 которую я люблю по самой [естественной] родственной связи.

С. 173. Вместо стр. 8—16

Кроткое, невинное существо и так же мало заботится об нас, об мужском поле, как мы с вами об их дамском роде. Но я счастливо создан, нечувствителен от самой колыбели; вы можете быть таковы по рассудку, по важным причинам, которых я не доискиваюсь. Она же привязчива до невозможности, мягкость нрава детск[ого]ая, пылкость чувств необыкновенная и постоянна в любви; но эта любовь так чиста, так бескорыстна, не к молодым красавицам — она их видя не видит. Брат, отец, мать — вот кто наполняют ей душу. Мне верная спутница в горе и в радости. Ребенок сирота способен возбудить в ней живейшее сочувствие, заботливость и попечение. Она разделит с ним игры, резвость его возраста, призрит, согреет материнскою нежностью. Беспомощный, живущий подаянием не только найдет в ней щедрую кормилицу; она готова облегчить его от нищенской сумы, свои плеча обременит его, пойдет и не постыдится, лишь бы напомнить человекам об человечестве. Страдальцы все ее сердцу ближайшие, родные. Здесь, например, давно ли мы оста́новились, и то неохотно, она уж отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом, дряхлого старика, всеми оброшенного, ухаживает за ним, бережет его, как будто век жить с ним, и благословляет случай, который задержал нас здесь, подав[ая]ший ей способ добро творить, между тем как мы с вами от этого же случая готовы лопнуть с досады.

ЯВЛЕНИЕ 11

С. 173. Стр. 26–27 что кабы попытаться [и ввесть в соблазн] познакомиться с пригожую [труженицу Божию] незнакомкою.

Стр. 29 [Разумеется ∾ а пуще всего недолго]

С. 173. Стр. 35—39—с. 174. Стр. 1—5

№ 11

Зачем теперь не вспомнить мне
Как резво, счастливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело?
Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил я ими.
Как быть! Был проведен иными,
Зато, отмщаясь над другими
Успел я многих завести.

Мне льстит победы новой честь.
Смиренница, как и другая,
Должна мне будет дань принесть
Рассудок страсти покоряя!
Пускай, чтоб мир души спасти,
Она лишь за больными ходит,
Пускай в смиреньи дни проводит,
Но замысл мой ее уходит,
Чтоб после дальше завести.

ЯВЛЕНИЕ 12

С. 174. Стр. 13 — Пан Чижевский!

Стр. 31 — В самом деле!

С. 175. Стр. 4 — Вы рассерди[тесь]лись?

Вместо с. 28—29 — рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, останусь здесь, покуда вы здесь пробудете; сделаюсь вашим подмастерьем при всяком лечении, только...

Вместо с. 37—38 — Рославлев старший. Поцелуя — да не оскорбляйтесь — не поцелуя страстной любви, это так скоро не делается, но легкий знак дружбы и благоволения на память незабвенной для меня встречи.
(Куплеты «Восторгов бурных и непрочных...» под № 12 вставлены позднее.)

ЯВЛЕНИЕ 13

С. 176. Стр. 34—35– с. 177. Стр. 1–13 — Рославлев младший. Слабеющим голосом ~ Юлия. Ну пойдем (уводит его).— *Вписано позднее.*

С. 177. Стр. 8—9 — а коли тебе непременно [хочется] движение нужно,

ЯВЛЕНИЕ 14

С. 177. Стр. 30 — Известны ли вам обстоятельства ее жизни? [Все в ней привлекает мое любопытство, все пленяет мое внимание, я желал бы знать...]

Антося

Она сюда явилась, и никто не знал, откудова, по ее поступкам мы ей были ради, свыклись с ней, как словно век вместе жили: ах! не приведи Бог ее скорее нас оставить, нам бы ее очень жаль было.

ЯВЛЕНИЕ 15

С. 178. Стр. 10 — (в мужском платье)

Стр. 11—12 — откудова?

Стр. 32—33 — Вы знаете, что к молодым [барышням] красавицам

С. 179. Стр. 2 — Антося [и Лудвися]

Стр. 5 — Но теперь она аптекарь

Стр. 8 — [Но] знать, от нас он не уйдет.

ЯВЛЕНИЕ 16

С. 179. Стр. 19 — Теперь я [разочарован] хладнокровен

Стр. 20 — Но где же она медлит?

Стр. 20—21 — и отчего мне так хочется ее видеть? — *вписано позднее.*

Стр. 22 — Вот она.

ЯВЛЕНИЕ 17

С. 179. Стр. 24—25 в виде больного [в тележке] в креслах на колесах

Стр. 31—32 я вам очень [много] очень благодарна.

С. 180. Стр. 3 отсюдова

Стр. 10 Намеренье не знать красавиц (bis)

Стр. 17 она [отп]разбирает аптеку

Стр. 21—22 Лишь только бы уверен был (bis)

Вместо стр. 27 Что не замедлите наградой. (bis)
Лишь только б вам я угодил! (bis)

С. 181. Стр. 8—9 Это делается не по рассудку — по быстрому чувству сострадания;

С. 182. Стр. 1—3 Души тоскующей взыванью? (2)
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью } (2)

Стр. 9—11 Где след один есть к упованью, (2)
Где тот лишь может сострадать
Кто сам виною был страданья } (2)

Стр. 13—14 но [доб]бодрый, в цвете лет, к вам прилепился всем сердцем и, покорный вам, верный, преданный

Стр. 28—30 Разумеется, вы у нас явитесь и участь их из-за угла вам [будет] завидовать. [Имеют ли они понятие об этой безыскусственной волшебной прелести в каждом слове, в взгляде, в усмешке, в поступи, во всяком движении, об этом светлом, незаемном и красноречивом выражении лица, на котором, как в зеркале, изображены все свойства души прекрасной! нравственной?! Где постичь им непритворное, младенческое

незнание собственных своих достоинств?! и это в летах пышной, цветущей молодости, когда желание нравиться обыкновенно заглушает всякое другое чувство?!]

С. 182. Стр. 31 отсюдова

Стр. 33 (осыпает поцелуями)

Стр. 36—37 (идет к нему)

С. 183. Стр. 4—7 [(За кулисами слышен хор.)]
19. (Темпо мазурки)
Любит обновы
Мальчик Эрот

Стр. 8 почтмейстержа, писарь

Стр. 9—10 все навстречу везущему графу.

Стр. 13 Пусть их [тешатся] веселятся

Стр. 21—22 [Хор, мазурка краковская]

Стр. 24 Мальчик Эрот

Стр. 31 Эх, барин-та

С. 185. Стр. 1—2 нужно видеться, объясниться с ним.

Стр. 13—14 Куда всё это как забавно.
Как не зевать всё песнь одна: [*и проч.*]

Стр. 21 Актер в своей зева[я]ет роле

ЯВЛЕНИЕ 22

С. 186. Стр. 1 Явление 22 и последнее

С. 186. Стр. 19–37– Не правда ли! уж нас не посетят
с. 187. Стр. 1–22 Любви туман и сумасбродство.

Других мильон страдают и кряхтят
Признавших красоты господство,
От нас прелестнейшим поклон и добрый путь.
Владычество их хитрою стопою
Не вкрадется в мою ни в вашу грудь
И пуще не возьмет нас с бою.
Ура! (треплет его по плечу и жмет ему руку.)

Рославлев старший. Стойте за себя, я ни за что не отвечаю.

Юлия

Смеемся над божков семейством
Крылатых, страшных для других,
Но их оружья, стрелы их,
Упитанные чародейством,
Об наши медные сердца едва скользят.
Вас и меня, ручаюсь, не пронзят.

Рославлев старший. Не пронзят! вы великий импровизатор, я ни за что не ручаюсь. Полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решать ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым все наше мужество. Еще два слова об вашей сестре.

[Романс
Ах, точно ль никогда ей в мыслях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?
Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? В них негой упивался
Роскошествовал и обмирал...
Нет! нет, куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный; он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет — вами
Нет, не моей душе процвесть.]
Скажите, точно ль нежной власти
Любви не ведала она,
Была ль чужда волненью страсти

Прекрасных дней ее весна?
Но чем, младенческим ли чувством
От бурь спасла она себя?
Ушла ли силой иль искусством
Прельщать коварно, не любя. }(2)

С. 187. Стр. 23 Давеча я с перв[ой ночи]ого свидания с вами

Стр. 28 Под каким рожден я [дурацким] несчастным созвездием!

Стр. 29–39 Будьте терпеливы, дайте все до конца открыть вам;

С. 188. Стр. 2–15 своими владельцами, которые давно уже знатность и скуку своей породы перевозят из одной европейской столицы в другую. Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилою наставницею, любила место своего рождения, живописные развалины, но внутри их не засматривалась на остатки давней роскоши, на резьбу, позолоченные панели, богатые ткани, которыми стены некогда были обиты и многие еще уцелели. Утром в костел, потом в хижины поселян; здесь она провождала большую часть времени, пользовала недужных, утешала скорбных, сама рано спознала лишение и сиротство и своею печалию научилась разделять ее вчуже; в этом еще нет большого достоинства. Текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желание свет видеть, стремление вдаль, где как будто все лучше того, что вблизи. Родственники, друзья покойных отца и матери приглашали ее в Варшаву, она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнию. В ней толпилось множество ваших соотечественников, один из них, по крайней мере, для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила; путешественник, в гостиных всем приятный, очаровательный голос, прекрасный талант музыкальный: он искусно игра[ет]л на гитаре, объяснялся еще лучше, вкрадчивое обхождение и как словно никогда

не размышлял о своем превосходстве над прочими.

С. 188. Стр. 23–24 Продолжайте, ради самого Создателя продолжайте!

С. 188. Стр. 29–43– с. 189. Стр. 1–12 в обществах она держалась одоль, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые себя вперед выставляли — она была стыдлива (вы искали таких, которых стыд и совесть уже ничем не возмущались), робкая невинность вас бы самих обробеть заставила. Наконец, она вас любила, а вы... одни ли вы без примечания проходите мимо той, в чьей груди вам и единственно вам бьется сердце живейшим, бескорыстнейшим чувством.

Рославлев старший. Ах! Это самая истина, я только [к тем] теми и [прилеплялся] занимался, которые меня обманывали. Но почему все это вам известно, неужели это Юлия, ангел на земли, сестра ваша?

Юлия *(сбрасывая с себя шинель и конфедератку)*. Я сама.

Рославлев старший. Боже мой, какое превращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы, от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось. Городок, где я никому не известна. Старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляли на успокоение других.— Ах! другим хорошо, но мне где найти мир и утешение? — Прочих тайн моих, кажется, вам открывать нечего. Я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я все сложила с сердца, что как камень его бременило. Прощайте и помните, это был последний наш разговор, последнее свидание.

С. 189. Стр. 15–16 Я вне себя, я в восторге, и чтобы из рук выпустил свое счастие.

С. 189. Стр. 30—31 Сс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайте

Стр. 33—34 <...> он на колена, хватается за полы ее платья и тащится вплоть до цветника.

Стр. 35 Либо вы поезжайте, либо я скроюсь <...>

Стр. 38 (Антося и Лудвися из цветника)

С. 190. Между стр. 11 и 12 [(всякий стихом или двумя к нему обращается]

Стр. 24 А вам и ехать в путь готово!

Стр. 33—34 <...> мы, кажется, довольно подружились. [Я в продолжении этой фарсы раз тридцать успел обнять[ся] ее].

С. 191. Стр. 3—4 Рославлев младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

Стр. 7 Рославлев [стар.] младший

Стр. 16—17

Антося

Бойтесь, нам твердят издетства <...>

С. 192. Стр. 4 Рославлев [млад.] старший

Стр. 15—24

Прибегала я к обману,
Чтоб уладить свой роман.
Вас обманывать не стану,
Пенья дар мне не был дан.
Цветом истины для взгляда
Ложь прикроет шарлатан,
Но фальшивая рулада
Слишком гласный есть обман.

Лудвися

Бедным авторам к успеху <...>

Стр. 32—33 Входят музыканты ~ и начинается дивертисмент — *отсутствует.*

Петербургский цензурный список[1]

Заглавие — Кто брат? Кто сестра, или Обман [один из тысячи] за обманом. Новая опера-водевиль в 1-м действии. Оригинальное сочинение с хорами и разнохарактерным дивертисментом

ЯВЛЕНИЕ 1

С. 158. Стр. 17 — в почтовом дворе.

Стр. 26 — А н т о с я

С. 160. Перед стр. 6 — Л у д в и с я

Завтра — гость неверный! и проч.— *отсутствует.*

С. 160. Стр. 34—40— с. 161. Стр. 1—17 — П а н Ч и ж е в с к и й. А, понимаю, понимаю!

№ 2. Рославлев младший — *вписано*

Жизнь скучным трактом [вам] мне казалась!
[Так взяв] Я взял любовь в проводники,
[Желали вы, чтобы досталась] И в будущее притесалась
[И радость с легкой вам руки.] Мне радость с легкой тут руки!

Так к счастью пристани надежной
[Вам] Всем мил открытый лист в жене.

ЯВЛЕНИЕ 3

С. 162. Стр. 15—16 — дорога проезжая.

ЯВЛЕНИЕ 4

С. 164. Стр. 8 — мой [родной] двоюродный брат — *правка карандашом.*

Стр. 12 — Нравы скромности,

---

[1] В этом разделе приводятся кроме зачеркнутых мест также варианты, являющиеся, по всей вероятности, ошибками переписчика.

С. 164. Стр. 13—14 Но вдруг согласие разрывается.

С. 164. Стр. 34—38—с. 165. Стр. 1—12 *Куплеты* «Бар и барынь все бранят...» —*отсутствуют.*

С. 165. Стр. 13 стук в дверь — *приписка карандашом.*

ЯВЛЕНИЕ 5

Стр. 31—32 с поклоном — *отсутствует.*

Стр. 34 (приободряется и откланивается,

ЯВЛЕНИЕ 6

С. 166. Между стр. 13 и 14 [Рондо]

ЯВЛЕНИЕ 7

С. 167. Стр. 13 Неприятно вам,

Стр. 21 И я тоже думаю, что он вам мил.

Стр. 27 как узнать?

ЯВЛЕНИЕ 9

С. 169. Между стр. 10 и 11 [Рославлев старший. Мне дела нет до вашей шляхты!

Антося и Лудвися. Как дела нет до нашей шляхты!]

С. 170. Стр. 6—7 не быть бы тебе... (Грозит рукою.)

ЯВЛЕНИЕ 10

С. 171. Стр. 5 Он мой брат [родной] двоюродный — *правка карандашом.*

Вместо стр. 18 Антося и Лудвися. Что вам надобно? (Сестры входят.)

Стр. 36 но я заклинал именем вашим

С. 172. Стр. 11 Самые ничтожные, бесполезные, [лишние две трети народонаселения].

Вместо стр. 19—34 [Здоровье холостых!
Спокоен, кто любви лукавой
Не подчиняет разум здравой,
В поступках волен, сердцем пуст —
Что поцелуй от милых уст?
Приманка мужу рот разинет,
Чмок: раз, другой — и след простынет.
Но множество других статей,
Которым счет не так короток:
Жены причуды, визг детей,
И у жены что дядей! теток!
Ах! то ли дело, одному!
Покой душе, простор уму.]

С. 173. Вместо стр. 9—16 как мы с вами об их [дамском роде. Но я счастливо создан, нечувствителен от самой колыбели; вы, быть может, таковы по рассудку, по важным причинам, которых я не доискиваюсь. Она же привязчива до невозможности, мягкость нрава детская, пылкость чувств необыкновенная, и постоянна в любви, но эта любовь так чиста, так бескорыстна,— не к молодым красавцам: она их видя не видит. Брат, отец, мать — вот кто ей наполняет душу. Мне верная спутница в горе и в радости. Ребенок, сирота способен возбудить в ней живейшее соучастие, заботливость и попечение. Она разделит с ним игры, резвость его возраста, призрит, согреет материнскою нежностью. Беспомощный, живущий подаянием не только найдет в ней щедрую покровительницу; она готова облегчить его от нищенской сумы, свои плечи обременить ею, пойдет и не постыдится, лишь бы напомнить человекам об человечестве. Страдальцы все ее сердцу ближайшие родные.]

Стр. 16 от этого случая

ЯВЛЕНИЕ 12

С. 174. Стр. 16 хозяин обещал достать мне

С. 174. Стр. 22 Ближний вашему сердцу?

Стр. 32 личико миленькое, чувствительное —

С. 175. Стр. 32—33 вам сделать угодное, когда вы убедитесь,

Стр. 37—38 [Поцелуя... Да не оскорбляйтесь! Не поцелуя страсти, это так скоро не делается: но легкий знак дружбы].

ЯВЛЕНИЕ 13

С. 176. Стр. 14 Юлии мужа,

С. 177. Стр. 9—10 видел ты креслицы?

ЯВЛЕНИЕ 14

С. 177. Стр. 19—20 становится, кажется, обходительнее.

Стр. 29—30 Да, кажется мне, что вы об ней знаете; известны ль вам

Вместо с. 177. Стр. 35—37— с. 178. Стр. 1—2

Антося

Она благотворит шутя!
Она мудрец рассудком строгим!

Лудвися

Она невинностью дитя!

ЯВЛЕНИЕ 15

С. 178. Стр. 18 в минуту избегал местечко.

Стр. 29—30 и я принес ей свою дорожную аптеку. (Хочет идти.) Нельзя ли мне

Стр. 32—33 что к молодым барышням

С. 179. Стр. 8 Но от нас он не уйдет!

ЯВЛЕНИЕ 17

Стр. 24—25 больного в тележке).

С. 179. Стр. 26 Какие заботы!

С. 181. Стр. 29 жестокую болезнь.

Стр. 31 отошедши

Стр. 41 Ужель могли вы не внимать?

С. 182. Стр. 2 Ужель могли не сострадать

Стр. 8 Но нам дано мученье знать,

Стр. 11 Кто сам виною был страданью.

Стр. 18—25 Юлия. Отчего же нет; но, во-первых, он должен предпочесть меня всем светским красавицам.

Рославлев старший. О! все мужчины и я, мы все будем боготворить вас.

Стр. 29—30 и участь их из-за угла будет вам завидовать!

Стр. 36—37 (Юлия идет к больному.)

ЯВЛЕНИЕ 18

С. 183. Стр. 13 Пусть их тешатся,

Стр. 24 Мальчик Эрот

Стр. 30 Хлыщет и бьет.

С. 184. Стр 7—8 Антося

Пускай шумиху с возу счастья и т. д.

Стр. 12—13 Лудвися

Фортуна нас и на запятки <...>

Стр. 17 Танцы — *отсутствует.*

ЯВЛЕНИЕ 19

С. 184. Стр. 24—25 который просыпается зевая и потягивается.

ЯВЛЕНИЕ 22

С. 186. Стр. 11 Ваша сестрица...

Стр. 14—15 она выше всего,

Вместо стр. 20—35 [Не правда ли? уж нас не посетят
Любви туман и сумасбродство.
Других мильон страдают и кряхтят
Признавших красоты господство.
От нас прелестнейшим поклон и добрый путь,
Владычество их хитрою стопою
Не вкрадется в мою ни в вашу грудь
И пуще не возьмет нас с бою.]

Стр. 36—37 Стойте, я ни за что не отвечаю.

С. 187. Вместо стр. 7—22

[Романс

Ах! точно ль никогда ей в мыслях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?
Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался
Ей друг! по сердцу ей! который бы сгорал
В объятиях ее? В них негой упивался,
Роскошствовал и обмирал...
Нет! нет! куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный; он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет — вами
Нет, не моей душе процвесть!]

С. 188. Стр. 1—2 замок ветхий, брошенный богатыми владельцами.

Стр. 20 ничего не знал.

Стр. 26—27 вы тогда кружились [в шумных веселостях], в бурном водовороте...

Стр. 29—30 [в обществах же [держалась одоль] старалась отдаляться,

С. 188. Стр. 36 это сама[я] истина;

Стр. 38 ангел на земле...

С. 189. Стр. 26 для достижения цели?

С. 190. Стр. 2 только после, идите!

Стр. 9 и вот моя жена,

Стр. 25—26 Как я глуп был, о, как я был глуп!

Стр. 29—30 или в Петербург?

Стр. 31 и как можно скорей,

С. 192. Стр. 15—22 *Записано на вклеенном в список листке. Ранее было:*

[Прибегала я к обману,
Чтоб уладить мой роман.
Вас обманывать не стану,
Пенья дар мне не был дан.
Цветом истины для взгляда
Ложь прикроет шарлатан,
Но фальшивая рулада
Слишком гласный есть обман!]

Стр. 18 [Вкуса зрителей тиран]

Стр. 28 Что, как скажет зритель едкой

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

(с. 205—210)

Автограф

1

Ст. 30 *а*) [Творец <нрзб>]
б) [Скорее предадут главу мою]
в) Пошли [ты] мне изгнанье, нищету.

Ст. 33—35 Где бурный Ксань [изрыл себе теченье],
Разбойником терпеть гоненье, голод, страх,
От [бурь и] непогод не бы[ть] укрытым,

Ст. 38—39 Чем этой [женщины] присутствие сносить,
И злость [ее] души, и яд ее упреков.

Ст. 41 [Ни криком горести,] ни силой слезных токов.

Вместо ст. 42—45 *а*) [Подумай, сам отец [и у тебя есть дочь], лишился сына ты,
Когда увидел ты его потухший взор
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера твой голос неутешный]
Ты сына был лишен
Когда в последний раз прощался с трупом милым
б) Подумай, сам отец, [ты] сына [был] лишен
Когда [про] застреленный к тебе был принесен]
[Отчаянно] Без памяти приник к [устам] очам остылым

Ст. 46—48 И [думал] оживить [его] потухший взор
Весь воздух потрясал [твой <?> превеликий]
И вторили раскаты [этих] гор

Ст. 50 — Ты в землю [сам хотел] зарыться с ним

Ст. 52 — Когда же б [мог его ты выручить] из плена,

Ст. 54 — На чей бы гнев [и мщенье] не посмел?

Ст. 56 — [Не укор<яй> меня без пользы]

Ст. 60 — *а)* Его ценой я выкупил коня
б) [Лишь им] я выкупил коня
в) *<возврат к первому варианту>*

Ст. 63 — [Мерзавец] кто б его в чужих руках оставил

Русское слово

Черновые наброски

2

Вместо ст. 141—142

Так от людей надежды боле нет,
И вседержителем отвергнуто моленье!
Услышьте вы отчаянья привет
И мрака порожденье!

Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Тогда была добра, имела сына я...
(Одна Али появляется в уединенном месте)
Кого клянешь?
На чью главу
Беды зовешь?

Ст. 152—155

а) Но нет их! Непокорны мне!
Лишь тучи длинными грядами
Перебегают над холмами
И всё крутятся... Ах, оне!

б) Но нет их! Нет! И что́ мне в чудесах
И в заклинаниях напрасных!
Нет друга на земле и в небесах,
Ни в Боге помощи, ни в аде для несчастных!

Вместо ст. 156—161

Али

Ты здесь! Но ты, исчадье праха,
Где ты украла волоса?
Они нам сила и душа.
Отдай их нам...
Умри со страха!

Мы здесь, но гибель и напасть
Тому, кто взыщет ада власть.
Не цепенеешь ли со страха,
Увидя нас, исчадье праха?

Т[1]

Ах! Вот они! Язык прикован мой!
Но не умру с испуги.
Вот ваши волоса... Вот суд вам роковой;
Кто их имеет, тех вы слуги.

Основной текст[2]

1

Ст. 32 Скорее в том ущелье пропаду

Ст. 36—37 *<отсутствуют>*

Ст. 40 Ничем тебя не можно умилить!

Ст. 45 Без памяти приник к очам застылым

Ст. 48 И вторили раскаты этих гор

Ст. 51 Но, взятый смертию, во всем невозвратим

Ст. 56 И нет еще к тебе вражды!

Ст. 63 Тот подл, кто бы его в чужих руках оставил.

---

[1] Так во всем тексте «Русского слова».— *Ред.*

[2] Здесь приводятся неточные чтения публикации «Русского слова».— *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

(с. 213)

Сын Отечества

Ст. 3—4 Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает

Исторический вестник

Заглавие Приказ Феба

Ст. 6 Что споры все о «Липецких водах»

Ст. 7 В хулу и похвалу, и в прозе и в стихах

Ст. 9 Не по его веленью!

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

(с. 213—215)

Автограф ИРЛИ

Ст. 11 Вот вам Михайло Моськин,

Ст. 40 Вот Моськин Наблюдатель;

Ст. 41 *а)* Вот С... От... с ним вечный состязатель;
б) А вот другой чудак... с ним вечный состязатель;

Северная пчела

Ст. 50 Махнул пером — и дал сыграть,

Ст. 52 Махнул пером — и дал в печать,

«Русская старина»

Ст. 19 Водиться с ним, ей-богу! праздник.

ДАВИД
(с. 221—223)

Автограф

Ст. 20 Далече страх я изгоня

Ст. 21 Во стретенье пошел: меня

Ст. 26 Сынов Израиля избавил

Мнемозина

Ст. 1 Не славен в братиях измлада

Ст. 26 Сынов Израеля прославил!

«ШАЛИТЕ РИФМАМИ, НАНИЗЫВАЙТЕ СТОПЫ...»
(с. 223)

Горе от ума 1875

Ст. 3—4 Так, чтобы были вы умнее, молодцы,
Вам выдрать следует всем преисправно <...>

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

(с. 230—233)

Черновая тетрадь

Заглавие	Дележ добычи
Ст. 9	Шум потока, темный бор
Ст. 11—12	На стада ли белорунных На угон коней табунных
Ст. 25—26	Досягнешь ли? Вон, могучий, Двувершинный, делит тучи
Ст. 34	Средь зияющих вам бед
Ст. 37	Далеко от сел и нив
Ст. 52	Нашим храбрым узденям
Ст. 63	*<Отсутствует>*
Ст. 67	Кликом огласим ущелье

Русская старина

Ст. 25	Досягнешь ли? Вон над тучей

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

(с. 234—236)

Ст. 4	[Мечты! меня] не увлекайте
Ст. 5	[Угр[у]юм]
Ст. 7	*а)* Когда же в [глубь души] проник *б)* Когда же в [душу нам] проник

Ст. 8		[Хоть искра счастья и любви]
Между ст. 9—10		Но скоро бросим кисть и прочь Бежим от радужной палитры
Ст. 12		За [ярко] брезжущим виденьем.
Ст. 13		[Стой! Бедный!] нет его! [исчезло]
Между ст. 13—14	*а)*	И вот свой опыт мы прошли]
	б)	Вот старый опыт мы прошли]
	в)	И пройден [прежний] ранний опыт <нрзб>]
Ст. 14		Утомлены, но мудры стали
Ст. 16		Ногой [из]мерили пять стоп
Ст. 17		[В душе создали] темный гроб
Ст. 18		И в нем живых себя [хороним]
Ст. 19	*а)*	Вот опытность! — Ее урок
	б)	Вот жизни <нрзб> и плод ее
	в)	Вот жизни смысл <?> и плод ее
Ст. 20		Принять ярмо чужих властей
Ст. 21	*а)*	Надежду отложить
	б)	Надежды положить в могилу
	в)	Свободу заложить в могилу
Ст. 23	*а)*	Надежду, в дружбу, честь, любовь
	б)	И дружба, честь, любовь, всё тлен
Ст. 24	*а)*	[Одушевимся] былью давной
	б)	[Согреем душу тем, что было]
Ст. 25		[Когда мы] весело шли в бой
После ст. 25	*а)*	И памятью
	б)	[И дружбы памятью и тем]
	в)	[И вера в нас жила и то]

Ст. 26 Когда пленяло нас собой

Ст. 27 Что так обманчиво и [мило]

Вместо ст. 24—27
Согреем душу тем, что было,
Когда мы весело шли в бой,
И вера в нас жила и то,
Что так обманчиво и мило

«ПО ДУХУ ВРЕМЕНИ И ВКУСУ...»

(с. 240)

Вариант И. А. Ефремова

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово раб,—
Меня и взяли в главный штаб
И потянули к Иисусу.

Вариант Д. А. Смирнова

По духу времени и вкусу
Я ненавидел слово раб;
Меня позвали в главный штаб
И потянули к Иисусу.

Вариант П. А. Каратыгина (1880 г.)

Ст. 2 Я ненавижу слово раб

Вариант Н. В. Путяты

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово раб.—
Меня и посадили в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

Вариант И. Д. Гарусова

Покорный времени и вкусу
Я презираю слово: раб...
Меня и взяли в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

Вариант Е. П. Ростопчиной

Как Грибоедов передавал
мнение о себе московских дам:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб».
За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу...

Ему не свято ничего,
Он враг царю ... он друг сестрицын;
Уж не повесят ли его,—
Скажите правду, князь Голицын?..

КОММЕНТАРИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Художественное наследие Грибоедова, дошедшее до нас, невелико по объему и имеет давнюю издательскую традицию. Первая попытка представить творчество Грибоедова не только его комедией «Горе от ума» была предпринята еще Смирдиным, издавшим «Сочинения Грибоедова» (СПб., 1854), а в начале нынешнего столетия вышло из печати академическое Полное собрание сочинений драматурга в трех томах под редакцией Н. К. Пиксанова (СПб. — Пг., 1911—1917)[1]. Неоднократно издавались сочинения Грибоедова и впоследствии, в том числе трижды — в Большой серии Библиотеки поэта (в 1951 году под редакцией В. Н. Орлова, в 1967 — под редакцией И. Н. Медведевой, в 1987 — под редакцией Д. М. Климовой). Казалось бы, это должно служить залогом твердой апробации научных принципов грибоедовской текстологии. На самом же деле это далеко не так. Большинство из произведений Грибоедова до сих пор представляет собою текстологическую проблему. По разным причинам.

Прежде всего, мы не всегда обладаем вполне достоверными источниками текстов писателя. При его жизни отдельными изданиями вышли комедии «Молодые супруги» (СПб., 1815) и «Притворная неверность» (СПб., 1818 — в соавторстве с А. А. Жандром); кроме того, в журнальных и газетных публикациях появились за подписью автора «Отрывок из комедии <„Своя семья, или Замужняя невеста">» (в отдельном издании комедии, написанной в соавторстве с А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким, грибоедовские сцены напечатаны в переработанном виде), стихотворения «Отрывок из Гёте», «Телешовой», «Хищники на Чегеме» (с цензурным пропуском), статьи «Письмо из Бреста Литовского к издателю», «О кавалерийских резервах», «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора"» и «Письмо к издателю из Тифлиса от 21 января». Кроме

[1] Библиографическое описание изданий Грибоедова см. в списке условных сокращений (с. 611—613).

того, анонимно были напечатаны эпиграмма «От Аполлона» (в которой вплоть до последних изданий не была учтена авторская поправка в следующем номере журнала «Сын Отечества»), стихотворение «Давид» (за подписью NN) и статья «Загородная поездка» (с пометой: «Отрывок из письма южного жителя»). Не исключена возможность и других анонимных прижизненных публикаций произведений Грибоедова в русской периодике.

Автографы художественных произведений Грибоедова исчисляются единицами: стихотворения «Лубочный театр», «Давид» (с поправками В. К. Кюхельбекера, отразившимися в прижизненной публикации), «Хищники на Чегеме», «Романс» («Ах, точно ль никогда ей в персях безмятежных...»), «Прости, Отечество!», сцена из трагедии «Грузинская ночь». В авторизованных списках до нас также дошли пьесы «Студент» (в соавторстве с П. А. Катениным), «Проба интермедии» и «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (в соавторстве с П. А. Вяземским).

Казалось бы, посмертная публикация великой комедии «Горе от ума» должна была возбудить интерес и к другим неизданным произведениям драматурга, которые сохранились у его друзей. Однако вплоть до 1859 года было напечатано очень немногое: стихотворения «Романс», «Душа» и «Восток» (принадлежность Грибоедову двух последних долго оставалась под подозрением), отрывок из поэмы «Кальянчи».

«Нельзя сомневаться в том, что ряд творений Грибоедова остался нам неизвестен» — такое предположение высказывал еще Д. А. Смирнов, первый публикатор так называемой «Черновой тетради» Грибоедова — тетради, которая донесла до нас значительное количество грибоедовских замыслов и которая, к сожалению, позже погибла при пожаре смирновского имения. Только два листа из «Черновой тетради» — автографы стихотворения «Прости, Отечество!» и одной сцены из «Грузинской ночи» были переданы Смирновым в Императорскую Публичную библиотеку и потому сохранились. «С первого взгляда,— свидетельствовал Д. А. Смирнов,— я увидел, что тетрадь эта представляет собою в высочайшей степени беспорядочный сборник разных бумаг Грибоедова. <...> Прежде всего бросились мне в глаза несколько выставленных Грибоедовым на страницах его номераций — иные были зачеркнуты, иные — по две, по три и даже по четыре вдруг — оставлены; на иных страницах одна номерация была вверху, а другая, в обратном порядке и совсем другими цифрами, внизу. Так как некоторые пометы заходили за цифру 860, то это навело меня на мысль, которой держусь я и теперь, что у Грибоедова, вероятно, было очень много черновых бумаг — плодов уединенной кабинетной работы, работы для себя

или, правильнее, про себя,— до нас не дошедших и, может быть, только малую часть которых составляет настоящая „Черновая"»[2].

Бумаги эти Грибоедов оставил своему другу С. Н. Бегичеву при последнем их свидании в июне 1828 года, Бегичевым они были переплетены и, может быть, отчасти пронумерованы. Трудно переоценить значение для творческой биографии Грибоедова этих материалов, ставших нам известными из публикации родственника и биографа драматурга Д. А. Смирнова в журнале «Русское слово» за 1859 год (№ 4, 5). Здесь были черновики стихов и драматических сцен, планы произведений, путевые записки, биографические и исторические заметки. Из них Д. А. Смирнов, очевидно, опубликовал не все (так, в подготовленных им текстах путевых заметок он оговаривает некоторые пропуски) и, конечно же, не воспроизводил варианты черновиков, что становится очевидным при сравнении текста стихотворения «Прости, Отечество!» с сохранившимся его автографом. В ряде случаев он неточно прочел грибоедовский текст, что заставляло позднейших публикаторов прибегать к редакторским конъектурам. Сама последовательность грибоедовских записей устанавливалась Д. А. Смирновым приблизительно: «...оказалось,— свидетельствовал он,— что все эти страницы (in folio, in-4°, in-8°, на бумагах — белой, синей, серой и, наконец, такой, какой ныне уже и не найдешь) перебиты, перепутаны и перемешаны до такой степени, что „Черновая" в том виде, в каком она существует (переплетенная), представляет действительно совершенный хаос. <...> Часто для того, чтобы найти продолжение какой-нибудь статьи, я просто отыскивал в листах тетради бумагу такого качества, на которой было написано начало. Иногда это удавалось, а иногда нет»[3]. К сожалению, полного перечня страниц тетради публикатор не составлял.

Наброски, сохранившиеся в «Черновой тетради», кажутся зачастую бледным подобием опубликованных произведений Грибоедова. Это-то и создает впечатление, что в конце своего творческого пути драматург писал «хуже», чем в начале. Доверять такому впечатлению некорректно. Нужно помнить, что писатель оставил у друга бумаги именно черновые, которые ему самому уже не были нужны: все необходимое, более обработанное и, конечно, что-то завершенное он захватил с собой. После разгрома российского посольства в Тегеране вдове дипломата были возвращены вещи и книги покойного. Ни одной записи из его архива возвращено не было. Уничтожены ли они позже после внимательного просмотра или хранятся

² Рус. слово. 1859. Апрель. № 4. С. 2—4.
³ Там же. С. 4—5.

до сих пор в каком-то секретном архиве? К сожалению, на этот вопрос мы до сих пор не имеем ответа. Нельзя сомневаться, что наряду с дипломатическими документами в кабинете Грибоедова были и творческие рукописи.

Кочевая жизнь Грибоедова вообще мало способствовала хорошей сохранности рукописей. Какие-то из них он, вероятно, вынужден был уничтожить в феврале 1826 года при аресте в крепости Грозной по делу декабристов (Ермолов дал ему возможность привести бумаги «в порядок»). Да и при пожаре смирновского имения погибла, как выясняется, не только «Черновая тетрадь».

Все это ставит особую проблему реконструкции утраченных произведений Грибоедова, известных нам отчасти по свидетельствам мемуаристов[4]. С. Н. Бегичев отмечал в своих воспоминаниях о друге: «...на пятнадцатом году его жизни обозначилось уже, что решительное его призвание — поэзия»[5]. «Литературные занятия будущего автора „Горя от ума" начались еще в университете,— известно нам со слов его университетского товарища В. В. Шнейдера.— Нередко читал он своим товарищам стихи своего сочинения, большею частью сатиры и эпиграммы. Однажды в начале 1812 г. он прочел <...> отрывок из комедии, им задуманной...»[6] Возможно, здесь содержится воспоминание о шутотрагедии Грибоедова (рукопись ее также была передана впоследствии Д. А. Смирнову), известной в пересказе С. Н. Бегичева: «Он написал в стихах пародию на трагедию „Дмитрий Донской", под названием „Дмитрий Дрянской", по случаю ссоры русских профессоров с немецкими за залу аудитории, в которой и русские, и немецкие профессора хотели иметь кафедру.— Начинается так же, как и в трагедии, со̀ветом русских, которые хотят изгнать из университета немцев, потом, так же, кстати, как в трагедии, явилась в стан княжна Ксения, пришла в университет Аксиния и т. п. Все приготовились к бою, но русские одержали победу. Профессор Дмитрий Дрянской, издававший журнал, вышел вперед, начал читать первый нумер своего журнала, и немцы все заснули. <...> Конечно, это произведение юношеское, но в нем, однако ж, много юмора и счастливых стихов»[7]. Реальная основа пьесы отчасти проясняется при обращении к № 21 журнала «Вестник Европы» за 1809 год, с которого его продолжил издавать М. Т. Каченовский, выступивший с язвительными замечаниями на статью немецкого профессора И. Т. Буле; последнего же Грибо-

---

[4] Перечень их см.: *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 686—689.

[5] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 24.

[6] Там же. С. 338.

[7] Там же.

едов высоко почитал и вместе с братьями Чаадаевыми слушал у него приватный курс лекций по философии. О литературных качествах пьесы мы можем отчасти судить по аналогии с многочисленными пародиями на трагедию Озерова «Дмитрий Донской»[8].

Из воспоминаний А. Н. Муравьева известно еще о двух замыслах Грибоедова, которые он обдумывал в Крыму в 1826 году,— о трагедиях, посвященных Владимиру Святому и Федору Рязанскому[9]. В крымских путевых заметках Грибоедова и в его летучих заметках при чтении исторических сочинений (Desiderata) обнаруживаются следы подступов к этим замыслам[10]. Возможно, осколком последнего замысла, дошедшим до нас, является сцена «Серчак и Итляр»[11]. Высказывалось предположение и о том, что дошедший до нас стихотворный отрывок «Кальянчи» входил в более обширный замысел поэмы «Путник» или «Странник», о котором в стихотворении «Памяти Грибоедова» (1829) упоминал Кюхельбекер (см. наст. том, с. 476). В пересказе Ф. В. Булгарина нам известно содержание трагедии «Грузинская ночь», от которой сохранились лишь две сцены; некоторые мемуаристы свидетельствовали, что трагедия эта Грибоедовым была завершена (см. наст. том, с. 460—461).

В разное время в собраниях сочинений Грибоедова и в статьях о нем делались попытки обосновать его авторство относительно произведений, появившихся в печати анонимно или под псевдонимом, а также дошедших до нас в неавторизованных списках. При всей рискованности отдельных допущений подобного рода практику включения в грибоедовские издания (в составе отделов «Dubia») следует считать полезной. В настоящее издание впервые включаются две заметки, напечатанные в 1816—1817 годах анонимно: «Письмо к издателю <„Сына Отечества">» о катенинском переводе трагедии «Эсфирь» и «Письмо к издателям <„Северного наблюдателя">» о концерте гамбургской певицы г-жи Бекер. Атрибуция Грибоедову первого из них содержится в статье М. В. Строганова «Еще о литературной позиции Грибоедова» (Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 180—184).

В дальнейшем произведения этого отдела или переходят в основной корпус, или же исчезают из собрания сочинений вообще. В настоящем издании впервые обосновывается авторство Грибоедо-

[8] См.: *Фомичев С. А.* Реконструктивный анализ литературного произведения: (Комедия А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской») // Анализ литературного произведения. Л., 1976. С. 212—226.

[9] См.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 113—114.

[10] См.: *Краснов П. С.* О «Федоре Рязанском» // Рус. литература. 1973. № 3. С. 104—107.

[11] См.: *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1988. С. 682.

ва для стихотворений «Душа» и «Восток». И наоборот, сюда не включается «Элегия (из Леонара)», с 1880 года появлявшаяся в грибоедовских изданиях на единственном шатком основании: стихотворение это в первой публикации в альманахе «Радуга на 1830 год» (после смерти Грибоедова) напечатано с подписью «А. Г-в» (в оглавлении «А. С. Г-в»). Время от времени в печать за подписью Грибоедова проникают произведения, ему явно не принадлежащие. Так, в 1967 году во многих центральных и областных газетах было опубликовано «неизвестное стихотворение Грибоедова» — «Приветом доброго желанья...». П. С. Краснов в статье «Повторение старой ошибки»[12] вынужден был напомнить, что оно под именем Грибоедова появилось в печати еще в 1941 г., но В. Н. Орлов[13] указал, что автором стихотворения был Е. Зайцевский, сославшись на первую публикацию в «Новостях литературы» (1825. Кн. 12. С. 63). Иначе обстоит дело со стихотворением «Вы, коих беглый ум влечет...», впервые напечатанным как грибоедовское в «Литературной газете» (1940. № 14. 10 марта) и тоже вызвавшим статью П. С. Краснова — «О мнимой эпиграмме Грибоедова»[14]. В тщательном исследовании Г. И. Магнера[15] с уверенностью предполагается, что это стихотворение (отнюдь не эпиграмма) было написано Грибоедовым. Однако в настоящем издании оно все же помещается в отделе «Dubia», так как воспроизведенный по памяти много лет спустя после создания текст стихотворения нельзя считать вполне достоверным. Так же обстоит дело с экспромтом «По духу времени и вкусу...», дошедшим до нас во многих позднейших (несколько разнящихся в отдельных строках) списках; при этом решительно следует исключить из собраний сочинений Грибоедова второе четверостишие этого экспромта, сохранившееся в списке Е. П. Ростопчиной[16].

Особого рода текстологическую проблему представляют собой произведения, написанные Грибоедовым в соавторстве («Студент», «Притворная неверность», «Своя семья, или Замужняя невеста», «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»; соответствующие свидетельства или предположения относительно грибоедовской доли авторства в этих пьесах — в комментариях к этим произведениям). Обнаружение новых архивных источников позволило более твердо, нежели это делалось в прежних изданиях, вычленить гри-

---

[12] См.: Лит. Россия. 1967. № 31. С. 24.
[13] См.: Звезда. 1941. № 5. С. 165.
[14] См.: Рус. литература. 1976. № 3. С. 181—184.
[15] См.: А. С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л., 1989. С. 254—265.
[16] См.: *Фомичев С. А.* Спорные вопросы грибоедовской текстологии // Рус. литература. 1977. № 2. С. 69.

боедовскую часть текста в опере-водевиле «Кто брат, кто сестра...» (не принадлежащий Грибоедову текст как в этой, так и в перечисленных выше пьесах в данном издании печатается петитом).

В настоящий том вошли все дошедшие до нас художественные произведения Грибоедова (в том числе отрывки, наброски и планы), которые располагаются в следующих разделах: «Драматические сочинения», «Стихотворения», «Статьи» и «Путевые заметки».

С. А. Фомичев

* * *

В настоящем томе тексты произведений подготовили и комментарии к ним составили:

А. В. Архипова — стихотворения (кроме стихотворений «Восток», «Душа», «Ода на поединки»; совместно с Л. А. Степановым подготовлены «Лубочный театр», с С. А. Фомичевым — «Хищники на Чегеме»), статьи (кроме статей <«Предисловие к вольному переводу А. А. Жандром „Семелы" Шиллера»>, <«Замечания на русскую грамматику Н. И. Греча»>, «Письмо к издателю <„Сына Отечества">», «Письмо к издателям <„Северного наблюдателя">», «Путевые заметки» (кроме главы <„Крым">); В. Э. Вацуро — «Родамист и Зенобия»; Е. А. Вильк — «Юность Вещего»; Р. Ю. Данилевский — <«Предисловие к вольному переводу А. А. Жандром „Семелы" Шиллера»>; П. Р. Заборов — «Молодые супруги» и «Притворная неверность» (совместно с Л. А. Степановым); Д. М. Климова — «Проба интермедии», «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», <«Серчак и Итляр»>, «Грузинская ночь»; В. В. Колесов — <«Замечания на русскую грамматику Н. И. Греча»>; Л. А. Степанов — «Молодые супруги» и «Притворная неверность» (совместно с П. Р. Заборовым), «Отрывок из комедии...», «Лубочный театр» (совместно с А. В. Архиповой); М. В. Строганов — <«1812 год»>, «Письмо к издателю <„Сына Отечества">»; Н. А. Тархова — <«Крым»>; Ю. П. Фесенко — «Студент»; С. А. Фомичев — «Восток», «Хищники на Чегеме» (совместно с А. В. Архиповой), «Душа», «Ода на поединки», «Письмо к издателям <„Северного наблюдателя">».

В подготовке рукописи к печати принимала участие А. К. Михайлова.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

(с. 9—44)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Молодые супруги: Комедия в одном действии, в стихах. А. Грибоедова. Представлена в первый раз на Санкт-Петербургском театре российскими придворными актерами в пользу актрисы г-жи Семеновой меньшой, сентября 29 дня, 1815 года. СПб., 1815 (ценз. разр. 18 июня 1815).

Печатается по тексту первой публикации.

Пьеса является переделкой комедии в стихах Огюста-Франсуа Крезе де Лессера (Creuzé de Lesser, 1771—1839) «Секрет семейной жизни» (« Le secret du ménage »), первая постановка которой состоялась 25 мая 1809 г. на сцене Французского театра в Париже.

Крезе де Лессеру принадлежало довольно большое число сочинений разных жанров; известность принесли ему стихотворные переложения эпических поэм и рыцарских романов, в какой-то степени отвечавшие эстетическим потребностям переходной — от классицизма к романтизму — эпохи; некоторым успехом пользовались и его драматические опыты, в особенности —«Секрет семейной жизни» (см.: *Auger L.-S.* Mélanges philosophiques et littéraires. Paris, 1828. T. 2. P. 321—333; *Barante P.* Études littéraires et historiques. Paris, 1859. T. 2. P. 328—334).

Как указывал сам Крезе де Лессер, пьеса его восходит к комедии А.-Г. де Муасси (Moissy) «Новая школа жен» (« Nouvelle école des femmes », 1758), непосредственно к которой он обратился после ознакомления с повестью на тот же сюжет, помещенной в сборнике « Amusements de l'esprit et du coeur ». Впервые представленная 6 апреля 1758 г. в парижском Итальянском театре, «Новая школа жен» — «комедия в трех актах с песенками и дивертисментом» — послужила Крезе де Лессеру отправной точкой в работе над «Секретом семейной жизни»; однако, воспользовавшись схемой почти забытого к началу XIX в. сочинения, писатель создал

пьесу вполне оригинальную и современную. Развлекательности и аксессуарности «Новой школы жен» он противопоставил тонкий психологизм, чувствительность, изящество стиля.

В 1810 г. парижское издание «Секрета семейной жизни» перепечатал «с разрешения цензуры» петербургский типограф Александр Плюшар (« Le secret du ménage, comédie en trois actes et en vers. A Paris, chez Vente. Réimprimé á St.-Pétersbourg, avec permission de la censure, chez Alexandre Pluchart et comp. »). Естественно предположить, что именно этим изданием располагал Грибоедов. До него был осуществлен прозаический перевод французской пьесы: Урок женам, или Домашняя тайна: Комедия в 3-х действиях, переведенная с французского А. Г. Волковым (список ГТБ).

Комедия Грибоедова напоминала французский источник рядом существенных черт: общим замыслом, логикой развития сценического действия, построением, стилевой манерой; к источнику этому восходило также немало более или менее пространных фрагментов текста, отдельных фраз и слов. Однако зависимость эта была все же весьма ограниченной. Если г-ну и г-же д'Орбейль в русской пьесе соответствуют Арист и Эльмира, то кузина г-на д'Орбейля, молодая вдова г-жа д'Эркур, заменена его другом Сафиром; разговор Ариста и Сафира, случайно подслушанный Эльмирой, и способствует в первую очередь ее «превращению», тогда как во французской пьесе оно является результатом двух ее интимных бесед с многоопытной г-жой д'Эркур. В обеих комедиях соблюдены классические единства: все события вполне умещаются в пределах традиционных суток и происходят в гостиной дома «молодого супруга»; правда, у Крезе де Лессера ремарка эта уточнена («загородный дом близ Парижа», «кроме двери в глубине имеются две боковые; одна ведет в библиотеку, другая — в комнату госпожи д'Орбейль», «на камине — часы, на столике — книга и газета»). Отметим также, что семейная жизнь супругов д'Орбейль продолжается три года, в то время как у Грибоедова «молодые супруги» женаты всего три месяца, и вместо застарелых обид, которые не без труда преодолевают д'Орбейли, Аристу и Эльмире приходится выяснять первые недоразумения. Отсюда неторопливость и даже тягучесть действия в «Секрете семейной жизни» и его стремительность в «Молодых супругах», которой Грибоедову удалось достигнуть путем изъятия нескольких тем, разработанных у Крезе де Лессера более или менее подробно. К ним принадлежат, между прочим, «тема бала», проходящая через всю французскую пьесу, а в русской — едва обозначенная, и «театральная тема» — в «отрывке о спектаклях», где дана обстоятельная и весьма ироническая характеристика глав-

ных парижских театров (Комической оперы, Большой оперы и Французской комедии), вложенная в уста г-жи д'Орбейль. Крезе де Лессер считал возможным в сценической редакции этот «отрывок» опустить, поскольку видел в нем по преимуществу лишь средство оттенить следующий за ним чувствительный эпизод — финальное объяснение супругов, во время которого г-жа д'Орбейль проливает обильные слезы; для Грибоедова же все это не имело особого смысла: действие его комедии происходило в России (в этом убеждают реплика Ариста «Куда ж направим путь: В Крым или на Кавказ?» и некоторые вполне отчетливые признаки русского быта), а чувствительный элемент был ему в достаточной мере чужд.

Следует, однако, отметить, что в «Молодых супругах», в связи с заменой г-жи д'Эркур на Сафира, возник и новый мотив — ревности к нему Ариста и их назревающей ссоры; отразились в пьесе музыкальные интересы Грибоедова: имеется в виду «романс», который поет Эльмира, проявляя свой «талант» — к изумлению и Сафира, и Ариста; наконец, в пьесе, особенно в монологах Ариста, присутствует, хотя и неравномерно, сатирическое начало, едва намеченное в комедии Крезе де Лессера (см.: *Bonamour, Jean.* A. S. Griboedov et la vie littéraire de son temps. Paris, 1965. P. 130—140).

Непосредственным поводом к работе над «Молодыми супругами» было предложение известнейшего драматурга и театрального деятеля А. А. Шаховского, с которым Грибоедов познакомился в Брест-Литовске во время службы в составе кавалерийских резервов. Написанная «по заказу» Шаховского (см.: *Зотов.* С. 23) эта комедия, возможно, была окончена еще в Брест-Литовске в 1814 г. Это предположение основывается на истолковании свидетельств С. Н. Бегичева: «19-ти лет написал он в одном действии, в стихах, комедию „Молодые супруги"...» (Бегичев считал годом рождения Грибоедова 1795-й) и Ф. В. Булгарина: «В Польше он снова обратился к русской словесности и написал комедию „Молодые супруги"...» (см.: Воспоминания 1980. С. 25; Воспоминания 1929. С. 25. ПССШ. Т. I. С. IX; Т. II. С. 513; ПССП. Т. I. С. 289; Грибоедов 1956. С. 689; Грибоедов 1967. С. 469). Следует иметь в виду показание Ксенофонта Полевого в его первом, по сути дела, очерке жизненного и творческого пути писателя: в 1815 г. Грибоедов комедию «Молодые супруги» — «привез в портфеле своем» в Петербург (см.: Горе от ума 1839. С. XIII).

Мнения современников образовали два вида оценок ранней драматургии Грибоедова, и в частности комедии «Молодые супруги». Р. М. Зотов, скорее всего, слышавший авторское чтение пьесы в доме Шаховского еще до ее постановки, вынес впечатление, сохранившееся в его позднейших воспоминаниях: «Стихи были очень

посредственны и мало обещали в будущем от Грибоедова» (Зотов. С. 83). В рецензии М. Н. Загоскина, вызванной возобновлением спектакля 4 октября 1817 г., также отмечались некоторые «стихи дурные, шероховатые и выражения, совершенно неприличные действующим лицам...». «Читая подобные стихи,— заключал рецензент,— поневоле вспомнишь слова Мизантропа:

„Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи"».

Однако в этом же отклике Загоскин одобрил и несомненные достоинства пьесы, сравнивая ее с трехактной комедией Крезе де Лессера: «...разница в достоинстве сих двух комедий весьма ощутительна. Мы находим, что русская гораздо лучше; в ней нет тех излишних, растянутых сцен, которые делают французскую комедию отменно утомительною; действие идет быстро; нет ни одной ненужной и холодной сцены: в ней все на своем месте. Муж, который говорит:

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника;— единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно,—

и потом, спустя несколько минут, сходит с ума от ревности; *хладнокровие*, с коим он требует письмо, заключающее в себе, по его мнению, доказательства неверности Эльмиры,— все это весьма забавно» (СН. 1817. Ч. 2. № 15. С. 54—56).

Несмотря на положительные оценки, Грибоедов воспринял болезненно критику, касавшуюся стиха, языка комедии, да и отзыв в целом. Недовольство Грибоедова было вызвано не только мелкими придирками к стихам и оборотам речи (рецензенту, например, не понравились выражения: «Где нет взаимности, рождается *остуда*»; «В те дни, что для меня так памятны, так *сладки*»; «Внезапно кротость та *пожертвована* вздору»; «*Отчаянно* брюзглив...»; «пришел бы *сей порой*»; слова «ковы», «светскость» — у Загоскина с ошибкой: «светкость»). Сыграло свою роль и то обстоятельство, что пензенский «провинциал в Петербурге», известный в то время своей безграмотностью, брался учить языку, «приличному» персонажам из высшего света, блестяще образованного словесника и вполне светского человека. Похвалы тоже могли показаться обидными молодому автору. Во всяком случае, в письме Катенину от 19 октября 1817 г. он с раздражением обыгрывает слова из рецензии Загоскина: «в ней все на своем месте» — «но уж у меня однажды навсегда никто не на своем месте. А самое первое голова». Цити-

рование стихов из мольеровского «Мизантропа» по вышедшему в 1816 г. переводу комедии, сделанному Ф. Ф. Кокошкиным, было двусмысленной колкостью со стороны Загоскина: получалось, что автор «Молодых супругов» уподоблялся бездарному стихотворцу, интригану Оронту, сонет которого и вообще поэтические претензии в комедии Мольера высмеивает Альцест. В переводе Кокошкина имена были «русифицированы»: Альцест — Крутон, Оронт — граф Знатов. Процитированные Загоскиным слова Крутон произносит в итоге построчного разбора стихов графа Знатова с указанием неловких и нелепых выражений. Загоскин умышленно ограничил цитирование, но Грибоедову было известно продолжение высказывания Крутона:

Пустая слов игра, хоть ныне очень в моде,
Но здравому уму противна и природе.
Откуда взяли вы столь принужденный слог?

(см.: Мизантроп... Соч. Молиера / Перевел Федор Кокошкин. М., 1816. С. 21)

«Молодые супруги» обсуждались также в среде театралов декабристски настроенного литературного общества «Зеленая лампа». Обозревая репертуар петербургских театров, член общества Д. Н. Барков в записи о постановке «Молодых супругов» 22 апреля 1819 г. отметил, что пьеса «имеет очень много достоинства по простому, естественному ходу, хорошему тону и многим истинно комическим сценам», хотя и этот театральный критик и переводчик находил многие стихи «очень дурными» (см.: Декабристы и их время. Т. I. М., 1928. С. 25). А. А. Бестужеву, одному из виднейших литераторов-декабристов, первому, по сути дела, удалось оценить творческие возможности поэта-драматурга. «Грибоедов,— писал он в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России»,— весьма удачно переделал с французского комедию „Молодые супруги"... стихи его живы; хороший их тон ручается за вкус его, и вообще в нем видно большое дарование для театра» (Полярная звезда... на 1823 год. СПб., 1822. С. 34).

Позднее, когда Грибоедов прославился уже как автор «Горя от ума», О. М. Сомов, обращаясь к его первому опыту в драматической поэзии, писал: «Небольшая комедия „Молодые супруги"... отличается в русском переводе чистотою разговорного языка и прекрасным, свободным стихосложением» (СП. 1828. № 81). Высокую оценку поддержал и развил Кс. Полевой: «Перевод Грибоедова не довольно легок, но в стихе его уже видна сила, которая после составляла одно из главнейших свойств его стихосложения. Первый опыт Грибоедова показывает также, что Грибоедов имел решительное при-

звание к театру. Он, конечно, писал стихи и прежде, но то был первый его *печатный* опыт, резко отличившийся в толпе современных театральных пьес... Грибоедов участвовал в общем желании оживить сцену пьесами, сообразными состоянию искусства» (см.: Горе от ума 1839. С. XIV—XV). Примечательно, что П. Арапов уже в середине века свою оценку «Молодых супругов» дал в унисон Бестужеву, Сомову и Полевому: «Хотя не все стихи в этой комедии были одинаково удачны, но первая эта попытка предвещала в авторе отличного драматического писателя» (Арапов. С. 242).

Таким образом, в первых откликах на пьесу молодого автора сталкивались противоречивые суждения по ряду существенных проблем стихотворной комедии: наряду с организацией действия, его динамикой, общими моментами комедийной драматургии обсуждались достоинства стиховой формы и тесно с ними связанные особенности языка произведения. Для проблематики, состава персонажей, стилистики «легкой», или «благородной», комедии все эти вопросы были первостепенными, а характеристика «слога» и «тона» — едва ли не важнейшей. Споры о содержании и форме «благородной» комедии теряют свою актуальность в середине 1820-х гг. После создания «Горя от ума» задачи «благородной комедии», «благородного театра» окажутся весьма частными и периферийными.

Неустойчивое, тройное («легкая», «благородная», «салонная») жанровое определение этого вида комедий связано с коротким временем его жизни на русской сцене (конец 10-х — начало 20-х гг. XIX в.). Но все же все три обозначения по-своему характеризовали особенности жанра: «легкая» — потому, что в ней отсутствовала значительная социальная, политическая, философски нравственная проблематика и действие развивалось стремительно, без серьезных осложнений; «благородная» — потому, что персонажами ее были представители высшего дворянского круга (нередко она и ставилась в «благородных», домашних театрах), а это, в свою очередь, обусловливало и характер конфликтов, и манеру поведения, интересы действующих лиц, и их речевую норму, ориентированную на слог и тон, принятые в светском салоне. Уровень комедийности такого рода пьес определялся двумя важнейшими факторами: комическими ситуациями частной, домашней жизни и естественной живостью стихотворного языка, как бы адекватного свободной речи «благородных» персонажей в повседневном общении. Воссоздаваемые в комедии картины светской жизни, составлявшие, по выражению Пушкина, сферу «легкого и веселого... в области поэзии» (см. письмо К. Ф. Рылееву от 25 янв. 1825 г. // Пушкин. Т. XIII. С. 134), заметно отличались от ситуации «серьезной» комедии Шаховского или Загоскина, хотя и не были им вовсе чужды. Показательно, что

пьеса Грибоедова была поставлена одновременно (на шесть дней позже) со знаменитой комедией Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» — признанным образцом «серьезной», дидактически направленной, откликавшейся на «злобу дня», полемической комедии. В конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. развитие «легкой поэзии» было, пожалуй, столь же необходимо для прогресса словесного искусства в России, как в середине прошедшего столетия жанрово-стилевая систематизация классицизма (см., напр.: «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» К. Н. Батюшкова, 1816). «Салонная» комедия явилась драматической формой «легкой поэзии». Этим определяются и ее место в развитии русской литературы, и роль Грибоедова как автора «Молодых супругов». Вскоре наряду с Грибоедовым «легкими» комедиями завоевал известность и признание публики Н. И. Хмельницкий («Говорун», «Воздушные замки» и др.). Пушкин намеревался даже посвятить Хмельницкому целую строфу в «Евгении Онегине». И все же именно пьеса «Молодые супруги», как это впервые подчеркнул С. А. Фомичев, «была первым на русской сцене и очень перспективным опытом оригинальной (написанной русскими стихами) салонной, или легкой, комедии» (*Фомичев С. А.* Проблема национальной самобытности в творчестве А. С. Грибоедова: Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Л., 1969; *он же*. Грибоедов. 1978. С. 6).

Переделка Грибоедовым комедии Крезе де Лессера была настолько значительной, что, по существу, речь должна идти о самостоятельной одноактной пьесе.

«Молодые супруги» — образец действительно легкого комедийного жанра. Легко разрешимы противоречия героев, быстро снимается едва развившийся конфликт. События замкнуты в узких рамках домашних интересов, а общественный фон их составляют пунктирно намеченные реалии светской жизни. Грибоедов выдержал и стилистические условия легкой комедии. Александрийский стих (шестистопный ямб), за редким исключением, сочетает в себе плавную текучесть с энергией внутристиховых и межстиховых смысловых и интонационных сломов в быстром обмене репликами (особенно в сцене с письмом). Смене исходных тезисов героев, их эмоциональных состояний соответствуют и перемены в их речевом общении. Несколько вялая, статичная сначала речь Эльмиры сменяется интонацией раздумья, а затем становится динамичной, острой, бойкой, местами резкой. Самодовольные разглагольствования Ариста уступают место настороженной скованности, нервозности, поспешной сбивчивости мысли, почти алогизму.

С. В. Шаврыгин отметил в «Молодых супругах» отчасти иронически переосмысленные реминисценции из Карамзина (из повестей

«Юлия», «Рыцарь нашего времени», парных стихотворений «К верной» и «К неверной» — см.: Проблемы творчества. С. 131—134).

В развитии действия, в его психологической мотивации важна роль романса Эльмиры, отсутствующего в пьесе Крезе де Лессера и специально введенного Грибоедовым. Три его части, построенные по типу куплетов, переводят на поэтически условный, пастушески-идиллический язык тему, сюжет и конфликт комедии, бросают легкий, игривый флер на весь конфликт, его причины и счастливую развязку. Поскольку этой музыкальной «вставке» отводилась существенная роль, ее исполнение трагической по своему основному амплуа актрисой Екатериной Семеновой в первом представлении комедии было замечено: она, по словам А. В. Каратыгина, «пела романс очень, очень неудачно, хотя и с аккомпанементом фортепьяна» (*Каратыгин А. В.* Журнал театральный. Цит. по: Грибоедов в Петербурге. С. 23; рукопись — ИРЛИ).

В первом представлении комедии на сцене петербургского Малого театра (в 1831 г. этот деревянный театр был разобран и вместо него выстроен Александрийский), кроме Е. С. Семеновой, к тому времени уже пользовавшейся славой лучшей драматической актрисы, были заняты недавние воспитанники театральной школы А. А. Шаховского — И. И. Сосницкий (Арист) и Я. Г. Брянский (Сафир). Спектакль 29 сентября 1815 г. давался «в пользу» младшей сестры Екатерины — Нимфодоры Семеновой, исполнявшей в этот вечер в опере Э. Н. Мегюля (Méhule) «Евфрозина и Коррадин» роль Евфрозины, прямо противоположную роли старшей сестры, в которой «демонстрировала чары женского кокетства, искусства обольщения» (*Гозенпуд А. А.* Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки. Л., 1959. С. 428).

С. Н. Бегичев, всячески и справедливо подчеркивавший значение ранней драматургии Грибоедова, в своей «Записке об А. С. Грибоедове» полемически напоминал критику С. С. Дудышкину, что пьесу «Молодые супруги» «часто давали на петербургской сцене, и всегда она была принята публикою очень хорошо» (Воспоминания 1980. С. 25). Об этом же свидетельствовал в своем отзыве на постановку 4 октября 1817 г. и М. Н. Загоскин. «Комедия сия была разыграна, по обыкновению, хорошо»,— писал он и в особенности выделил исполнителя роли Ариста (СН. 1817. Ч. 2. № 15. С. 56). Роль Эльмиры, в которой с 1815 г. выступала Е. Семенова (всего — 18 раз; см.: *Медведева И.* Екатерина Семенова: Жизнь и творчество трагической актрисы. М., 1964. С. 304), перешла к выпускнице театральной школы Е. Я. Воробьевой, вышедшей замуж в 1817 г. «за первого — по словам Р. М. Зотова — любимца публики, Сосницкого. <...> Тотчас же по выходе замуж играла эта прекрасная чета

комедию „Молодые супруги" — Грибоедова,— и подобного восторга мы никогда не видали в театре» (Зотов. С. 52). А. В. Каратыгин записал в своем дневнике: «1817, января 30. „Молодые супруги" — мужа играл Сосницкий, жену — Сосницкая (урожденная Воробьева). Эта комедия нарочно дана для рекомендации „молодых" Сосницких перед публикою» (PC. 1880. № 10. С. 268). Однако это был не первый спектакль, где вместе выступали эти актеры. 16 апреля 1816 г. в квартире А. Л. Нарышкина на Дворцовой площади артистами Императорского театра был дан «русский спектакль» в составе трех одноактных пьес: «Влюбленный Шекспир» (комедия А. Дюваля в переводе Д. И. Языкова) — «Молодые супруги» А. С. Грибоедова — «Новый Стерн» А. А. Шаховского. Роли Ариста и Эльмиры исполнили Сосницкий и Воробьева, Сафира — Брянский. Афиша, сообщавшая о предстоявшем спектакле, заканчивалась такими словами: «Желание угодить преодолевает все затруднения; плата за вход: снисхождение и удовольствие посетителей; места все равны, лишь бы оных достало» (см.: PC. 1880. № 10. С. 267).

Есть основания говорить о том, что Грибоедов участвовал в выборе первых исполнителей, во всяком случае — роли Ариста. После того, замечает А. Вольф, как Сосницкий «поразил всех типичным исполнением роли графа Ольгина в «Липецкий водах» князя Шаховского <...> Грибоедов ему поручил главную роль Ариста в „Молодых супругах"» (*Вольф А.* Хроника петербургских театров. Ч. 1. СПб., 1877. С. 8). Участие автора в выдвижении актеров на роли в его пьесе продолжалось и далее. В декабре 1818 г. впервые заявила о себе А. М. Колосова, а уже 9 января 1819 г. эта молодая талантливая актриса, вступившая в творческое соперничество со знаменитой Е. Семеновой, «по желанию автора комедии „Молодые супруги", представляла Эльмиру и играла прелестно на фортопьяно рондо соч. Фильда. <...> Грибоедов и Шаховской были в полном удовлетворении, и пьеса была повторена скоро с участием в ней молодой дебютантки» (Арапов. С. 274). То же впечатление вынес из спектакля 22 апреля 1819 г. Д. Н. Барков: «Г-жа Колосова-меньшая занимала во 2-й раз роль Эльмиры и восхищала своей прелестной, непринужденной игрой. Казалось, она забыла, что была на сцене. Г-н Сосницкий ролью Ариста давно заслуживает всеобщую похвалу» (Декабристы и их время. С. 25). Указание Арапова на рондо Джона Фильда позволяет предположить, что и в первом исполнении (Е. Семеновой) звучала та же музыка. Грибоедов хорошо знал сочинения выдающегося ирландского пианиста-виртуоза, поселившегося с 1804 г. в русской столице; его сестра Мария Сергеевна была одной из лучших учениц Фильда; возможно, что и сам Грибоедов совершенствовал под его руководством свое мастерство

пианиста; ученицей Фильда была и А. М. Колосова; в 1815—1818 гг. виртуоз дал несколько концертов в Петербурге (см.: *Николаев А.* Джон Фильд. М., 1979). По наблюдениям А. Войновой, фортепианные сочинения Грибоедова, в частности салонные миниатюры, танцевальные формы, создавались с ориентацией на композиторский и исполнительский стиль Дж. Фильда (см.: *Войнова А.* Грибоедов-музыкант // Сов. музыка. 1979. № 5. С. 92—93).

Поскольку пьеса возобновлялась на петербургской сцене без перерыва в течение 16 лет, она стала своего рода исполнительской школой для многих известных актеров. Так, в спектакле Малого театра 3 июля 1828 г. в ролях были заняты П. Каратыгин, П. Григорьев, Сибирякова (см.: СП. 1828. № 31).

Успеху «Молодых супругов» не помешало то, что петербургский зритель уже был знаком с комедией Крезе де Лессера, очень близко к подлиннику переведенной А. Г. Волковым: в этом переводе пьеса шла на петербургской сцене в 1812 и в 1814 гг., и даже в 1816 г. (см.: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов: Жизнь и творчество // Грибоедов 1987. С. 28—29). Комедия де Лессера разыгрывалась и на французском языке в Каменноостровском театре 12 июля 1828 г. (см.: СП. 1828. № 83). Несомненно, обращение к « Le secret du ménage » было следствием успеха грибоедовских «Молодых супругов». После первого представления пьеса прочно заняла видное место в репертуаре. Она игралась 23 ноября, 5 декабря 1815 г. и затем почти беспрерывно с января 1816 по октябрь 1836 г. (исключение составляют 1831—1833 гг.). Последнее представление на петербургской сцене — 12, 17 сентября 1851 г. В Москве впервые она была поставлена 19 мая 1816 г., давалась также 4 июля, 23 августа, 19 сентября; в 1817—1830 гг. почти ежегодно. Общее количество спектаклей на сценах Императорских театров Петербурга и Москвы в XIX в.— около 70 (см.: История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977—1987. Т. 2, 3, 4 — репертуарные сводки).

29 апреля 1820 г. комедия Грибоедова «Молодые супруги» вместе с оперой А. Бертона «Холостые мужья» (перевод с французского Д. Н. Баркова) ставилась «у вдовствующей императрицы» (РС. 1880. № 10. С. 270). Сохранились любопытные подтверждения ее популярности в среде театралов-любителей. В 22-м и 23-м номерах литературной газеты «Северный Меркурий» за 1831 г. автор сатирического очерка «Домашний театр» (подпись: «Водилен», т. е. Нелидов), высмеивая повальное увлечение любительскими спектаклями, рассказывает о постановке в один вечер в домашнем театре некоего господина Лилеева двух одноактных пьес: «Молодые супруги» Грибоедова и «Суженого конем не объедешь, или Нет худа

без добра» Н. И. Хмельницкого, которая, также в подражание настоящему театру, завершалась дивертисментом в виде цыганской песни и русской пляски. Насмешливый автор живо изобразил, как пьесы были обезображены неумелыми актерами. Жалкое убранство «театра», нелепые декорации, музыкальное и световое оформление постановки соответствовали игре любителей. «За неимением хорошего фортепиано, наш член, почтенный Апполон Карлович фон Маляр, так искусно нарисовал на задней декорации нынешний флигель на стеклянных подножках (клавишный инструмент наподобие рояля.— *Ред.*), что на пробе Валентин Викторович, в роли Ариста, при своем входе на сцену, забывшись, хотел положить на него шляпу и хлыстик» (№ 22. С. 90). Пьеса была разыграна, «как сон, и притом самый бестолковый». Здесь же в сноске автор сообщал: «Покойный А. С. Грибоедов, в разговоре с одним приятелем, сравнивавшим единственную комедию «Горе от ума» с прежними его произведениями, отвечал: «Что тут за удивление? „Молодых супругов" я написал ленивый, сонный, и притом на срок» (№ 23. С. 94). Очерк опубликован в газете 20 и 23 февраля, как раз в то время, когда наступил перерыв в постановках «Молодых супругов» на столичной сцене, длившийся с мая 1830 по май 1834 г., и этот «недостаток» пытались восполнить актеры-любители. В книге Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» есть эпизод, когда князь Фольгин (имена и фамилии персонажей взяты автором из популярных произведений литературы и театра 10—20-х гг. XIX в.) устраивает у себя дома «благородный спектакль» — «Молодые супруги». Роль Эльмиры взяла Зизи Тугоуховская, а Софью Фамусову князь упрашивает петь за кулисами, так как у Зизи плохой голос. Спектакль прошел без успеха, «одна только Софья, певшая за кулисами, приобрела общее одобрение. Прекрасный, верный голос ее привел всех в восторг, ей два раза кричали: *форо!*» (см.: *Бегичев Д. Н.* Семейство Холмских. Ч. 2. 2-е изд. М., 1833. С. 121—124, 143—144). Этот эпизод у Бегичева соотносится с монологом Ариста (явл. 2, ст. 30—36), с романсом Эльмиры и с монологом Чацкого в «Горе от ума» (д. I, явл. 7, ст. 372—378).

Как отмечал Н. К. Пиксанов, «современники усматривали подражание „Молодым супругам" в водевиле „Жена, каких много" П. Григорьева, поставленном впервые в Петербурге в 1833 г.» (ПССП. Т. I. С. 290).

В 1945 г. (в связи со 150-летием со дня рождения Грибоедова, которое широко отмечалось по постановлению Советского правительства) к комедии «Молодые супруги» обратился драматический коллектив Московского университета. Студенческий спектакль в

числе лучших постановок одноактных пьес московского городского смотра художественной самодеятельности был показан в Зеркальном театре «Эрмитаж» и положительно оценен зрителями и прессой (см.: Вечерняя Москва. 1945. 24 авг. № 199. С. 3). В 1970 г. пьеса была поставлена на телевидении.

Явл. 2. Ст. 30. *Ландшафт* — здесь: пейзажный рисунок или пейзажная живопись.

Явл. 3. Ст. 77. *Ведомости* — так традиционно с начала XVIII в. назывались многие русские газеты (например, «Санкт-Петербургские ведомости»).

Ст. 81. *Сердаликов.*— С. А. Фомичев указал на ошибку в первопечатном тексте (надо — Сердоликов), производя эту фамилию от камня-минерала «сердолик» (Грибоедов 1978. С. 397). Как указывает М. Фасмер, слово «сердолик» может быть «сближено по форме с *сердце* и *лик*» (*Фасмер, Макс.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III. М., 1987. С. 605). Ср.: «В Аглаю, знаешь, *как* Сердаликов *влюблен*?» Д. Н. Бегичев в «Семейство Холмских» ввел этот персонаж Грибоедова с фамилией Сердоликов (см.: *Бегичев Д. Н.* Семейство Холмских. Ч. 2. С. 149).

Явл. 4. Ст. 101—102. *У нас с Эльмирою эмблемой приняты Не розаны, мой друг, а маковы цветы.* — В XVIII — первой половине XIX в. была широко распространена система эмблематических, символических знаков и словесных выражений. По указанию Петра I еще при его жизни переведена с голландского и других языков книга «Емблемы и символы...», которая затем дополнялась и уточнялась в новых переводах XVIII и начала XIX в. Время от времени в русских журналах появлялись заметки на эту тему, в том числе касавшиеся и бытующих у разных народов знаков любовных отношений, «цветочного языка любви». В любовно-эротической аллегорике нового времени роза главным образом выступает «как символ земной чувствительной страсти», гирлянда роз — «атрибут Эроса, Купидона» (Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 386—387); мак символизирует покой, усыпление (там же. С. 90). Ср. далее (ст. 187) противопоставление «цепи цветочной» — «железным оковам».

Ст. 128. *Тобою занята гораздо будет меней.*— М. Н. Загоскин в своей рецензии выписал этот стих, сочтя его неудачным из-за слова «меней». Неловкостью молодого автора казалось это слово и комментаторам (И. А. Шляпкин, Н. К. Пиксанов и др.). На самом деле поэт использовал слово, встречающееся и в наше время в диалектах русского языка, распространенных в западных областях

России (Смоленской, Брянской, Великолукской), как закономерный фонетический вариант повсеместно принятого «менее» (см.: Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 166—167). Этот языковой факт соотносится с биографическим: Хмелита, родовое имение Грибоедовых, находится в Смоленской области.

Явл. 5. Ст. 184. *Где нет взаимности, рождается остуда.*— Слово «остуда» было подвергнуто критике М. Н. Загоскиным. Между тем это старое русское слово: «Остуда — 1. Охлаждение в отношениях; ссора, неприязнь» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 13. М., 1987). К тому же у Грибоедова этот словообраз получает развитие: остуда персонифицируется, олицетворяется, у нее — «мертвящий взор», способный превратить («претворить») «любовь в раскаянье, согласие в раздор» (ст. 185—186). Ср. в «Горе от ума»: «Пущусь подалее простыть, охолодеть, Не думать о любви...» (д. III, явл. 1); «Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну» (д. IV, явл. 12).

Ст. 194. *В беспечности благой живет как сибарит.*— Сибарит — избалованный роскошью, беспечный, праздный, изнеженный человек. От названия древнегреческой колонии Сибарис в южной Италии (720—510 гг. до н. э.), жители которой, в короткое время сильно разбогатевшие, прославились всеобщей страстью к роскоши.

Ст. 246. *Зачем обросили свои таланты вы?* — «*Обросить*, обрасывать что, покинуть, оставить в забросе, в небреженье...» (Даль. Т. 2).

Ст. 291—292. *Иль она Венерин пояс Получила в дар от вас?* — Венера — богиня любви и красоты в римской мифологии (в греческой мифологии Афродита), всесильная в своей главной функции — внушать любовное желание. Эта ее способность уже в гомеровском эпосе связывалась с чудесным узорчатым поясом богини, в котором заключена магическая тайна ее обаяния и власти над богами и людьми. При переводе «Илиады» Н. И. Гнедич воспользовался издавна сложившимся понятием «Венерин пояс». «*Пояса* Афродиты у Гомера нет. Это испещренный узорами ремешок, который Афродита носит на груди, амулет, а не часть костюма» (Поэмы Гомера / Пер. Н. И. Гнедича / Редакция и комментарий И. М. Троцкого при участии Н. И. Толстого. М.; Л., 1935. Комментарии. С. 562). У Гомера Афродита передает свой «пояс» Гере, чтобы она смогла соблазнить Зевса, вернуть его любовь, возвратить враждующих богов к любовным объятиям и брачному ложу. Афродита снимает свой «пояс» с персей, а Гере дает наказ «сокрыть» его «на лоне». «В этом поясе заключены любовь, желание, слова обольщения, „в нем

заключается все”» (*Гомер.* Илиада. Песнь XIV. Ст. 215—221). Это древний фетиш, наделенный магической силой, покоряющей даже великих богов» (*Лосев А. Ф.* Афродита // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. М., 1980). Выражение «Венерин пояс» — результат несколько более позднего переосмысления, но уже в Древней Элладе и в Древнем Риме среди женщин существовал обычай посвящать и дарить Афродите (Венере) вытканные пояса. Слова о «Венерином поясе» в романсе Эльмиры имеют перифрастический смысл: Лида в духе античности («Боги!..») ревнует свою соперницу к природному дару внушать, подобно Венере, любовь, удерживать у себя любовника и даже укорять богов, наделивших этим даром не ее, а соперницу.

Явл. 6. Ст. 332—333. *Магазеин* — магазин. Слово «магазейн» зафиксировано в словаре «Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон» (М., 1771); близкие к нему «магазей», «магазея» указывает В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (см.: Даль. Т. 2) как произносительные варианты слова «магазин», распространенные в народе. С пометами «*устар.* и *обл.*» дает это слово и Словарь современного русского литературного языка (т. 6. М., 1957), где в качестве примеров приведены комедия «Молодые супруги» и русская народная сказка.

Явл. 9. Ст. 439. *Ковы* (древнерусское: ковъ) — «тайный злой умысел; козни» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 210).

Явл. 12. Ст. 527. *Обдумайся, Арист.— Обдуматься* — просторечная форма глагола «одуматься». В контексте диалога, который ведут в этом явлении Сафир, Эльмира и неожиданно появившийся Арист, слово «обдуматься» одновременно приобретает и другое, редко реализуемое значение: «собраться с мыслями, подумать» (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938).

Ст. 528. *О! бросьте наконец безвременные шутки.*— «Безвременный — преждевременный» (Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 1. М., 1956). Арист надеется в разговоре с Эльмирой наедине выведать коварные поступки «обольстителя» Сафира; поэтому призывы вернуться к здравому смыслу он иронически характеризует как преждевременные шутки. См. далее:

Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Вместе с тем слово «безвременный» в реплике Ариста имеет и другой смысл, издавна ему присущий: «неуместный, неподобающий» (см.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1. М., 1988).

Явл. 13. Ст. 596. *Я в дверь — вы со двора, и очень спозаранки.*— Форма наречия «спозаранки» объясняется общей тенденцией развития словообразовательного типа наречий на «и» (см.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Глагол, наречие, предлоги и союзы / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964. С. 187).

Явл. 14. Ст. 651. *Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тенях...*— Волшебные тени — теневой театр, представлявший собой разновидность кукольного театра. Его происхождение связано с народными теневыми представлениями на древнем Востоке, прежде всего в Китае; отсюда — «китайские тени», хотя этот вид искусства получил распространение и в других восточных странах (Индонезия, Турция, Персия), а затем, с XVII в.— в Европе. На световом экране создаются теневые черно-белые или цветные силуэтные изображения плоских кожаных, картонных, деревянных фигур, приводимых в движение посредством тросточек или нитей. Эта техника, постоянно совершенствуясь, позволяет давать отдельные сцены и целые спектакли на любые сюжеты. В России первые подобные представления, с использованием промасленной бумаги, отмечаются при царе Алексее Михайловиче; в начале XIX в. «волшебные тени» были уже достаточно широко известны. Сохранились, в частности, эскизы черно-белых батальных сцен, выполненные для теневых представлений современником Грибоедова выдающимся художником Ф. П. Толстым. Примечательно, что Сафир тоже как бы создает словесный эскиз для теневой сцены: «Супруга нежная в слезах, муж на коленях!..» И в этом же духе далее предлагает новую картинку: «Или прикажете мне к вашим пасть ногам?» (ст. 673).

П. З.; Л. С.

СТУДЕНТ

(с. 45—101, 345—346)

Автограф неизвестен.

Список — ИРЛИ (ф. 496).

Впервые опубликовано: частично — Сборник, издаваемый студентами Имп. Петербургского университета. Вып. II. СПб., 1860. С. 237—240 (д. III, явл. 10), в составе статьи Л. Н. Майкова «Заметки об А. С. Грибоедове»; полностью — ПССШ. Т. II. С. 43—140. Первое печатное упоминание о «Студенте» принадлежит

Е. Серчевскому — см.: *Серчевский Е.* А.С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. 243.

Печатается по списку ИРЛИ.

Список ИРЛИ — единственная известная в настоящее время рукопись, озаглавленная: «Студент. Комедия в трех действиях, сочинение А. Грибоедова и П. Катенина (1817)». Последняя цифра 7 жирно наведена поверх цифры 8 (первоначально было 1818). Анализ бумаги показывает, что этот заглавный лист (на обороте помещен список «действующих»), а также л. 13 (от слов Полюбина «Как видишь, налицо» до слов Беневольского «Пощадите скромность поэта» — д. 1, явл. 6) вставлены позже. Они представляют собой соответственно левую и правую части одного разрезанного фабричного листа образца 1818 г. Остальные 72 листа относятся к 1816 г. Рукопись состоит из 147 страниц формата in folio, переплетена, вероятно, значительно позже времени написания. Листы с правого края обрезаны, что привело в ряде случаев к выпадению букв. По определению Н. К. Пиксанова, «две трети текста <...> писаны рукою П. А. Катенина», которому первоначально и принадлежал список (ПССП. Т. I. С. 290). Иной почерк на следующих страницах: 3 — часть 21, часть 22, 25—39, 50 — часть 64: по четкости каллиграфии он приближается к писарскому, отличается безграмотностью. Отсюда обилие орфографических исправлений, сделанных, вероятно, Катениным (видимо, зная о его склонности к грамматической правке, Грибоедов обращался к нему от 17 октября 1824 г. при посылке «Горя от ума»: «<...> орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку»). На страницах списка имеются типографские пятна и карандашные пометы позднейшего происхождения: «Васильев 3-й. 191 стр.» (с. 67), «Васильев 1» (с. 77), «Вас. 3-й» (с. 113), «Ананьев» (с. 125), «Васильев 1. 150 стр.» (с. 141) — очевидно, фамилии наборщиков. Кроме этого, карандашом на протяжении всего текста последовательно переправлено слово «княгиня [Дарья Савишна]» на «княжна», а в замечании Беневольского «и притворился» (д. II, явл. 9) вместо зачеркнутого [и] написано «я».

Наряду с отмеченной выше орфографической правкой (например, *давиче* на *давеча*, систематическое исправление *е* на «ять»), которую мы здесь опускаем, в тексте имеется смысловая правка (см. варианты). Бесспорно Катенину принадлежат исправления в репликах Беневольского и Полюбина (д. I, явл. 5). Порыжевшие чернила здесь и сам почерк полностью идентичны написанию на вставных листах, что и позволяет датировать правку не ранее 1818 г. Некоторые уточнения внесены, вероятно, Грибоедовым.

Ни Грибоедов, ни Катенин в дошедших до нас источниках не упоминают о комедии «Студент». Поэтому степень и характер участия каждого из соавторов в создании пьесы трудно установить бесспорно. Однако есть основания полагать, что вклад Грибоедова был более значительным, если не основным. Дело в том, что «Студент» в определенном отношении как бы предшествует «Горю от ума». Исследователи обнаруживают языковые соответствия в обоих произведениях, а в образах Звёздова, Полюбина, Саблина, Беневольского усматривают предварительные наброски характеров Фамусова, Молчалина, Скалозуба, некоторые мотивы монологов Чацкого (см. об этом: *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума»: (Комедия «Студент») // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 88—98). Вместе с тем в творчестве Катенина такие убедительные параллели не выявлены, хотя и замечено частичное сходство «Студента» с его переводной пьесой «Нечаянный заклад» (1819) (там же. С. 91).

Вероятно, основная работа над текстом была проделана в июле 1817 г. Фамилия главного героя Беневольского воспроизводит псевдоним Ювенал Беневольский, появившийся под хвалебной рецензией на пьесу М. Н. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» в «Северном наблюдателе» (1817, № 1; ценз. разр. 3 июля 1817 г.). В пьесе обыграны материалы из июльских номеров журнала («Северный наблюдатель» выходил еженедельно), что вполне согласуется с отбытием Катенина 5 августа в составе сводного полка в Москву. Правда, до этого Катенин, будучи офицером Преображенского полка (см.: *Катенин П. А.* Избр. произведения. М.; Л., 1965. С. 8, 13), участвовал, видимо, в маневрах между Петергофом и Ораниенбаумом 27—29 июля (см.: История лейб-гвардии егерского полка за сто лет. 1796—1896. СПб., 1896. С. 172—174). Не мог не отвлекать его от творческой работы и контроль за подготовкой личного состава как к маневрам, так и к походу в Москву. Из Москвы Катенин вернулся в Петербург незадолго до отъезда Грибоедова в Персию, около 28 августа 1818 г. Причем по неизвестной причине Катенину не удалось проводить Грибоедова (см. письмо Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 16 сентября 1818 г.).

С. Н. Бегичев, имея в виду «Горе от ума», свидетельствовал: «План этой комедии был у него сделан еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен; но, не знаю, в Персии или Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены» (Воспоминания

1980. С. 26). По справедливому замечанию С. А. Фомичева, здесь подразумеваются сцены из «Студента», а относительно «жены Фамусова, сентиментальной модницы» «можно предположить, что первоначально на месте Звёздовой в комедии „Студент" действительно существовал подобный тип» (Грибоедов 1978. С. 401). Следовательно, вполне вероятно, что по мере появления июльских номеров «Северного наблюдателя» пьеса была завершена на основании имевшихся набросков до 5 августа 1817 г. Позднее едва ли Грибоедов мог серьезно заниматься комедией, так как его жизнь была чрезвычайно насыщенной в творческом, личном и служебном плане. Нельзя забывать и о том, что в 1818 г. «Северный наблюдатель» прекращает свое существование и упоминание о нем в значительной степени теряет свою актуальность, а редактор журнала М. Н. Загоскин переходит на службу из Дирекции Императорских театров в библиотеку.

По-видимому, получив незадолго до выступления в Москву черновик от Грибоедова и испытывая недостаток времени, Катенин немедленно начал диктовать войсковому писарю (отсюда сочетание каллиграфии и безграмотности). Сначала Катенин периодически подменяет писаря, но затем, окончательно разочаровавшись в нем, переписывает комедию сам и вносит, вероятно, свои дополнения. Буквально перед его отъездом Грибоедов бегло просматривал текст и наскоро правил. Катенин увез комедию в Москву. Небезосновательно В. А. Кошелев усматривает в письме Грибоедова к Катенину от 19 октября 1817 г. упрек в неосмотрительном распространении списка (см.: *Кошелев В. А.* А. С. Грибоедов и К. Н. Батюшков: К творческой истории комедии «Студент» // Материалы. С. 199). Позднее Катенин заменил в рукописи два листа и переправил инициал Беневольского — Б., совпадающий с криптонимом Батюшкова, так как усиливающаяся болезнь последнего делала неэтичным резкий намек на личность.

Особое место в изучении комедии занимает вопрос о том, кто скрывался за подписью Ювенал Беневольский в «Северном наблюдателе». Шляпкин и Пиксанов, которые общались с И. П. Варгуниным, приобретшим рукопись у М. И. Катенина, племянника П. А. Катенина, и могли опираться на суждение, восходящее к одному из авторов пьесы, называли имя Загоскина (ПССП. Т. I. С. 291). А. О. Круглый предположительно называл имя П. А. Корсакова (см.: *Загоскин М. Н.* Соч.: В 2 т. Т. I. СПб., 1889. С. XXIX; *Загоскин М. Н.* Полн. собр. соч. Т. I. СПб.; М., 1898. С. XXVII). Современники, которые располагали множеством способов узнать, кто скрывался под псевдонимом Ювенал Беневольский, единогласно указали на Загоскина. А. Е. Измайлов, полемизируя с ним под

псевдонимом Ювенал Прямосудов, в № 35 и 36 «Сына Отечества» обвинил его в самовосхвалении (подробнее о полемике см.: *Загоскин М. Н.* Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1889. С. 755—757).

В авторстве Загоскина убеждает следующее, не случайное, на наш взгляд, соответствие. Во вступлении к театральному разделу Загоскин высказывает такой упрек в адрес комедии Шаховского «Липецкие воды»: «...служанка, как бы ни умела *болтать* по-французски, не станет, верно, говорить о *филантропии...*» У Ювенала Беневольского читаем: «...служанка, подобная Анюте, есть, по мнению моему, лицо, свойственное иностранной, а не русской комедии; у нас служанки не беседуют столь явным образом с господами. Знаю, что многие писатели, и писатели *известные*, вводили их в свои комедии; но истинные русские комики убегали сего недостатка...» (СН. 1817. № 1. С. 16, 26). «Странно покажется, что в комедии «Игра любви и случая» (соч. Мариво.— *Ред.*) Сильвия, благородная девица с хорошим воспитанием, так легко влюбляется в Эраста, которого считает простым слугою; а еще страннее, что слуга Эраста, принимая Лизету, горничную Сильвии, за невесту своего барина, думает, что может на ней жениться» (СН. 1817. № 1. С. 21).

Намек на Загоскина, возможно, содержался в са́мом сюжете пьесы. «Отец мой,— вспоминал его сын,— несколько раз сватался за Анну Дмитриевну (Васильцовскую, «воспитанницу», незаконнорожденную дочь вельможи.— *Ред.*), и несмотря на то, что Новосильцов был старый приятель и товарищ по полку с дедушкою Николаем Михайловичем, он ни за что не соглашался выдать ее за его сына и лишь по настоятельному и непреклонному желанию Анны Дмитриевны брак состоялся» (ИВ. 1900. № 1. С. 49—50).

Указывалось (см.: Грибоедов 1988. С. 677), что в сюжете «Студента» пародийно использованы материалы, опубликованные в журнале П. А. Корсакова «Русский пустынник» (1817, со второй половины года Загоскин продолжил издание этого журнала, под названием «Северный наблюдатель») — например: «Студент... сделался жителем петербургской Коломны. 30 рублей деньгами и два рекомендательных письма составляли все его имущество. <...> Подобно древнему Цезарю, мечтал он прийти, увидеть, победить. <...> Так думал львовский студент, приехавший с попутчиками в Петрову столицу, так подумали бы многие на его месте» (№ 11; см. также: Опыт светского словаря. Артист — № 10; Письма провинциального студента — № 25). С другой стороны, Беневольский напоминает героя комедии того же Корсакова «Тетушка Маремьяна» (1814 — список ГТБ. I. XIX. 4.17): «По сказкам знакомых его, Нарцис Романович есть Еруслан своего околодка... он нанизу родился, вскормлен и воспитан. Может быть, в нем есть и странности, но

Москва его исправит. Сверх того, отец его мне старинный приятель, и я имею важные причины стараться ускорить с этим браком». С. А. Фомичев рассматривал эти переклички в качестве свидетельства того, что образом Беневольского авторы «Студента» метили в Корсакова. Однако Грибоедова и Корсакова связывали какие-то творческие взаимоотношения, след которых, в частности, сохранился во фрагменте рукописи корсаковской переделки (1815) трагедии Шекспира «Макбет»:

«Фредегонда

Кто б мог сказать,
Что в дряхлом старике сем так много будет крови»

с пометой П. Корсакова: «Отрезано от 5-го действия трагедии моей „Макбет", переписанной рукою покойного А. С. Грибоедова» (РНБ. Ф. 728. Оп. 1. № 1030). Комедия «Студент» была известна Корсакову: в его повести «Свет и тень» герой, уланский штабс-ротмистр, назван Саблиным (см.: Маяк. 1841. Ч. XIV).

Авторы «Студента» изображают преимущественно не единичные, а массовые эстетические явления. Отсюда, в частности, знаменитое «стихотворение» Беневольского (д. III, явл. 10, с. 94—96), пародирующее устойчивые мотивы поэзии Жуковского и Батюшкова, а также их эпигонов. Когда Евлампий Аристархович говорит: «...мои опыты в прозе и стихах, досуг моей беспечной музы» (д. III, явл. 13),— напрашивается предположение, что здесь речь идет об «Опытах в стихах и прозе» Батюшкова, интерес к которым на протяжении всего 1817 г. вплоть до их выхода подогревали и «Сын Отечества», и «Вестник Европы». Однако в том же году в Москве выходят «Первые опыты в прозе и стихах» И. Лажечникова, а в «Вестнике Европы» (1817. № 10. С. 160) помещено объявление о том, что в Харькове «принимается подписка на сочинения в стихах и прозе Любови Кричевской, под названием „Мои свободные минуты"». И оказывается, что Грибоедов и Катенин прежде всего подразумевают популярный тогда тип издания.

В «Студенте» подвергнуты едкому осмеянию распространенные штампы карамзинистов, прежде всего членов «Арзамаса»: Жуковского, В. Л. Пушкина, Батюшкова. Комедия входит составной частью в полемику Грибоедова — Катенина с карамзинизмом, начатую в 1816 г. спором о специфике балладного стиля, и наиболее полно выражает их позицию. Критика в «Студенте» носит всеобъемлющий характер и затрагивает прозу, поэзию, драматургию, журналистику. Во главу угла поставлены «Письма русского путешественника» Карамзина, вызвавшие большое количество подра-

жаний и надолго определившие тематику и проблематику не только творчества карамзинистов, но во многом и всей русской литературы. И здесь, конечно же, Грибоедов и Катенин учитывают опыт пародийного изображения «чувствительного» путешественника в «Новом Стерне» (1805) Шаховского за счет несоответствия высокопарных высказываний и реальной действительности.

Пьеса была поставлена на сцене только однажды — 1 мая 1904 г. в Александринском театре в бенефис вторых режиссеров и суфлеров. Представление вызвало негативные рецензии (см.: Лит. вестник. 1904. Т. VII. Кн. 3. С. 89—91). Думается, неудача постановки предопределялась неверной трактовкой в условиях иной актуальной проблематики начала XX в., недостаточным мастерством актеров вообще и утерей ими культуры разыгрывания светской комедии в частности. Немаловажным было ошибочное, но, к сожалению, популярное тогда мнение о Грибоедове как охранителе и карьеристе. Так, рецензент газеты «Русь» (1904. № 140) писал: «Грибоедов с Катениным унижают и самое звание „студента", а еще более звание „литератора"...; Грибоедов не страдал за литературу: это он доказал и служебной карьерой своей...; Г. Яковлев, игравший „студента", взял несколько искусственный, а потому однообразно-комический, шаблонный тон».

С. 47. *Невинность, ангел, существо небесное...*— Перефразированная реплика графа Пронского из «Нового Стерна» (1805) Шаховского: «Какая восхитительная невинность!<...> я не смею подойти к этому ангелу, сошедшему на наш мир с эфирной высоты» (*Шаховской А. А.* Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 741).

Да, я артист... — Ср. предисловие Карамзина к журналу «Вестник Европы» (1802. № 1): «Жаль только, что недостает таланта и вкуса в *артистах* нашей словесности...» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 175).

С. 48. *Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу.*— Ср. в «Письмах русского путешественника» Карамзина рассуждение путешественника при въезде в Лондон: «Надобно смотреть, надобно описывать.— Ошибаюсь или нет, но мне кажется, что первый взгляд на город дает нам лучшее, живейшее об нем понятие, нежели долговременное пребывание...» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч.: т. 1. С. 523).

«Эльмира и Вольнис» — роман широко известной в России начала XIX в. французской писательницы Жанлис (Жанлис Стефания Фелисита; 1746—1830); ее литературное наследие составляет 90 томов.

С. 48. *Бедная Молочница.*— Ближайшим образом подразумевается популярный комический балет в 1-м действии «Нисета и Лука, или Молодая молочница» (соч. Дидло, муз. Кавоса), краткий пересказ и положительная оценка которого содержались в «Северном наблюдателе» (1817. № 3. С. 106), а также «Бедная Лиза» (1792) Карамзина.

Нинона — Ланкло Нинон де (1620—1705), известная французская куртизанка, прославленная красотой и умом, хозяйка знаменитого салона.

Севинье Мария де Рабютен-Шанталь (1626—1696), блистала при дворе Людовика XIII. Прославилась в литературном мире длившейся на протяжении четверти века перепиской со своей дочерью.

С. 49. *Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.*— Ср. стихотворение Карамзина «К бедному поэту» (1796):

Мой друг! существенность бедна:
Играй в душе своей мечтами,
Иначе будет жизнь скучна.
Не Крез с мешками, сундуками
Здесь может веселее жить,
Но тот, кто в бедности умеет
Себя богатством веселить;
Кто дар воображать имеет
В кармане тысячу рублей,
Копейки в доме не имея.

(*Карамзин Н. М.*
Избр. соч. Т. 2. С. 63)

С. 50. *С вас не взыщут: вы человек приезжий,* а также требование полиции убрать повозку с проезжей части (д. II, явл. 7) — ср.: «...на платье дорожных кто смотрит?» и аналогичное требование полицейского в «Письмах русского путешественника» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 1. С. 84).

С. 52. *Я сын волжских берегов.*— Намек на стихотворение В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода» (1812), поводом для написания которого послужило бегство автора из Москвы в Нижний Новгород в связи с приближением Наполеона:

Примите нас под свой покров,
Питомцы волжских берегов!

С. 52—53. *Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и воа́гражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес...*— Первая часть высказывания (до слова *Невы*)

восходит к «Прогулке в Академию художеств» Батюшкова, который «резко подчеркивал превосходство Петербурга над всеми столицами мира» (*Фридман Н. Ф.* Проза Батюшкова. М., 1965. С. 58—59). Другую часть высказывания ср. с «Письмами русского путешественника»: «...сверкала Темза, где возвышались бесчисленные корабельные мачты, подобно лесу, опаленному молниями» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 1. С. 520). Смысл противопоставления в том, что Карамзин называет «первыми городами в Европе» Париж и Лондон, хотя чуть позже и положительно отзывается о петербургской набережной (там же. С. 527).

С. 53. *Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?* — Здесь уточнение вопроса создает комический эффект: «Российский Музеум» — журнал, выходивший в Москве в 1815 г.; «Детский Музеум, или Собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов...» — петербургское иллюстрированное издание (ч. I. 1815; ч. II и III. 1816; ч. IV. 1817).

С. 54. *Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно!* — Ср. в «Письмах русского путешественника»: «...но может ли единообразная... тишина быть счастием для того, кто привык уже к деятельной жизни государственного человека? Сия жизнь, при всех своих беспокойствах, имеет в себе нечто весьма приятное...» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 1. С. 221).

С. 56. *Сюллий* — Сюлли Максимильен де Бетюн (1560—1641), министр финансов Франции в 1599—1611 гг.

Кольберт — Кольбер Жан Батист (1619—1683), министр финансов Франции с 1665 г.

Питты — Питт Уильям Старший (1708—1778), премьер-министр Великобритании в 1766—1768 гг.; Питт Уильям Младший (1759—1806), его сын, премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 гг.

Боярин Матвеев — Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682), приближенный царя Алексея Михайловича.

Виотия (Беотия) — древняя греческая провинция; ее жители, хорошие земледельцы, отличались необразованностью и неуклюжестью, что вошло в поговорку.

Бордерон — петербургский ресторатор, о котором упоминалось в статье М. Н. Загоскина «Знатоки, или История одного дня» (СН. 1817. № 2. С. 43).

С. 57. *Сын Филиппов* — Александр Македонский (356—323 до н. э.), сын царя Филиппа II.

Ора — в греческой мифологии одна из богинь времен года.

Ириса (Ирида) — в греческой мифологии богиня радуги, вестница Зевса.

С. 58. *...с чего ему сойти?* — Намек на строки А. Ф. Воейкова из его «Дома сумасшедших», адресованные в одном из вариантов первой редакции (1814—1817) В. Л. Пушкину: «Ты дурак — не сумасшедший, Не с чего тебе сходить» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. Б-ка поэта, Большая сер., 2-е изд. С. 795, 832).

Сердце имеет свою память.— Намек на стихотворение Батюшкова «Мой гений» (1815): «О память сердца! ты сильней Рассудка памяти печальной».

С. 59. *Илья Муромец* — намек на одноименную «богатырскую сказку» (1794) Карамзина, герой которой, повстречав красавицу, не спит и не ест неделю.

С. 62. *Лови малейшие намеки ~ из того выводи свои заключения...*— в «Вестнике Европы» (1817. Май, № 9) был опубликован рассказ «Астроном и его служанка (Анекдот, взятый из старинной хроники)», где, в частности, говорилось: «Они беспрестанно предлагали астроному коварные вопросы и извлекали важные следствия не только из его ответов, вовсе незначительных, но даже из взглядов его и телодвижений... (из Merc<ure> de France — у.)».

С. 66. *Глазуновы* — владельцы известной книготорговой и издательской фирмы в Москве и Петербурге. Основатель дела — купец Матвей Петрович (1757—1830), наиболее известные продолжатели — Иван Петрович (1762—1831) и Илья Иванович (1782—1849).

С. 67. *Бостон, крепс* — названия карточных игр.

С. 69. *С успехами просвещения ~ а природа вечна.*— Ср. «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» Батюшкова: «Язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданскою образованностью и людскостию» (*Фридман Н. В.* Проза Батюшкова. С. 59).

...законы вас осуждают, но какой закон святее любви? — Перефразированные стихи из повести Карамзина «Остров Борнгольм» (1793):

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце! может
Противиться тебе?
Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?

(*Карамзин Н. М.*
Избр. соч. Т. 1. С. 66)

С. 70. *Или вы не знаете женщин?*— Намек, вероятно, на «Илью Муромца» Карамзина:

О друзья мои любезные!
если б знали вы, что́ женщины
могут делать с нами, бедными!..

С. 70. *...разве маркиза дю-Шателе не была другом Вольтера...*— Ср. в «Письмах русского путешественника»: «На стенах висят портреты: <...> четвертый — самого Вольтера и <пятый> маркизы дю Шатле, которая была ему другом, и более нежели другом» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 1. С. 289). Этот мотив становится популярным у писателей-карамзинистов и, в частности, воспроизводится у Батюшкова в «Путешествии в замок Сирей» (см.: *Фридман Н. В.* Проза Батюшкова. С. 57—58).

С. 72. *Прохоров* — возможно, владелец театральной типографии и соиздатель «Северного наблюдателя» А. Похорский.

С. 78. *Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!* — Это и другие сходные рассуждения Беневольского намекают, вероятно, на стихотворение Карамзина «К верной» (1796):

...и впредь клянусь не верить
Ни слуху, ни глазам;
Не верить и твоим словам,
Когда бы ты сама хотела разуверить
Меня в любви своей.

(*Карамзин Н. М.*
Избр. соч. Т. 2. С. 70)

С. 81. *О Лары и Пенаты!..* — Слегка видоизмененные стихи из послания Батюшкова к Жуковскому и Вяземскому «Мои пенаты» (1811—1812).

О, всемогущее вино! веселие героя! — Цитата из стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812).

С. 82. *И стукнем в чашу чашей...* и т. д.— Цитата из послания Жуковского «К Батюшкову» (1812) с заменой слова «Музе» на слово «дружбе»; написано в ответ на стихи Батюшкова «Мои пенаты».

С. 92. *Vive Henri Quatre!..* — Популярная во Франции песня из пьесы Ш. Колле «Охота Генриха IV» (1766); о ней упоминает Пушкин в повести «Метель» (см.: *Гозенпуд А. А.* Пушкин и русский театр десятых годов XIX в. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 41—42).

С. 93. *...певцов своей печали...*— намек на стихотворение Пушкина «Певец» (СН. 1817. № 1. С. 14).

Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского? — Полемика с Загоскиным, который в «Северном наблюдателе» (1817. № 2. С. 71) писал: «Ария на голос „Vive Henri Quatre"

восхищает француза: она напоминает ему одну из самых счастливых эпох в истории его отечества; но что может она напоминать русскому?»

С. 94. *Арей* (Арес) — в греческой мифологии бог вероломной, безжалостной войны.

Ю. Ф.

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ <«СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»>

(с. 102—112, 347—349)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО. 1817. Ч. 42, № 47. 30 ноября. С. 106—117 (пять сцен из д. II, с изложением краткого содержания всей пьесы); в составе отдельного издания комедии — Своя семья, или Замужняя невеста: Комедия в трех действиях, в стихах. СПб., 1818 (ценз. разр.— 16 янв. 1818).

Печатается по тексту первой публикации (СО).

Пять сцен второго действия комедии написаны Грибоедовым в Петербурге в 1817 г. Комедия вышла в свет отдельным изданием в конце января — феврале 1818 г. (согласно цензурному разрешению от 16 января) с предисловием А. А. Шаховского, разъясняющим историю создания произведения: «Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Валберховой (украсившей прелестным даром своим „Липецкие воды"), я выбрал такое содержание пиесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня, для бенефиса, оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого помочь мне: они, по приязни своей ко мне, согласились, и первой написал все начало второго действия до ухода Феклы Савишны; а второй в третьем действии сцену, в которой Бирюлькин экзаменует Наташу. Благодарность и справедливость требуют, чтоб я сделал сие известным и не присвоил себе чужого. Кн<язь> Шаховской».

То, что здесь сообщал читателям Шаховской, уже в какой-то мере было известно до появления в печати полного текста комедии. Свою часть, без разбивки на явления, Грибоедов опублико-

вал в журнале «Сын Отечества» под названием «Отрывок из комедии» и с изложением краткого содержания всей пьесы.

Уже 4 сентября 1817 г. Грибоедов писал С. Н. Бегичеву: «Кстати, Шаховской просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой; и я их сделал довольно удачно. Спишу на днях и пришлю к тебе в Москву». Поскольку в самом начале письма сказано: «Вот почти месяц как мы с тобой расстались...» — можно утверждать, что Шаховской обратился к Грибоедову с предложением участвовать в создании пьесы не ранее 6—7 августа и что грибоедовские сцены написаны во второй половине августа — до 4 сентября 1817 г.

Другое сохранившееся свидетельство самого Грибоедова о работе над фрагментом пьесы — в его письме П. А. Катенину 19 октября 1817 г.: «Для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен. На будущей почте пришлю к тебе». Здесь говорится о четырех сценах, а не о пяти. Все исследователи и комментаторы считают это простой ошибкой автора. Но можно предположить, что Грибоедов мог не считать самостоятельным явление после ухода Варвары Савишны: почти в начале разговора на сцене остаются Мавра Савишна и Наташа — участники «пятого» явления.

Текст грибоедовских сцен (по их публикации в «Сыне Отечества») в отдельном издании комедии претерпел небольшие изменения (см. варианты). Здесь Мавра Савишна переименована в Феклу Савишну, Варвара Савишна везде обозначена по фамилии — Вельдюзева.

Н. К. Пиксанов полагал, что Грибоедов «между 30 ноября 1817 и 16 января 1818 года переработал вновь свой труд», и потому в академическое Полное собрание сочинений Грибоедова (1911) поместил текст грибоедовских сцен по первому отдельному изданию комедии. Сомнительно, что Грибоедов после журнальной публикации перерабатывал свои сцены. В этот период он работал над «Притворной неверностью» и, кроме того, был сильно отвлечен событиями, связанными с участием его в дуэли Шереметева и Завадовского. Еще важнее то, что сам характер изменений (см. варианты) указывает на руку Шаховского. Следует иметь в виду, что Шаховской был основным автором (стихи, написанные Грибоедовым, составляют примерно десятую часть текста «Своей семьи»), он сдавал пьесу в цензуру и в типографию. Встречается утверждение, что имя Мавра было придумано Грибоедовым, а Шаховским изменено на Феклу (см. комментарий И. Н. Медведевой: Грибоедов 1967. С. 497). Этому противоречит то обстоятельство, не замеченное исследователями и комментаторами, что в отдельном издании 1818 г.

в части текста, принадлежащей Шаховскому, уже в явлении 4 действия III вновь появляется имя Мавра (Вельдюзева отправляется к ней вместе с Любимом), затем восстанавливается, в последнем явлении, имя Фекла (сначала в ремарке). Эта ошибка — результат спешки, о которой Шаховской говорит в предисловии к комедии. Недосмотром является и то, что в сценах Грибоедова Ладова — графиня, тогда как в сценах Шаховского она везде — княгиня; ошибочно в составе действующих лиц явления 1 действия II вместо Вельдюзевой указана Фекла Савишна (в дальнейшем везде именуемая Феклой).

Работа Грибоедова над сценами «Своей семьи», без сомнения, тесно связана с общим замыслом Шаховского, с наметками характеров, экспонированных в действии I. Грибоедов уже был знаком с рукописью действия I, когда приступал к сценам действия II: отсюда слова Наташи о том, как «с дядюшкой сдружились мы случайно» (на основании сцен с секунд-майором в действии I), и характеристика, с одной стороны, Карпа Савича, с другой — Максима Меркуловича, встреча с которым, как и с двумя тетушками (Раисой и Маврой-Феклой), еще предстояла по ходу пьесы. Другое совершенно очевидное условие — ориентация Грибоедова на исполнителей ролей, которые были ему хорошо известны: М. И. Валберхову (Наташа) и Е. И. Ежову, супругу Шаховского, имевшую свое амплуа — сварливой, упрямой, с крутым нравом «комической старухи» или «бой-бабы». Ее появление не случайно предваряется у Грибоедова характеристикой типажа: «сварливая... крикуша... скупая».

Премьера пьесы «Своя семья, или Замужняя невеста» состоялась 24 января 1818 г. на сцене петербургского Малого театра. Роли исполняли: Матрена Карповна Звонкина, помещица,— Е. С. Сандунова; Карп Савич Искрин, отставной секунд-майор, ее племянник,— Е. П. Бобров; Фекла Савишна Брызгова, вдова,— Е. И. Ежова; Варвара Савишна Вельдюзева, вдова,— А. Д. Каратыгина; Раиса Савишна, старая девушка,— С. В. Самойлова; Максим Меркулович Бирюлькин, зять их,— А. Н. Рамазанов; Любим, племянник их,— И. И. Сосницкий; Наташа, жена его,— М. И. Валберхова.

Через несколько дней после первой постановки журнал «Сын Отечества» (1818. Ч. 43. № 5. 1 февр. С. 213—223) опубликовал сразу две рецензии. Первый рецензент (подпись Z), хотя и признавал, что «пьеса была принята зрителями с удовольствием и одобрением» и «все актеры играли хорошо», весьма сдержанно и даже критически оценивал драматургию, характеры и язык комедии. «Главное достоинство сей комедии, доставившее ей одобрение пуб-

лики, состоит в нескольких острых и замысловатых стихах»,— но тут же выговаривал авторам: «Слог общественного, благородного обращения у нас имеет еще мало примеров, а стихи, каковы, например, следующие, не могут образовать его... „Он страшный *грубиян* И до обеда глуп, после обеда *пьян*... Нет, матушка, она Без ваших *вичуров*, предобрая... Будет *гонка* вам". Возразят, может быть, что сии выражения натуральны и приличны представленным лицам, но натуральное всегда ли бывает благородно, и выражения, приличные в конюшне гусарского полку, могут быть пристойны пред просвещенною публикою?» (с. 216). Рецензент одобрил постановку, но роль главной героини показалась ему не вполне освоенной бенефицианткой: «Госпожа Валберхова, для которой сочинена сия пьеса, <...> не достигла в роли своей того совершенства, какого публика была вправе от нее ожидать: в ее игре едва заметны были живость и веселость характера Наташи» (с. 217). Другой рецензент (NN) высоко отзывался о комедии в целом, находя в ней «много истинной веселости и забавных сцен». Его критические замечания касались общего «плана» пьесы, обоснованности «различных ролей» Наташи: по мнению NN, это было уместно, если бы Наташа была не женой, а невестой. За исключением Бирюлькина, слишком упрощенно противоречивого, остальные характеры, в особенности отставного гусара, оценивались как удача авторов. О явлениях, написанных Грибоедовым, NN замечал: «Характер скупой тетушки также недурен; сцена ее с Наташей очень забавна» (с. 221).

Выявившиеся в первых, а затем и последующих откликах разноречие, неоднозначность оценок пьесы в целом, отдельных эпизодов, характеров, стиха, языка сопровождали сценическую и литературную судьбу комедии и в дальнейшем. Если, например, в 1829 г. газета «Бабочка» (№ 86. С. 342—344, подпись: «В. Никонов») в оценке комедии почти полностью повторяла упреки рецензента «Сына Отечества», но находила в ней «сцены истинно комические», а в театральной хронике за октябрь — ноябрь 1849 г. журнала «Отечественные записки» Вл. Ч. (Ап. Григорьев) утверждал: «Для нас «Своя семья» уже устарела и кажется скучною, длинною и без малейшего интереса» (ОЗ. 1849. Т. 67, отд. 8. С. 321), то в январской книжке «Русского вестника» 1879 г. в статье И. Павлова о грибоедовских сценах «Своей семьи» говорилось как о несомненном преддверии «Горя от ума», и они здесь же целиком воспроизводились. Многое здесь зависело и от отношения к главному создателю пьесы — Шаховскому, и от понимания комедийного жанра, эстетических и стилевых его особенностей и «правил». Можно заметить, в частности, что почти единодушное предпочтение критики

вызвала сцена, в которой Бирюлькин «экзаменует» Наташу, написанная Н. И. Хмельницким в яркой фарсовой манере, живым, беглым стихом. Так не могла быть написана сцена Наташи и Мавры (Феклы), сам характер этой тетушки Любима, а значит, по замыслу комедийной интриги, и маска Наташи в этом эпизоде требовали иной комедийной ситуации, иного содержания и течения конфликта, переходящего в «согласие», других речевых характеристик, более тяжелой «поступи» стихов.

Оценивая решение Грибоедовым самостоятельной задачи, связанной с общей композицией комедии, нельзя не согласиться с его собственным заключением, что эти сцены им сделаны «довольно удачно». Установка на целостность, завершенность эпизода принципиальна, и вовсе не случайно Грибоедов напечатал свой «отрывок» задолго до публикации полного текста комедии и без членения на явления — в виде большого стихотворения, организованного драматической формой. «Простая интрига», скрепляющая эпизоды, состоит в том, что по мере ее развития на сторону «замужней невесты» становятся по очереди каждый из тех, против кого интригует Наташа по совету и при поддержке Варвары Савишны. Перед нами «комедия в комедии», «театр в театре». Комедийные импровизации Наташи происходят в обстановке, когда требуется подхватить разговор и не проговориться, не выдать себя, а последовательно перевести игру на свою сторону, заставить поверить в вымысел, рождаемый на ходу. Зрительский, читательский интерес естественно устремляется от эпизода к эпизоду. Лежащая в основе действия комедийная интрига с самого начала открыта зрителю и читателю, но скрыта от «своей семьи». Интрига предложена именно как принцип и условие комедийной игры Наташи, но постепенно в нее втягиваются новые лица, каждое из которых, попадая под обаяние Наташи, включается в борьбу на ее стороне. Так происходит движение интриги; и все же не оно главное в пьесе, а именно эпизоды, потому что с успехами комедийного притворства героини напряжение действия убывает, тогда как эпизоды не теряют своей занимательности. В центре этих эпизодов — взаимодействие двух персонажей. Причем самым трудным для Наташи партнером оказывается Мавра (Фекла) Савишна — может быть, поэтому Грибоедов взял на себя разработку соответствующих сцен. Ему удалось вполне обрисовать тип «тетушки» — прижимистой, домовитой, себе на уме, любящей знаки почтения, предельно самоуверенной в своем ограниченном понимании жизни, осуждающей «нынешних» и «модных», подозрительной и крикливой. Ее речь откровенна, небрежна и посвоему выразительна. Вместе с тем и Наташу молодой автор сумел представить ловкой, деятельной, смекалистой, предупредительной,

послушной, экономной — врастающей в роль Мавры Савишны настолько, что она временами даже вызывает восхищенную оторопь «оригинала».

Умение выстроить эпизод, ярко представить в пределах небольшого сценического сюжета колоритный характер, отобрать живые, типические бытовые реалии и явить их в потоке психологически достоверной, идиоматически окрашенной, свободной речи, ничуть не скованной традиционным шестистопным ямбом,— все это заметно приближало Грибоедова к созданию «Горя от ума», где образ Хлёстовой, ее психологическая и бытовая обрисовка, ее речения заставляют вспомнить Мавру Савишну из «Своей семьи». Мастерство молодого комедиографа, острое чувство характерности, интерес к типическим деталям современной действительности были по достоинству оценены. 9 августа 1833 г. ссыльный В. К. Кюхельбекер записал в своем дневнике: «С наслаждением прочел я несколько явлений из комедии „Своя семья", написанных Грибоедовым: в этом отрывке виден будущий творец „Горя от ума"...» (Кюхельбекер 1979. С. 265). Много позднее, 11 февраля 1880 г., на вечере памяти Грибоедова в московском Артистическом кружке А. Н. Островский читал именно грибоедовские сцены из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста» (см.: Современные известия. 1880. № 43; *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М., 1953. С. 273).

В середине XIX в. П. Арапов совершенно верно заметил, что «Своя семья» — «удержалась постоянно на репертуаре; это одна из лучших и самых игривых пьес для благородного общества» (Арапов. С. 262). Причем зрительские симпатии были завоеваны прочно сразу же после первых постановок. Пользуясь популярностью пьесы, в которой первой исполнительницей роли Наташи была М. И. Валберхова, ее отец, балетмейстер И. И. Вальберх, в свой бенефисный день 2 сентября 1818 г. поставил «дивертисмент „Своя семья, или Домашний маскарад", составленный большею частию из семейства Вальберха» (Арапов. С. 268), а 3 сентября этот опыт повторил А. Н. Рамазанов, в свою очередь представивший в дивертисменте «Своя семья» жену и троих детей в русской пляске (см.: РС. 1880. № 10. С. 273).

Однако, несмотря на успех первых постановок (24, 28 января 1818 г.), пьеса до начала декабря 1820 г. на петербургской сцене не ставилась. Это связано с опалой, в которую попал Шаховской в результате конфликта с директором театра князем П. И. Тюфякиным, принявшим на свой счет характеристику одного из персонажей «Своей семьи», Максима Бирюлькина: «Он страшный грубиян, и до обеда глуп, после обеда пьян». Тем не менее пьеса не

только игралась почти ежегодно в 20—30-е гг. и далее, вплоть до середины 60-х гг., но и каждая ее значительная постановка с новыми исполнителями привлекала внимание критики и прессы. Так, в 1829 г. газета «Бабочка» (№ 86) напомнила своим читателям о превосходном составе первых исполнителей, некоторые из которых продолжали выступать в своих ролях, об успехах Валберховой и Л. О. Дюровой (Каратыгиной) в роли Наташи и поддержала новую исполнительницу этой роли на сцене петербургского Большого театра — воспитанницу театральной школы Семенову. В 1849 г., когда постановка через 9 лет (после октября 1840 г.) была возобновлена, в роли Наташи превосходно дебютировала совсем юная А. М. Читау, вскоре ставшая одной из лучших исполнительниц в пьесах А. Н. Островского. Похвальной рецензии удостоилась еще одна воспитанница Императорского театрального училища — Борисова, игра которой на сцене Михайловского театра 19 марта 1857 г. «очень заинтересовала всех любителей искусства» и «возбудила продолжительный гром рукоплесканий» (Санкт-Петербургские ведомости. 1857. 26 мая, № 113. С. 584, фельетон «Петербургская летопись», без подписи). 12 февраля 1888 г. в роли Наташи на сцене Александринского театра выступила знаменитая уже М. Г. Савина, избравшая эту роль для своего бенефиса (в этот вечер она исполняла также роль Ступеньдевой в «Провинциалке» И. С. Тургенева). Выступление М. Г. Савиной было высоко оценено прессой (см.: Новости. 1888. № 45). В оценке игры актрисы сошлись столь разные критики, как А. С. Суворин и В. В. Стасов. Первый писал, что ей присущ «комизм настоящий и здоровый», проявившийся, в частности, в эпизоде с булавкой в сцене, написанной Грибоедовым. Как и Суворин, Стасов направил Савиной письмо на следующий после бенефиса день: «...я Вами вчера восхищался, мне кажется, как весь театр вместе сложенный. Какая прелесть, какая грация, какое очарование в каждом взгляде, жесте, позе! Вы в самом деле *несравненная*, как говорила надпись на венке. И знаете что, вдобавок: Вам *ужасно идут* костюмы времен Александра I и Николая I („Ревизор", „Своя семья")...» (*Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. Л.; М., 1956. С. 182, 306, 365; *Стасов В. В.* Письма к деятелям русской культуры. Т. 2. М., 1967. С. 120). В январе 1896 г., в связи с 50-летием со дня смерти Шаховского, Александринский театр вновь вернулся к пьесе, и вновь в роли Наташи выступила М. Г. Савина в ансамбле с другими выдающимися актерами (В. Н. Давыдов, В. В. Стрельская и др.).

В Императорских театрах Петербурга и Москвы в XIX в. пьеса шла не менее 100 раз. На московской сцене комедию играли в 1818—1819 гг., когда она не ставилась в Петербурге, и затем, за исключе-

нием нескольких лет, с 1821 по 1834 г.; отдельные постановки отмечаются в 40—70-е гг. XIX в. В 1884 г. к ней обратился Театр Корша. В период с 1818 по 1821 г. она ставилась в Полтавском вольном театре, где в это время работали М. С. Щепкин, П. Е. Барсов, Н. В. Городенский, И. Ф. Угаров, Т. И. Пряженковская и другие талантливые актеры из провинции (см.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2. М. 1977. С. 411). Разыгрывалась «Своя семья» в других провинциальных театрах и на любительской сцене.

Уже в советское время после длительного (более 20 лет) перерыва комедия вернулась на столичную сцену — Московского драматического театра В. Суходольского (см.: Театральный курьер. 1918. № 18). В 1923 г. «Своя семья» была поставлена 4-й студией МХАТ, игралась также и после преобразования студии в 1927 г. в Реалистический театр, причем — с использованием музыки Грибоедова в финале и в антрактах (см.: Современный театр. 1927. № 14. С. 19). В августе 1932 г. Реалистический театр показал свою работу во время гастролей в Ленинграде. Заметным явлением театральной жизни стала постановка «Замужней невесты» в ленинградском Театре комедии 8 мая 1938 г. (в роли Наташи — Л. П. Сухаревская). В 1939 г. театр выпустил книжку с полным текстом комедии и статьями С. С. Данилова «Комедия трех авторов» и Н. С. Рашевской «Заметки режиссера». Постановке «Замужней невесты» этот театр придавал особое значение: после комедий Лопе де Веги, Шекспира, Шеридана, формировавших фонд западноевропейской комедийной классики, произведение трех русских авторов «открывало собой цикл спектаклей русской классики» (Своя семья, или Замужняя невеста. Л., 1939. С. 3). К моменту подготовки книги в печать пьеса прошла на сцене Театра комедии уже свыше 50 раз.

Впоследствии комедия ставилась также на малой сцене Центрального театра Красной Армии (1948), Московским драматическим театром им. А. С. Пушкина (1950), русскими театрами Ташкента и Фрунзе (1953), Музыкально-драматическим театром им. Г. И. Петровского в г. Хмельницком УССР (1963) (см.: Театральная энциклопедия. Т. 2. М., 1963; Театр. 1963. № 2. С. 117), в 1990-х гг. в Петербурге — Драматическим театром на Литейном и Молодежным театром.

<Явл. 1.> Ст. 7. *Образная* — специальная комната с иконами для молитв.

Ст. 25. *Наш опыт удался с секунд-маиором...* — В действии I Варвара Савишна предлагает Наташе представиться ее племян-

ницей из Вятки и показать себя перед дядюшкой Карпом Савичем очень глупой, чтобы ему понравиться. Этот «опыт» прекрасно удался Наташе. Секунд-майор — офицерский чин, следовавший за капитанским (с 1731 г.), нижняя ступень военного чина VIII класса, в отличие от премьер-майора — верхней ступени того же класса. В 1797 г. различение премьер- и секунд-майоров было снято (см.: *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 29—30).

Ст. 31. *Максим Меркулович — тот не того разбора...*— Максим Меркулович, дядя Любима, в отличие от Карпа Савича, претендует на ученость, хотя в этой претензии так же смешон. С «ученым зятем» Бирюлькиным Наташе еще предстоит встреча. Сцена, в которой Максим Меркулович ее экзаменует (д. III, явл. 3), написана Н. И. Хмельницким.

Ст. 45. *Шемизетка.*— «*Шемиза*, или *Шемиз*, фр. женское длинное платье наподобие рубашки сшитое» (Новый словотолкователь... Ч. 3. СПб., 1806); «*Шемизетка*, фр. chemisette, оборчатая или гладкая вставка или манишка в дамских блузках и лифах» (Даль. Т. 4).

<Явл. 2>. Ст. 52. ...*Ох! эти мне проворы!* — «Провор, провора — ловкий, бойкий, расторопный человек; иногда плут» (Даль. Т. 3).

Ст. 54. *Потрафить* — угодить.

Ст. 56. *Карточка визютная* (визитная) — небольшой кусочек картона или плотной бумаги, на котором указаны имя, звание, должность, адрес посетителя.

Ст. 58. *Святая* — неделя, начинающаяся с пасхального воскресенья.

<Явл. 3.> Ст. 77. *Золовка* — сестра мужа.

<Явл. 4.> Ст. 98. *Пирожное* — здесь: сладкое блюдо.

Ст. 155. *Серпянка* — грубая ткань типа холста.

Ст. 171. *Когда к француженкам поедем мы бывало...* — Француженки — здесь: владелицы магазинов модных товаров и швейных мастерских.

Ст. 198. *Там русскую мамзель какую-то нашел!* — Из письма Любима, с чтения которого начинается пьеса, Мавра Савишна знает, что Любим в Петербурге влюбился в «питомицу» сестры своего начальника графа Борского. Уже тогда она очень подозрительно отнеслась к этому выбору племянника:

Ох! нагляделась я, какую жизнь ведут
Воспитанницы их сиятельств. Нет, Бог с нею!
Не будет модница племянницей моею.

И здесь же называет ее «барской барышней», т. е. приживалкой. В определении «русская мамзель» — также иронически-на-

смешливый смысл: воспитанница графини уподобляется французским девицам, склонным к легкомыслию и мотовству. Здесь намечается и пренебрежительно-негативное значение, которое слово «мамзель» приобретает в XIX в.: «женщина легкого поведения» (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938).

Ст. 205. *Чтоб поскорей по них наследство получить.*— Предлог «по» означает «после»: получить наследство после их смерти. Такова же функция предлога «по» и в следующих стихах: *Я вразумлю его, и по словам моим // Он петербургские все шашни позабудет.*

Ст. 227. *Шашни* — «тайные двух или многих людей дела, предприятия» (Словарь Академии Российской... Ч. IV. СПб., 1822. С. 1345); «стачка, тайный скоп, плутовские происки, происки сообща, заодно, пролазничество, интриги, проделки» (Даль. Т. 4. С. 1411). Мавра Савишна имеет в виду прежде всего любовные «шашни», т. е. намерение Любима взять в жены воспитанницу графини — «русскую мамзель».

<Явл. 5.> Ст. 231. *Шла к тетке Звонкиной...*— Звонкина Матрена Карповна — старшая в семействе, бабушка Любима; рассудительная, проницательная, простая, добрая и веселая, именно она в конце концов благополучно решает судьбу Любима и Наташи.

Варианты. <Явл. 1.> Ст. 37. *Про Лейпциг, Кульм, Париж без памяти кричишь...*— Имеются в виду важнейшие боевые действия против французских войск, закончившиеся победоносно для России и ее союзников — Австрии, Пруссии, Швеции: генеральное сражение в октябре 1813 года под Лейпцигом («битва народов»); близ селения Кульм в Чехии в августе 1813 года; разгром армии Наполеона и вступление русских войск в Париж (март 1814). Этот, как и другие стихи (см. явл. 1, ст. 27—47), был внесен в сцены второго действия, написанные Грибоедовым, при подготовке полного текста комедии к печати в конце 1817 — первой половине января 1818 г. А. А. Шаховским. Рецензент Z замечал по поводу этого стиха, что слова Лейпциг, Кульм, Париж — «кстати и некстати приплетают ко всякому фарсу», и они «уже ныне от беспрерывного употребления на сцене понизились в цене» (СО. 1818. Ч. 43, № 5. С. 215).

Л. С.

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

(с. 113—150)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Притворная неверность: Комедия в одном действии, в стихах / Пер. с франц. А. Грибоедовым и А. Жандром. СПб.: В тип. Н. Греча, 1818 (ценз. разр. 7 февр. 1818).

Печатается по тексту первой публикации (явл. XII и XIII, переведенные А. А. Жандром, выделены петитом).

Пьеса представляет собой вольный перевод комедии Никола-Тома Барта (Barthe, 1733—1785) «Мнимые измены» (« Les fausses infidélités »). Творческое наследие этого писателя сравнительно невелико и не слишком разнообразно: в нем преобладают комедии, из которых «Мнимые измены» — самая знаменитая. Впервые она была поставлена 25 января 1768 г. во Французском театре и затем давалась там неоднократно; в том же году увидела свет (последующие издания относятся к 1770, 1779, 1818, 1878 гг.). Ж.-Ф. де Лагарп в своем «Лицее» назвал эту комедию «маленьким шедевром»; он отмечал искусное построение и занимательность ее сюжета, удачное противопоставление выведенных в ней характеров (Вальсен — Дормильи, Доримена — Анжелика), благородство ее стиля и красоту стиха, живость и естественность диалога, в котором «отлично уживаются остроумие и правдивость» (*Laharpe J.-F.* Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. T. 7. Paris, 1813. P. 44—45; см. также: *Bonamour, Jean.* A. S. Griboedov et la vie littéraire de son temps. Paris, 1965. P. 156—162).

В России эта комедия Барта обратила на себя внимание еще в 1772 г., когда она появилась, «переложенная на здешние нравы вольным переводом». По обыкновению того времени перевод (изданный анонимно) был сделан в прозе. Действующие лица носили имена Зеновии (Доримена), Клеопатры (Анжелика), Евлампия (Дормильи) и Венедикта (Мондор); Вальсену имя заменял титул (граф). Называлась русская пьеса «Притворная неверность», т. е. так же, как впоследствии озаглавил свой перевод Грибоедов. Это наводит на мысль о знакомстве его с трудом предшественника; однако подобное совпадение могло быть и случайным, самый же принцип «склонения», реализованный и в новом, теперь уже стихотворном, переводе, к началу XIX в. отнюдь не устарел.

Перевод Грибоедова—Жандра пространнее оригинала, по подсчетам Н. К. Пиксанова, на 134 стиха (в оригинале всего 530 стихов).

Молодой вдове Доримене, ее кузине Анжелике, маркизу Вальсену, шевалье Дормильи и Мондору в переводе Грибоедова соответствовали молодая вдова Элединa, ее сестра Лиза, Ленский, Рославлев и Блёстов; Жюли, к которой неравнодушен Дормильи и на которой он, удрученный «мнимой изменой» Анжелики, готов жениться, превратилась в Наташу Вельскую. Место действия у Барта — «в Париже, в доме Доримены», у Грибоедова — «комната в доме Элединой»; упоминание Парижа везде опущено. Вместе с именем возлюбленной Дормильи естественно исчезло и навеянное поэмой Ариосто «Неистовый Роланд» сравнение Дормильи с Роландом, которому изменила, а точнее — которого отвергла жестокосердая Анжелика (явл. 7). Наконец, фраза из неназванной оперы, которую напевает Мондор (явл. 8), заменена небольшим фрагментом сходного содержания (в переводе П. А. Корсакова) из оперы Николо-Изуара «Жоконд», хорошо известной русской публике тех лет.

Однако «склонением на русские нравы» вольность грибоедовского перевода не исчерпывалась. Так, в нем, по сравнению источником, осталось довольно мало сценических ремарок; заключительные строки явл. 4 отошли к явл. 5; сильно отличался от исходного текст монолога Блёстова о способах «пленять женщин»: Мондор использует для этого свое умение польстить их самолюбию и возбудить их ревность, свое богатство, разного рода увеселения, даже своего повара; между тем Блёстов «в жизнь для этого не делывал ни шагу», победы над женщинами доставались ему легко, а одну из них он одержал благодаря следствию тяжелой болезни — бледности лица. Существенную трансформацию претерпела в переводе Грибоедова и стилевая манера Барта: стих русской пьесы — несравненно более подвижный и живописный, а язык — более выразительный и близкий к разговорной речи.

Грибоедов в письме к С. Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г. из Петербурга в Москву сообщал: «Посылаю тебе „Притворную неверность” два экземпляра, один перешли Катенину. Вот видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя.— При отъезде моем в Нарву Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и XIII-я; остальное с того места, как Рославлев говорит: *я здесь, все слышал и все знаю,* я сам кончил. Впрочем, и в его сценах есть иное мое, так, как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу; он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих. Эту комедийку собираются играть на домашних театрах; ко мне присылали рукописные экземпляры для поправки; много пере-

врано, вот что заставило меня ее напечатать». О начале работы над переводом известно из письма к П. А. Катенину от 19 октября 1817 г., где Грибоедов говорит, что «отдает» Е. С. Семеновой для бенефиса « Les fausses infidélités ». Значит, Грибоедов считал себя основным и главным автором переведенной пьесы, хотя указал и на участие Жандра. Письмо к Катенину позволяет датировать начало работы над комедией приблизительно сентябрем — октябрем 1817 г., поскольку ранее, в письме к Бегичеву от 4 сентября, Грибоедов сообщал о работе над сценами «Своей семьи» и ни словом не обмолвился о «Притворной неверности». Н. К. Пиксанов полагал даже, что к 19 октября 1817 г. «Грибоедов, по-видимому, только еще наметил пьесу для перевода — и заглавие приводится по-французски» (ПССП. Т. I. СПб., 1911. С. 296). Вероятно, все же к этому моменту перевод далеко продвинулся, и автор мог уверенно заявить, что отдает пьесу для бенефиса.

Первый отзыв о пьесе в печати принадлежал, по всей вероятности, Н. И. Гречу, хорошо знавшему обоих молодых авторов. В разделе современной библиографии журнала «Сын Отечества» (1818. Ч. 45. № 19. 10 мая. С. 263) он писал: «Смело можем рекомендовать перевод сей любителям поэзии! Он очень хорош: свободен, чист, благороден, приятен. Известно, сколь трудно переводить с *разговорного* французского языка на книжный русский. Тем более честь победителям! Читая „Притворную неверность", забываешь, что это перевод.— Заметим при сем случае одно обстоятельство в переводе комедии. Переводчики «Притворной неверности», по примеру некоторых других новейших писателей, дали почти всем действующим лицам своим имена русские, заимствованные от собственных имен русских городов, рек и пр. (напр., Рославлев, Ленский и т. п.). По нашему мнению, они весьма хорошо поступили в сем случае. Несносно слышать на театре имена и обороты, чуждые обыкновенному общественному разговору и совершенно разрушающие очарование... Мы пойдем еще далее, спросим: почему нельзя на театре, по древнему отличительному русскому обычаю, называть людей по имени и отчеству? — Доныне это было в обыкновении в одних фарсах: для чего не ввести того же в благородную комедию? Это не так трудно: стоит отличному писателю показать в том пример». Греч (напечатавший комедию в своей типографии) здесь же в сноске рекомендовал: «Продается у книгопродавцев Слениных у Казанского мосту и при входе в театр по 2 р. экз.». Через месяц, после третьей постановки на петербургской сцене, появилась и рецензия (за подписью «К») в газете «Русский инвалид».

В 1823 г. после выхода в свет статьи А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда на 1823 год») разгорелась полемика с ним А. А. Жандра, который

отнес замечание Бестужева о «пестроте в слоге» «многоручного перевода» «Притворной неверности» на свой счет (см.: СО. 1823. № 9, 12, 15, 16; об этой полемике см.: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983. С. 141—143). «И как,— возражал Жандр,— г-н Бестужев мог заметить эту пестроту, когда те люди, которые пишут в наше время лучшие комические стихи, никогда не могли отгадать, которые сцены переводил Грибоедов и какие Жандр» (СО. 1823. № 9. С. 71—72).

Резко полемическую оценку достоинств переводной комедии дал постоянный оппонент Грибоедова в 1820-е гг. А. И. Писарев в своей эпиграмматической сатире «Певец на биваках у подошвы Парнаса» (1825): по его мнению, Грибоедов «преневерно перевел „Притворную неверность"...» (Библиогр. записки. 1859. № 20. Стлб. 616). Эта оценка отнюдь не выражала общего мнения. «Заметим,— писал позднее Кс. Полевой,— что стихи в „Притворной неверности" удивительно хороши и они долго поддерживали на сцене пьесу, впрочем, очень обыкновенную» (Горе от ума 1839. С. XVI).

В «Притворной неверности» Грибоедов закрепил и развил навыки комедийного письма. Вполне традиционная сюжетная схема и четко противопоставленные в психологическом отношении персонажи французской пьесы привлекали его возможностью еще раз после «Молодых супругов» обратиться к изображению типических ситуаций светской жизни, к молодым современникам.

Страстность Рославлева, способного увлечься и потерять голову, ироническая наблюдательность рассудительного Ленского у Грибоедова стали не просто переводными «клише»: в обрисовке этих фигур воплотились непосредственные жизненные впечатления автора — ровесника своих героев, сама действительность актуализировала два этих психологических типа в среде передовой дворянской молодежи преддекабристской поры, наконец, соединение этих черт было свойственно натуре самого поэта-драматурга. Отказавшись от «маски» комического ревнивца, Грибоедов делает Рославлева привлекательным по многим его свойствам; Ленский же импонирует не холодными остротами, а остроумными «заметами», ясностью ума. Монологи Рославлева близки местами к пафосу речей Чацкого, его влюбленность находит выражение в лирических пассажах, напоминающих вдохновение влюбленного героя «Горя от ума». «Удачным в комедии Грибоедова является и по-своему проработанный характер Блёстова. <...> Здесь уже намечен облик одного из «бульварных лиц», которого «у нас ругают Везде, а всюду принимают»» (Грибоедов в Петербурге. С. 50). Однако и проблематика, и зарисовки современных нравов, и типажные социально-психологические обобщения ограничены жанровыми принципами ко-

медии «легкой», «салонной». Главная забота автора при переводе-переделке французской пьесы состояла в том, чтобы динамически развивающаяся интрига, столкновение характеров, интересов, персонажей обрели соответствующий стиль — ясный, легкий, подвижный, энергичный стих, афористичность речевых формул, возникающих в быстром обмене репликами, построенных на семантических и интонационных оппозициях.

Первая постановка «Притворной неверности» состоялась на сцене Большого театра в Петербурге 11 февраля 1818 г., в один вечер (бенефис Е. С. Семеновой) и после «Семелы» Шиллера в переводе А. А. Жандра, сделанном по прозаическому «подстрочнику» Грибоедова. Роли исполняли: Элединa — М. И. Валберхова; Лиза — А. М. Брянская (с 1819 г. роль Лизы исполняла А. И. Колосова); Рославлев — Я. Г. Брянский; Ленский — И. И. Сосницкий; Блёстов — А. Н. Рамазанов. По оценке П. Арапова, эта «пьеса очень игрива; требует обдуманного исполнения; была разыграна отчетливо» (Арапов. С. 263).

Затем постановка возобновлялась 16 февраля, 6 июня, 27 августа, 12 декабря 1818 г. Отдельные спектакли шли по 2—3 раза почти ежегодно вплоть до января 1836 г., после чего пьеса надолго, фактически навсегда, выпала из репертуара петербургского театра. Лишь в августе — сентябре 1894 г. она пять раз давалась на сцене Александринского театра. В Москве пьеса поставлена впервые 3 сентября 1818 г. в бенефис Е. Я. Воробьевой-Сосницкой (на спектакле присутствовал Грибоедов) и повторена 23 сентября; затем шла в 1821, 1822, 1824 гг., последний спектакль был дан 21 апреля 1827 г., в период пребывания в Москве автора. Общее количество спектаклей на сценах петербургского и московского театров невелико (39), среди всех ранних комедий Грибоедова она оказалась наименее репертуарной. Но в домашних театрах, на любительских спектаклях «Притворную неверность», как и другие пьесы Грибоедова, ставили едва ли не чаще. Ее популярность среди дворянской молодежи подтверждается диалогом из комедии Н. И. Хмельницкого «Нерешительный» (1820):

— Да, он со мной играл «Притворную неверность»
И ясно доказал... чувствительность свою.
— А мы играли с ним при вас «Свою семью».

В декабре 1820 г. пьеса была поставлена в Орле, в крепостном театре графа Каменского (см.: *Гераков Г.* Продолжение путевых записок. СПб., 1830. С. 122). В период 1818—1821 гг. она игралась в Полтавском вольном театре (см.: История русского драматического театра. Т. 2. М., 1977. С. 411). 30 августа 1828 г. постановкой

«Притворной неверности», шедшей вместе с водевилем А. А. Шаховского «Феникс, или Утро журналиста» и интермедией «Запорожцы», было ознаменовано открытие нового петербургского театра в здании цирка у Симеоновского моста (см.: *Дмитриев Ю.* Русский цирк. М., 1953. С. 63).

Ставилась пьеса и в конце XIX в.— см. рецензию в «Северном вестнике» (1894. № 10. С. 53—57).

«В подражание этой комедии,— писал о «Притворной неверности» П. Арапов,— г. Жемчужников (имеется в виду А. М. Жемчужников.— *Ред.*) сочинил в позднейшее время комедию в стихах „Странная ночь", в которой тоже выведен старый оригинал франт, являющийся к новобрачным; но эта комедия, по неестественному расположению сцен и по слабым стихам, значительно уступает комедии „Притворная неверность"» (Арапов. С. 263).

Явл. II. Ст. 127. *Мы на учтивостях — и более никак.*— Учтивость — «вежливость в словах, в поступках, в обхождении, воспитанием приобретаемая» (Акад. словарь. Ч. VI). Ср.: «Учтивиться с кем, чиниться, обиноваться, стесняться, из светского приличия» (Даль. т. IV).

Явл. IV. Ст. 217. *Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет славить.*— Славить — здесь: рассказывать, разносить слухи о ком или о чем. Ср. в «Горе от ума»: «Безумным вы меня прославили всем хором» (д. IV, явл. 14).

Явл. VI. Ст. 311—313. *Макао начался* ~ *Меня упрятали покаместь за бостон...*— Макао — несложная, однообразная игра (хотя при азарте в ней можно было сильно проиграться); эта игра не требовала сосредоточения внимания, памяти, сообразительности, число игроков — от двух до десяти и более. Поэтому Блёстов мог продолжать во время игры флиртовать с Элединой и смеяться над Рославлевым. В бостоне же, игре в составе четырех игроков, где каждый имеет трех противоиграющих, со множеством правил и усложнений (игра могла длиться почти три часа), необходимо глубокое и молчаливое сосредоточение.

Явл. VIII. Ст. 408. *А он без милости уверен был в себе* — уверен окончательно, без сомнения. Ср.: «Безмилостивно... Немилосердно, безжалостно» (Акад. словарь. Ч. I).

После ст. 418. *(Уходя, поет из «Жоконда».) «В печали, в огорченьи, Всегда любовники грустят в уединеньи».*— «Жоконд, или Искатели приключений» — комическая опера в 3-х действиях композитора Николо Изуара (Nicolo Isouard, 1775—1818), относится к

числу лучших его произведений; написана и поставлена в Париже в 1814 г. по пьесе Ш.-Г. Этьена и сразу обрела популярность. На русский язык она была переведена П. А. Корсаковым, и 26 января 1815 г. на сцене Малого театра в Петербурге состоялась премьера. «Жоконд», по свидетельству В. М. Самойлова, вызвал «большое к себе сочувствие в публике. Целый месяц только и говорили в Петербурге о „Жоконде, или Искатель приключений". <...> Много толков и распрей происходило за „Жоконда" между журналами; находили некоторые, что пьеса безнравственна и что не следовало бы ее представлять на театре; другие, напротив, радовались такому появлению». По воспоминаниям П. А. Каратыгина, арию Жоконда «Любовник оскорбленный бежит от глаз неверной...» распевали на улицах Петербурга (см.: Арапов. С. 235).

В период работы Грибоедова над комедией «Притворная неверность» постановка оперы была возобновлена (с апреля 1817 г.). На второй после возобновления спектакль (22 августа 1817 г.) откликнулся в своем обозрении театрального репертуара М. Н. Загоскин: «Публика приняла в сей опере с восторгом любимого своего актера, который после долгого отсутствия показался в первый раз в роли Жоконда. Несколько минут продолжались рукоплескания зрителей...» Опера давалась также 10 сентября и 26 октября 1817 г. (см.: СН. 1817. Ч. 1. № 9. С. 293; № 12. С. 389; Ч. 2. № 18. С. 143), т. е. она шла и через неделю после письма Грибоедова к П. А. Катенину, в котором сообщается о работе над «Притворной неверностью».

Жоконд — тип соблазнителя, светского баловня, бесконечно занятого любовными похождениями, своего рода Дон Жуан, нравственное кредо которого раскрывается в обширном рондо (№ 3) в самом начале оперы:

По свету долго я скитался;
Любить, вздыхать не преставал:
То за белянками гонялся;
То вдруг смуглянок обожал;
С француженкой бывал болтливым,
А с англичанкою стыдливым,
И в каждом месте, где бывал,
С землей я нрав переменял... и т. д.

(См.: Жоконд, или Искатель приключений... СПб., 1816. С. 7—8.)

Влюбившись в Камиллу, Жоконд решает остановиться («Камилле я поклялся верным быть»), но сначала проверить искренность ее чувства. Как и в «Притворной неверности» и во множестве других пьес, здесь разыгрываются ситуации взаимных подозрений, обманов с переодеваниями, легких интриг, в которых участвуют две пары: король Астольф — Жоконд, графиня Матильда — Камилла.

Мотив «притворной неверности» Матильды Астольфу и Камиллы Жоконду снимается в итоге комического любовного приключения мужской пары (объявившей «войну неверным») с прекрасной крестьянкой Анетой. Подозрительных «трубадуров» берут под стражу, и здесь наступает для Жоконда момент отрезвления и задумчивости. «...Вероломная! и все еще любезная Камилла!.. Напрасно стараюсь я истребить ее из мыслей моих; очаровательный ее образ везде меня преследует». Это размышление и выливается в романс, столь популярный среди театралов 10-х гг. XIX в.:

Любовник оскорбленной
Бежит от глаз неверной,
Желает ей отмстить,
Навек ее забыть;
Другим в любви клянется,
Измене предается:
Но прежняя любовь
Приводит к милой вновь!

Увы! не в нашей власти
Забыть всю прелесть страсти,
Приятна в жизни сей
И память красных дней!
Забыть о них напрасно
Желает сердце страстно:
Нас прежняя любовь
Приводит к милой вновь.

(Жоконд... С. 74—75)

На эту ситуацию и намекает Блёстов, не без оснований находя общее в том, что происходит в доме Элединой, с популярной комической оперой. Включение романса из «Жоконда» (в цитировании его не было нужды) несет ту же функцию, что и введение романса Эльмиры в комедию «Молодые супруги» (см. выше, с. 396). Ситуация романса Жоконда спроецирована на взаимоотношения Рославлева и Лизы, отчасти Ленского и Элединой и так же предвещает развязку искусственных осложнений. Не случайно и то, что романс Жоконда исполняет Блёстов — сорокалетний франт и жуир, не расстающийся до самого конца пьесы с «жокондовскими» привычками и взглядами (см. его заключительную реплику). Во всех изданиях (после 1818 г.) ремарка Грибоедова и следующие за ней слова, набранные не петитом, а в продолжение стиха, были понятны и печатались неверно — как цитата из оперы. На самом деле таких слов в «Жоконде» нет ни в романсах и рондо, ни в прозаической части текста. Блёстов намекает на сходство душевных состояний опечалившегося Рославлева и загрустившего в одиночестве под ночным небом, охраняемого стражниками Жоконда:

В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уединеньи.

Прерыв течения александрийского стиха длится, по ремарке Грибоедова, столько времени, сколько займет уход со сцены напевающего из «Жоконда» Блёстова.

Явл. X. Ст. 507. *Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет* — т. е. нарушить тайну письма, отдать в чужие руки, распространить.

П. З.; Л. С.

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

(с. 151—156)

Автограф неизвестен.

Авторизованный театральный список — ГТБ (I. XVI. 2. 65. №6670—I. II. 6. 32), с первоначальным заглавием «[Бенефис, или] Проба интермедии».

Впервые опубликовано: РВ. 1873. № 9. С. 244—249, в статье В. Родиславского «Неизданные пьесы А. С. Грибоедова».

Печатается по списку.

В Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (С.-Петербург) хранится авторизованный театральный список с первоначальным заглавием: «[Бенефис, или] Проба интермедии», с пометами: «Соч. А. С. Г.»; «Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге на Большом театре ноября 10 дня 1819 года в пользу актера г. Брянского»; «Позволяется. № 15. 16 февраля 1818. Секретарь Соц». Авторизация списка выразилась в следующем: фамилия Бемольской заменена на Диезину, по-видимому, с учетом вокальных данных актрисы; несколько реплик переданы другим персонажам, вероятно, для того, чтобы уравновесить участие в спектакле всех актеров; две поправки, возможно, авторские: «В бенефис [меня] вы не оставьте» (с. 151) и «вот и случай есть, отличись [на масленице]» (с. 154). Карандашные поправки неизвестной рукой принадлежат, вероятно, режиссеру.

Интермедия впервые поставлена после драмы «Волшебница Сидония», «в ней участвовали все первые оперные актеры» (Арапов. С. 289). Участниками спектакля были: М. В. Величкин,

И. И. Сосницкий, А. Н. Рамазанов, В. В. Боченков, Е. С. Сандунова. По мнению И. Н. Медведевой, отсутствие в афише имени композитора указывает на то, что и музыка была сочинена Грибоедовым (см.: Грибоедов 1967. С. 498).

Обратившись в конце 1810-х — начале 1820-х гг. к салонной комедии, Грибоедов не обошел и модный в то время жанр интермедии — комической сценки, вставленной между действиями или между двумя пьесами. «Проба интермедии» исполнялась в конце спектакля и обозначена в подзаголовке как «интермедия-водевиль». Характерной особенностью водевиля является сочетание прозаического диалога со стихотворными куплетами. «Водевилем называли также финал прозаической комедии, когда все действующие лица выходили на сцену и, обращаясь к зрителям, подводили в куплетах итог сценическому действию» (*Гозенпуд А.* О водевиле // Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века: В 2 т. Т. 2. Л., 1990. С. 675 (Б-ка поэта. Большая сер.). Сценка, изображавшая закулисный быт актерской среды, явилась для автора средством продолжения литературной полемики: в ней осмеиваются ремесленнические поделки бездарных авторов, стандартные сюжеты и названия пьес («Пирушка на Оке», «За Окой гулянье»).

Проба — репетиция.

Д. К.

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

(с. 157)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 82—83, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Дополнительную информацию о содержании пролога, а также о времени и обстоятельствах работы над ним Грибоедова предоставляют воспоминания С. Н. Бегичева: «Из планов будущих своих сочинений, которые он мне передавал, припоминаю я только один. Для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 года, располагал он написать в стихах пролог в двух актах, под названием „Юность Вещего”. При поднятии занавеса юноша-рыбак Ло-

моносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз, которые призывают его, и наконец весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправляется он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса во втором акте Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади. Далее я не помню. Слух об его комедии распространился по Москве, он волею и неволею читал ее во многих домах. Сначала это льстило самолюбию молодого автора, а потом ужасно ему наскучило и отняло у него много времени. Пролога написать не успел, а театр открылся» (Воспоминания 1980. С. 29).

Свидетельству Бегичева о времени работы Грибоедова над «Юностью Вещего» можно доверять лишь отчасти. Открытие Большого Императорского (Петровского) театра в Москве, с нетерпением ожидавшееся театральными кругами, состоялось только 6 января 1825 г. Грибоедов пробыл в Москве до конца мая 1824 г., причем осенью 1823 г. наряду с «Горем от ума» внимание его занимает и работа над водевилем «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Вместо «Юности Вещего» на открытии Большого Императорского театра был представлен пролог М. А. Дмитриева «Торжество Муз» (М., 1824), цензурное разрешение на который получено 23 августа 1824 г. Все это позволяет расширить предполагаемые хронологические рамки грибоедовского пролога до мая 1824 г. По замечанию Д. А. Смирнова, отрывок «Юность Вещего» существовал в Черновой тетради в двух редакциях: в черновой — в начале тетради, к которой примыкали и фрагменты плана, и в беловой — в самом конце ее, содержащей только стихотворный текст. Это примечание вызвало предположение С. А. Фомичева о том, что, «отказавшись от замысла двухактной пьесы, Грибоедов обработал написанный им текст и переделил его в качестве законченного стихотворения» (Грибоедов 1988. С. 687).

Лирическая интерпретация сюжета о блистательной судьбе юноши-рыбака Ломоносова в русской поэзии связана с традицией сентименталистской прозы М. Н. Муравьева, Н. М. Карамзина, М. Н. Баккаревича. Эталоном для поэтов 10—20-х гг., обращавшихся к этому сюжету, стало «Послание к И. М. Муравьеву-Апостолу» К. М. Батюшкова (1815). Грибоедов заимствует традиционную экспозиционную формулу мальчика-рыбака посреди Ледяного моря, детали декораций условного севера, контрастное сопоставление юг — север. Ср. у Батюшкова:

Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиерид?
Нет! Нет! И в севере любимец их не дремлет...
Близ Колы пасмурной, средь диких рыбарей
В трудах воспитанный уже от юных дней
Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный.
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи расстилал по новым берегам.

Вместе с тем пафос Грибоедова полемически заострен против сентименталистской трактовки лирического образа Ломоносова. Если традиционно этот сюжет представал примером гармонического разрешения конфликта гения и общества, человека и среды, то Грибоедов превращает его в романтический символ вечного конфликта, предопределенного роком, «уставами судьбы».

Традиция драматического пролога, сложившаяся в XVIII — начале XIX в., предполагала прежде всего аллегорическое действие, построенное на аллюзиях к событию, вызвавшему его возникновение. Вместе с тем пролог всегда нес в себе программные установки, призванные определять будущую деятельность лица либо учреждения, которому он посвящался. Грибоедов, следовательно, отказываясь в своем прологе от аллегорического оформления акта открытия театра, выдвигает мотивированную личной эстетической программой романтическую коллизию гения среди чуждого мира, трагического разрыва идеальной сферы природы и законов человеческого общества («Не так между людьми») как манифест и символ нового театра.

Фрагменты плана пролога, дошедшие до нас, содержат сигналы важнейших для Грибоедова тем высшего избранничества героя и отношений России и Запада. Интересно, что сам акт призвания юноши Ломоносова и указание ему пути на Запад — «весть о вечерних странах» — связывается драматургом с соловецкой обителью, героем-«богомольцем», с церковью, воспринимавшейся им как средоточие народной жизни.

В замысле пролога сочетаются романтическая фантастика и контуры реальной биографии Ломоносова: разлад юноши с отцом, побег из родного дома — хорошо известные по биографической статье М. И. Веревкина, переиздававшейся во всех собраниях сочинений Ломоносова. Возможно, «пустынный остров» и «скорбь отца» в набросках плана пьесы также связаны с анекдотом, приводимым Веревкиным: Ломоносов на обратном пути из Германии увидел во сне тело отца, выброшенное волнами на берег острова, на который они некогда были занесены бурею. Анекдот этот вошел к тому време-

ни в литературу в художественной обработке К. Н. Батюшкова (статья «О характере Ломоносова») и В. К. Кюхельбекера («К брату»).

Есть основания предполагать, что идеи грибоедовского пролога как романтического манифеста вызвали резкое неприятие со стороны дирекции московских театров — директора Ф. Ф. Кокошкина и его ближайшего круга, прежде всего М. А. Дмитриева и А. И. Писарева. Не исключено, что незаконченность замысла Грибоедова объясняется именно этим, а не одной нехваткой времени.

В прологе М. А. Дмитриева «Торжество Муз», открывшем новый театр, обращают на себя внимание упоминания Ломоносова и ряд деталей, близко напоминающих поэтическое вступление Грибоедова. Имя Ломоносова становится у Дмитриева символом гармонии поэта и века, которая соседствует с социальной сатирой в комедии, в чем нетрудно усмотреть скрытые упреки Грибоедову, повторенные вскоре в печатном выступлении М. Дмитриева в «Вестнике Европы».

Реакцией на открытие Петровского театра, широко освещавшееся в прессе, явилась, возможно, публикация Грибоедовым в «Полярной звезде» «Отрывка из Гёте», сатирически представлявшего ситуацию открытого театра «директора» и «весельчака» — антагонистов «Поэта».

«Юность Вещего» — это первый из замыслов его исторических пьес. Формула поэтического зачина, открывающая душевное состояние юноши Ломоносова, была впоследствии перенесена драматургом в подробный план трагедии «Родамист и Зенобия»: «Родамист... доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвой вепрей и серы».

В целом поэтический фрагмент «Юность Вещего» — яркий романтический демарш, утрированно подчеркнутый скоплением примет высокого стиля: архаизацией лексики, пышными перифразами, риторическими вопросами, обильными восклицаниями, развернутыми метафорическими сравнениями.

Сохранившиеся ремарка, предваряющая стихотворный текст, и план пролога позволяют отчасти реконструировать его сюжет. Волшебный сон отрока-рыбака, по-видимому, открывал сценическое действие, что было следствием традиции, предполагавшей аллегорическое действие в основе пролога. С другой стороны, Олимп и явление муз воссоздают характерные для поэтики Ломоносова одические формулы видений:

Какой бодрит меня и луч, и жар, и шум
И гонит в скорости смущенных тучу дум?
С прекрасной высоты, с великого Парнаса
Наполнился мой слух пронзающего гласа.
Минерва, Аполлон и девять сестр зовут
И нудят совершить священный спешно труд:
«Ты хочешь в землю скрыть врученно смысла злато?
Мы петь тебе велим; и что велим, то свято».

(*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1959. С. 707).

Широкое привлечение Грибоедовым сверхъестественных персонажей, пророческих видений, определяющих поведение героя, позволяет предполагать, что ремарка «Скорбь отца» может также скрывать элементы чудесного. В академической биографии Ломоносова есть такой эпизод: «На возвратном своем пути морем в отечество (имеется в виду возвращение Ломоносова из Германии в Петербург в 1741 г.— *Е. В.*) единожды приснилось ему, что видит выброшенного по разбитии корабля отца своего на необитаемом острове в Ледовитом море, к которому в молодости своей был некогда с ним занесен бурею. Сия мечта запечатлелась в его мыслях» (*Веревкин М. И.* Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова // Ломоносов. Сб. 2. М.; Л., 1946. С. 57). Следующий пункт плана — «Нелюбовь». Судя по академической биографии, речь могла идти о неприязни к Михаилу мачехи. Однако Грибоедову мог быть известен и эпизод из отрочества ученого по опубликованным в 1805 г. Н. Озерецковским свидетельствам земляков Ломоносова: когда он «подрос близ двадцати лет, то в одно время отец сговорил было в Коле у неподлого человека взять за него дочерь, однако он тут жениться не похотел, претворил себе болезнь, и потому того совершено не было» (Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 г. Ч. IV. СПб., 1805. С. 229). Ломоносов, отвергая волю отца, вступает тем самым в открытый конфликт с ним, что подготавливает следующую сцену в Соловецком монастыре, куда юноша-«богомолец» приходит за разрешением душевного конфликта. Можно предположить, что замысел Грибоедова здесь отчасти сориентирован на любимую им шекспировскую «Бурю» с ее волшебными аксессуарами, морским островом — обиталищем духов, добрым магом Просперо, который ведет юношу Фердинанда путем испытаний, устраивает фантастическое представление с нимфами и олимпийскими божествами, напоминающее описание Бегичева (см.: Проблемы творчества. С. 145—162).

Ст. 7. *Преслушный* — ослушный, непокорный.

Ст. 14. *...средь Австралии зыбей...*— Упоминанием Австралии косвенно вводится, по-видимому, имя Джеймса Кука (1728—1779),

великого английского мореплавателя, описавшего в 1768 г. побережье Австралии и объявившего ее собственностью Англии. В литературной традиции конца XVIII — начала XIX в. Кук служил образцом гуманного цивилизатора, принесщего плоды европейской культуры диким народам и трагически погибшего от их же рук. Описание его жизни и путешествий не раз издавалось в России с 1780 до 1810 г. В «Описании жизни и всех путешествий славнейшего англинского мореходца капитана Кука» Э. Кипписа (Ч. 1, 2. СПб., 1790) собраны и посвященные Д. Куку поэтические произведения Делиля, Анны Мур и др.

Ст. 15. *Иль в Севера снегах...*— Пейзаж России в произведениях Грибоедова всегда северный, снежный (см.: *Фомичев С. А.* Семантика русского пейзажа в произведениях Грибоедова // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 302—307); это след просветительского представления о климате как о факторе, в зависимости от которого складывается судьба нации. Ср. также в этюде Д. Юма (одного из почитаемых Грибоедовым философов) «О национальном характере»: «Лорд Бэкон заметил, что жители Юга изобретательнее жителей Севера, но, если уроженец холодного климата гениален, он поднимется на бóльшую высоту, чем та, которая может быть достигнута южными умами» (*Юм Д.* Соч. Т. 2. М., 1968. С. 715).

Ст. 23. *Ловитва* — охота.

Е. В.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

(с. 158—192, 350—369)

Автограф куплетов «Любит обновы...» — ГЦТМ (№ 157308), в альбоме А. Н. Верстовского.

Списки:

Авторизованный Московский суфлерский список (МСС) — РГБ (Ф. 451. К. 1. № 1); Петербургский цензурный список (ПЦС) — ГТБ (I. XX. 2.86. № 7477); Петербургский театральный список (ПТС) — ГТБ (I. IV. 2.86. № 1775); партитура музыки А. Н. Верстовского с текстами куплетов и романсов — Центральная нотная библиотека в Санкт-Петербурге (№ 17113) и библиотека Московской консерватории (№ 2713).

Впервые опубликовано: Куплеты и романсы — Дамский журнал. 1824. № 3. С. 109—111 («Молодость, как струйка...», «Пускай

сердечным суевером...»); № 5. С. 201 («Бар и барынь все бранят...»); ВЕ. 1824. № 5. С. 76 («Любит обновы...»); Новости литературы. 1824. № 6. С. 94 («Жизнь наша сон! всё песнь одна...»); Мнемозина. 1824. Ч. 1, 2. Приложение («Когда в нас сердце признаёт...», «Любил бы, может быть, и я...» — ноты с текстом). Отрывки — РВ. 1873. № 9. С. 233—268, в статье В. Родиславского «Неизданные пьесы А. С. Грибоедова». Полностью — ПССШ. Т. II. С. 345—393, по ПТС; ПССП. Т. I. С. 213—253, по ПЦС.

Печатается по Петербургскому цензурному списку (ПЦС) с исправлением явных ошибок по Московскому суфлерскому списку (МСС), с уточнением текста куплетов «Любит обновы...» по автографу и нескольких куплетов по тексту Центральной нотной библиотеки в Петербурге. Тексты П. А. Вяземского набраны петитом.

Опера-водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» на музыку А. Н. Верстовского создавалась Грибоедовым в соавторстве с П. А. Вяземским в конце 1823 г. Работа могла быть начата в сентябре 1823 г., когда Грибоедов вернулся в Москву из имения Бегичева Дмитровского, и продолжалась до декабря 1823 г., когда были написаны тексты последних романсов, а в начале января 1824 г. получено цензурное разрешение. На титульном листе ПЦС обозначено: «Кто брат? кто сестра? или Обман [один из тысячи] за обманом. Новая опера-водевиль в 1-м действии. Оригинальное сочинение с хорами и разнохарактерным дивертисментом. Музыка соч. А. Н. Верстовского. Представлять дозволяется. № 14. 10-го генваря 1824 года. Секретарь В. Соц».

Впоследствии П. А. Вяземский рассказывал об обстоятельствах работы над пьесой:

«В первой половине двадцатых годов... директор московского театра Ф. Ф. Кокошкин, с которым находился я в приятельских отношениях, просил меня написать что-нибудь для бенефиса Львовой-Синецкой. <...> Я ему отвечал, что не признаю в себе никаких драматических способностей, но готов ссудить начинкою куплетов пьесу, которую другой возьмется состряпать.

Перед самым тем временем познакомился я в Москве с Грибоедовым, уже автором знаменитой комедии. Я сообщил ему желание Кокошкина и предложил взяться вдвоем за это дело. Он охотно согласился. Мы условились в некоторых основных началах. Он брал на себя всю прозу, расположение сцен, разговоры и проч. Я брал — всю стихотворную часть, т. е. все, что должно быть пропето. Грибоедову принадлежит только один куплет: „Любит обновы Мальчик Эрот...” и проч.» (Воспоминания 1980. С. 81).

Это утверждение, относящееся к 1873 г., не вполне точно. Перу Грибоедова принадлежат здесь и некоторые другие стихотворные тексты. Между прочим, К. А. Полевой в 1839 г. упомянул о «нескольких куплетах и ариях, написанных Грибоедовым для водевиля» (Горе от ума 1839. С. 111). Очевидно, Вяземский, сочинявший куплеты параллельно с прозаической частью, запаздывал со своей работой, и Грибоедов подключился к сочинению стихов.

Сохранился следующий составленный Вяземским перечень сочиненных им куплетов (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1038, подготовлен к печати П. А. Красновым).

1. [Две сестры] Антося, Лудвися — *Молодость, как струйка!*
x 2. Граф — Антося — почтмистрж — *По тракту*
3й. Почтмистрж: *Знать ложен толк в Вас* и *Кровь пол<ьская>*
x 4. Антося — Лудвися: *Какая милая цепочка.— Колечко, я тебя*
x 5. Почтмистрж: *Бар и красавиц все бранят*
6. Князь: *Пускай сердечным суеверам*
x 7. Антося, Лудвися: *Чудак он право своенравной.*
8. Князь — Ант<ося>, Лудвися, Почтм<истрж>: *Скорей! Скорей! лошадей! лошадей!*
⊗ 9. Те же: *Нет, это слишком, признаюсь.*
x 10. Князь: *И сам любил бы, может, я*
x 11. Князь: *Зачем не вспомнить теперь мне*
x 12. Князь: *Восторгов бурных и непрочных*
x 13. Антося — Лудвися: *Каков, скажите, наш больной.*
14. Князь: Ант<ося> — Лудв<ися>: Почтмистрж — *Она друг сирым и убогим.*
15. Антося: *Свет уж видывал не раз.*
16.
17.
x 18. Князь: *Когда в Вас сердце признает*
19.
20.
x 21. Почтмейстер, Ант<ося>, Лудвися: *Судьба прокáзница в насмешку*
22. Пьяный слуга: *Жизнь наша сон! Всё песнь одна.*
23. [Князь: *Скажите, неужель она*]
⊗ 24. Ант<ося>, Лудв<ися> Почтм<истрж>: *Что каково свели концы*
25. Финал

Карандашными крестиками слева отмечены № 2, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 18, 21, 24, уже получившие музыкальную обработку Верстовского, кружками обведены № 9 и 24, идентичные по музыке. Не заполненные в перечне № 16, 17, 19, 20, вероятно, оставлены для

Грибоедова, а № 23 («Скажите, неужель она...») вычеркнут, так как заменен в МСС романсом Вяземского «Скажите, точно ль нежной власти...», в ПЦС грибоедовскими романсами «Ах! точно ль никогда...», а затем — «Неужли никогда в ней кровь...». О соотношении «Перечня» и МСС в связи с разграничением авторства между Вяземским и Грибоедовым в сочинении стихотворных фрагментов оперы-водевиля см. статью С. А. Фомичева в кн.: Творчество, биография, традиции. С. 193—201. «Перечень» Вяземского свидетельствует также о том, что первоначальная редакция пьесы отличалась от окончательной одной существенной особенностью: два главных героя пьесы едва ли вначале мыслились как родные братья (один — князь, другой — граф; рудименты этого остались в некоторых случаях в обоих основных списках, в окончательном тексте один раз не было внесено соответствующее исправление — см. ремарку в конце явления 17; возможно, этим же объясняются позднейшие исправления в ПЦС «двоюродные братья» вместо «родные»).

Не дошедшая до нас рукопись Грибоедова с внесенными в нее куплетами Вяземского была переписана для московской постановки, на титульном листе этого списка имеется помета: «По сей суфлируют. Потребно для сцены. 2 подорожные». Список относится, по всей вероятности, к декабрю 1823 г., так как в это время Грибоедов пишет Верстовскому о продолжении работы с Вяземским и пересылает текст куплетов «Любит обновы...», а 7 января Вяземский уже пишет А. И. Тургеневу: «Я жду водевиль из театральной цензуры». Возможно, для этого в Москве была сделана копия, отосланная в Петербург для прохождения театральной цензуры, тогда как МСС оставлен в Москве, чтобы начать репетиции к приближавшемуся бенефису актрисы М. Д. Львовой-Синецкой. Однако упоминание о двух подорожных может свидетельствовать о пересылке этого списка в Петербург для снятия с него цензурной копии — ПЦС. Затем в Петербурге для подготовки спектакля создан следующий список — ПТС, подвергшийся впоследствии правке одновременно с ПЦС (позднее ПТС скопирован еще раз, но эта копия текстологического значения не имеет).

ПЦС изобилует погрешностями, не до конца исправленными при последующих просмотрах. Один из недосмотров относится к обоим главным спискам — МСС и ПЦС: Рославлев старший первоначально (явл. 2) был обозначен как князь и камергер, затем из опасения цензурных придирок высокий титул был вычеркнут, но в явлении 17 осталось «люди графские», «граф».

Важнейшие различия между МСС и ПЦС состоят в следующем: в ПЦС отсутствуют куплеты «Бар и барынь все бранят...»

(явл. 4) и романс «Любил бы, может быть, и я...» (явл. 10) — возможно, к моменту копирования отсутствовала музыка на эти слова. Романс Рославлева старшего «Зачем теперь не вспомнить мне...» (явл. 11) в МСС записан в составе двух куплетов, в ПЦС — только одного первого.

Прибыв в Петербург в конце мая 1824 г. и начав готовить пьесу к петербургской постановке, Грибоедов внес в текст некоторые изменения. Сокращены пространные монологи в соответствии с правкой МСС; первые шесть строк второго музыкального номера (куплеты Рославлева), в петербургском варианте приписанные почтмистржу, вновь возвращены Рославлеву младшему в соответствии с исправлениями в клавире. Два романса на слова Вяземского вычеркнуты и заклеены листками с текстами Грибоедова: «Спокоен, кто любви лукавой...» (явл. 10) заменен на «Стократ счастли́в, кто разум свой...»; «Не правда ли! уж нас не посетят...» (явл. 22) — на «Любви туман и сумасбродство...». Романс Грибоедова «Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных...» (явл. 22) заклеен в МСС текстом Вяземского «Скажите, точно ль нежной власти...», а в ПЦС — тексто̀м Грибоедова «Неужли никогда в ней кровь...» в составе двух куплетов. Полные тексты всех романсов представлены во втором ПТС, который затем подвергся новой правке одновременно с ПЦС.

В финальных куплетах («Водевиль») зачеркнут куплет Юлии и на обложке записан новый в соответствии с полноценной вокальной партией певицы Монруа (в Москве Львова-Синецкая не пела).

Во всех петербургских списках куплеты «Бар и барынь все бранят...» отсутствуют, но они записаны в обеих партитурах — московской и петербургской.

Московская партитура содержит всего 6 номеров, в петербургской имеется музыка с текстами ко всем куплетам литературного текста (подробнее см. об этом: *Войнова А. В.* Верстовский и его опера-водевиль «Кто брат, кто сестра» // Верстовский А. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом: Опера-водевиль в одном действии. Текст А. Грибоедова и П. Вяземского / Лит. редакция Н. Пиксанова; Вступ. статьи Н. Пиксанова и А. Войновой. М.; Л., 1949. С. 21).

Петербургская партитура содержит не только музыкальный, но и литературный текст оперы-водевиля, который кое-где уточняет текст ПЦС (например, вариант куплетов «Жизнь скучным трактом мне казалась...» — явл. 1, куплеты «Бар и барынь все бранят...» — явл. 4, «Зачем теперь не вспоминать мне...» — явл. 11). Однако некоторые изменения в партитуре приспособлены к мелодии или к составу исполнителей и не могут рассматриваться как литературный вариант (например, перераспределение куплетов между Анто-

сей и Лудвисей, Рославлевым и Чижевским и т. д. — см.: *Верстовский А*. Кто брат, кто сестра... С. 155—157).

Опера-водевиль поставлена впервые в Москве — 24 января 1824 г. в театре на Моховой (см.: МВед. 1824. № 6) без успеха: «...если пьеса не совершенно пала, то разве оттого, что на официальной сцене пьесы падать не могут»,— писал впоследствии Вяземский (Воспоминания 1980. С. 81). Спектакли повторились еще три раза: 29 января, 5 и 16 февраля. Критика встретила их недоброжелательно (см.: ВЕ. 1824. № 5, март. С. 76—78). Водевиль послужил поводом к критической и эпиграмматической полемике между его авторами, с одной стороны, и их литературными противниками М. А. Дмитриевым и А. И. Писаревым — с другой.

Первые петербургские постановки пьесы состоялись 1, 7 и 11 сентября 1824 г. По свидетельству П. А. Арапова, «этот водевиль, очень ловко и игриво написанный, имел успех» (Арапов. С. 358).

Таким образом, хотя позднейшие воспоминания Вяземского говорят о «падении» пьесы (см.: Воспоминания 1980. С. 81), очевидно, что по крайней мере в Петербурге она пользовалась успехом у театральной публики и вошла в число популярных в то время опер-водевилей как типичный образец этого жанра (подробный историко-литературный анализ этого произведения см. в кн.: *Верстовский А*. Кто брат, кто сестра...).

Работа над музыкальной пьесой сблизила творчески и дружески трех соавторов — А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского и А. Н. Верстовского, каждый из которых имел уже достаточный опыт сочинения подобных произведений, преимущественно на заимствованные переводные сюжеты. Вяземский, вопреки собственному утверждению об отсутствии «драматических способностей», был переводчиком с французского одноактной комической оперы «Певец и портной» (1820) и комедии-водевиля Э. Скриба «Бальдонские воды» (1824); Верстовский к тому времени стал уже признанным композитором-водевилистом (дебютировал в 1819 г.), и пьеса Грибоедова — Вяземского стала для него этапной как «первый оригинальный водевиль» (*Войнова А. В.* Верстовский и его опера-водевиль «Кто брат, кто сестра» // Верстовский А. Кто брат, кто сестра... С. 13).

Для Грибоедова это было последнее обращение к легкой драматургии после «Молодых супругов» (1815), «Студента» (1817), «Своей семьи...» (1817), «Притворной неверности» (1818) и «Пробы интермедии» (1818), написанных преимущественно также в соавторстве с другими литераторами.

Сюжет «Кто брат, кто сестра...», как указывает Н. К. Пиксанов, «сочетает в себе два излюбленных приема: „роман на большой дороге" и „водевиль с переодеванием"» (*Пиксанов Н. К.* Грибоедов

и Вяземский — соавторы пьесы // Верстовский А. Кто брат, кто сестра... С. 9). Не случаен, по мнению Пиксанова, выбор места действия — почтовый двор: «Для водевиля и легкой комедии почтовая станция становилась излюбленной площадкой, на которой разыгрывались перипетии сценической интриги. <...> Вот для примера несколько названий: Р. М. Зотов. Приключение на станции, или Который-то час? Водевиль; — М. Н. Загоскин. Роман на большой дороге. Комедия; — Н. П. Греков. Еще роман на большой дороге, или Чему быть, тому не миновать. Водевиль» (там же). О польском колорите Вяземский пишет в своих воспоминаниях: «Незадолго перед тем возвратился я из Варшавы. В память пребывания в Польше предложил я Грибоедову перенести место действия в Польшу и дать вообще лицам и содержанию польский колорит. Каюсь,— двум девицам, участвующим в пьесе, дал я имена *Антося* и *Лудвися* в честь двух варшавских сестер-красавиц, которых можно было встретить на всех гуляниях, на всех спектаклях, одним словом,— везде, где можно было на людей посмотреть, а особенно себя показать» (Воспоминания 1980. С. 11). Память о пребывании в Польше должна была сохраниться и у Грибоедова со времени войны 1812 г.

Традиционна для водевиля и цепочка обманов с переодеванием — эпизоды, полные комических ситуаций.

Хлопоты о постановке пьесы и ее несостоявшейся публикации отражены в переписке Вяземского с А. И. Тургеневым (см.: Ост. арх. Т. III. С. 5). Опасения Вяземского о возможных придирках театральной цензуры не оправдались, и водевиль был пропущен «без перемен» (там же. С. 5). Однако не сбылись и надежды на публикацию текста отдельной брошюрой («...напечатать нужно будет, потому что ее, верно, убьют в игре»,— писал Вяземский Тургеневу): опера-водевиль увидела свет лишь через много лет после смерти ее основного автора — Грибоедова.

На сцене же пьеса изредка появлялась вплоть до последних лет. В 1990-х гг. она ставилась в петербургском Драматическом театре на Литейном и в Смоленском драматическом театре.

С. 160. *С будущими* — почтовый термин: запись в подорожную будущих спутников.

С. 161. *Открытый лист* — незаполненная подорожная.

Вольные — вольнонаемные лошади.

С. 162. *Нарушевич* Адам (1733—1796) — польский поэт и историк, своими произведениями возбуждал в соотечественниках национальную гордость.

С. 164. *Красицкий* Игнатий (1735—1801) — польский писатель, в своих баснях разоблачал заносчивость и низкопоклонство шляхты.

С. 169. *Подкоморжий* — административная должность в старой Польше, глава шляхетских судов.

С. 171. *Мизогин* — женоненавистник.

С. 181. *Идропическая пухлость* — отек от водянки.

С. 185. *Сускрибент* — подписчик.

С. 188. *Конфедератка* — польская шапка с четырехугольным верхом.

С. 191. *Вини, жлуди* — названия карточных мастей.

Д. К.

<СЕРЧАК И ИТЛЯР>

(с. 193—194)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5, по Черн. тетр., под загл.: «Три монолога».

Печатается по тексту первой публикации.

Отрывок извлечен Д. А. Смирновым из Черновой тетради, где помещался (без заглавия) «между страницами отрывок (отрывков.— *Ред.*) из „Грузинской ночи"» (РСл. 1859. № 5. С. 77). В дальнейшем печатался под разными произвольными заглавиями («Диалог половецких мужей», «Отрывок трагедии о времени Святополка Изяславича»). Заглавие «Серчак и Итляр» впервые принято В. Н. Орловым в изд.: Грибоедов 1940.

Датируется приблизительно 1825 г. на основании воспоминаний А. Н. Муравьева о том, что в августе 1825 г. в Крыму Грибоедов рассказывал ему план задуманной трагедии «Федор Рязанский», «равно как и другой трагедии, из которой помню одну лишь сцену между половцами, позабыв ее название» (Воспоминания 1980. С. 114).

В отрывке намечена тема трагедии, связанная с борьбой русских и половцев, широко использованная в поэзии декабристов. Возможно, именно эта тема упоминается в письме В. Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г. из Киева: «Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением» (речь идет, вероятно, о великих князьях киевских Владимире Мономахе и Изяславе Ярославиче,

участвовавших в битвах с половцами). Грибоедов использовал половецкие имена, принадлежавшие реальным историческим лицам: Серчак (Сърчан) — половецкий князь, упомянутый в галицко-волынской летописи XIII в.; Итляр (Итларь) — один из половецких вождей, убитый в Переяславле в 1095 г., после чего его сыновья много раз совершали опустошительные набеги на русские земли.

По мнению С. А. Фомичева, данная сцена могла быть предназначена для упомянутой трагедии о Федоре Рязанском, злодейски убитом во время переговоров с Батыем в 1237 г.: «Город Зарайск, в котором правил Федор, находился близ границ с Черниговскими землями (ср. упоминание в драматическом диалоге рек Трубеж и Десна); в княжеской политике рязанцев половцы играли значительную роль» (Грибоедов 1988. С. 682).

Многие исследователи отмечают в отрывке влияние «Слова о полку Игореве».

Ст. 35. *Корысть* — здесь: добыча, богатства, захваченные у неприятеля.

Ст. 39. *Трубеж и Десна* — притоки Днепра, играли видную роль в торговле и судоходстве Древней Руси, что было причиной борьбы за обладание ими.

Ст. 40. *Бранные* — боевые.

Д. К.

РОДАМИСТ И ЗЕНОБИЯ

(с. 195—200)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 115, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикация Д. А. Смирнова в «Русском слове» сопровождена следующим примечанием: «Эта статейка-проект написана Грибоедовым на двух с половиной вместе, т. е. рядом находящихся в „Черновой" листах, но с таким множеством там и сям существующих пропусков, вставок и выносок, что едва можно было привести ее в такой вид, чтобы она представляла собой нечто последовательное» (с. 115). Реконструкция текста Д. А. Смирновым, равно как и

прочтение им черновой рукописи, не поддаются проверке. Высказывалось вероятное предположение, что в публикации есть ошибки в воспроизведении собственных имен: «Родамист» вместо «Радамист», «Вагаршан» вместо «Вагаршак», «Ассюд» вместо «Ашод» (см.: *Мсерианц Л. З.* К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока. СПб., 1909 // Отд. отт. из Изв. ОРЯС. 1908. Т. XIII, кн. 4. С. 19, 21), а также допущена опечатка: «в мире с парфами» вместо «о мире с парфами». В ПССП собственные имена исправлены по указаниям Л. З. Мсерианца. При отсутствии рукописи все эти исправления, в свою очередь, гипотетичны; все последующие издания, в том числе и настоящее, избегают этих конъектур как недостаточно обоснованных.

Датируется условно, исходя из интерпретации содержания. По гипотезе М. В. Нечкиной, обширный и трудоемкий замысел трагедии не мог разрабатываться параллельно с другими (например, с «Грузинской ночью») и требовал относительно свободного периода времени, какой был у Грибоедова осенью 1825 г. и между летом 1826 (когда он был освобожден от ареста) и летом 1827 г. Содержание плана, по мнению М. В. Нечкиной, указывает на связь замысла с только что подавленным восстанием 14 декабря 1825 г., что заставило ее предпочесть последнюю дату: лето 1826 — лето 1827 г. (см.: *Нечкина М. В.* А. С. Грибоедов и декабристы. 2-е изд. М., 1951. С. 532—537). Эта дата (с некоторыми вариациями) принята и последующими исследователями (В. Н. Орлов, В. А. Бочкарев); лишь Н. К. Пиксанов мельком высказал предположение, что план, возможно, относится к крымскому путешествию Грибоедова 1825 г. (см.: История русской литературы. Т. VI. М.; Л., 1953. С. 141). В новейших критических изданиях принята дата: лето 1826 — июнь 1828 г., когда Черновая тетрадь была передана С. Н. Бегичеву (см., напр.: Грибоедов 1988. С. 684; Грибоедов 1987. С. 505). В последнее время было выдвинуто предположение, что замысел относится к 1824—1825 гг. Окончательное решение вопроса в настоящее время затруднительно.

Историческая канва сюжета о Радамисте и Зенобии содержится в «Анналах» Публия Корнелия Тацита (Tacitus, ок. 55 — ок. 120), где в кн. XII рассказано о событиях 52—63 гг., связанных с борьбой Рима, Парфии и Иберии за овладение Арменией (см. русский перевод: *Тацит К.* Соч.: в 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения. Л., 1969. С. 213—217; далее при ссылках: римские цифры обозначают книгу, арабские — главу). В 51 г. начинается открытая борьба царя Иберии Фарасмана (Фарсмана) с его братом, армянским царем Митридатом, поддержанным римлянами. Наследником Фарасмана был Радамист, юноша, отличавшийся телесной силой, владевший «всеми науками и искусствами» (XII, 44). Опаса-

ясь его популярности, честолюбия и претензий на престол, Фарасман посылает его с тайным поручением к Митридату «под предлогом ссоры с отцом»; ласково принятый дядей, Радамист начинает за его спиной вести интригу, подстрекая вельмож к перевороту, а вернувшись, настаивает на немедленном вторжении. Фарасман дает сыну войско; Митридат укрывается в крепости Горнеях (Гарни) с римским гарнизоном под командованием префекта Целия Поллиона и центуриона Касперия. Поллион подкуплен Радамистом; Митридат, вынужденный сдать крепость, предательски умерщвлен со всей семьей. С помощью подкупленного прокуратора Каппадокии Юлия Пелиги Радамист венчается на армянское царство, но изгнан царем Парфии Вологезом, который прочит на армянский престол своего сына Тиридата. Вологез, однако, покидает Армению из-за холодов и морового поветрия, и в страну «опять вторгается Радамист, еще более свирепый, чем прежде, ибо на этот раз он смотрел на ее обитателей как на изменников, готовых, как только сложатся благоприятные обстоятельства, снова подняться на него мятежом. И действительно, они, сколь ни были приучены к рабству, теряют терпение и с оружием в руках окружают царский дворец. Спасли Радамиста лишь быстрые кони, умчавшие его и жену» (XII, 50—51). Далее Тацит рассказывает драматическую историю Зенобии. «Беременная жена из страха перед врагами и любви к мужу вначале через силу переносила тяготы бегства; но, измученная непрерывною скачкою, от которой сотрясалось ее отягощенное плодом чрево и внутренности, она стала молить Радамиста, чтобы, подарив ей честную смерть, он избавил ее от надругательств плена. Сперва он ее обнимает, поддерживает, уговаривает, то восхищаясь ее целомудрием, то впадая в неистовство при мысли о том, что, если она будет покинута им, ею овладеет другой» (XII, 51). Наконец он пронзает ее мечом и бросает в Аракс, чтобы труп не достался врагам; сам же достигает отцовского царства. Зенобию спасают пастухи, лечат и, узнав ее историю, доставляют к Тиридату, который принимает ее ласково и обращается как с царицей. Рассказ Тацита на этом оканчивается; в кн. XIII (37) он сообщает, что Радамист еще не раз захватывал Армению, но был снова изгнан парфянами и в конце концов умерщвлен своим отцом Фарасманом якобы за предательство (современную интерпретацию событий см.: Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси, 1989. С. 312—315).

Сюжет «Радамист и Зенобия» многократно обрабатывался в европейских литературах XVII—XVIII вв. (см.: *Орловская Н. К.* Грузия в литературах Западной Европы XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1965. С. 59—84); он был положен, в частности, в основу романа Ж. Р. де Сегре (Segrais, 1624—1701) «Береника» (« Bérénice », 1648—

1651), послужившего источником знаменитой трагедии Проспера Жолио де Кребийона (Crébillon, 1674—1762) «Радамист и Зенобия» (« Rhadamiste et Zénobie », 1711). Анализ соотношения трагедии и источника см.: *Орловская Н. К.* Вопросы литературных связей Грузии с Западом. Тбилиси, 1986. С. 41—56. Кребийон свободно контаминировал сюжетные мотивы, сосредоточив внимание лишь на истории Радамиста и Зенобии (Зенобия в трагедии, как и у Грибоедова,— дочь убитого Радамистом Митридата). События, рассказанные Тацитом,— бегство супругов, мнимая гибель Зенобии от меча Радамиста — составляют предысторию, переданную Зенобией (д. I, явл. 1). Самое действие начинается при дворе Фаразмана, а не Тиридата, как у Тацита, куда доставлена Зенобия под именем Исмены. В Фаразмане вспыхивает страсть к пленнице; одновременно чувство к ней зарождается в Арзаме, сыне Фаразмана и брате Радамиста, и Зенобия уже готова ответить ему взаимностью. Тем временем при дворе инкогнито, под видом римского посла, появляется Радамист, спасенный римлянами от воинов Фаразмана, готовившего сыну смерть. Стремясь спасти Исмену-Зенобию от брака с царем, добродетельный Арзам прибегает к помощи псевдоримлянина Радамиста, едва не обнаружившего себя в высокомерной словесной стычке с Фаразманом. Радамист обещает покровительство Исмене; в диалоге с ней (д. III, явл. 5) происходит узнавание. И Зенобия, и Арзам побеждают взаимную любовь во имя долга перед супругом; Радамист побеждает вспыхнувшую ревность. Тем временем Фаразман узнает о переговорах Арзама с римским послом; подозревая измену, он берет сына под стражу и настигает Радамиста, уже совершившего похищение Зенобии. Радамист гибнет от меча Фаразмана, который только тогда узнает, что убил сына. Трагедия заключается сценой раскаяния преступного царя; терзаемый совестью, он соединяет Арзама и Зенобию и отдает первому армянский престол.

«Радамист и Зенобия» Кребийона получила репутацию одной из лучших трагедий на французском языке, поставившей имя Кребийона вслед за именами Корнеля и Расина. На русской сцене она была впервые поставлена 13 декабря 1809 г. в переводе С. И. Висковатова и впоследствии неоднократно повторялась. Перевод этот вышел отдельным изданием в 1810 г. (Радамист и Зенобия: Трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильона. СПб., 1810) и вызвал уничтожающий разбор Жуковского в «Вестнике Европы» (1810. № 22, подпись: «Ж»; см. также: *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 255—264, 397—398, коммент. А. С. Янушкевича).

Грибоедовская трагедия была ориентирована не на Кребийона, а на Тацита, что было формой полемического отталкивания от тра-

диции. По-видимому, в конце акта III Родамист и Зенобия должны были спастись бегством, а в акте IV — произойти события, рассказанные у Тацита: мнимая смерть Зенобии от руки Родамиста. Далее всякие предположения гадательны. Грибоедов воспользовался также и некоторыми источниками по истории Армении и прилежащих стран.

Никаких сведений об истории замысла «Родамиста и Зенобии» не сохранилось. О своем намерении написать трагедию (по-видимому, философско-исторического характера) сразу же по отъезде из Петербурга Грибоедов сообщал С. Н. Бегичеву в июне 1824 г. (см. также: *Пиксанов Н. К.* Грибоедов: Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 307—325). Возможно, проблемы современной трагедии затрагивались в разговорах Грибоедова с В. К. Кюхельбекером, закончившим накануне своих «Аргивян» (1823); трагедия была задумана в общении с Грибоедовым, которому была послана и первая редакция; в 1824 г. Грибоедов и Кюхельбекер встречались и, без сомнения, обсуждали текст. Как и в «Родамисте и Зенобии», в «Аргивянах» ставится проблема народного восстания, тираноубийства и пр. (подробный анализ точек соприкосновения с «Аргивянами» см.: *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов (1816—1825 гг.). Куйбышев, 1968. С. 300—306). Подобно Грибоедову, Кюхельбекер создает свою трагедию на фоне традиции («Тимолеон» В. Альфиери, 1788; Лагарп, М. Ж. Шенье), но возвращается к первоисточникам сюжета (Плутарх, Корнелий Непот) и греческой трагедии, стремясь к точности воспроизведения античного колорита. Одновременно в поле зрения Грибоедова находятся «Андромаха» П. А. Катенина — самостоятельная разработка сюжета, канонизированного Расином, и «Венцеслав» А. А. Жандра — вольный перевод-вариация знаменитой трагедии Ж. Ротру. Последний замысел был прямо вдохновлен Грибоедовым; его теоретическое обоснование дано в статье А. И. Одоевского «О трагедии „Венцеслав", сочинение Ротру, переделанной г. Жандром» (СО. 1825. № 1. Отд. VI. Критика. С. 100—105, подпись «А. О.»), писавшейся в период близкого общения с Грибоедовым (с конца августа 1824 г. Грибоедов с Одоевским жили на одной квартире). Одоевский указывал, в частности, на высокую репутацию трагедии Ротру и на право переводчика на творческую переработку оригинала («...русский стихотворец... с таким же правом, как и сам Ротру, присвоил себе труд испанского автора Францеско до Роксас» — см.: *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л., 1934. С. 249). Замысел «Родамиста и Зенобии» включается в круг этих литературных работ, с которыми его объединяет как выбор для творческой интерпретации канонизи-

рованного классической традицией сюжета, так и отступление от этой последней в сторону приближения к первоисточнику. Дополнительным стимулом замысла мог быть и спектакль немецкой труппы с постановкой «Золотого руна» Ф. Грильпарцера, о котором Грибоедов подробно рассказывал Катенину в письме от 17 октября 1824 г. Одобряя «главный план» трагедии, он упрекал автора в том, что тот «не воспользовался лучше преданиями о зверских нравах древней Колхии, ни на минуту не переносится туда воображением» (Грибоедов 1988. С. 504). Эти установки также реализуются в плане «Родамиста и Зенобии».

Социальная проблематика трагедии традиционно связывается с общественной ситуацией последекабрьского времени. «Родамист и Зенобия» содержит осмысление сущности заговора, проблемы цареубийства, аристократии и народа, различных стимулов поведения заговорщиков (в том числе эгоистических интересов), их психологических и социальных типов и т. п. (см. об этом: *Нечкина М. В.* Ук. соч. С. 534—537; *Орлов В. Н.* Грибоедов: Очерк жизни и творчества. 2-е изд., доп. М., 1954. С. 229—234). Этим определяется и обычно принимаемая в литературе датировка трагедии. Но особенно актуальными все эти проблемы явились как раз накануне восстания: вопрос о возможности бонапартизма в условиях конспиративной замкнутости тайного общества, о «революции без народа», о роли корыстных интересов в социальном движении был предметом постоянного обсуждения в среде будущих участников восстания; за пределы конспиративных кружков проникли и сведения о намерении Каховского, а затем Якубовича совершить личный террористический акт против Александра I. В последекабрьской ситуации освещение всех этих проблем в «Родамисте и Зенобии» приобретало аллюзионный и даже памфлетный характер. Как по литературной, так и по социальной проблематике план «Родамиста и Зенобии» с большей вероятностью вписывается в ситуацию 1824—1825 гг., что позволяет предположительно датировать его этим временем (см. подробнее: Проблемы творчества. С. 162—193).

С. 195. *Парфы* (парфяне) — иранское племя; в середине I в. Парфянское царство простиралось от Двуречья до реки Инд; соперничало на Востоке с Римом.

Деций Публий Мус (IV в. до н. э.) — римский консул, пожертвовавший собой в битве во имя общей победы.

...иного века гражданин.— Эту формулу иногда сближали с характеристикой А. П. Ермолова в письме к С. Н. Бегичеву от 9 декабря 1826 г.: «Старик наш человек прошедшего века» (Гри-

боедов 1988. С. 536; ср.: *Нечкина М. В.* Ук. соч. С. 536), однако формулы имеют противоположный (в последнем случае негативный) смысл.

С. 195 *Коня! Коня!* — Парафраза знаменитого восклицания Ричарда в «Ричарде III» В. Шекспира (см.: *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1989. С. 31).

С. 196. *...албанского происхождения...*— Албаны (альбаны) — племена, населявшие Альбанию, страну на юго-западном берегу Каспийского моря, на реках Кура и Аракс.

Армасил, славный воин ~ во время его заточения...— Имя Армасил (Armazel, как и Мирван — Mirvan) встречается в грузинской ономастике (см.: *Мсерианц Л.* Ук. соч. С. 239—240). Рассказ о вызове Митридата в Рим и его заточении содержался в утраченных книгах «Анналов»; упоминание о нем — Анналы. XI, 8.

...по закону Вагаршана...— Это место плана свидетельствует о знакомстве Грибоедова со специальными сочинениями об Армении. О легендарном царе Вагаршаке (не Вагаршане) упоминает Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский, V в.), книга которого «История Армении» была известна в России (в латинском переводе братьев Вистонов) уже в XVIII в.; ею пользовался и Карамзин в «Истории государства Российского» (см.: *Акопян Э. А.* Арменоведение в России // Вопросы филологии. Ереван, 1988. С. 37—38). Предполагается, что Грибоедов пользовался русским переводом (Армянская история, сочиненная Моисеем Хоренским, с кратким географическим описанием древней Армении / Перевел с армянского на российский язык архидиакон Иосиф Иоаннесов. СПб., 1809). Грибоедов передает (неточно) сведения об обязанностях знатных родов (Арцруни и Багратуна), изложенные со ссылкой на законы Вагаршака в гл. 7 кн. 2 (см.: *Веселовский Ю. А.* Очерки армянской литературы, истории и культуры. Ереван, 1972. С. 339). В переводе Иоаннесова имя Вагаршак, однако, траслитерировано как Валарсак; Л. Мсерианц предполагал поэтому наличие дополнительных источников, по которым Грибоедов корректировал имя (см.: *Мсерианц Л.* Ук. соч. С. 20). Основываясь на этом наблюдении, И. К. Ениколопов предположил, что Грибоедов был знаком с законами Вагаршака по книге Ш. Држпетяна (Черпет, Сирбье) и Сен-Мартена «Любопытные извлечения из древней истории Азии...», вышедшей в Париже в 1806 г. и переведенной А. Худобашевым (СПб., 1816) (см.: *Ениколопов И. К.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1954. С. 167—168). Знакомство Грибоедова с этой книгой, однако, не имеет документальных подтверждений; в его руках могли быть и другие источники (ср., напр., указание В. Н. Орлова на книгу М. Сен-Мартена « Mémoires historiques et géographiques sur l'Armenie »

(2 vol. Paris, 1818—1819), где пересказана история Радамиста,— т. I. С. 294. См.: *Орлов В. Н.* Ук. соч. С. 229).

С. 197. *Зендавеста* (Авеста, 1-я пол. I тыс. до н. э.) — собрание священных книг зороастрийцев, включающее в себя религиозные и юридические предписания, гимны, молитвы и т. п. Книга эта имелась у Грибоедова (к моменту его ареста в 1826 г.) в немецком переводе Клейкера (*Kleuker J. F.* Zend-Avesta, Zoroaster lebendiges Wort. Vol. 1—3. Riga, 1776—1777) с приложением: Anhang zum Zend-Avesta. 1781—1783. Vol. 1—2. (См.: *Вейденбаум Г.* Кавказские этюды. Тифлис, 1902. С. 264—265; *Мсерианц Л.* Ук. соч. С. 21—22).

...о удавлении отца...— Согласно Тациту, Радамист, поклявшийся не посягать на жизнь Митридата «ни мечом, ни ядом», велел его удушить, «повалив на землю и накрыв большой и тяжелой грудой одежды» (XII, 47).

В. В.

<1812 год>

(с. 201—204)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1899. Май. № 5. С. 67—69, 80—81, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

В плане драмы имеется отточие в эпилоге из 16 точек (вероятно, текст, не прочитанный публикатором или исключенный по цензурным соображениям), в стихотворном отрывке (под заглавием «Отец и дочь», принадлежащим публикатору) — разночтение в имени героини: в тексте — Надежда, в ремарках — Наташа.

По указанию Д. А. Смирнова отрывки были расположены в разных местах, что свидетельствует, очевидно, о разном времени их создания.

Датировка пьесы в различных изданиях и исследованиях различна. Н. К. Пиксанов давал временными границами 1822 и 1828 гг., исходя из того, что второй фрагмент — стихотворный диалог отца и дочери — написан был, по свидетельству Д. А. Смирнова, на бумаге с водяными знаками 1822 г., а Черновая тетрадь была оставлена Грибоедовым у С. Н. Бегичева в 1828 г. (см.: ПССП.

Т. I. С. 302), В. Н. Орлов (см.: *Орлов В. Н.* Грибоедов: Очерк жизни и творчества. М., 1954. С. 217) дает другую дату — «вероятнее всего, в 1824—1825 годах», но никак не мотивирует ее. В. П. Мещеряков (см.: *Мещеряков В. П.* Жизнь и деяния Александра Грибоедова. М., 1989. С. 328), также без мотивировки, предлагает дату — 1826 г. С. А. Фомичев (см.: Грибоедов 1988. С. 683—684) дает мотивировку: «Свободное построение трагедии в виде драматической хроники, так же как использование в дошедшей сцене пятистопного белого ямба, позволяют отнести разработку этой темы к последнему пребыванию Грибоедова в Петербурге, когда он смог впервые слышать трагедию Пушкина „Борис Годунов", в чтении автора»,— и относит, таким образом, имеющийся текст к марту — июню 1828 г. Однако нерифмованный пятистопный ямб утверждается в русской поэзии, в драматургии с начала 1820-х гг. В 1820 г. его использует П. А. Катенин в «Пире Иоанна Безземельного» (вполне сознательно сочетая его, впрочем, с рифмованным пятистопным ямбом). В 1822—1823 гг., в период общения с Грибоедовым в Тифлисе, использует этот размер в отдельных сценах «Аргивян» и В. К. Кюхельбекер. В 1817—1822 гг. этот же размер последовательно проведен через весь текст «Орлеанской девы» В. А. Жуковского, а в 1824—1825 гг.— в стихотворных частях «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. Таким образом, и близкие Грибоедову Катенин и Кюхельбекер, и далекие от него Жуковский и Пушкин одинаково активно разрабатывают этот размер именно в начале 1820-х гг. Но, как замечено, «свобода от рифмы сбивала... с ритма, и к 5-ст. строчкам заметно примешивались привычные 6-ст.» (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 118). Именно это мы видим и у Грибоедова. Наконец, Грибоедов не соблюдает цезуру на второй стопе, поэтому у нас нет оснований говорить о воздействии Пушкина, у которого в «Борисе Годунове» эта цезура строго соблюдается (см.: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 48). Все это заставляет нас локализировать работу над драмой вокруг той даты, которая читается в водяных знаках,— 1822 г. Кроме того, именно в 1822 г. исполнилось десять лет Отечественной войне, поэтому память о ней была вполне естественна. Следует также указать, что вышедшая в 1821 г. книга А. Л. Ж. де Сталь «Десять лет изгнания» стала в 1822 г. широко популярна в России, а ее концепция отразилась в ряде сюжетных положений плана пьесы (см.: Война 1812 года и русская литература. Тверь, 1993. С. 10—12). Нельзя не учитывать, что в царствование Александра I, когда тема войны 1812 г. старательно замалчивалась, ибо напоминала императору о его более чем скромной роли в военных событиях, этот сюжет был идеологически более целесообразен, не-

жели в царствование Николая I, когда воспоминания об Отечественной войне стали государственной политикой (актуализация этой темы в 1830 г. имеет другую мотивировку — см. об этом: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 183—186).

В изучении отрывка «<1812 год>» все исследователи обращают внимание на антикрепостническую тему и на описание героики войны 1812 г., предвосхищавшей во многом опыт Л. Н. Толстого в «Войне и мире».

С. 201. *История начала войны...*— Отечественная война началась 13 июня 1812 г. переходом войск Наполеона через Неман без объявления войны. Какие события войны имеются в виду — неизвестно.

...взятие Смоленска...— Смоленск был оставлен русскими войсками 18 июля 1812 г., вопреки распоряжениям Александра I; при этом город был сожжен.

...приезд государя...— Александр I с начала войны находился при действующей армии, что мешало единству командования. Чувствуя свою несостоятельность как главнокомандующего и под давлением генералитета, император якобы для подъема народного духа покинул армию и 12 июля 1812 г. прибыл в Москву, где 15 июля выступил с речью в Дворянском и Купеческом собраниях. Как пишет С. Н. Глинка, «государь начал речь, и с первым же словом слезы брызнули из очей его. Жалостью сердечной закипели души русского купечества. Казалось, что в каждом гражданине воскрес дух Минина. Гремел общий голос: „Государь! Возьми все — и имущество и жизнь нашу!" Вслед за удаляющимся государем летели те же клики и души ревностных граждан» (1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 399).

...обоз раненых...— характернейшая примета послебородинского периода войны, отраженная, в частности, и Л. Н. Толстым в «Войне и мире». С. Н. Глинка писал: «А между тем под завесою пыли медленно тянулись повозки с ранеными. Около Смоленского рынка, близ которого я жил, множество воинов, раненных под Смоленском и Бородином, лежали на плащах и на соломе. Обыватели спешили обмыть запекшиеся их раны и обвязывали и платками, и полотенцами, и бинтами из разрезанных рубашек» (1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. С. 412—413).

...рассказ о битве Бородинской.— Сражение при селе Бородино состоялось 26 августа 1812 г.; какие эпизоды могли привлечь особое внимание Грибоедова, установить не удается.

С. 201. *Собор Архангельский.*— Собор Архангела Михаила, архистратига небесного воинства, построенный в Кремле при Иване Калите в 1333 г. и вновь отстроенный в 1508 г., служил местом захоронения великих московских князей и русских царей от Ивана Калиты и до Иоанна Алексеевича. Таким образом, упомянутые ниже тени Святослава и Владимира Мономаха, киевских князей, как будто не должны были здесь упоминаться. Но перечисление предков-героев — традиционный мотив русской поэзии военных лет (ср., например, «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 149—150).

Святослав — киевский князь (957—972), известный своими воинскими подвигами.

Владимир Мономах — великий князь киевский (1113—1125), стремился к политическому, культурному и военному объединению Руси при сохранении самостоятельности разных княжеств.

Иоанн — очевидно, Иоанн IV Грозный, великий князь с 1533 г., провозгласивший себя царем в 1547 г., утверждая таким образом государственное равенство с Казанским царством.

Петр I Великий — император России (1682—1725 гг.), утвердил статус России как европейского государства.

Терем царей в Кремле.— Наполеон вступил в Москву и поселился в Царских палатах, в парадных покоях Александра I.

С. 201—202. *Размышление о юном, первообразном сем народе ~ что́ бы он мог произвести?* — Речь идет об особенностях исторического пути России и роли Петра I. Известно, что Наполеон высоко ценил гений Петра, но по тексту Грибоедова следует, скорее, что отношение его к петровским реформам отрицательное. В таком изображении сказалось, возможно, стремление Грибоедова вложить в уста Наполеона распространенное в Европе представление о русских (см.: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре... // Трактаты. М., 1969. С. 183; Русские глазами знаменитой француженки: Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь «Десятилетнее изгнание» // Война 1812 года и русская литература. С. 136). Само изображение Наполеона в «тереме царей» также, очевидно, восходит к книге де Сталь: «Я поднялась на колокольню собора, называемую Иваном Великим, откуда виден весь город: оттуда я видела дворец царей, которые покорили силой своего оружия владык Казани, Астрахани и Сибири. <...> И вдруг мне пришла мысль, что Наполеон мог бы подняться на эту самую башню, откуда я любовалась городом, который будет уничтожен им; на один миг я подумала, что он с гордостью занял бы в этих царских дворцах место властителя той великой орды, которая смогла завладеть ими на время...» (там же. С. 134, 135).

С. 202. *Галерея в доме Познякова.*— Московский театр сгорел во время пожара, и Наполеон распорядился открыть публичный театр в подходящем помещении. Для этого был взят уцелевший дом известного богача П. А. Познякова, в котором 25 сентября начались представления комедией П. Мариво «Игра любви и случая» и водевилем «Любовник, сочинитель и лакей». За время пребывания французов в Москве было дано одиннадцать представлений, особой популярностью пользовался дивертисмент, изображавший русские пляски. Историк о пребывании французов в Москве пишет: «С наступлением ночи, в то время когда сожженная Москва покрывалась мраком, среди коего кое-где тлевшийся еще под пеплом огонь обозначался столбами дыма, когда между развалин бродили лишь немногие томимые голодом и отыскивающие пищи русские или неприятельские грабители, дом Познякова горел блестящими огнями, и освещенная Никитская была покрыта экипажами разного рода; вокруг дома стояла стража, наряженная от разных полков, и множество бочек, наполненных водой: французы опасались, чтобы и дом Познякова не был подожжен, и строго его охраняли» (*Попов Александр.* Французы в Москве в 1812 году // Русский архив. 1876. Кн. II. С. 190).

Об опустошениях огня. ~ Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков.— Традиционный мотив русской поэзии периода войны. Ср. оду Н. М. Шатрова «Пожар Москвы в 1812 году»:

Пою пожар Москвы несчастной!..
Нагрянул новый Тамерлан
И бранью тяжкою, ужасной
Вломился в Кремль, как ураган;
И нет от сильных обороны;
Повсюду страх, повсюду стоны,
Здесь горький плач, там страшный бой,
Везде насильство, притесненье,
Везде убийство, истребленье,
Везде грабеж, везде разбой.

(1812 год в русской поэзии
и воспоминаниях современников. С. 32).

Но и французы свидетельствовали о том же: «...отъезд (императора.— *Ред.*) из Москвы послужил сигналом к самым серьезным беспорядкам. Спасенные от пожара дома были разграблены. Несчастные жители, оставшиеся в городе, подвергались избиениям. Двери лавок и погребов были взломаны, и отсюда — все эксцессы, все преступления пьяных солдат, не желающих больше слушать своих начальников» (*Коленкур, Арман де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 146).

Всеобщее ополчение без дворян. Трусость служителей правительства...— Этот мотив практически отсутствует в литературе о

войне у современников Грибоедова. Напротив, подчеркивается единство всех сословий перед лицом врага. У Грибоедова же в стихотворном отрывке, примыкающем к плану, говорится о том, что «знать, вельможи» покидают Москву перед приходом французов, а сетующий по этому поводу герой, принадлежащий, сколько можно судить, к недворянскому сословию, остается в Москве, чтобы разделить с ней ее участь. Очевидно, этот необычный мотив должен был каким-то образом вписываться в концепцию пьесы.

С. 202. *Истязания R* и поседелого воина.*— Картины «истязаний» французских воинов русскими в русской литературе не встречаются. Более того, подчеркивается доброта и благородство русских по отношению к пленным французам (см.: *Давыдов, Денис.* Военные записки. М., 1982. С. 193— сцена, послужившая основой для аналогичной картины в «Войне и мире» Л. Н. Толстого; *Дурова Н. А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 192—194). Факты ненужных смертей, конечно, известны (см.: *Давыдов, Денис.* Ук. соч. С. 203—205). Но, очевидно, эта сцена нужна Грибоедову для построения параллели между французом R* и русским крестьянином М*, возвратившимся «под палку господина». Аналогичный ход мысли находим у Грибоедова и в стихотворении 1825 г. «Хищники на Чегеме», где горцы говорят о русских солдатах:

Узы — жребий им приличный,
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи, в чуже — плен!

Вильна.— Александр I вместе с двором находился в Вильне, когда было получено известие о начале войны. Возвращая действие в Вильну, Грибоедов замыкает круг сценического действия. В Вильне к действующей армии присоединился Александр I, не участвовавший в основных военных действиях 1812 года, был изменен состав генерального штаба, реальная сила власти главнокомандующего у М. И. Кутузова была отобрана.

С. 203. *...хочет ему сбрить бороду.*— М*, как ополченец, имел право носить бороду (в отличие от солдат). Но, как известно, и об этом пишет де Сталь, «как только русский становится солдатом, ему бреют бороду, и с этого момента он свободен. Было предложено, чтобы все, кто служил в ополчении, получили свободу, но тогда свободной была бы вся нация, поскольку она поднялась почти полностью. Будем надеяться, что будет найден способ без потрясений провести это столь желанное освобождение, но пока хотелось бы, чтобы бороды были сохранены: столько силы и достоинства придают они лицу» (Война 1812 года и русская литература. С. 132). Эту

мысль, более афористически заостренную, но со ссылкой на де Сталь, находим у Пушкина в «<Рославлеве>»: «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову» (Пушкин. Т. VIII. С. 152). У Грибоедова же формула иная: отстоял голову, но гибнет, отстаивая бороду, свою честь.

С. 204. *Наташа.*— Героиня стихотворного фрагмента первоначально называется Надежда, затем — Наташа. Переход от одного имени к другому, возможно, объясняется тем, что именины Наталии праздновались 26 августа, в день, когда в 1812 г. произошла Бородинская битва. Сюжетные возможности этого совпадения использовал уже П. А. Катенин в своей балладе «Наташа» (1814), где праздник и здравицы в честь именинницы оборачиваются поминками по погибшему на поле боя возлюбленному, но героиня сама направляет своего суженого на войну (см.: *Катенин П. А.* Избр. произведения. М.; Л., 1965. С. 79—80).

Этот же сюжет — возлюбленная женщина посылает мужчину на поле битвы, где тот и погибает,— использовал и А. С. Пушкин в «<Рославлеве>». Совпадение именин Наталии и дня Бородина учитывал и Л. Н. Толстой, называя главную героиню «Войны и мира» Наташей и знакомя нас с ней в день ее именин. В этой же связи уместно указать, что если имя Наталия происходит от латинского dies natalis — день рождения, то имя ее брата в стихотворном отрывке (как, впрочем, и у Пушкина) — Алексей,— от греч. alexo — защищать, отражать, предотвращать. См. об этом: *Илюшин А. А.* «Бородинское» имя жены А. С. Пушкина // Война 1812 года и русская литература.

М. С.

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

(с. 205—210, 370—372)

Черновой автограф (ч. 1, ст. 30—63) — РНБ (ф. 221. № 3).

Впервые опубликовано: РСл. 1895. Май. № 5. С. 89—95, 115—116, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации с исправлением опечаток и поправками по автографу РНБ.

В «Русском слове» текст «Грузинской ночи» опубликован с опечатками, ошибочно прочитанными словами и пропусками, повторявшимися во всех последующих изданиях (исправлены впервые в

кн.: Грибоедов 1987). Каждая из двух сохранившихся частей текста имеет примечание публикатора: 1. «Кормилица, как надо судить, уже успела объявить князю свою просьбу о возвращении сына и свою печаль; князь отвечает»; 2. «Кормилица призывает в помощь своей мести Али — злых духов Грузии». Приведены также отрывки, по мнению Д. А. Смирнова, «явно служащие вариантом или, точнее, отдельною, может быть, первоначальною обработкою нескольких мест», расположенных «в обратном порядке против всех страниц тетради» (РСл. 1895. № 5. С. 115).

В РНБ хранится изъятый Д. А. Смирновым из Черновой тетради автограф отрывка из ч. 1 (ст. 30—63, от слов: «Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету...» до слов: «Тот подел, кто б его в чужих руках оставил») с тройной (частично зачеркнутой) пагинацией черными и красными чернилами и обозначением действующих лиц буквами К.— князь, Г. (не Т, как принято обозначать во всех изданиях) — грузинское имя (в одном месте, очевидно, описка: Р).

Датируется приблизительно периодом от 1824 до конца 1828 г.

С. Н. Бегичев вспоминал, что «на пути к месту своего назначения» Грибоедов 13—15 июня 1828 г. пересказал ему содержание «написанной трагедии» и прочел несколько сцен из нее (Воспоминания 1980. С. 30). Бегичев пишет далее: «Прочесть мне всю трагедию он никак не согласился. „Я теперь еще к ней страстен,— говорил он,— и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать"». Еще раньше, весной того же года, Грибоедов на обеде у П. П. Свиньина «читал наизусть отрывок из своей трагедии „Грузинская ночь", которую сочинял тогда» (*Полевой К. А.* О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова // Горе от ума 1839. С. XLIII). К этому же периоду относится сообщение в письме Н. М. Языкова: «Булгарин говорит, что Грибоедов написал трагедию, какой не бывало под солнцем,— „Грузинская ночь"» (Письма Н. М. Языкова к родным... СПб., 1913. С. 354). В воспоминаниях Ф. В. Булгарина время создания трагедии отнесено к последнему пребыванию Грибоедова в Грузии (сентябрь 1826 — май 1827), а содержание ее изложено подробно: «Грибоедов... в последнее пребывание свое в Грузии... сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он „Грузинская ночь", почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает

службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю,— забывает. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели, злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели несут пулю в сердце его дочери. Еще не совершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружье, чтобы поразить князя, и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернено местью. Они гибнут в отчаянии... Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина» (Воспоминания 1929. С. 35—36).

Как о завершенном (в первой редакции) произведении писали о «Грузинской ночи» также В. Ф. Одоевский (См.: *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 374) и Д. Эристов (в кн: *Грибоедов А. С.* Горе от ума. Тифлис, 1879).

Сцена духов исследователями сближается со сценой ведьм в «Макбете» (см.: ПССП, т. I. С. 303) и заклинаний Жанны д'Арк в «Генрихе VI» Шекспира (см.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 137—138). Отмечена и связь «Грузинской ночи» с «Фаустом» Гёте (см.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. Саратов, 1945. С. 269—270). Следует вспомнить об участии Грибоедова в переписке корсаковской переделки шекспировского «Макбета» (см. наст. том, с. 408). Подробнее об этих сопоставлениях, а также об аналогии с «Дзяда́ми» Мицкевича см.: *Муравьева О. С.* Замысел А. С. Грибоедова: Трагедия «Грузинская ночь» // Материалы. С. 276.

Нина Каухчишвили вводит образ ночи в замысле Грибоедова в контекст развития этой темы в европейском романтизме. В России как обобщенный образ ночь выступала в произведениях многих поэтов романтической школы, наиболее выразительно предстала в творчестве Тютчева и Фета, а также в прозе А. Погорельского («Лафертова маковница», 1825, «Двойник», 1830), В. Ф. Одоевского («Русские ночи», 1844), повестях Гоголя (1830-е гг.). Исследовательница

ссылается также на влияние романтической музыки, ближе всего — расцветшего в то время жанра ноктюрна, мастером которого был, в частности, Дж. Фильд, учитель сестры писателя Марии Сергеевны (см.: *Kauchtschischwili, Nina.* Il tema della notte nel romantismo e la « Gruzinskaja noc » di A. S. Griboedov. Roma, 1973. P. 1—17. Перевод с итальянского для наст. изд. сделан Н. Л. Дмитриевой и Г. А. Шиловой).

В. Э. Вацуро отмечает, что драматургическая система Грибоедова после «Горя от ума» обращена к поэтике романтического театра (см.: *Вацуро В. Э.* Грибоедовский замысел трагедии «Родамист и Зенобия» // Проблемы творчества. С. 162—193). В этой связи «Грузинская ночь», как и план драмы «Родамист и Зенобия», впервые сопоставлены с трилогией немецкого драматурга-романтика Ф. Грильпарцера (Grillparzer, 1791—1872) «Золотое руно» (« Das goldene Vlies », 1818—1820), а именно ее второй части — «Аргонавты» (« Die argonauten »), поставленной на петербургской сцене немецкой труппой, о чем Грибоедов рассказал П. А. Катенину в письме от октября 1824 г. Связь «Грузинской ночи» с «Золотым руном» усматривается в близости культурно-этнического колорита древней Колхиды и языческих верований Грузии, а также в структурных аналогах отдельных эпизодов. Например, сцена заклинаний Медеи «стала своего рода ориентиром для аналогичной сцены в „Грузинской ночи”. Заклинания колдуньи-кормилицы, вызывающей духов Али, построены по той же композиционной схеме» (там же. С. 171—172); проклятие Аэта, обращенное к Медее, перекликается «со сценой проклятия, адресуемого кормилицей князю,— и, может быть, со словами самого князя, изгоняющего ее из дома» (там же. С. 174).

Однако, по справедливому мнению исследователя, более всего сближает эти произведения общая концепция трагического сюжета, в котором зло порождает зло, действующие лица становятся одновременно его носителями и жертвами: бесчеловечность князя наказывается потерей дочери, кормилица становится не только жертвой, но и преступницей, и «есть все основания считать дочь князя также носительницей трагической вины» (там же. С. 174).

1. Ст. 33. *Ксань* (Ксани) — река в Грузии, левый приток Куры.

Ст. 118. *Чекал* — шакал.

2. Ст. 126. *Али* (букв.: пламень) — духи зла в грузинских народных поверьях. В комментариях Д. А. Смирнова к «Грузинской ночи» приведена характеристика духов Али, извлеченная из статьи о грузинской медицине, в которой говорится: «По народному поверью,

Али — дух женского пола. <...> Зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь рост, и говорит-то она хотя и языком человеческим, но все наоборот, и вся она создана будто наизнанку, и все члены у ней будто выворотные. <...> Уверяют, что она невольно делается рабою того, кто отрежет у ней косу, а так как Али часто расчесывает свои волосы на пустынном берегу реки, то это можно сделать при известных условиях» (*Берзенов И.* О грузинской медицине // Кавказский календарь на 1857 год. Отд. 4. Лит. прибавления. Тифлис, 1856. С. 409). «Жители разных уголков Грузии,— указывал В. С. Шадури,— по-разному понимали али. Если в Душетском районе, например, али представляли в виде красивых и соблазнительных женщин (русалок), живущих преимущественно в Базалетском озере (Савнели. О грузинской мифологии вообще и об «али» в особенности. Закавказский вестник, 1854, № 43), то в некоторых районах Имеретии и Кахетии али изображали в виде красивых, мстительных „лесных женщин" (см.: Дубровин. История войн на Кавказе), а в Хони верили, что али — злые горные духи, проживающие в мрачных теснинах Табакелы. „Прекрасные, полногрудые, с глазами, полными чар и страсти, они кружатся над несчастной горой в диких оргиях веселья. <...> В венке из огненных волос, в облаках пахучего дыма, голые и соблазнительные, они являются мужчинам, чтобы ловить их в свои сети <...> Они злы, коварны и никогда не забывают нанесенной обиды" (см. статью Хаханова „Месхи". Этнографическое обозрение. 1891. Кн. X. № 3)» (*Шадури В.* Грибоедов и грузинская культура. Тбилиси, 1946. С. 52—53).

Д. К.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

(с. 213, 373)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО. 1815. Ч. 25. № 45 (ценз. разр. 29 ноября. 1815). С. 267, с неточностями в ст. 3 и 4, с подписью: «NN», в составе рецензии Н. И. Греча (без подписи) «Урок кокеткам, или Липецкие воды...»; МВед. 1909. № 4. С. 160, под заглавием «Приказ Феба», в публикации: «К биографии А. С. Грибоедова (Из неизданных материалов Д. А. Смирнова».)

Печатается по тексту первой публикации с исправлением ст. 3 и 4 на основании списка опечаток (см.: СО. 1815. Ч. 26, № 46. С. 40).

Рецензия Н. А. Греча, помещенная в отделе «Современная русская библиография» журнала «Сын Отечества», носит полное название: «Урок кокеткам, или Липецкие воды. Комедия в пяти действиях, в стихах. Соч. князя А. А. Шаховского. Представлена в первый раз в СПб. на малом театре Сентября 23, 1815. СПб., 1815, в Театр<альной> тип<ографии>, в 8°, 155 стр.».

Автор рецензии сообщает, что собрался написать подробный разбор нашумевшей комедии, но был прерван «вошедшим в комнату гренадером, вершков двенадцати, в пяти медалях. <...> Он держал в руке большой пакет. „К Вам, сударь!" — сказал он, подавая его мне.— „От кого?" — „Не велено сказывать". Кто ж бы это? — „Командеры! (подавая книжку). Извольте расписаться".— Нечего было делать! Я взял послание: „К Сыну Отечества" и расписался, вестовой гренадер обернулся направо кругом, топнул и вышел. Распечатываю пакет и нахожу следующий приказ: „От Аполлона" (следует текст стихотворения). Автор, не смея ослушаться приказа, оставил помыслы о разборе комедии».

Авторство Грибоедова впервые указано: *Грибоедов А. С.* Сочинения. Берлин, 1860. С. 306, со слов Н. И. Греча. Принадлежность стихотворения Грибоедову подтвердил Д. А. Смирнов со ссылкой на С. Н. Бегичева, который привел окончание стихотворения с неко-

торыми отличиями от первопечатного текста под названием «Приказ Феба» (см.: ИВ. 1909. № 4. С. 160).

Стихотворение вызвано оживленной полемикой вокруг комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Комедия стала известной в Петербурге еще до постановки в театре, так как автор читал ее в разных литературных собраниях. Она «заключала много воспоминаний об Отечественной войне и, будучи превосходно разыграна, имела огромный успех, каким не пользовалась до того ни одна комедия» (Арапов. С. 238—239). Вместе с тем она возбудила против себя негодование части общества. Особое возмущение вызвал образ поэта-«балладника» Фиалкина, в котором видели пародию на В. А. Жуковского. А. А. Шаховской стал постоянным объектом сатирических выпадов сторонников Жуковского и получил прозвище Шутовского (см. эпиграмму П. А. Вяземского: СО. 1815. № 40. С. 65, подпись: «NN»; сатирическую статью Д. В. Дашкова «Письмо к новейшему Аристофану»: там же. № 42. С. 140—148, подпись: «Д.»; «Мнение постороннего» — статью, содержащую уничижительные намеки на Шаховского: там же. № 46. С. 35—36, подпись: «М.»; см. также: Арапов. С. 239—242).

Полемика с Шаховским стала одной из предпосылок для создания общества «Арзамас», в шутливых ритуалах которого высмеивание «Шутовского» занимало особое место (см.: Арзамас: Сб. в двух кн. Кн. 1. М., 1994. С. 17—19, 229—257). Среди сторонников Шаховского следует отметить начинавшего тогда литературную деятельность М. Н. Загоскина, написавшего «Комедию против комедии, или Урок волокитам» (поставлена впервые 4 ноября 1815 г.), где он всячески восхвалял комедию Шаховского и ополчался на его критиков. О полемике в связи с «Липецкими водами» см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 147—148; История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 226—230.

Н. И. Греч в своей псевдорецензии на выход из печати «Липецких вод» демонстрирует беспристрастие в этой борьбе и стремится как бы «подвести черту», прекратить полемику. С этой целью печатается стихотворение Грибоедова, близкого кругу Шаховского. Однако полемика на этом не закончилась, а Греч продолжал предоставлять страницы «Сына Отечества» противникам Шаховского (см.: *Королева Н.* Декабристы и театр. Л., 1975. С. 160—161).

М. В. Строганов заметил, что «в этом же номере, где была опубликована поправка к первой редакции эпиграммы, появился отклик на комедию Загоскина „Мнение постороннего”, в которой автор, скрывшийся за криптонимом *М.*, но очевидный арзамасец, писал: „...кто же мог предвидеть, что один автор, изъявивший жела-

ние осмеять другого, более известного, вдруг через несколько дней на том же месте, где он советовал ему не мучить стихами живых и мертвых, вздумает сам чрез своего представителя мучить его своими похвалами и уверять в невинности своих намерений? Трактат ли это или капитуляция..."

И вот тогда, узнав — либо стороной, либо от самого Греча... — об этой заметке, Грибоедов предпринимает еще один шаг. Он возвращает читателя к своей эпиграмме, указав на „ошибку" в тексте. <...> Напечатанная в „постскриптуме" журнала, поправка все вернула на свои места: последнее слово оказалось не за „арзамасцем" *М.*, а за „архаистом" Аполлоном» (*Строганов М. В.* О литературной позиции Грибоедова // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 141—142).

А. А.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

(с. 213—215, 373)

Автограф — ИРЛИ (ф. 623. № 16).

Впервые опубликовано: частично — СП. 1837. 15 июня. № 131 (ст. 42—54), в статье Ф. В. Булгарина «Заочная болтовня...»; полностью — Сборник, издаваемый студентами Имп. Петербургского университета. Вып. II. СПб., 1860. С. 242—244, в статье Л. Майкова «Заметки об А. С. Грибоедове». См. также: РС. 1874. Май. № 5. С. 159.

Печатается по тексту «Сборника...», где приведена первоначальная редакция стихотворения.

В статье Булгарина говорится: «У меня хранится стихотворение покойного автора „Горе от ума" А. С. Грибоедова, до сих пор нигде не напечатанное. Привожу из него отрывок. Это живая картина нашей мелочной литературы». Далее следует отрывок: «Один напишет вздор ~ А вы читайте!» Л. Н. Майков опубликовал стихотворение полностью в составе письма Грибоедова к Катенину от 19 октября 1817 г. Публикатор, получивший автограф письма Грибоедова от М. И. Катенина, сообщает: «Правописание подлинников сохранено нами вполне». Местонахождение этого автографа в настоящее время неизвестно.

В 1874 г. сыновья Ф. В. Булгарина Болеслав Фаддеевич и Владислав Фаддеевич предоставили для публикации в «Русской ста-

рине» часть материалов Грибоедова из архива своего отца, в том числе «Лубочный театр», заключение которого опубликовал Булгарин в 1837 г. Автограф этот в настоящее время хранится в ИРЛИ.

Стихотворение написано в связи с появлением в журнале «Северный наблюдатель» (1817. № 15. Отд. III. С. 54—56) двусмысленного отзыва М. Н. Загоскина о постановке на сцене комедии Грибоедова «Молодые супруги».

Грибоедов писал Катенину 19 октября 1817 г.: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, рассмеялся, но после, чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец, не вытерпел, написал сам фасессию и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву, покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества».

Д. А. Смирнов рассказывает в своих записках «К биографии Грибоедова»: «Написавши сгоряча „Лубочный театр" (это было в 1817 году, Грибоедов тогда был молод), он бросился с ним к одному, к другому, к третьему издателю, чтобы напечатать. „Помилуйте, Александр Сергеевич,— отвечали ему всюду,— разве подобные вещи печатаются: это чистые личности". Еще более раздосадованный такими отказами Грибоедов нанял писцов, и в несколько дней, через знакомых и знакомых знакомых по Петербургу разошлось до тысячи рукописных экземпляров „Лубочного театра". Загоскин был одурачен» (ИВ. 1909. Апрель. № 4. С. 135).

Приняв меры для распространения «Лубочного театра» в списках (сообщение о количестве которых, конечно же, сильно преувеличено), Грибоедов не терял надежды и напечатать стихотворение. В том же письме он спрашивал Катенина, находившегося тогда в Москве: «Как ты думаешь? „Вестник Европы" не согласится у себя напечатать? Бегичев с ним приятель. Я бы подписал свое имя (коли нельзя иначе)». С этой целью Грибоедов предлагает в печатном тексте замены: «Вместо Загоскина: Вот вам Михайло Моськин. А в другом месте: Вот Моськин-Наблюдатель». Таким образом, возникло две редакции стихотворения. 1-я, где имя Загоскина названо полностью, предназначалась для распространения в списках (с этой редакции имел список П. Арапов, опубликовавший стихотворение в «Летописи русского театра», с. 260—261, актер И. И. Сосницкий,

передавший свой список Д. А. Смирнову,— см.: ИВ. 1909. Апрель. С. 133). 2-я редакция, предназначавшаяся Грибоедовым для печати, сохранилась в автографе, датированном 16 октября 1817 г. В ней имя Загоскина заменено на Моськина, отсутствует название «Сын Отечества», первоначально обозначенное только начальными буквами. Этот автограф и перешел к Ф. В. Булгарину. Вероятно, существовала еще более ранняя и более краткая редакция стихотворения. О ней сообщил А. А. Жандр Д. А. Смирнову, когда познакомился с текстом, полученным от Сосницкого. «Конечно, это не апокрифическое, об этом и речи быть не может,— подчеркнул Жандр,— но то, что я знал из „Лубочного театра", то, что мне читал сам Грибоедов, было гораздо короче, сжатее и живее. Не было, например, указания на „Проказника", комедию Загоскина, и некоторых других мест» (ИВ. 1909. Апрель. № 5. С. 135).

Автор назвал написанный им стихотворный текст «фасессией». Фацетия, или фацеция (от лат. facetia — шутка, острота),— жанр словесности, возникший в европейской литературе средневековья и вполне сложившийся в эпоху Возрождения. Фацетии были близки к пословицам, шванкам (устным сатирическим рассказам), фастнахтшпилям (масленичным песням), развернутым в элементарном сюжете и действии. Эти произведения юмористического, развлекательно-нравоучительного или сатирико-обличительного характера наполняли собой многочисленные рукописные и печатные сборники. Любые формы и виды фацетий так или иначе реализуют возможности народного «карнавального смеха», сочетая нравоучительность с издевкой (см.: *Кокорев А. В.* Русские стихотворные фацетии XVIII века // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 216—284; *Державина О. А.* Фацеции. М., 1962; *Бебель, Генрих.* Фацетии. М., 1970; КЛЭ. Т. 7. М., 1972. С. 907). К началу XIX в. понятием «фацетия» охватывался обширный круг разнообразных произведений смеховой культуры, в том числе и «смехотворные издевки», представляющие собой иронически перевернутое прославление удачи — один из важнейших содержательных мотивов фацетий на всем историческом пути развития жанра. В этом широком смысле слово «фасессия» употребил и Грибоедов. Однако жанровая сущность, поэтика и стилистика произведения Грибоедова понятиями «фацетия», «памфлет» и т. п. не раскрываются.

Прежде всего и главным образом это пьеса-монолог, написанная в духе, принципах и образной стилистике фольклорного театра. «Лубочный театр» принадлежит к иной драматургической системе, нежели прочие пьесы молодого Грибоедова. Здесь поэтика народ-

ного, площадного зрелища испробована и, можно сказать, исследована будущим автором «Горя от ума».

Название «Лубочный театр» многозначно. Первичный, основной смысл его определяется сущностью русского фольклорного театра — народного городского демократического зрелища, получившего в XVII — начале XIX в. повсеместное распространение в таких его разновидностях, как раёк, вертеп, кукольная комедия, балаганное представление (см.: Фольклорный театр / Сост., вступ. статья, предисловия к текстам и комментарии А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М., 1988). Основу такого театра составляют либо рисованные изображения разнообразных лиц, событий и т. п., сопровождаемые помещенным на том же листе бумаги текстом, в подавляющем большинстве случаев стихотворным или представляющим собой рифмованную прозу, либо изготовленные в виде кукол фигуры (пальцевые или движущиеся на проволоке по прорезям внутри деревянного ящика с двухъярусной сценой-вертепом). Ср. зарисовку с натуры: «Честные господа, пожалуйте сюда! — кричит расписанный паяц.— Здесь вы увидите вещи невиданные, услышите речи неслыханные, диво дивное. Заморская комедия! Скорее, скорее, почти все места заняты» (Ф. Б<ул-гарин>. Качели // СП. 1825. 2 апр.). Лубочные картинки, т. е. картинки, первоначально выполненные на лубке (лубок, материал, заменявший в народе бумагу, «подкорье, исподняя кора» дерева — Даль. Т. II), а позднее печатавшиеся на бумаге в типографиях, изготовлялись умельцами, тиражировались в сотнях и тысячах экземпляров. Они приобретались на ярмарках и в людных местах за весьма умеренную плату и затем наклеивались на стены в домах, оживляя убранство жилых помещений, становясь, таким образом, своего рода семейной картинной галереей простого люда. Как правило, для этих целей выбирались лубки с историческим, религиозно-дидактическим и нравоучительным содержанием. На площадях же во время праздничных гуляний гораздо большую популярность имели лубочные изображения с комическим, пародийно-ироническим, смехотворным содержанием рисунков и текстов.

«Лубочный театр» — название такое же широкое, обобщающее, как, например, и «лубочная сцена» в понимании Пушкина:

> Таков прямой поэт. Он сетует душой
> На пышных играх Мельпомены,
> И улыбается забаве площадной
> И вольности лубочной сцены...
>
> («Гнедичу», 1832)

В стихотворении Грибоедов пользуется особой стихотворной речью — свободной ритмически, но обязательно рифмованной, получившей название раёшного стиха, или раёшника.

Раёшник ведет свое происхождение от зрелищных народных представлений, осуществляемых с помощью райка. В еще большей степени текст, созданный Грибоедовым, подобен стиховым импровизациям и устойчивым «текстам», которыми славились балконные зазывалы, завлекавшие публику на очередное представление с балкончика — рауса.

Знакомство Грибоедова с различными формами фольклорного театра началось в ранние детские годы во время городских праздников и гуляний и, как и у всех его современников, постоянно расширялось новыми впечатлениями. Наряду с райком (где движущаяся лента с картинками помещена внутри ящика) и с картинками, которые показывал зазывала на раусе, как определенная форма зрелища воспринимались и ряды лубочных картин, развешанных на заборах и вдоль стен, расклеенных на внешней или внутренней поверхности балаганов и других ярмарочно-увеселительных строений. Сюжетная, композиционная, персонажная и стилевая связь ряда лубочных картин осмысливалась как своеобразный «настенный лубочный театр» (*Сакович А. Г.* Русский настенный лубочный театр XVIII—XX вв. // Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. М., 1983. С. 44—62). Органическая связь лубочных картинок с игрой, зрелищем, театром позволяет говорить о «ярмарочно-балаганно-театральной сущности лубка» (*Лотман Ю. М.* Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. С. 247—267).

Содержательно-образные мотивы фацетии и лубка, зрелищно-игровые традиции народной смеховой культуры образуют общую основу произведения Грибоедова. Своеобразие «лубочного» текста, созданного им, в том, что вместо традиционных тем и образов он заставил простонародного актера говорить о вещах, не свойственных ни раёшнику, ни балаганному «деду», ни какому-либо иному демонстратору и комментатору лубочных картинок. Традиция сохранена лишь в начале текста — как знак принадлежности его к лубочно-зрелищной культуре. Столкновение привычной формы и не свойственного ей содержания, наложение двух различных знаковых систем обеспечивало именно тот сатирический эффект, на который Грибоедов сознательно рассчитывал, создавая свою «фасессию» против Загоскина. Эффект еще и в том, что Грибоедов дает текст без изображения, предоставляя читателю возможность самому по известным и воображаемым моделям построить театральное действо.

Как видно, мысль создать «фасессию» навеяна Грибоедову смеховой поэтикой народного театра. Но вряд ли он избрал бы именно такую форму, если бы она не подсказывалась и двумя небольшими пьесами Загоскина, написанными в популярном в то время жанре интермедии-дивертисмента, сопровождавшего, как правило, в спектаклях основную пьесу («Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка», 1817). Обе пьески сосредоточивают нехитрое «действие» на ярмарочной площади, воспроизводят эпизоды ярмарочных увеселений и так или иначе связаны с атмосферой балаганного веселья, что, разумеется, навевало Грибоедову идею воплотить сатирический замысел «ответа» Загоскину в форму, пародийно подобную интермедиям Загоскина, но при этом прямо воспроизводящую балаганный монолог и раёшный стих.

Другим обстоятельством, отозвавшимся в названии произведения Грибоедова, было долгое, на протяжении всех летних месяцев 1817 г., печатание Загоскиным в «Северном наблюдателе» прозаического «отрывка из одного русского романа» под названием «Неровный брак» (СН. 1817. № 10—12, 14—16; последний номер — 24 сентября, т. е. за три недели до «Лубочного театра»).

«Неровный брак» дал автору «Лубочного театра» обильный материал для сатирического пародирования не только внутренними мотивами своего содержания, но и конкретной, предметной образностью. В частности, появление слова «лубочный» в названии произведения Грибоедова, вероятно, обязано образу некоего сооружения — «лубочной галереи», «лубочного здания», играющего существенную роль в сюжете Загоскина.

В «Лубочном театре» Грибоедов дал оценку всему, что было написано Загоскиным к октябрю 1817 г. (комедии «Урок волокитам», «Проказник», «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице», интермедии «Макарьевская ярмарка», «Лебедянская ярмарка», журнальные статьи и театральные обзоры, «Неровный брак»). Не придерживаясь хронологии, Грибоедов создал целостный, обобщенный образ автора этих произведений, охарактеризованного и прямым словом, и через представле́ние и оценку созданного им персонажного мира.

Ст. 9—10. ...*Рогатый, нерогатый И всякий скот.* — Грибоедов намекает здесь на один из важнейших сквозных мотивов «Неровного брака», где постоянно обыгрывается тема рогатого скота: Славолюбский, отстаивающий преимущество скота рогатого, сам выступает в роли «рогатого» супруга. Споры о достоинствах того или иного вида скота слишком акцентированы в «Неровном браке», весь

этот мотив так навязчив, а участники полемики настолько окарикатурены, что они легко превращаются автором «Лубочного театра» в фигуры балаганных персонажей, которым придан аллегорический смысл.

Ст. 11. *Вот господин Загоскин...*— В автографе — Михайло Моськин. Этот псевдоним прозрачно прикрывал личное имя Загоскина как кличка с вполне ощутимым уничижительным смыслом. Грибоедов использовал такое звучание имени (Михайло), какое было привычно употребительным в то время. Показательно, что в рассказе «Концерт бесов» из цикла «Вечер на Хопре» (Библ. для чт. 1834. Т. 3) Загоскин одному из рассказчиков дал свое имя в том же звучании: Михайла Николаич. Именем Михайло он подписывал и некоторые свои письма, так же обращались к Загоскину и авторы многих писем к нему. В 1849 г. в журнале «Москва» (№ 13) критико-биографический очерк, посвященный писателю, озаглавлен «Михайло Николаевич Загоскин». Смысл фамилии-клички проясняется опять-таки из произведения Загоскина — в данном случае из его «Комедии против комедии», где положительный герой Изборский, выражающий авторскую точку зрения, вступает в защиту «Липецких вод» Шаховского и характеризует противников Шаховского, цитируя басню Крылова «Слон и Моська». В «Лубочном театре» Грибоедов обращает кличку «Моська» к самому Загоскину.

Ст. 13—14. *Княгини и Княжны...*— В письме к Катенину от 19 октября 1817 г. Грибоедов специально обращал внимание на то, как должны быть напечатаны имена персонажей пьес Загоскина: «А стих Княгини и пр. и пр. вот как раздробить:

Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блёсткин».

Такое «дробление», выделение каждого персонажа дает «режиссерскую» установку: каждая из фигур (картинка, кукла) должна быть показана так, чтобы на «сцене» собрались, один за другим появляясь, действующие лица комедий Загоскина. Ритмически регулирует их показ соединительный союз «и». Кроме того, пауза после слова «Княжны» позволяет зафиксировать звучание рифмы: *княжны — смешны*, ибо вторая половина рифмы скрыта внутри стиха большой протяженности, подготовляющего переход к фигуре самого создателя этих лиц: «Они хоть не смешны, да сам зато уж он Куда смешон!» — перенос в самостоятельную строку подчеркивает словесную оценку и указывает на то, что в руках балаганного актера появляется изображение Загоскина, причем очень смешное.

Ст. 15. *Князь Фольгин* (правильно: граф Фольгин) — действующее лицо «Комедии против комедии, или Урок волокитам» Загоскина, один из самых непримиримых критиков «Липецких вод» Шаховского (см. наст. том, комментарии к стихотворению «От Аполлона»).

Ст. 16. *Князь Блёсткин* — персонаж комедии Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» (см. ниже), светский вертопрах, промотавший за два года в Париже все свое состояние и пытающийся поправить финансовое положение женитьбой на племяннице богатого провинциала Богатонова.

Ст. 20. *Вот вам его Проказник...*— «Проказник» — первая комедия М. Н. Загоскина, с которой он явился в Петербург из Пензенской губернии, довольно слабое и не имевшее успеха сочинение. Поставленная в Петербурге при помощи А. А. Шаховского, который стал покровительствовать Загоскину после его «Урока волокитам» (см. комментарии к стихотворению «От Аполлона»), 15 декабря 1815 г. («Уроки волокитам» представлен был ранее — 4 ноября 1815 г., в один вечер с очередной постановкой «Липецких вод» Шаховского), комедия «Проказник» успеха не имела и выдержала всего два представления. О появлении ее на сцене см.: Арапов. С. 243—245; *Сушков Н. В.* Обоз к потомству // Раут: Историко-литературный сборник. Кн. 3. М., 1854. С. 292—293.

Ст. 29. *Вот Богатонов вам...*— Богатонов — главное действующее лицо комедии М. Н. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице», впервые поставленной 27 июня 1817 г., а затем шедшей на петербургской сцене 3, 12 июля, 23 августа, 23 сентября (указываются постановки до написания «Лубочного театра»). Издана также в 1817 г., неоднократно исполнялась до начала 30-х гг. на сценах театров обеих столиц. В лице Ивана Сидорыча Богатонова, богатого помещика, недавно приехавшего в Петербург, Загоскин высмеивал стремление провинциальных дворян, отказавшись от своих обязанностей русского помещика, проматывать доходы в столице, искать дружбы со знатными — князьями, графами, баронами, подражать их образу жизни. Все претензии Богатонова и его жены оказываются беспочвенными, а сам он становится всеобщим посмешищем. Комедия пользовалась успехом у публики и «утверждала самобытность комического таланта Загоскина» (Арапов. С. 254).

Ст. 31. *С Транжирина кафтан стащил...*— Транжирин — главный персонаж популярной в начале XIX в. комедии Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808) — разбогатевший откупщик, который завел свой домашний театр и желает «угостить» спектаклем ожидаемого в деревню графа. Грибоедов ука-

зывает на зависимость комедии Загоскина «Богатонов» от этого произведения Шаховского. Герои обоих комедиографов восходили к общему источнику — комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», однако зависимость Загоскина от Шаховского, как и в предыдущей его комедии «Урок волокитам», несомненна, да и сам Загоскин писал об этом в авторецензии (см.: СН. 1817. № 1. С. 25; см. также: История русской драматургии. XVII — первая половина XIX в. С. 232).

Ст. 33—36. *А светский тон ~ Переняла у Буйного Соседа.*— Буйный Сосед — комический образ, созданный путем соединения и трансформации названия шутливой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» и фамилии ее главного героя — Буянова. Написанная в 1811 г. поэма считалась по условиям цензуры и нравов того времени непечатной, поскольку живописала похождения Буянова в публичном доме и содержала недопустимые в печати слова и выражения. Однако поэма получила широчайшее распространение в списках и сразу же вошла в литературный контекст 1810—1820-х гг. Буянов стал своеобразной литературной маской (ср. упоминание в «Евгении Онегине» Пушкина — гл. 5, строфа XXVI, а также в послании К. Н. Батюшкова «Князю П. И. Шаликову», 1818). Грибоедов сатирически намекал на то, что Загоскин плохо знает светское общество, представителей которого постоянно стремится высмеять. Автор «Лубочного театра» и в этом случае опирался на материал произведений Загоскина, где речь высокородных персонажей заметно пестрит грубоватыми, вульгарными и неуклюжими словесными оборотами.

Ст. 40. *Вот вам Загоскин-Наблюдатель...*— Имеется в виду журнал «Северный наблюдатель», издававшийся Загоскиным с июля по декабрь 1817 г. Последнюю часть «фацетии» Грибоедов посвящает Загоскину-журналисту, издателю «Северного наблюдателя». Публике, собравшейся расходиться, предлагается как бы вторая часть представления. Здесь у Загоскина появляется персонаж-соперник, и теперь эта пара призвана смешить зрителей. Парность персонажей подчеркивается четкой парной рифмовкой: рядом с Загоскиным-«Наблюдателем» появляется «вечный состязатель» — персонифицированный «Сын Отечества».

Ст. 41. *Вот Сын Отечества, с ним вечный состязатель...*— Намек на полемику «Сына Отечества» с «Северным наблюдателем» по поводу комедий Загоскина. На страницах «Северного наблюдателя» с апологетической рецензией на комедию «Богатонов» выступил Ювенал Беневольский (№ 1. С. 22—28). Ему возразил Ювенал Прямосудов в № 29 «Сына Отечества». Загоскин ответил в № 16 «Северного наблюдателя» заметкой «Дух, или Избранные

места из творений Ювенала Прямосудова» (об этой полемике см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. С. 238—239; *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. 1. М.; Л., 1956. С. 288; *Королева Н.* Декабристы и театр. С. 161). Указанные исследователи считают, что под именем Ювенала Беневольского скрывался сам Загоскин, а от лица Ювенала Прямосудова выступал А. Е. Измайлов. Однако С. А. Фомичев высказал предположение, что автором рецензии на «Богатонова» в «Северном наблюдателе» (1817. № 1) был П. А. Корсаков (см.: *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума» (комедия «Студент») // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 90), а полемику с «Северным наблюдателем» вел под псевдонимом «Ювенал Прямосудов» В. И. Соц (см.: Грибоедов 1988. С. 685). Очевидно также, что эта бесконечная нить полемики находилась в связи с той, что вилась вокруг неопубликованной комедии Грибоедова и Катенина «Студент» (см.: *Виленчик В. Я.* Ювенал Беневольский: (Полемика: Загоскин, Корсаков — Грибоедов, Катенин. Лето 1817 г.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. № 6. С. 548—555). Существенным остается тот факт, что Грибоедов персонифицировал полемизирующие стороны в лице двух ведущих издателей — Загоскина и Измайлова.

Ст. 44—45. *А разобрать труднее, Кто из двоих глупее.*— Полемика «Сына Отечества» в пору редактирования его Измайловым носила не принципиальный, а мелочный характер. Б. В. Томашевский отметил, что этому способствовали «полемические приемы Измайлова»: «Все сводилось к мелким шуточкам... придиркам к отдельным словам и т. д. <...> Чем дальше, тем мельче становилась полемика, вплоть до того, что на страницах обоих журналов стали печататься длинные списки орфографических погрешностей и типографских опечаток, заимствованных из произведений противной стороны. Грибоедов достаточно точно определил характер этой перебранки» (Томашевский. Пушкин. Кн. 1. С. 288). Это же подчеркнул и В. К. Кюхельбекер, перечитывавший в 1833 г. в тюрьме старые номера «Сына Отечества»: «О спорах же Загоскина и Измайлова покойный Грибоедов очень хорошо сказал:

Один напишет вздор,
Другой на вздор разбор,
А разобрать всего труднее,
Кто из обоих их глупее?»

(Кюхельбекер 1979. С. 264).

А. А., Л. С.

КАЛЬЯНЧИ

(с. 216—218)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО и СА. 1838. № 1. С. 19, с указанием автора: «А. С. Грибоедова» и заглавием: «Отрывок из поэмы „Кальянчи"».

Печатается по тексту первой публикации с исправлением по смыслу опечатки в ст. 46: «За сосуд ценинный» вместо: «За сосуд цененный». В. С. Шадури указал на фактическую ошибку в ст. 39 — *На Риона берегах*,— возможно, принадлежащую Грибоедову. Следует — *На Иоры берегах*, так как Иора — приток Куры, реки в Кахетии, откуда родом герой стихотворения, а Рион (Риони) — река в Имеретии (см.: Там, где вьется Алазань. Тбилиси, 1977. С. 104).

Принадлежность стихотворения Грибоедову подтверждается указанием Д. А. Смирнова на то, что автограф «Кальянчи» находился в Черновой тетради: «Черновая тетрадь Грибоедова начинается небольшой поэмой „Кальянчи", которую я не привожу здесь потому, что она была уже несколько раз напечатана» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 74). Логично предположить, что печатный текст в «Сыне Отечества» не отличался от автографа (ср. публикацию Смирновым стихотворения «Дележ добычи» — другой редакции уже опубликованных «Хищников на Чегеме»).

В примечании к стихотворению «А. О<доевскому>» Смирнов указал, что его текст «написан на одной из страниц поэмы „Кальянчи"» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 74), из чего следует, что «Кальянчи» написано раньше, т. е. до 1826 г. Возможно, работа над поэмой, писавшейся на основании персидских впечатлений, относится к 1821—1822 гг., ко времени пребывания в Тифлисе. Ю. Н. Тынянов утверждал, что «Кальянчи» — фрагмент не дошедшей до нас поэмы Грибоедова «Странник», о которой упоминал Кюхельбекер в своем примечании к стихотворению «Памяти Грибоедова» (1829) — см.: Кюхельбекер 1939. С. XXVII, 461—462. К стихам:

Певца, воспевшего Иран
И — ах! — сраженного Ираном! —

Кюхельбекер сделал пояснение: « Ce rapporte à un charmant poème; *Путник* où *Странник,* dans le genre de Child-Harold (mais sans la morgue et la misanthropie de Byron) dans lequel il avoit peint la

Perse; ce poème n'a jamais été imprimé » («Относится к прелестной поэме *Путник* или *Странник,* вроде Чайльд-Гарольда (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он изобразил Персию; эта поэма никогда не была напечатана» — *франц.*). В другой редакции стихотворения «Памяти Грибоедова» это примечание Кюхельбекера гласит: «Относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с Чайлдом-Гарольдом; в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надобно смешивать с драмой («Грузинская ночь».— *Ред.*), о которой упоминает Булгарин» (Кюхельбекер 1967. Т. 1. С. 222, 631). О работе Грибоедова над «персидской» поэмой Кюхельбекер впервые упоминает в письме к матери от 18 декабря 1821 г. из Тифлиса (оригинал по-немецки): «Я встретил здесь моего милого петербургского знакомого: Грибоедова. <...> Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинном чистом персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение» (Кюхельбекер 1939. С. XXVII). Тынянов, опубликовавший отрывок из письма Кюхельбекера, указал, что «дело идет здесь о несохранившейся поэме Грибоедова „Странник" (или „Путник"), отрывок из которой печатается под названием „Кальянчи"» (там же). Утверждение Тынянова о «Кальянчи» как фрагменте поэмы «Странник», вероятно, основывалось на каких-то фактах, которыми мы не располагаем. Возможно, они содержались в письмах Кюхельбекера, известных Тынянову и не дошедших до нас.

Все эти косвенные данные и свидетельства Кюхельбекера, который общался с Грибоедовым особенно тесно в 1821—1822 гг. в Тифлисе, позволяют отнести работу над «Кальянчи», хотя бы первоначальную, именно к этому периоду.

Возможно, сюжет «Кальянчи» был отчасти навеян сообщением в 1820 г. С. И. Мазаровича из Персии генералу И. А. Вельяминову, исполнявшему тогда обязанности главноначальствующего на Кавказе, о похищении в Тавризе отрока-грузина:

«Несколько дней тому назад двое бродяг... выходцы из Казахской дистанции... вывели в здешний базар на продажу похищенного ими Маркобинского селения (сел. Марткоби) мальчика-грузина Татия. Я представил здешнему правительству о беззаконности такого поступления, но иноземца ли голос будет уважен, когда восстанет против издревле укоренившихся обычаев в чужом народе? Служащий при миссии... по моему приказанию силою извлек из Шахзидинского дворца (т. е. дворца Шахзаде, наследника Аббаса-Мирзы.— *Ред.*), маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправляю в Карабах» (Заря востока (Тбилиси). 1949. 7 авг. № 154).

Кальянчи — на Востоке мальчик, подающий кальян, специальный курительный прибор, состоящий из сосуда, наполняемого водой, укрепленной в его горлышке трубки с табаком (нижний конец которой опускается в воду) и трубки или кожаного шланга, введенного в сосуд выше уровня воды (через нее курильщик тянет дым, фильтруемый через воду). Д. А. Смирнов дал такое пояснение к слову «кальян», упоминаемому Грибоедовым: «Кальян для восточных народов служит предметом роскоши. Нужен особый слуга, чтобы его носить, чистить, приготовлять и возить его в дороге» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 65).

Ст. 3. *Эйзед* (изид) — в восточной мифологии добрый дух.

Ст. 4. *Пери* — в персидской мифологии прекрасная крылатая женщина, падший ангел.

Джинний (джинн) — в восточной мифологии злой дух, нечистая сила.

Ст. 13. *Ширазский лист* — листовой табак, применяемый для кальяна.

Ст. 19. *Дервиш* — странствующий мусульманский монах.

Ст. 27. *Рамена* — плечи.

Ст. 34. *Джейран* — вид антилопы или газели, водящейся в Персии и Средней Азии.

Ст. 46. *Ценинный* — керамический, глиняный или фаянсовый.

Ст. 52. *Ага* — господин, начальник.

Ст. 64. *Зелье* — здесь: порох.

Ст. 80. *Бодец* — острый, колющий или режущий предмет, шпора, которая у восточных народов заменялась острием на задней части стремени; оно иногда имело форму серпа и могло разрезать кожу лошади. В данном случае такое острие могло, видимо, использоваться как орудие наказания.

Ст. 90. *Картвела* — здесь, видимо, то же, что и Картли — историческая область Восточной Грузии, центр грузинского государства в IV—III вв. до н. э. Позднее (XV в.) — самостоятельное Картлийское царство. В данном случае — обозначение Восточной Грузии, синоним Кахетии. Название жителей Картли — картов, или картвелов, употребляется для обозначения грузин.

А. А.

ВОСТОК
(с. 218—220)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Библ. для чт. 1836. Т. 14, подп.: «А. Грибоедов» (в оглавлении помета: «Покойного А. С. Грибоедова»).

Печатается по тексту первой публикации с редакторской конъектурой в ст. 53 «...отчий кров» (в журнальной публикации: «...отчий дом», но невозможно представить, что Грибоедов не нашел здесь очевидной рифмы).

О грибоедовском авторстве стихотворений «Душа» и «Восток» см.: Проблемы творчества. С. 193—197.

Датируется предположительно 1818—1819 гг. (см. ниже).

По жанру это лиро-эпическое произведение: с самого начала в нем заметна некая отстраненность от реального автора (для Грибоедова Заволжье не было «родным краем»). Впрочем, эпический зачин тотчас же перебивается взволнованным голосом «лирического героя» («Чтó замолкли?» и пр.). Напевность стихотворения, заданная чередующимися пяти- и четырехстопными хореическими строками (отступление от избранной метрики в ст. 23 и 53) и поддержанная народно-поэтическими постоянными эпитетами, предвещает фольклорные мотивы, организующие центральную часть стихотворения по моделям волшебно-сказочной топики. Волшебная сказка обычно начинается с отъезда в дальний путь, итогом которого является «иное царство», подсолнечное царство живой воды, прекрасных садов и лугов, вечной весны, щедрого изобилия (см.: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 37—67). Но это всегда опасный для героя мир, где его ждет заключенная в тереме невеста, царевна. «Те,— отмечает В. Я. Пропп,— кто представляет себе царевну только как „душу — красную девицу", „неоцененную красу", что „ни в сказке сказать, ни пером описать", ошибаются. С одной стороны, она, правда, верная невеста, она ждет своего суженого. <...> С другой стороны, она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, искалечить, обкрасть своего жениха» (там же. С. 298). В описании «души-девицы» у Грибоедова проступают восточные черты — в русской сказке «как женщина она никогда не описывается точнее. Здесь русская сказка отличается от сказок, например, „Тысячи и одной ночи"; там выработался определенный, хотя и примитивный, канон женской красоты» (там же. С. 299). По сказочному сюжету добрый молодец должен пройти испытание и воцариться в «тридевятом царстве» или же с обретен-

ной женой бежать из него, преодолев погоню. Такого исхода в стихотворении Грибоедова нет: «иное царство» здесь «земля неправославная», противопоставленная «святой Руси», отторжение от которой для героя гибельно. Концовка стихотворения — песенная, она строится на оппозиции к популярной народной песне, рассказывающей о том, как оплакивают убитого молодца его мать, сестра и жена:

Ах ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое <...>
Как под кустиком, под ракитовым
Что лежит убит добрый молодец <...>
Три лебедушки сокрушаются;
Убивается тут родная матушка *и пр.*

(Собрание народных русских песен с их голосами... М., 1955. С. 87). «Всем известна,— замечал Н. М. Карамзин,— песня... о витязе, который умирает в дикой степи, на ковре, подле костра угасающего» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. X. СПб., 1824. С. 264). Грибоедов оставляет в стороне тему противопоставления слез матери, сестры и жены, подчеркивая иное: исчезновение из самой памяти людской зашельца, отпавшего от родины, семьи, веры — позабывшего «святую Русь».

Лиро-эпический характер грибоедовского произведения, где воплощена тема странника, позволяет высказать предположение, что стихотворение «Восток» (как и «Кальянчи», и «Там, где вьется Алазань...») представляет собой фрагмент поэмы Грибоедова, о которой вспоминал Кюхельбекер (см. прим. к стихотворению «Кальянчи»). По самому содержанию своему «Восток» связан с грибоедовскими размышлениями о судьбе соотечественников, занесенных на чужбину. Особенно остро эта проблема волновала его в 1818—1819 гг., когда он, во многом на свой страх и риск, добился выполнения одной из статей Гюлистанского договора 1813 г., до тех пор замороженной: вывода на родину русских солдат, попавших в плен к персам или дезертировавших из России, служивших в «русском батальоне» Аббас-Мирзы в Тавризе. См., например, запись в путевом дневнике от 6 сентября 1819 г. (наст. том, с. 318: «Шум, брань, деньги. Отправляемся, камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: „Как за речушкой слободушка", „Во поле дороженька", „Солдатская душечка, задушевный друг". Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза. "Спевались ли вы в батальоне?" — „Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые о России тужат". Сказка о Василии-царевиче... Разнообразные группы моего племени, я Авраам». Здесь не только отразилась проблематика стихотворения «Восток», но и угадыва-

ются народно-поэтические истоки его. Волшебная сказка о Василии-царевиче имела сюжетную константу (пребывание в «ином царстве» и исход из него), песня же «Во поле дороженька...», вероятно, представляла собой один из вариантов сюжета об оплакивании убитого молодца матерью, сестрой и женой. Можно предположить, что отражением собственного творческого опыта стали и опубликованные в фельетоне «Литературные призраки» рассуждения Талантина (Грибоедова): «Чтобы совершенно постичь дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки... знать совершенно историю и географию своего отечества. Это *первое и необходимое* условие. <...> Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного» (Литературные листки. 1824. № 16. С. 106). В таком восприятии Востока зрелым Грибоедовым уже вполне преодолевалось противопоставление Востока и Руси как двух несовместимых миров, запечатленное в стихотворении «Восток» — фрагменте поэмы «Странник» («Путник»), которая, видимо, потому и не была сохранена Грибоедовым, кроме некоторых ее отрывков.

С. Ф.

«ТАМ, ГДЕ ВЬЕТСЯ АЛАЗАНЬ...»
(с. 220)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 77; по Черн. тетр., в составе стихотворения «Освобожденный» («Луг шелковый, мирный лес!..»).

Печатается по тексту первой публикации с выделением текста «<Освобожденный>» как самостоятельного стихотворения.

Публикации предпослано следующее пояснение Д. Смирнова: «Вот стихотворение, которое принадлежит не иначе как ко времени знакомства Грибоедова с нашим юго-востоком: оно, очевидно, навеяно его природой и впечатлениями; да и кроме того, стих „Там, где вьется Алазань" (главная река Кахетии) и весь второй куплет так ясно указывают на местность, на которой, так сказать, выросло, возникло это стихотворение, что сомнения на этот раз не может быть никакого. Стало быть, это стихотворение не старше 1822 года,

весной которого Грибоедов покинул Персию для Грузии и Кавказа» (РСл. 1859. № 5. С. 76).

Н. К. Пиксанов высказал сомнение в правильности публикации Смирнова: «...оба „куплета" по смыслу совершенно не вяжутся друг с другом. Всего вероятнее, что Смирнов принял за одно стихотворение два совершенно самостоятельных отрывка, случайно переплетенных в тетради вместе» (ПССП. Т. I. С. 983). Пиксанов ссылается при этом на описание Черновой тетради Смирновым. В соответствии с этими соображениями в т. I ПССП «<Освобожденный>» и «Там, где вьется Алазань...» напечатаны отдельно. Аргументация Пиксанова была принята в последующих изданиях, однако единой точки зрения на этот вопрос нет до сих пор. В 1967 г. И. Н. Медведева вновь соединила оба отрывка и определила время создания стихотворения между сентябрем 1826 г. (время возвращения Грибоедова на Кавказ после освобождения из-под ареста) и июнем 1828 г. (время передачи Черновой тетради Бегичеву). Она высказала предположение, что стихотворение это — фрагмент эпического произведения, возможно, поэмы «Странник», к которой относится и «Кальянчи» (см.: Грибоедов 1967, с. 511—519). С. А. Фомичев поддержал эту точку зрения, считая, однако, что два фрагмента: «Луг шелковый, мирный лес!..» и «Там, где вьется Алазань...» следует поменять местами. Оба эти отрывка как единое целое он считает, наряду с «Кальянчи» и стихотворением «Восток», фрагментами поэмы «Странник» (см.: РЛ. 1977. № 9. С. 81—83). Так они и опубликованы в 1978 г. (см.: Грибоедов 1978. С. 332—338). А. Л. Гришунин в 1985 г. опубликовал фрагменты «Там, где вьется Алазань...» и «Луг шелковый, мирный лес!..» как два самостоятельных стихотворения, разделив точку зрения Пиксанова (см.: Грибоедов 1985. С. 370, 371, 372, 494), Д. М. Климова снова объединила их в соответствии с первой публикацией Д. А. Смирнова — единственным источником текста (см.: Грибоедов 1987. С. 379—380, 509). Мы разделяем точку зрения Н. К. Пиксанова. Оба фрагмента представляются различными по теме и настроению, и осторожнее помещать их как два самостоятельных произведения. Вместе с тем представляются убедительными некоторые аргументы С. А. Фомичева о тематической и ритмической близости между фрагментом «Там, где вьется Алазань...» и «Кальянчи» (см.: РЛ. 1977. № 9. С. 89). Действительно, фрагмент «Там, где вьется Алазань...» описывает те же места, о которых вспоминает отрок в «Кальянчи»: «На Риони берегах, В дальних я рожден пределах...» Сходство и в тональности этих описаний (ср. конец «Кальянчи», ст. 88—95), и в стихотворном размере — четырехстопном хорее с усечением одного стиха на стопу (ср. ст. 21 «Там, где вьется Алазань...» и ст. 46, 58, 70, 82 и 94

«Кальянчи»). Можно высказать предположение, что «Там, где вьется Алазань...» и «Кальянчи» связаны между собой общим замыслом. В таком случае они довольно близки и хронологически. Метрическое сходство отдельных мест «Кальянчи» и названного фрагмента, думается, исключает мнение, что они создавались с интервалом в несколько лет. Возможно, таким образом, отнести работу Грибоедова над фрагментом «Там, где вьется Алазань...» ко времени его первого пребывания на Кавказе в 1821—1823 гг., если иметь в виду, что В. К. Кюхельбекер, с которым Грибоедов общался в 1822 и 1824 гг., был знаком с написанными частями поэмы «Странник» (см. комментарии к «Кальянчи»).

А. А.

«КРЫЛАМИ ПОРХАЯ, СТРЕЛАМИ ЗВЕНЯ...»
(с. 220—221)

Автограф — ГЦТМ (ф. 53. № 454).

Впервые опубликовано: Оберточный листок. 1860. 19 янв. № 9, с неточностью в первом стихе: «Крылами паря, стрелами звеня»; точно по автографу — ПССП. Т. I. С. 6, там же факсимиле.

Печатается по автографу, где вариант в ст. 7: вместо «песня» было: «повесть» (зачеркнуто Грибоедовым).

Предназначалось для водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» Грибоедова и Вяземского и написано, по-видимому, в декабре 1823 г.

В газете «Оберточный листок» публикации романса предпослана заметка редакции: «Помещая в нашей газете еще нигде не напечатанные стихи А. С. Грибоедова, мы надеемся доставить этим удовольствие нашим читателям, которые, конечно, подорожат всяким произведением, вышедшим из-под пера автора, обогатившего нашу отечественную литературу бессмертною трагедиею „Горе от ума". Это одно из тех стихотворений, которые написаны А. С. Грибоедовым в альбоме А. Н. Верстовского». По свидетельству Алексея Н. Веселовского, стихотворение передано в «Оберточный листок» В. И. Родиславским (см.: ПССП. Т. I. С. 278). Родиславский воспроизвел его также в своей статье «Неизданные пьесы А. С. Грибоедова» (РВ. 1873. № 9. С. 257). Текст стихотворения в обоих случаях во всем совпадает с автографом, кроме первого стиха («паря» вместо: «порхая» — вероятно, это ошибка переписчика). Родислав-

ский сообщил также, что в письме Верстовскому, которое не дошло до нас, Грибоедов предлагал заменить в водевиле «Кто брат, кто сестра...» куплеты «Любит обновы мальчик Эрот...» на «Крылами порхая, стрелами звеня...», замена эта не была произведена.

А. А.

РОМАНС

(с. 221)

Автограф — ГЦТМ (ф. 78, Грибоедов. № 1).
Впервые опубликовано: МТ. 1831. Июнь. № 11. С. 311.
Печатается по автографу.

Предназначался для явл. 22 водевиля «Кто брат, кто сестра...» Грибоедова и П. А. Вяземского, но был заменен другим текстом (см. наст. том, с. 442).

Публикация романса в «Московском телеграфе» сопровождалась примечанием издателя: «Так мало осталось нам от незабвенного А. С. Грибоедова, что надобно дорожить каждою безделкою, писанною им в последние годы его жизни, когда необыкновенное дарование его развилось столь изумительным образом. Романс, который мы помещаем в „Телеграфе", писан Грибоедовым для театральной пьесы, в которой он участвовал, но по неизвестным нам причинам романс сей, дышащий истинным лирическим восторгом, остался в рукописи. А. Н. Верстовский сочинил для него прелестную музыку, надеемся, что он позволит нам поместить ее в „Телеграфе". Верстовский, поэт в душе, угадал душу Грибоедова удивительно, и музыка его горит звуками, как у Грибоедова горят слова, выражающие всю силу страсти пламенной и — безнадежной!»

Вероятно, этот романс с музыкой Верстовского предназначался для публикации в «Полярной звезде на 1825 год». 20 февраля 1825 г. К. Ф. Рылеев писал П. А. Вяземскому: «Мы и Грибоедов просим Вас послать к Верстовскому за музыкою, которую сделал он для Грибоедова романса, и переслать к нам для „Звезды"» (ЛН. Т. 59. Кн. 1. С. 146). Публикатор письма в «Литературном наследстве», А. Г. Цейтлин, указывает, что «ноты романса Грибоедова (музыка А. Н. Верстовского) были помещены в „Полярной звезде" на 1825 г. в виде приложения, без обозначения фамилий обоих с надписью: „ Walzer "» (там же). Однако в просмотренных экземплярах альманаха, хранящихся в библиотеках ИРЛИ, РНБ

и РГБ, это приложение отсутствует. Не упомянуто оно в издании «Полярной звезды» в серии «Литературные памятники» (М.; Л., 1960) и не указано в книге Н. Смирнова-Сокольского «Альманахи пушкинской поры».

Замечание издателя «Московского телеграфа», что «романс сей... остался в рукописи», также противоречит утверждению А. Г. Цейтлина.

По замечанию А. Воиновой, «мелодия этого романса сочинена Грибоедовым и аранжирована Алябьевым (в 1837 г. Алябьев выпустил этот романс, не упомянув об авторе мелодии)» (*Воинова А.* Грибоедов и музыка // Сов. искусство. 1945. 16 янв. С. 3).

А. А.

ДАВИД

(с. 221—223, 374)

Автограф — РГАЛИ (ф. 136. Оп. 3. № 8), на обороте его записка по-франц., адресованная сестре, М. С. Грибоедовой, где, в частности, говорится: «Дорогая Мари, я провел мучительную ночь. Будьте добры отправить этот продукт бессонницы Кюхельбекеру...»

Список — РГАЛИ (ф. 136. Оп. 1. № 33. В альбоме В. И. Ланской, л. 32), с датой: 17 декабря 1823 года.

Впервые опубликовано: Мнемозина. Ч. 1. М., 1824. С. 24—25 (ценз. разр. 17 янв. 1824), подпись: «А. Г.».

Печатается по автографу.

Дата списка в альбоме В. И. Ланской, возможно, указывает на время создания стихотворения.

Стихотворение, судя по записке к сестре, написано непосредственно перед составлением альманаха, в ноябре — декабре 1823 г.

Кюхельбекер, получив текст, проредактировал его: он принял правку самого Грибоедова, повторив ее карандашом над строкой (для наборщика?), в последнем стихе из двух предложенных вариантов принял основной, зачеркнув тот, что был над строкой, и сделал исправление в первом стихе: «в братиях» вместо: «в братии». Снабдил стихотворение подписью: «А. Грибоедов» и, свернув лист вчетверо, надписал адрес: «В доме Алексеева <?> в Садовой возле прихода <нрзб.>», послав стихотворение, видимо, уже в набор.

В печати оно появилось без разбивки на строфы и подписанное лишь инициалами.

Стихотворение является переложением псалма 151, завершающего Псалтирь в греческой Библии и в переводе ее на церковнославянский язык (в еврейской Библии Псалтирь состоит из 150 псалмов). Переложение Грибоедова очень близко к тексту. (Ср. церковнославянский текст псалма 151: «Мал бех в братии моей, и юнейший в дому отца моего, пасох овцы отца моего; руце мои сотвористе орган, а персты мои сотвориша псалтирь. И кто возвестит Господу моему, Сам Господь, сам услышит. Сам посла ангела своего, и взяти мя от овец отца моего, и помаза мя елеем помазания своего. Братия моя добри и велици: и не благоволи в них Господь. Изыдох в сретение иноплеменнику, и проклял мя идолы своими. Аз же исторгнул меч от него, обезглавил его и отъях поношение от сынов израилевых».)

Ранее псалом 151 в стихотворной форме перелагали А. П. Сумароков (*Сумароков А. П.* «Из *** псалма» // Сумароков А. П. Стихотворения духовные. [Б. м., б. г.] С. 196—197) и В. И. Майков (*Майков В. И.* Óда осьмая: Преложение псалма «Внегда единоборствовал Давид на Голиафа» // Разные стихотворения Василия Майкова. Кн. I. СПб., 1773. С. 24—26).

Грибоедов несколько усилил противопоставление Давида его старшим братьям, почерпнув материал в 1-й Книге Царств (гл. 16). В то же время мотив противопоставления младшего и слабейшего брата и более могучего или более умного старшего — характерен для фольклора.

«Давид» открывал книгу 1 «Мнемозины» и явился программным произведением для самого Грибоедова и близкого ему Кюхельбекера (см.: *Тынянов Ю.* Заметки о Грибоедове // Звезда. 1941. № 1. С. 124—127). Это образец высокой героической лирики, для которой характерно обращение к историческим или мифологическим образам и ассоциациям. Поэтическое переложение псалмов было распространенным явлением в русской поэзии XVIII — начала XIX в. Новаторство Грибоедова заключалось не столько в обращении к Библии, сколько в возможно точном воспроизведении архаичного языка и стиля. Перенасыщение языка архаизмами призвано было не воссоздавать высокий стиль поэзии классицизма, а выполнять стилизаторскую функцию, передавать особый библейский колорит и воспроизводить характер древней исторической эпохи (см. об этом: *Архипова А. В.* Литературное дело декабристов. Л., 1987. С. 59).

По воспоминаниям племянницы С. Н. Бегичева Е. П. Соковниной, общавшейся в 1824 г. с Грибоедовым, он научил ее «пони-

мать высокопоэтическое достоинство псалмов Давида, заставляя переводить некоторые из них» (Воспоминания 1980. С. 95). Изучение Священного Писания, предпринятое Грибоедовым совместно с Кюхельбекером в 1822 г. (см.: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Кюхельбекер // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 267—268), отразилось и в поэзии Кюхельбекера («Проклятие», «Пятая заповедь», «Упование на Бога» и другие стихотворения 1822—1823 гг.). Позднее, в 1826—1829 гг., Кюхельбекер предпринял создание большой поэмы «Давид», тема которой была ему рекомендована Грибоедовым (см.: *Тынянов Ю.* Заметки о Грибоедове. С. 125).

К образу Давида в 1822 г. обращался П. А. Катенин. В большом его стихотворении «Мир поэта» (ВЕ. 1822. № 21, 22) Давид изображается наряду с другими персонажами библейской и античной мифологии как высокий образ, вдохновляющий поэта, и использованы реминисценции из псалма 151. На основе псалмов Давида создавал в 1820-е гг. Ф. Глинка многие свои стихотворения, вошедшие затем в книгу «Опыты священной поэзии» (1826). Однако стихотворение Грибоедова выделило этого героя и привлекло к нему особое внимание.

Литературная критика, в целом не очень доброжелательно встретившая появление «Мнемозины», обошла «Давида» молчанием. Лишь А. Ф. Воейков в иронически-уничижительной рецензии на ч. 1 «Мнемозины» презрительно помянул некоторые строчки «Давида» как пример плохих стихов (см.: Новости литературы. 1824. Ч. VIII. № 14. С. 93). А постоянный в эти годы антагонист Грибоедова А. Писарев отозвался в своей стихотворной сатире «Певец на биваках у подошвы Парнаса» (1825) на это переложение псалма:

Как Грибоедова забыть?
Сатирик, трагик, лирик,
Его не нужно нам хвалить,
Он сам свой панегирик.
Давиду перевод его
Страшнее Голиафа...

(Цит. по: Эпиграмма и сатира. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 219).

Тем не менее влияние «Давида» на современную поэзию быстро сказалось. Стихотворение Ф. Глинки «Победа» (1825), завершающее «Опыты священной поэзии», — вольное переложение псалма 151. Переложения того же псалма создавались позднее и другими поэтами (И. Бороздна — 1840; Милькеев — 1845). Но главное было в том, что Грибоедов привлек внимание к образу Давида, ставшего в вольнолюбивой поэзии 1820-х гг. одним из любимых ми-

фологических персонажей, поскольку он соединял черты воина-освободителя и поэта-пророка.

Ст. 6. *Псалтырь* — музыкальный инструмент у древних иудеев.

А. А.

<ЭПИГРАММЫ>

В РГАЛИ (ф. 195. Оп. 1. № 1212) хранится список П. А. Вяземского, где на одной странице без даты под общим заглавием «Сатиры Грибоедова» переписаны три эпиграммы, четко отделенные одна от другой: 1) «Как распложаются журнальные побранки...»; 2) «И сочиняют — врут! И переводят — врут!..» под заглавием: «Надпись к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева»; 3) «Шалите рифмами, нанизывайте стопы...».

Список Вяземского, близкого Грибоедову в пору создания этих эпиграмм,— наиболее авторитетный источник текста. То же разделение эпиграмм «И сочиняют — врут!..» и «Шалите рифмами...» с тем же заглавием первой из них — в списке рукой К. Ф. Калайдовича из собрания П. Я. Дашкова (ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 254). Список этот не был копией списка Вяземского, так как он содержит две эпиграммы из трех, в нем не указан автор (есть приписка, что эпиграммы принадлежат Вяземскому) и имеются некоторые разночтения, тем не менее записаны две самостоятельные эпиграммы. Позднее они объединились в одну — такая версия приведена в «Записках» К. А. Полевого (СПб., 1888. С. 410).

Эпиграммы написаны весной 1824 г. и являются звеньями шумной полемики, которую вели Вяземский и Грибоедов, с одной стороны, и М. А. Дмитриев и А. Н. Писарев — с другой. Полемика развернулась вокруг постановки в январе 1824 г. водевиля Грибоедова и Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (см. комментарии к этому произведению), а также, особенно остро, после выхода в свет в марте 1824 г. поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» со статьей Вяземского «Вместо предисловия к Бахчисарайскому фонтану. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». Статья Вяземского — своеобразный манифест русского романтизма — встретила отпор со стороны «Вестника Европы» в лице его сотрудника М. А. Дмитриева (1796—1866), известного приверженностью к ус-

таревшей литературной нормативности (см. об этом: Эпиграмма и сатира. Т. I. М.; Л., 1931. С. 183—184; ЛН. Т. 47—48. С. 233—234; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX в. С. 201—207; *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 99—111; *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. I. М.; Л., 1956. С. 512—521, а также воспоминания Вяземского «Дела иль пустяки давно минувших лет» — Воспоминания 1980. С. 83—84).

В полемике с Вяземским к Дмитриеву присоединился его друг и единомышленник А. И. Писарев (1803—1828), известный водевилист и переводчик драматических сочинений. По воспоминаниям М. Н. Лонгинова, Писарев «ввязался в полемику Дмитриева против Вяземского, которого возненавидел, как злейшего врага, хотя сам был сбоку припека... Писарев ненавидел Пушкина, хулил в нем все... Грибоедов и Вяземский особенно бесили его своей известностью в московском обществе... Писарев был зол, завистлив и высокомерен» (Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 188).

Литературная полемика двух лагерей отразилась не только в журнальных статьях, но и в большом количестве взаимных эпиграмм, распространявшихся устно или в списках. М. Н. Лонгинов вспоминал впоследствии: «Во время полемики Дмитриева, Писарева и др. против Вяземского, Грибоедова, Полевого эпиграммы приносил из лагеря в лагерь известный Шатилов (Репетилов), зять музыканта Алябьева. Он, например, приходил в ложу Кокошкина, где сидели Писарев и Дмитриев, получал эпиграмму и нес в кресла Вяземскому и Грибоедову, потом шел опять в ложу и говорил: „Завтра будет ответ" и проч.» (там же. С. 185).

Эпиграммы широко распространялись в списках как в Москве, так и в Петербурге. 1 мая 1824 г. Вяземский писал в Петербург А. И. Тургеневу: «Спроси у Воейкова эпиграммы на меня и на Грибоедова. <...> Впрочем, вот тебе все эпиграммы Дмитриева и Писарева; легко узнать, которые на меня и которые на Грибоедова» (Ост. арх. Т. III. С. 38).

Журнальная полемика между Вяземским и М. Дмитриевым прекратилась статьей Вяземского «Мое последнее слово» (Дамский журнал. 1824. Ч. VI. № 9. Май. С. 115—118). Эпиграмматическая же война продолжалась и позднее, однако «Надпись к портретам...», как и эпиграмма «Как распложаются журнальные побранки...», написаны, по-видимому, до 15 апреля 1824 г. В заглавии «Надписи к портретам...» Дмитриев назван Михайлой. 15 апреля 1824 г. в «Вестнике Европы» (№ 7) появилось его очередное выступление против Вяземского: «Ответ на статью „О литературных мистификациях"», подписанная: «Михаил Дмитриев» (до этого он подписывался инициалами). Это написание имени сразу отметили литера-

турные противники Дмитриева (см. эпиграмму «Важное приобретение» («Германской музою пиита вдохновенный...») и комментарии к ней). В названных эпиграммах Грибоедова Дмитриев еще Михайла. На эпиграмму «И сочиняют — врут! И переводят — врут!..» Писарев и Дмитриев ответили потоком эпиграмм («О Грибус! В пасквиле презлом, хотя не тонком, Ты в дети произвел меня дурным стихом...» А. Писарева; «Мы — дети, может быть, незлобием сердец...» М. Дмитриева и др.) Вяземский включился в эту борьбу эпиграммами «Вы дети, хоть в школярных летах!..» и «Цып! цып! сердитые малютки!..», что повлекло за собой новые эпиграммы Дмитриева и Писарева (см.: Эпиграмма и сатира. Т. I. С. 198—209).

Надпись к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева

(с. 223)

Автограф неизвестен.

Список П. А. Вяземского — РГАЛИ (ф. 195. Оп. 1. № 1212). Список К. Ф. Калайдовича — ИРЛИ (ф. 93. Оп. 3. № 254).

Впервые опубликовано: Горе от ума 1839. С. XXXIV, в составе статьи К. А. Полевого «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова»; Горе от ума 1875. С. 78, в составе статьи И. Д. Гарусова «Печатные издания комедии „Горе от ума"».

Печатается по списку Вяземского.

В первых публикациях объединено с эпиграммой «Шалите рифмами, нанизывайте стопы...» (см. наст. том, комментарий к этой эпиграмме).

Датируется мартом — апрелем 1824 г.

«Шалите рифмами, нанизывайте стопы...»

(с. 223, 374)

Автограф неизвестен.

Список П. А. Вяземского — РГАЛИ (ф. 195. Оп. 1. № 1212). Список К. Ф. Калайдовича — ИРЛИ (ф. 93. Оп. 3. № 254).

Впервые опубликовано: частично — Горе от ума 1839. С. XXXIV, в составе статьи К. А. Полевого «О жизни и сочинениях А. С. Гри-

боедова»; Горе от ума 1875. С. 78, в статье И. Д. Гарусова «Печатные издания комедии „Горе от ума"»; полностью — *Полевой К. А.* Записки. СПб., 1888. С. 410.

Печатается по списку Вяземского.

Первая публикация (1839 г.) не полностью, без заглавия и последних двух стихов как продолжение эпиграммы «Надпись к портретам...» («И сочиняют — врут! И переводят — врут!..»). Тот же неполный текст с пометой «неоконченная» перепечатан в изданиях: Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. СПб., 1860. С. 334; Сочинения А. С. Грибоедова. Берлин, 1860. С. 64. В 1875 г. И. Д. Гарусов (Горе от ума 1875) привел свой вариант эпиграммы с какого-то неизвестного нам списка. Как и К. А. Полевой (1888 г.), он объединил две эпиграммы в одну, но дополнил ее двумя стихами:

Так, чтобы были вы умнее, молодцы,
Вам выдрать следует всем преисправно <...>.

Этот же вариант с незначительными разночтениями приведен в сокращенной редакции статьи И. Д. Гарусова «Обзор всех изданий комедии „Горе от ума". 1825—1874» (РС. 1874. Т. 10. Авг. С. 720). В списке Вяземского, который представляется наиболее авторитетным, как и в списке Калайдовича, эта эпиграмма отделена от эпиграммы «Надпись к портретам...».

Датируется весной 1824 г. К. А. Полевой, приведя в своих воспоминаниях эпиграмму, заметил: «В «Вестнике Европы» приверженцы Каченовского порицали все, что отличалось в современной словесности вкусом и дарованием. Тогдашние студенты, особливо казенно-коштные, иногда грубые и малообразованные, бранились с особенным пылом. Казенные бойцы и студенческая кровь вошли у нас в поговорку» (*Полевой К. А.* Записки. СПб., 1888. С. 410).

«Как распложаются журнальные побранки!..»

(с. 223—224)

Автограф неизвестен.

Список Вяземского — РГАЛИ (ф. 195. Оп. 1. № 1212). Список С. Д. Полторацкого — РГБ (ф. 233.79.13).

Впервые опубликовано: частично — РА. 1892. Кн. 1. № 1. С. 272 (первые десять стихов), без указания имени автора под заглавием «Старинное стихотворение»; полностью — Вестн. Ленингр. ун-та.

№ 14. 1957. Сер. яз. и лит. Вып. 3. С. 159 (публикация М. А. Гиллельсона по списку Вяземского).

Печатается по списку Вяземского с исправлением в ст. 15 по списку Полторацкого: *То усыряют вас водяными стихами* вместо: *То усыряют их водяными стихами.*

В списке Полторацкого эпиграмма приведена без первого стиха, с некоторыми разночтениями и с заголовком: «Эпигр<амма> Гриб<оедова> на Мих. Дм<итриева>».

Написана до 15 апреля 1824 г., когда вышла статья «Ответ на статью „О литературных мистификациях"» (ВЕ. 1824. № 7), подписанная: «Михаил Дмитриев». В данной эпиграмме Дмитриев назван Михайло.

Эпиграмма вызвала в ответ эпиграмму А. Писарева «Куда размножились Парнасские уроды!..» (см.: Эпиграмма и сатира. Т. I. Л., 1931. С. 209). По мнению М. Медведева (см.: ВЛ. 1958. № 1. С. 189), последняя появилась не ранее 20 марта 1825 г., когда вышла в свет «Полярная звезда на 1825 год». В ней было опубликовано стихотворение Вяземского «Того-сего», упоминаемое в эпиграмме Писарева.

Ст. 2. *Гласит предание, что Фауст ворожил...*— Имеется в виду Иоганн Фауст (Фуст; XV в.), соперник Гутенберга в изобретении книгопечатания. Отождествлялся иногда с чернокнижником Фаустом, послужившим прототипом героя Гёте (см.: *Жирмунский В. М.* История легенды о Фаусте // Легенды о докторе Фаусте. М.; Л., 1958. С. 439). Попытки датировать эпиграмму Грибоедова 1825 г. на том основании, что в 1825 г. Грибоедов переводил «Пролог» к «Фаусту» Гёте (см.: *Медведев М.* Два новых стихотворения Грибоедова // ВЛ. 1958. № 1. С. 184—190), представляются неубедительными.

Ст. 11—12. *Уж наложил на вас школярные персты Михайло Дмитриев с друзьями...*— Название школяров для обозначения лагеря М. Дмитриев — А. Писарев постоянно встречается в эпиграммах Грибоедова и Вяземского (ср.: «Вы дети, хоть в школярных летах...» Вяземского; «Сошлися школьники, и вскоре Михайло Дмитриев рецензию скропал...» — анонимная; «Дрожащий над ферулой школьник!», «Педантствуй сплошь, когда охота есть, В глаза невежд кидай школярной пылью...» Вяземского и др.— Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 204—208). Название это подразумевает не только незрелость, необразованность (недоучившиеся школьники), но и

приверженность к повторению устаревших схоластических догм, зубрежке, отсутствию самостоятельной мысли. Этот смысл понят в ответной эпиграмме «Наш Рифмин стал судьей в народном просвещеньи, И правила наук школярством назвал он...» (там же. С. 207).

А. А.

ТЕЛЕШОВОЙ

(с. 224—225)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО. 1825. Ч. 99. № I. С. 106—108, подпись: «Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации.

В печатном тексте к ст. 3 дано следующее «Примеч<ание> Издат<еля>», составленное, вероятно, при участии Грибоедова: «Эдем *Зороастров*, жилище Пери, воображаемых восточными народами существ, которых Парси и даже Мусульманы представляют себе в цветах радуги и в бальзамических испарениях роз и ясминов» (с. 106).

Стихотворение посвящено Екатерине Александровне Телешовой (1804—1857), танцовщице Петербургского Императорского театра. В 1823 г. она была выпущена из Петербургского театрального училища и танцевала на сцене до 1842 г. Ученица Ш. Дидло, она утверждала его новаторские принципы и отличалась драматическим талантом. Особенно прославилась в пантомимных ролях (Фенелла в «Немой из Портичи» Обера, Федра в «Федре и Ипполите» Кавоса и Турика и др.). В альманахе «Русская Талия на 1825 год» был помещен ее портрет, сопровождавшийся следующей характеристикой: «Сия юная питомица Терпсихоры, отличная в трудном искусстве пантомимы, все свои роли разыгрывает с необыкновенною приятностию и редким успехом. Она подает еще большие надежды привязанностью своею к драматическому искусству и постепенным стремлением к усовершению» (с. IX).

Балет «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника», в котором Телешова исполняла роль нимфы Аспарухи, был поставлен по мотивам поэмы Пушкина. Либретто и постановка А. П. Глушковского, музыка Ф. Шольца. Премьера состоялась в Москве в 1821 г. На петербургскую сцену балет перенесен

учителем Глушковского — Ш. Дидло. Петербургская премьера состоялась 8 декабря 1824 г. в бенефис танцовщика Огюста (см.: Арапов. С. 363). Балет Глушковского — одно из первых обращений русского музыкального театра к национальной теме и сюжетам отечественной литературы, хотя мотивы пушкинской поэмы использованы в либретто очень вольно. Балет пользовался большим успехом и надолго сохранился в репертуаре. Подробный разбор его см. в кн.: *Гозенпуд А.* Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки. Л., 1959. С. 536—547. В д. IV Руслан попадает в сад Черномора. Злая волшебница Злотвора пытается победить Руслана силой обольщения. Она превращает подвластных ей фурий в прекрасных дев: «Одной велит претвориться спящею, другой — играющей на лире, и каждой дает особое занятие» (там же. С. 543). Появляется Руслан. «Одна из нимф играет на лире и завлекает Руслана в сад». Руслан, видя другую нимфу под покрывалом, приближается к ней, желая увидеть ее красоту. «Третья нимфа занимает Руслана своими танцами. Начинается центральная сцена балета. Эту нимфу (Аспаруху) в петербургском спектакле танцевала Телешова. <...> Всякий раз, когда Руслан уже готов поддаться искушению нимф, раздается удар грома и появляется надпись на камне: „Неверный”. <...> Третья нимфа... с большим старанием начинает танцевать и в это время подносит ему кубок, наполненный ядом. Ослепленный красотою, рыцарь хочет исполнить предложение обольстительницы. <...> Но силы добра торжествуют. Из кубка нимфы вырывается пламя. Руслан приходит в себя и бросается с оружием на коварных волшебниц» (там же. С. 544).

Об обстоятельствах создания стихотворения Грибоедов писал С. Н. Бегичеву 4 января 1825 г.: «Скажу тебе коротко, как это все завязалось. Долго я жил уединен от всех, вдруг тоска выехала на белый свет, куда как не к Шаховскому? <...> В три, четыре вечера Т* меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел. <...> Между тем Т* до такой степени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, отчего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одаль стоя, торжествовал; наконец у меня зашлось рифмами, которые ты, вероятно, читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижусь, чтоб не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь все так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость.— Рассмейся».

Стихотворение имело хождение в театральных кругах. П. Арапов перепечатал его в «Летописи русского театра» (с. 380).

Ст. 1. *Харита* — в греческой мифологии одна из богинь красоты.

Ст. 2. *Пери* — см. комментарий к стихотворению «Кальянчи», с. 476.

Ст. 5. *И вдруг — как ветр ее полет!* — Возможно, здесь сказалось влияние Пушкина, описание им танца балерины Е. И. Истоминой в гл. I «Евгения Онегина». Эта строфа из романа Пушкина была опубликована в статье Ф. В. Булгарина «Литературные новости» (см.: Литературные листки. 1824. Ч. IV. Февр. С. 148—149) и потому была известна Грибоедову.

Можно также предположить влияние на эти строки стихотворения Г. Р. Державина «Дифирамб на балет „Зефир и Флора"»:

Что за призраки прелестны,
Легки, светлы существа?
Сонм зефирный, сонм небесный,
Тени, лицы Божества,
В неописанном восторге,
Мой лелеют, нежат дух.
Не Богов ли я в чертоге?
Прав ты, прав ты, Шведенбург...

(Драматический вестник.
1808. Ч. I. № 5. С. 47).

Ст. 21—36. *Зачем манишь рукою нежной? ~ Всё в жертву он отдал тебе.*— Здесь Грибоедов уподобляет чувства Руслана к нимфе своим чувствам к исполнительнице ее роли.

А. А.

ОТРЫВОК ИЗ ГЁТЕ

(с. 225—229)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Полярная звезда на 1825 год. С. 306, подпись: «Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации.

«Отрывок...» представляет собой перевод «Театрального вступления» или «Пролога в театре» к трагедии И.-В. Гёте «Фауст». «Идея его заимствована Гёте из индийской драмы „Сакунтала" („Кольцо на память") знаменитого поэта Калидасы, жившего, по одним известиям, около 56 г. до Р. Х. при дворе царя Викрамы, а по другим, более достоверным,— в VI в. по Р. Х. В прологе названной

драмы также представлена беседа между режиссером театра и одною из актрис труппы; первый поверяет ей свои опасения, понравится ли пьеса публике, и предлагает актрисе предварительно задобрить собрание песнею; актриса поет, и восхищенный режиссер приободряется духом» (*Бойзен Г.* «Фауст» Гёте: Комментарий к поэме / Пер. Н. В. Арского. СПб., 1899. С. 189).

Работа Грибоедова над переложением велась, вероятно, в конце 1824 — начале 1825 г. 20 февраля 1825 г. Рылеев писал Вяземскому, что «Грибоед» «дал в „Звезду" прекрасный отрывок из Гётева „Фауста"» (ЛН. Т. 59. М.; Л., 1954. С. 146).

Грибоедов был одним из немногих русских литераторов, кто в начале 1820-х гг. был знаком с творчеством Гёте и знал его не только по имени. По воспоминаниям С. Н. Бегичева, во время жизни в Петербурге в 1815—1818 гг. «вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы», а сведения его в европейских литературах были обширны. «Он первый познакомил меня с „Фаустом" Гёте,— вспоминал Бегичев,— и тогда уже знал почти наизусть Шиллера, Гёте и Шекспира» (Воспоминания 1980. С. 26). Возможно, что дружеское общение в 1821—1822 гг. на Кавказе с Кюхельбекером содействовало углублению интереса Грибоедова к Гёте, так как Кюхельбекер был превосходным знатоком немецкой литературы с детства, а во время недавнего своего путешествия в Германию посетил Гёте в Веймаре (см.: Кюхельбекер 1979. С. 27; см. также: *Дурылин С. Н.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // ЛН. Т. 4—6. М., 1939. С. 374—403). Отношение к Гёте Кюхельбекера, высказанное в его статьях 1824 г. «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» и «Разговор с Ф. В. Булгариным» (см.: Кюхельбекер 1979. С. 458, 462—466) и выразившееся в предпочтении его наряду с Шекспиром Шиллеру и Байрону, видимо разделялось Грибоедовым. А. А. Бестужев, передавший в своих воспоминаниях «Знакомство мое с А. С. Грибоедовым» (1829) содержание разговора о литературе между ним и Грибоедовым в августе 1824 г., подчеркивает очень высокую оценку Грибоедовым Гёте. Сопоставляя Гёте и Байрона, Грибоедов, по словам А. Бестужева, сказал ему: «Вы назвали их обоих великими, и, в отношении к ним, это справедливо: но между ними все превосходство в величии должно отдать Гёте: он объясняет своею идеею все человечество; Байрон, со всем разнообразием мыслей,— только человека» (Воспоминания 1980. С. 99). Эта оценка совпадает с характеристикой Гёте Кюхельбекером, который подчеркивал способность Гёте понимать разные времена и народы, воплощая их в своем творчестве, «забывать себя» в своих героях, создавая разнообразные и правдивые характеры.

Отношение к задачам искусства, выраженное Кюхельбекером и, видимо, разделявшееся Грибоедовым, близко к тому, о чем говорил Пушкин в « Table-talk », сравнивая Шекспира и Мольера (см.: Пушкин. Т. XII. С. 159—160). Это — требование историзма, диалектики в подходе к человеку, изображения характеров, а не типов. Теоретическое осмысление этих проблем не всегда соответствовало художественной практике. Так, Грибоедов, выше других художников ценивший Гёте, по мнению В. Л. Жирмунского, не был близок автору «Фауста». «Во всяком случае, его собственное творчество (и прежде всего — „Горе от ума") протекает в сфере, далекой и чуждой поэтическому миру Гёте» (*Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. Л., 1981. С. 119). Выбор для перевода из «Фауста» «Пролога в театре» объясняется, по мнению В. Л. Жирмунского, интересом Грибоедова к сатире на театральную публику, заключенную в речах Директора театра. Грибоедов переводит не весь «Пролог в театре», опуская последние четыре реплики, в которых отсутствует сатира. «С другой стороны, он широко развертывает сатирическое обозрение Директора, превращая его в сатиру на современное общество, каким оно является в театральных креслах, переосмысленную в духе обличительных монологов Чацкого» (там же). Так, ст. 95, 98, 101, 105—106, 112—114 в монологе Директора отсутствуют в оригинале. В других случаях сила сатирического обличения усилена, по сравнению с Гёте (см. там же. С. 120).

Однако в «Отрывке из Гёте» Грибоедов преследовал не только сатирические цели. По замечанию С. А. Фомичева, «"Отрывок из Гёте" представляет собой законченное лирическое произведение в диалогической форме, подобно стихотворению Пушкина „Разговор книгопродавца с поэтом", в котором, так же как у Грибоедова, варьируется тема „Пролога в театре" из „Фауста"» (РЛ. 1977. № 2. С. 68). О связи между «Отрывком из Гёте» и «Разговором книгопродавца с поэтом» см.: *Фесенко Ю. П.* Пушкин и Грибоедов // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 101—106. Грибоедов создает произведение на характерную для романтической литературы тему о противопоставлении поэтического отношения к искусству — «прозаическому», деловому отношению. Окончив «Отрывок...» монологом Поэта, прославляющего значение поэзии, Грибоедов как бы подчеркнул победу высокого, поэтического отношения к искусству над сниженно-деловым, которое выражает Директор театра. Переводчик опустил последние реплики «Пролога» Гёте не только потому, что суждения Директора и Весельчака (комического актера) здесь корректируют суждения Поэта, которые не представляются бесспорными. По мнению Ю. П. Фесенко, Грибоедов в «Отрывке из Гёте» полемизирует с пушкинским «Разго-

вором», в котором автор «заставляет своего Поэта перейти в конце стихотворения на прозу и согласиться с доводами Книгопродавца» (там же. С. 105). Грибоедов же «изображал поэта таким, каким он представал в произведениях декабристов» (там же. С. 106). «Разговор книгопродавца с поэтом» вышел из печати как предисловие к первой главе «Евгения Онегина» 18 февраля 1825 г. Грибоедов мог знать стихотворение до этого в устной передаче Л. С. Пушкина. Однако если «Отрывок из Гёте» и не содержал сознательной полемики с Пушкиным, то отличие в подходе к одинаковой теме между Гёте, Пушкиным и Грибоедовым знаменательно. Грибоедов выражает более однозначную и прямолинейную трактовку темы «поэт и толпа», свойственную романтизму (ср. стихотворение Кюхельбекера «Поэты»), тогда как позиция Гёте и Пушкина более диалектична.

«Пролог в театре» почти одновременно с Грибоедовым перевел А. А. Шишков (см.: Одесский альманах на 1831 г. С. 311—319).

В связи с публикацией «Отрывка из Гёте» в «Полярной звезде», видимо, возникли слухи о переводе Грибоедовым «Фауста» Гёте. Об этом говорит письмо Н. М. Языкова из Дерпта от 24 февраля 1825 г. брату А. М. Языкову в Петербург, в котором он реагирует на полученное из Петербурга известие: «Очень радуюсь, что Грибоедов переводит Фауста; желаю и надеюсь успеха, но могу сказать утвердительно, что он переведет его не для печати: я даже не знаю, какую сцену может пропустить цензура» (Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. 1822—1829. СПб., 1913. С. 156). Впрочем, Н. М. Языков, видимо, убедился в несостоятельности этих слухов; получив «Полярную звезду на 1825 год», 1 апреля 1825 г. он пишет А. М. Языкову: «Я еще не успел сверить с подлинником перевод Гриб<оедова> из „Фауста" или, лучше сказать, не из „Фауста" собственно, ибо кто стоит на крыльце, тот не имеет права говорить, что он в самом доме» (там же. С. 165).

А. А.

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

(с. 230—233, 374—375)

Автограф — ИРЛИ (ф. 623. № 17, из собр. журнала «Русская старина»).

Списки — ГИМ, РНБ, РГАЛИ.

Впервые опубликовано: СП. 1826. 30 ноября, № 143, без строфы 9, с подписью: «А. Грибоедов»; РС. 1874. № 6. С. 279—281, в

статье «Александр Сергеевич Грибоедов. 1795—1829», написанной на основе материалов архива Ф. В. Булгарина. Другая редакция: РСл. 1859. Май. № 5. С. 83—85, под заглавием «Дележ добычи», по Черн. тетр.

Печатается по автографу.

В автографе имеются примечания с подписью: «Изд<атель>». К заглавию: «Горная река при северном склонении Кавказа»; к стиху 26: «Двувершинный и могучий — Эльборус»; к стиху 52: «Джигит — удалец». Примечания и подпись «А. Грибоедов» — написаны другим почерком. Составитель примечаний — Ф. В. Булгарин, однако возможно и участие Грибоедова. При публикации стихотворения в «Северной пчеле» Булгарин поместил их, добавив еще примечание к стиху 56: «Вообще магометане стараются обращать в свою веру пленных, особенно юношей. Ложная мысль о невредимости стана истреблена победами Русских». При публикации стихотворения в «Северной пчеле» помимо исключения (по цензурным причинам) строфы 9 были сделаны еще некоторые изменения: опущена нумерация строф, имеющаяся в автографе и публикации «Русского слова», в ст. 55 вместо «красных отроков» напечатано: «пленных отроков», несколько изменена пунктуация. С этой публикации и перепечатывалось стихотворение вплоть до 1874 г. С этого же текста сделаны и списки конца 1820-х гг., хранящиеся в РГАЛИ (ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 35). Один из них писарской, другой — рукой А. А. Бестужева (?), на полях его записаны стихотворные эпиграфы к повести А. Бестужева «Испытание».

Публикация в «Северной пчеле» сопровождалась примечанием издателя: «Прекрасное сие стихотворение, изображающее в кратких словах дикую природу Кавказа и нравы необузданных его обитателей, написано во время похода противу горцев, в октябре 1825 года, в становище близ Каменного моста на реке Малке. Вид надоблачных гор, гнезда хищнических, полудиких племен, возбудил в воображении поэта мысль представить их в природном их характере, пирующих после битвы и грозными песнями прославляющих свои набеги и свои неприступные убежища. Русский меч вскоре наказал хищников за их буйство, и русские орлы воспарили над вершинами Кавказа, торжествуя блистательные победы. По нашему мнению, поныне нет стихотворения, которое бы с такою силою и сжатостью слога, с такими местностями и с такою живостью воображения изображало, так сказать, характер Кавказа с нравами его жителей, как сие бесценное произведение. *Изд.*».

Примечание это, видимо принадлежащее Булгарину, явилось первым критическим откликом на стихотворение.

При публикации стихотворения в «Русской старине» сообщалось, что «по возвращении в Грузию (в 1825 г.— *Ред.*), Грибоедов участвовал как охотник в экспедиции генерала Вельяминова против чеченцев. Здесь, в виду неприятеля, у подножия Кавказских гор, Грибоедов написал стихотворение „Хищники на Чегеме"» (РС. 1874. Июнь. С. 279). По воспоминаниям Е. Г. Вейденбаума, сообщенным им Н. К. Пиксанову, стихотворение было написано при следующих обстоятельствах: «На рассвете 29 сентября 1825 г., при сильном тумане и дожде, партия кабардинцев и закубанских черкесов, в числе до 2000 всадников, прорвались сквозь казачьи посты, напали на станицу Солдатскую и разгромили ее. Хищники убили 10 человек, захватили в плен 116 мужчин, женщин и детей; отогнали весь рогатый скот и станичный табун и, уходя, подожгли станицу в нескольких местах. Пока тревога распространилась по ближайшим станицам, хищники успели скрыться с своей добычею в ущельи р<еки> Чегема. Получив известие о набегах, Вельяминов принял немедленно меры к преграждению хищникам возможности уйти безнаказанно за Кубань, в пределы непокорных горцев. Из Константиногорска Вельяминов выехал 4 октября в сопровождении Грибоедова и в тот же день прибыл на р<еку> Малку в укрепление Каменный мост. Оно составляло одно из звеньев той Новой линии укрепленных пунктов, которая была учреждена Ермоловым в 1822 г. для обуздания кабардинцев. Разного рода распоряжения задержали Вельяминова на Малке около девяти дней. Здесь набросал Грибоедов свое стихотворение „Хищники на Чегеме", имеющее помету „Кам. мост на Малке ** Октября 1825"» (ПССП. т. I. С. 282). Стихотворение, таким образом, начато между 5 и 12 октября 1825 г., но не было закончено сразу.

22 ноября 1825 г. Грибоедов писал А. А. Бестужеву из станицы Екатериноградской: «На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир». Стихотворение, следовательно, было закончено не ранее декабря 1825 г., и выставленная в автографе дата обозначает время, к которому относятся замысел и начало работы.

В «Описании Чеченского похода. 1826» секретарь канцелярии при Главноуправляющем в Грузии П. М. Сахно-Устимович писал: «Чеченцы не имеют ни правления, ни начальников, и если есть где-либо чистый демократизм, без примеси всякой другой формы, то это в Чечне. Там нет различия состояний, нет никакой аристократии, богатства и, что страннее всего, даже исполнительской власти.

<...> Чечня разделяется на несколько обществ, называемых по главным селениям. Общества делятся на фамилии, управляемые старшинами, и эти старшины суть единственные представители ограниченной и бессильной власти, без общего приговора они ничего не могут сделать и взыскивать за непослушание не имеют права. В случаях важных созывается общее народное собрание всех чеченцев, и оно есть верховный судья и распорядитель в делах общих. <...> Разбор мелких споров в своей фамилии делают старшины, между членами разных фамилий — духовные по шариату, или посредники» (РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. № 294. Л. 7—8).

«Юные народы» приковывали к себе особое внимание Грибоедова (ср. «Серчак и Итляр», а также намеченное в плане драмы о 1812-м годе «размышление о юном, первообразном сем (русском.— *Ред.*) народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный — что бы он мог произвести?»). «Первообразные народы» характеризуются Грибоедовым слитыми с природой, почти неотделимыми от нее. Естественный ход истории как смена духовно равных одно другому поколений обусловливает нерушимость этой «первообразности». Отсюда патриархальная простота и справедливость общественных обычаев таких народов. Жестокость же нравов оправдывается тем, что она вызвана борьбой за свободу против пришельцев, посягающих на естественные права народов. «Источником сего первобытного общественного образования народов,— указывал в лекциях профессор Шлецер-сын, которые в Московском университете слушал писатель,— почитаю неограниченное чувство свободы, избыток телесных и духовных сил, которые в свою очередь им поддержаны, усилены, возвышенны... — в пример дикий обитатель Северной Америки, которого воинственное мужество и гордый дух возвышается мыслию, что он выходит на бой наряду с друзьями, действующими в виду равных, имеет врагов, непримиримых в ненависти и мщении, что слава его неотъемлема, что никакое неправосудие не похитит у него награды и не спасет от посрамления, что он будет судим без пристрастия и пощады; чувство собственного достоинства дает ему неограниченную гордость и силу, а мысль, что вместе с ним и сограждане воспламенены единым духом, единою волею, усиливает в нем любовь к отечеству» (ВЕ. 1808. Ч. 37. С. 245—246).

«Сущность „Хищников на Чегеме",— отмечал Г. А. Гуковский,— аналогична замыслу пушкинских „Подражаний Корану". И здесь поэт ставит своей целью не идеализированное, возведенное к некоему метафизическому типу национальной героики, изображение „первобытного" народа, а изображение его во всей его этнографической характерности и несходстве с нормами европейской общественной морали... И он не осуждает горцев,— он объясняет их» (*Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 317).

По мнению О. А. Левченко, в «Хищниках на Чегеме» сказалась связь с русской балладной традицией, что проявилось в строфическом и ритмическом строении стихотворения (см.: *Левченко О. А.* Грибоедов и русская баллада 1820-х гг.: («Горе от ума» и «Хищники на Чегеме») // Материалы. С. 265—270). Четырехстопный хорей, которым написано стихотворение, «наряду с амфибрахием является самым балладным размером эпохи 10—30-х гг. XIX в. Этим размером написаны баллады И. А. Катенина „Ольга" и „Наташа"» (там же. С. 267). Сходство с балладами Катенина Левченко видит и в архитектонике строфы, которая, как и у Катенина, завершается двумя мужскими стихами. Однако «Хищники на Чегеме» — «попытка создания нового жанрового образца... преодолевающего рамки романтической балладной поэтики» (там же. С. 268). «Хищники» Грибоедова — сложный, «амбивалентный персонаж». «Чтобы быть свободными, они должны совершать насилие над насилием. Однако... внутренний уклад жизни горцев самой свободы не предполагает» (там же).

Стихотворение оказало воздействие на некоторых современных поэтов. Так, А. Бестужев, переписавший «Хищников на Чегеме», испытал их влияние, создавая «Песни кабардинцев» («На Казбек слетелись тучи...» и «Слава нам, смерть врагу...»), включенные в повесть «Аммалат-бек» (1832), на что впервые обратил внимание Н. А. Котляревский (см.: *Котляревский Н. А.* Декабристы кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. СПб., 1907. С. 392—393).

С. А. Фомичев отметил также влияние «Хищников на Чегеме» на «Песнь горных греков» (СП., 1828, 10 июля) П. Обадовского (см.: Грибоедов 1978. С. 419).

Хищники (чеченск.: харцызы) — название «немирных» горцев, совершавших набеги на русские войска (ср. очерк А. И. Якубовича, посвященный харцызам, вошедший в его «Отрывки о Кавказе. Из походных записок» — СП. 1825. № 138, от 17 ноября, подпись: «А. Я.»).

Чегем — река на северном склоне Кавказа, берущая начало в ледниках Эльбруса, приток реки Малки, которая впадает в Терек.

Ст. 52. *Узденъ* — представитель феодального дворянства у кавказских горцев.

Ст. 54. *Кадий* (кадый) — мусульманский духовный судья.

Ст. 66. *Буза* — хмельной напиток мусульман, приготовляемый из проса или пшеницы, род браги.

А. А.; С. Ф.

<ОСВОБОЖДЕННЫЙ>

(с. 223—224)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 76—77, по Черн. тетр., вместе с другим фрагментом — «Там, где вьется Алазань...» как одно стихотворение под общим заглавием.

Печатается по первой публикации как самостоятельный отрывок (см. комментарии к стихотворению «Там, где вьется Алазань...»).

Н. К. Пиксанов разделил фрагменты и справедливо связал это стихотворение с арестом Грибоедова по делу декабристов и освобождением «с очистительным аттестатом» 4 июня 1826 г. (см.: ПССП. Т. I. С. 283). Стихотворение, таким образом, датируется 1826 г. Оно могло быть написано в июле, когда Грибоедов жил на даче Ф. В. Булгарина на Выборгской стороне.

Ст. 13. *Но где друг?..*— Вероятно, имеется в виду один из друзей-декабристов, осужденный Верховным судом,— А. И. Одоевский или В. К. Кюхельбекер.

Ст. 14—16. *Но давно ль, как привиденье, Предстоял очам моим Вестник зла?* — Грибоедов вспоминает свой арест на Кавказе 22 января 1826 г. присланным из Петербурга фельдъегерем Уклонским.

Ст. 16—21. *Я мчался с ним ∾ Руки тяжкими цепями.*— Имеется в виду переезд арестованного Грибоедова с Кавказа в Петербург с 22 января по 11 февраля 1826 г.

А. А.

А. О.<ДОЕВСКОМУ>

(с. 234)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 86—87, по Черн. тетр.

Печатается по первой публикации.

Публикатор Д. А. Смирнов сообщил, что стихотворение написано «на одной из страниц поэмы „Кальянчи" и озаглавлено бук-

вами А. О.». О том, что стихотворение посвящено А. И. Одоевскому, высказал предположение С. Н. Бегичев в письме Смирнову от 15 февраля 1858 г. (РСл. 1859. Май. № 5. С. 85).

Написано не ранее июля — августа 1826 г. (когда был объявлен приговор А. И. Одоевскому) и не позднее июля 1828 г. (время передачи Черновой тетради С. Н. Бегичеву).

Адресат стихотворения — Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт-декабрист, родственник Грибоедова. Особенное сближение между ними произошло в 1824 г. во время пребывания Грибоедова в Петербурге, когда он жил вместе с Одоевским. В письме В. Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г. Грибоедов называет «брата Александра» своим «питомцем», « l'enfant de mon choix » (избранное дитя.— *франц.*). А поручая А. Одоевского «дружескому расположению» С. Н. Бегичева, «как самого себя», добавляет, что он «таков совершенно», как был сам Грибоедов в молодости. «Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел» (письмо от 9 июля 1825 г.). Грибоедов чрезвычайно тяжело перенес приговор А. Одоевскому, судимому вместе с другими декабристами,— двенадцать лет каторги (позднее она была сокращена до 8 лет). Он продолжал помогать ему, посылал письма, книги (см. письмо его А. Одоевскому от июня 1828 г.). Будучи в Персии, Грибоедов просил И. Ф. Паскевича о помощи Одоевскому (см. письмо к В. С. Миклашевич от 3 декабря 1828 г.). В тот же день Грибоедов писал И. Ф. Паскевичу: «Помогите, выручите нещастного Александра Одоевского. <...> Может ли вам государь отказать в помиловании двоюродного брата вашей жены, когда двадцатилетний преступник уже довольно понес страданий за свою вину, вам близкий родственник, а вы первая нынче опора царя и отечества. Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у Бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова. <...> Граф Иван Федорович, не пренебрегайте этими строками. Спасите страдальца».

Эти просьбы остались безрезультатными. Только в 1836 г. А. И. Одоевский был переведен из Восточной Сибири в действующую армию на Кавказ рядовым. Об отношении Одоевского к Грибоедову говорят его теплое упоминание о нем в письме к отцу от 12 октября 1835 г. из Сибири, а также его «Элегия. На смерть А. С. Грибоедова», написанная в 1829 г. в Читинском остроге.

Первый публикатор стихотворения Смирнов особенно подчеркнул его литературные достоинства: «„А. О.", конечно, остановит на себе не только внимание, но и чувство всякого образованного читателя своей грациозностью и вместе удивительной простотой. Осо-

бенно по этой простоте и силе чувства замечательны два последние, совершенно бесхитростные стиха. Не много найдешь стихотворений, написанных как это, так „от чистого сердца” и так говорящих сердцу... между тем тут-то и главная тайна поэзии» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 14—15).

А. А.

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

(с. 234—236, 375)

Автограф — РНБ (ф. 221. № 1).

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 75—76, по Черн. тетр., с неточностями.

Печатается по автографу.

Автограф был извлечен из Черновой тетради и передан Д. А. Смирновым в Публичную библиотеку. Это черновик на одном листе, вклеенный в обложку с надписью рукой Смирнова: «Автограф А. С. Грибоедова. От племянника его Дим. Алек. Смирнова». Публикуя текст «Прости, Отечество!», Смирнов снабдил его следующим пояснением: «Стихотворение „Прости, Отечество” я отношу ко времени первого выезда Грибоедова из России, то есть к 1819 году, и, конечно, не потому, что листок, на котором оно написано, переплетен в „Черновой” между листами путевого, в 1819 году веденного, дневника от Тифлиса до Тагерана, но потому, что Грибоедов в это время чрезвычайно тосковал по родине, покинутой почти что насильно, вследствие одной только служебной необходимости. <...> Стихотворение это представляет собою собственно не прощание с родиной, а ряд грустных, можно сказать мрачных размышлений, брошенных на бумагу в совершенно вольной, безыскусственной, неотделанной форме» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 75). Датировка Смирнова была подвергнута сомнению Н. К. Пиксановым (см.: ПССП. Т. I. С. 284). В. Н. Орловым было высказано предположение (Грибоедов 1940. С. 691), поддержанное и развитое С. А. Фомичевым (РЛ. 1977. № 2. С. 84), что «Прости, Отечество!» должно было стать прологом к какому-то эпическому или драматическому произведению из далекого прошлого, на что указывает ст. 24: «Займемся былью стародавной». С. А. Фомичевым же высказано соображение, что стихотворение это закончено, хотя черновик его не перебе-

лен (там же). Эти соображения не разделяются другими исследователями (см.: *Строганов М. В.* О стихотворении А. С. Грибоедова «Прости, Отечество!» // РЛ. 1978. № 2. С. 108—110; *Баевский В. С.* «Прости, Отечество!» Грибоедова — «Из Байрона» (?) // РЛ. 1980. № 2. С. 126—130; *Климова Д. М.* Комментарий к стихотворению // Грибоедов 1987. С. 500).

Вопрос о завершенности стихотворения не может быть решен окончательно. Внешний вид автографа, большое количество правки в нем скорее подтверждают предположение, что это черновые наброски.

М. В. Строганов связывает создание стихотворения с тяжелым психологическим состоянием Грибоедова после суда над декабристами и вынесения им приговора. Анализ вариантов последних четырех стихов:

Согреем душу тем, что было,
Когда мы весело шли в бой,
Когда пленяло нас собой,
Что так обманчиво и мило,—

убеждает исследователя, «что „Прости, Отечество!" — это „история об нас самих", история декабристского поколения» (РЛ. 1978. № 2. С. 109). Можно добавить, что более ранний вариант ст. 26 («И вера в нас жила...») еще больше подкрепляет это соображение. Строганов считает, что это стихотворение — «история декабризма, в которую вошел уже и „опыт" — поражение декабрьского восстания», и что оно «не могло быть написано ранее 1826 г. (и не позднее 1828 г., когда Грибоедов оставил „Черновую тетрадь" С. Н. Бегичеву)» (там же. С. 110). Не лишено интереса предположение В. С. Баевского о том, что «Прости, Отечество!» является вариацией или вольным переводом лирического отступления из IV песни «Паломничества Чайльд Гарольда» Байрона, занимающего строфы CXX—CXXVII. Особенно много сходства находит Баевский в стихотворении Грибоедова со строфой CXXIV указанной песни. Примечательно, что она поразила П. А. Вяземского, который так пересказал ее в письме к А. И. Тургеневу от 17 октября 1819 г. (Вяземский знал Байрона во французских переводах): «Мы изнываем от самой молодости, раненные в сердце. Жажда наша не утоляется. Ничто желаний наших не насыщает. Мы гонимся до запада за привидением, которое пленило нас на рассвете лет молодых и которое обрели бы мы уже слишком поздно. Мы, таким образом, вдвое несчастливее. Любовь, слава, честолюбие, корысть — все равно бедственно и тщетно; под различными именами они все тот же метеор, коего пламя потухает в черном дыму смерти!» (Ост. арх. Т. I. С. 331—

332). Баевский считает, что Грибоедов стремился приблизиться к Байрону и лексически (ст. 4, 23), и метрически (первоначальный вариант ст. 23 — пятистопный ямб, как у Байрона), и строфически. Девятистишная строфа стихотворения — попытка воспроизвести девятистишную спенсорову строфу, которой написано «Паломничество Чайльд Гарольда» (см.: РЛ. 1980. № 2. С. 126—130). С байроновской поэмой, разрабатывающей мотив прощания с родиной (Вступление), могло быть связано и заглавие стихотворения Грибоедова. Учитывая, что интерес к Байрону в России обострился с 1819 г., Баевский считает, что «Прости, Отечество!» могло быть создано именно в это время. Следует вспомнить, что, по свидетельству Кюхельбекера, Грибоедов в 1821—1823 гг. работал над поэмой «Странник», в которой отразилось воздействие «Чайльд Гарольда» (см. примеч. к стихотворению «Кальянчи»).

Использование Байрона, которого Грибоедов читал в подлиннике, в качестве одного из источников стихотворения вполне возможно. Известно, что мотивы скорби и разочарования, охватившие европейскую и русскую поэзию на рубеже 1820-х гг., так или иначе соотносились с Байроном. Однако нельзя исключать и отражение личного опыта Грибоедова в этом стихотворении, тем более что в нем есть мотивы (противопоставление прошлого, полного веры и энтузиазма, холодному опыту настоящего), отсутствующие в указанных строфах Байрона.

А. А.

ДОМОВОЙ

(с. 236)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 75, по Черн. тетр., где напечатано с чернового автографа.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор Д. А. Смирнов снабдил текст следующим пояснением: «В „Черновой" тетради Грибоедова находятся шесть стихов,— конечно, начало какого-нибудь лирического стихотворения, идея которого взята из родной нам сферы наших поверий, или, правильнее, суеверий. Я помещаю это стихотворение, или правильнее, начало стихотворения, первым, потому что нельзя определить, к какому именно оно относится году.

(Следует текст стихотворения.— *Ред.*)

Продолжения не было: за этими шестью стихами — целая белая четвертка бумаги» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 74—75).

Датируется условно 1828 г.— временем передачи Черновой тетради С. Н. Бегичеву, так как, вероятно, является одной из последних записей.

«Все, от мысли стихотворения,— подчеркивал Д. А. Смирнов,— до формы его, до самых оборотов речи, так проникнуто чисто русским элементом, что можно со всей ответственностью предполагать, что будь это стихотворение кончено,— из него вышло бы нечто вроде типически-русских баллад Пушкина. <...> Люди с очень образованным эстетическим вкусом, которым мне случалось читать его... находили, что даже в том виде, в каком оно существует, в числе шести только стихов, оно представляет нечто полное, оконченное и что-то такое, что можно назвать чисто русским антологическим стихотворением» (РСл. 1859. № 4. С. 14).

По теме и характеру своему «Домовой» примыкает к жанру русской баллады, сюжет которой связан с народными суевериями (ср.: «Леший» (1815) и «Убийца» (1815) П. А. Катенина, «Утопленник» Пушкина). Ср. также стихотворение Д. В. Веневитинова «Домовой».

А. А.

ДУША

(с. 236)

Автограф неизвестен.

Список — ИРЛИ (9679/LVIIIб19) в тетради с одним из списков «Горя от ума».

Впервые опубликовано: Библ. для чт. 1835. Т. 8. Отд. 1. С. 160, подпись: «Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации.

В списке «Горя от ума», помеченном 1832 г., после текста комедии на л. 77 помещены стихотворения «Душа» и «Романс» (последний с пометой «МТ, 1831», т. е. с указанием на первую публикацию в журнале «Московский телеграф»). Стихотворения написаны после комедии иным, размашистым почерком. Тексты их совпадают с журнальными публикациями, за исключением мелких отклонений в пунктуации.

До последнего времени грибоедовское авторство стихотворения находилось под сомнением, оно (наряду со стихотворением «Восток») включалось в собраниях его сочинений в раздел «Dubia». Осторожность в данном случае обусловлена известной репутацией редактора журнала О. И. Сенковского, склонного к разного рода мистификациям. Тем самым молчаливо предполагается возможность редакторского обмана: выдачи за произведения Грибоедова сочинений какого-либо другого автора. Издатель «Библиотеки для чтения» мог, конечно, смело редактировать присланные в журнал произведения, сокращая и дописывая их (но и то если дело касалось не маститых авторов), но пользоваться именем погибшего писателя во имя меркантильно-журнальных интересов ему, конечно же, не пришло бы в голову. Тем более что к Грибоедову Сенковский неизменно питал чувство высокого уважения, которое было взаимным. Их объединяли профессиональные ориентальные интересы, и вполне понятно, почему в распоряжении Сенковского оказались стихотворения, посвященные Востоку. Второе (напечатанное в 1836 г.) стихотворение так и называлось — «Восток». В первом же, «Душа», чуткое ухо ориенталиста тоже улавливало характерное для многих восточных верований представление о переселении душ (между прочим, в 1834 г. во втором выпуске альманаха «Новоселье» Сенковский (Барон Брамбеус) напечатал повесть «Похождения одной ревизской души», где пародировалась монгольская шастра о душе).

То, что стихотворение «Душа» написано именно Грибоедовым, подтверждает одно «неожиданное сближение». Описывая свое пребывание в Тифлисе в мае 1829 г., Пушкин заметил в «Путешествии в Арзум»: «Голос песен грузинских приятен: мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

„Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастья! от тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, весна цветущая, от тебя, луна двунедельная, от тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром; хочу твоего взора, от тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росою! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! от тебя ожидаю жизни" (Пушкин. Т. VIII. С. 457—458.— В беловом автографе «Путешествия в Арзрум» эти строки записаны на отдельном листке, позже основного текста).

Установлено, что Пушкин цитирует (в своей обработке) «Весеннюю песню» Димитрия Туманишвили (умер в 1821 г.). Именно мело-

дию этой песни имел в виду М. И. Глинка, касаясь в своих мемуарах событий весны 1828 г.: «Провел около целого дня с Грибоедовым (автором „Горе от ума"). Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую потом А. С. Пушкин написал романс „Не пой, волшебница, при мне..."» (Воспоминания 1980. С. 364). Грибоедов читал первую редакцию этого стихотворения после 3 июня и до своего отъезда из Петербурга 6 июня 1828 г., о чем свидетельствует его помета в пушкинском автографе (см.: *Иезуитова Р. В.* «Не пой, красавица, при мне» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. М., 1974. С. 125—126; *Фомичев С. А.* Стихотворение Грибоедова «Душа» // Проблемы творчества. С. 193). Вероятно, текст Пушкина его не удовлетворил, и тогда он создал свою интерпретацию грузинской песни. Это, конечно, тоже не перевод, но вполне явственное развитие темы, почерпнутой из первых трех строф грузинской песни, которые мы даем ниже по уточненному переводу В. Д. Дондуа (см.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 299):

Вновь созданная душа,
В Эдеме произращенная,
На мое счастье посаженная (как цветок),
От тебя ожидаю жизни,
ты бессмертие живое.

Луна двухнедельная,
(О ты,) светлая, сверкающая весна,
Ангел, вечный хранитель мой,
От тебя ожидаю жизни,
ты бессмертие живое.

(О ты,) пышная картина природы,
Заря усугубленная,
(О ты,) сияние, соединенное с любовью,
От тебя ожидаю жизни,
ты бессмертие живое...

Только в следующих строфах грузинской песни отчетливо проступит адресат ее: юная красавица, пробудившая страсть поэта. Грибоедов же переосмысляет ситуацию, словно дает слово самой душе, рожденной в раю. В его интерпретации это душа Поэта.

Важным обстоятельством, позволяющим соотнести стихотворение «Душа» с «Весенней песней», является точное соответствие грибоедовского текста с мелодией, обработанной Глинкой. В одном отношении грибоедовский текст мелодически даже точнее пушкинского, так как сохраняет симметрию полустиший нечетных строк,

вполне соответствующую музыке (пушкинский же текст поется: «Не пой краса-вица при мне...»).

Стихотворение «Душа» на первый взгляд кажется необычным для поэтической практики Грибоедова, с его отчетливо-рационалистическим в основах своих мировоззрением. Между тем духовный кризис нарастал в Грибоедове уже в пору создания его великой комедии. «Первое начертание этой сценической поэмы,— признавался он,— было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было» (ПССП. Т. III. С. 100—101). Это признание может показаться чуть ли не кокетством, по крайней мере — разительным самозаблуждением. Но оно будет вполне понятным, если мы поставим его в контекст не просветительских, а кантианских эстетических идей. Кант в «Критике способности суждения» много внимания уделил природе искусства. Он считал, что в истинно художественных творениях запечатлена иллюзия о гармоничности мира, в земном, суетном проявлении (чувственном восприятии) всегда дисгармоничного, представляющего собою сферу столкновения частных интересов. Отсюда, по Канту, проистекает антимонистичная двойственность искусства: предмет его — сухая и грубая проза жизни, художественная же форма — чарующий вымысел гения. Но именно этот-то вымысел и подлинно реален, так как в своей фантазии поэт прикасается (воспаряет) к миру чистых идей.

Об этом, по сути дела, рассуждает Грибоедов и в своем «Отрывке из Гёте», по-кантиански интерпретируя «Пролог в театре» из «Фауста»:

Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
. . . .
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею?
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта.

Стихотворение «Душа» также интерпретирует тему грузинской песни в духе платоновского учения о бессмертной, вечно движущейся душе. «Наднебесные места,— пишет античный философ в диалоге «Федр»,— никто еще из здешних поэтов не воспевает, да и не воспоет их никогда, как следует. Объясняется это... тем, что эти места занимает бесцветная, бесформенная и неосязаемая сущность, в сущности своей существующая, зримая только для одного кормчего души — разума. Так как божественное размышление, а равно и размышление всякой души, поскольку она заботится воспринять надлежащее, питается умом и чистым знанием, душа, увидев, с течением времени, сущее, бывает довольна этим и, созерцая истину, питается ею и предается радости, пока круговращательное движение не перенесет ее на то же место, откуда она вышла. Во время этого круговращения душа созерцает самое справедливость, созерцает здравомыслие, созерцает знание, не то знание, которому присуще рождение, и не то, которое изменяется при изменении того, что мы называем знанием теперь существующего, но то знание, которое заключается в том, что существует, как действительно существующее. Узрев также и все прочее, действительно существующее, и напитавшись им, душа опять погружается во внутреннюю область неба и возвращается домой» (Творения Платона. Т. 5. Пир. Федр. Пб., 1922. С. 125).

С. Ф.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

ОДА НА ПОЕДИНКИ

(с. 237—240)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: ВЕ. 1809. Ч. 46. № 16. С. 279—282, подпись: «Г-в».

Печатается по тексту первой публикации.

Атрибуция этого стихотворения Грибоедову обоснована: РЛ. 1977. № 2. С. 27—74.

Известно, что в 1809 г. Грибоедов писал стихи. Если к тому же мы вспомним, как неодобрительно относилась к поэтическим заня-

тиям Александра Сергеевича его мать, то использование им псевдонима окажется понятным.

Отношение Грибоедова к дуэлям, по-видимому, было отрицательным — это подтверждается как его художественным творчеством (см., например, в «Молодых супругах» вызов на дуэль Аристом своего друга по нелепому подозрению; мотив этот отсутствует в пьесе Крезе де Лессера, переделкой которой является комедия Грибоедова), так и его биографическими данными — здесь следует напомнить необычное для аристократической среды поведение Грибоедова во время известного столкновения Завадовского и Шереметева, что дало многим повод подозревать Грибоедова в трусости и вызвало дуэль последнего с Якубовичем; кажется, это была единственная дуэль в жизни Грибоедова.

Говоря о стиле Грибоедова, мы прежде всего смотрим на него как на драматурга. Драматическое качество таланта поэта заметно и в «Оде на поединки»: она состоит как бы из нескольких явлений. Анализируя же стиль стихотворений Грибоедова, А. С. Десницкий пришел к следующим выводам: «Прежде всего отметим стремление Грибоедова к архаизации речи. <...> Затем отчетливость восприятия мыслей грибоедовских стихотворений сбивается чрезмерной инверсированностью речи. <...> Стихотворения Грибоедова сугубо сюжетны. <...> Вся стихотворная речь Грибоедова чрезвычайно риторична, мысль выражена на большом подъеме чувств. Внешне это отчетливо передается обилием восклицательных и вопросительных знаков. <...> Использование гиперболизации для создания эффектов, интересующих автора, мы видим и в разработке деталей. <...> Его стихотворения чрезвычайно логичны» (*Десницкий А. С.* Стихотворения Грибоедова // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1947. Т. 43. С. 16—31).

«Ода на поединки» не противопоставлена стилю Грибоедова и в лексическом отношении: в ранних его произведениях мы находим немало лексических и лексико-синтаксических параллелей к оде.

Показательно, насколько остро реагирует на «Оду на поединки» Кюхельбекер в своем тюремном дневнике 1832 г.: «В 45-м томе „Ода на поединки" стоила бы того, чтоб быть известнее» (Кюхельбекер 1979. С. 189).

Было бы, очевидно, неправдоподобным предположить участие Грибоедова в журнале Каченовского, пренебрежение к которому подчеркнуто в «Дмитрии Дрянском». Но в 1809 г. (до № 21) «Вестник Европы» издавал Жуковский. Интересно отметить, что в 1814 г., когда в «Вестнике Европы» были напечатаны две статьи Грибоедова, журнал издавался В. Измайловым. При Каченовском Грибоедов в этом журнале не сотрудничал.

Просветительская идеология «Оды на поединки» вне сомнений. О нравственной стороне дуэли как пережитке варварства писали и Монтескье, и Вольтер, и Стиль, и Аддисон. Особенное же впечатление на современников произвело одно из писем романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза» (1761), поэтически интерпретированное, в сущности, в «Оде на поединки»: «Что общего между славой убийцы и репутацией порядочного человека? И какая цена пустому мнению чужих людей об истинной чести, которая укоренилась в глубине твоего сердца? <...> Остерегайтесь связывать священное имя чести с диким предрассудком, который подвергает испытанию добродетель с помощью шпаги и порождает бесшабашных убийц. <...> Неужто вы не видите, что преступления, совершенные во имя стыда и чести, прикрываются и умножаются ложным стыдом и боязнью вызвать порицанье! Боязнь эта превращает человека в лицемера и лжеца, заставляя проливать кровь из-за одного нескромного слова, которым нужно пренебречь. <...> Вы знаете, что батюшка в молодости имел несчастье убить человека на дуэли — он убил своего друга. Они дрались нехотя, принуждаемые безрассудным представлением о чести. <...> С той поры отец не может избавиться от сердечной тоски и угрызений совести. Он будто все ощущает, как его жестокая рука вонзает клинок в сердце друга. В ночи ему все мерещится мертвое тело, залитое кровью; он с содроганием взирает на смертельную рану,— ему так хотелось бы остановить кровь. Ужас охватывает его, и он кричит; страшный призрак неотвязно его преследует» (*Руссо Ж.-Ж.* Избр. произв.: РЗ. Т. 2. М., 1961. С. 119—124). В отдельных строках «Ода на поединки» перекликается с «Одой на смерть сына» В. В. Капниста:

Доколе рок свирепый станет
Меня бичом напастей гнать?
. . . .
И мне, покрыту сединою,
Подпорою не будешь ты.
Согбенной старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Один я понесу, стоная;
И, к долу седину склоняя,
Приткнусь без помощи жезла.
Тогда, печалью изнуренный,
Паду, бедами удрученный,
Под игом лет, болезней, зла!
. . . .
С отрадой жду я тех мгновений,
Когда рок, цепь моих мучений,
В источник благ переменя,
Из бедствий жизнь мою искупит,
Когда с тобою совокупит
На лоне вечности меня...

(*Капнист В. В.*
Соч. М., 1959. С. 184—189).

С. Ф.

ВАЖНОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

(с. 240)

Список в записке кн. П. И. Шаликова к П. А. Вяземскому — РГАЛИ (ф. 136. Оп. 3. № 1).

Впервые опубликовано: газета «Призыв» (Владимир). 1954. № 29; ВЛ. 1958. № 1. С. 185.

Печатается по списку.

На принадлежность эпиграммы Грибоедову указал М. Медведев в заметке «Два новых стихотворения Грибоедова» (ВЛ. 1958. № 1. С. 184—190), в которой опубликовал данную эпиграмму и эпиграмму «Как распложаются журнальные побранки...» (обе по спискам РГАЛИ).

Эпиграмма находится в составе следующей записки кн. Шаликова к Вяземскому, без даты: «Вестник и Ваше посл<еднее> слово посылаются с просьбою не задержать *последнего*, и с дополнением к эпиграммам Грибоедова» (далее следует текст «Важного приобретения»).

Указание на авторскую принадлежность эпиграммы в записке Шаликова нет. Возможно, он сам был ее автором. Однако указание на «дополнение к эпиграммам Грибоедова» не исключает и авторство последнего.

Медведев справедливо считает, что Шаликов (редактор «Дамского журнала») посылает Вяземскому гранки его статьи «Мое последнее слово» (опубликована: Дамский журнал. 1824. № 9. Май. С. 115—118) и № 8 «Вестника Европы» с очередной статьей М. Дмитриева, на которую отвечал Вяземский. Статья Вяземского «Мое последнее слово» завершила полемику между ним и М. Дмитриевым, которая возникла в связи с выходом «Бахчисарайского фонтана» Пушкина (см. комментарии к эпиграммам, с. 486—487).

Две последние (в ходе полемики) статьи Дмитриева, написанные 15 апреля (опубликованы: ВЕ. № 7) и 25 апреля 1824 г. (ВЕ. № 8), в отличие от первой, опубликованной анонимно, были подписаны: «Михаил Дмитриев», что тут же обыграли его литературные противники, называвшие Дмитриева «Михайло» (ср. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 12 мая 1824 г.— Ост. арх. Т. III. С. 43—44).

Ст. 1. *Германской музою пиита вдохновенный...*— Намек на пристрастие М. Дмитриева к поэзии К. В. Виланда (1733—1813),

сказавшееся в его статье. Германская муза — иносказательное обозначение нового, романтического влияния, заставившего Дмитриева «отказаться» от его «русского» имени «Михайло».

А. А.

«ПО ДУХУ ВРЕМЕНИ И ВКУСУ...»

(с. 240, 376)

Автограф неизвестен.

Списки с вариантами в разных архивохранилищах.

Впервые опубликовано в разных вариантах: РС. 1872. № 3. С. 429—430, в воспоминаниях П. А. Каратыгина, два варианта — Каратыгина и П. А. Ефремова; Горе от ума 1875. С. 126—127, в комментарии И. Д. Гарусова; *Каратыгин П. А.* Записки. СПб., 1880. С. 11; ИВ. 1909. № 3. С. 1040, по записи Д. А. Смирновым воспоминаний С. Н. Бегичева; НМ. 1938. № 4. С. 277—278, два варианта — по списку Н. В. Путяты (музей-усадьба Мураново) и Е. П. Ростопчиной (РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. № 8.II.143).

Печатается по тексту РС, как наиболее ранней публикации текста в передаче близкого Грибоедову человека — П. А. Каратыгина.

Впервые упомянуто в статье Д. А. Смирнова «Биографические известия о Грибоедове» (Беседы в Обществе любителей российской словесности. 1868. Вып. II. С. 20): говоря о знакомстве Грибоедова с декабристами и аресте его, Смирнов упомянул о «едва ли кому неизвестном четверостишии, которое неудобно печатать».

Все мемуаристы связывают экспромт с именем Грибоедова и относят создание его к 1826 г., ко времени ареста и заключения в Главном штабе с 11 февраля по 4 июня или ко времени сразу после освобождения. В записной тетради Н. В. Путяты содержатся некоторые детали о создании экспромта: Грибоедов начертал его на стене или на оконной раме, находясь под арестом (см.: НМ. 1938. № 4. С. 277).

В большинстве источников экспромт приводится как четверостишие. В таком виде он записан близкими Грибоедову или хорошо осведомленными в его биографии лицами. Менее убедительна традиция, согласно которой он состоит из восьми строк. В таком виде он записан в альбоме Е. П. Ростопчиной (1843), хранящемся в РГАЛИ, где озаглавлен: «Как Грибоедов передавал мнение о себе московских дам». Упоминающийся в ст. 8 «князь Голицын»,

согласно пояснению Ростопчиной,— «Александр Павлович Голицын, статс-секретарь при Александре I, заведующий духовными и другими тайными делами».

Второе четверостишие этого экспромта как самостоятельная эпиграмма на А. Н. Голицына, члена Следственного комитета по делу декабристов, известна в разных редакциях и приписывалась то Пушкину (см.: Из Пушкинианы П. И. Бартенева // Летописи Гос. лит. музея. 1936. Кн. 1. С. 513; Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1868. С. 99), то Грибоедову (свидетельства С. А. Соболевского, М. Н. Логинова — см.: НМ. 1938. № 4. С. 277—278). См. также: *Фомичев С. А.* Спорные вопросы грибоедовской текстологии // РЛ. 1978. № 2. С. 86.

Ст. 4. *Притянуть к Иисусу* — выражение, связанное с именем главы Тайной канцелярии при Екатерине II, С. И. Шешковского. По свидетельству современников, при пытках подследственных он читал акафист Божией Матери «Иисусу сладчайшему, души утешению, Иисусу многомилостивому...» (см.: *Максимов С.* Крылатые слова. М., 1955. С. 167—169).

А. А.

«ВЫ, КОИХ БЕГЛЫЙ УМ ВЛЕЧЕТ...»

(с. 240)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: ЛГ. 1940. 10 марта. № 14. С. 6, в составе заметки Г. Кублицкого «Ценнейшее собрание рукописей» как воспроизведение автографа Грибоедова, с подписью: «А. С. Гриб<оедов>»; с незначительными разночтениями — РЛ. 1976. № 3. С. 181, по фотокопии из архива Г. В. Юдина в составе статьи П. С. Краснова «О мнимой эпиграмме Грибоедова».

Печатается по тексту ЛГ.

Впервые на принадлежность стихотворения Грибоедову указал Г. И. Кублицкий со слов Е. И. Владимирова, разбиравшего рукописный отдел коллекции Г. В. Юдина в Красноярской библиотеке и обнаружившего листок с текстом стихотворения, принятый им за автограф Грибоедова. Позднее П. С. Краснов, располагавший фотокопией этого листка из коллекции Г. В. Юдина, опроверг предпо-

ложения Е. И. Владимирова и Г. И. Кублицкого, установив, что это не автограф Грибоедова. Он также высказал предположение, что стихотворение — эпиграмма, направленная против Грибоедова, а автор ее принадлежал к ермоловскому окружению и намекал на изменение отношения Грибоедова к А. П. Ермолову. Краснов датировал эпиграмму временем между возвращением Грибоедова в Тифлис (3 сентября 1826 г.) и отставкой Ермолова (28 марта 1827 г.), а подпись под ней читал как «А. Гри.» или «А. Ери.» (см.: РЛ. 1976. № 3. С. 181—184).

Эпиграмма, как явствует из фотокопии, была записана на одном листке с другими записями, сделанными вокруг ее текста на латинском, грузинском и русском языках, 10 мая 1840 г. в Тифлисе. В настоящее время местонахождение этого листка неизвестно. Краснов предположил, что он принадлежал Михаилу Петровичу Баратаеву (Бараташвили), симбирскому предводителю дворянства, арестованному по делу декабристов и находившемуся в заключении вместе с Грибоедовым в здании Главного штаба. Баратаев был освобожден с очистительным аттестатом, а в 1839 г. переведен на службу в Тифлис. Там в доме А. Г. Чавчавадзе и были сделаны надписи на листе с эпиграммой.

В 1989 г. Г. И. Магнер, опираясь на свидетельства Г. И. Кублицкого и Е. И. Владимирова, высказался в пользу принадлежности стихотворения Грибоедову. Листок, на котором оно записано, по его мнению, был вырван из альбома М. П. Баратаева, который являлся адресатом стихотворения и демонстрировал его в Тифлисе А. Г. Чавчавадзе, Н. А. Грибоедовой и присутствовавшим тут же Н. Бараташвили и Е. А. Дадиани (Чавчавадзе), — см.: *Магнер Г. И.* Взгляд на «мнимую эпиграмму Грибоедова» // Материалы. С. 254—265.

Г. И. Магнер датирует послание весной 1826 г., временем совместного заключения Грибоедова и Баратаева. Позднее Баратаев записал стихотворение в свой альбом. Факты биографии Баратаева, участника военных походов и известного коллекционера-нумизмата, позволяют, по мнению Г. И. Магнера, отнести авторство к нему. О М. Н. Баратаеве см.: *Савельев П. С.* Князь М. Н. Баратаев // Известия Имп. Археологического общества (СПб.). 1857. Т. 1, вып. 1. Стлб. 20; *Бающев В.* Князь М. П. Баратаев // Сб. исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 229; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 13 и 221; *Магнер Г. И.* Ук. соч.

А. А.

СТАТЬИ

ПИСЬМО ИЗ БРЕСТА ЛИТОВСКОГО К ИЗДАТЕЛЮ <«ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»>

(с. 243—248)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: ВЕ. 1814. Ч. 76. № 15. С. 228—238, подпись: «Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации, с примечаниями издателя.

М. Н. Лонгинов впервые дал сведения об этой заметке Грибоедова, как и о статье его «О кавалерийских резервах» (см.: *Лонгинов Мих.* Библиографические записки // Современник. 1857. № 3. Март. С. 82—86).

По свидетельству Д. А. Смирнова, автограф этой статьи он видел в собрании С. Н. Бегичева. В 1859 г. он составлял «собственность его семейства» (РСл. 1859. № 6. С. 69, примеч. 1). Все стихотворные вставки в «Письме» принадлежат, по-видимому, самому Грибоедову (стихи же другого «сочинителя» Грибоедов не приводит, так как «не спросился» у их автора). В одной из них фамилия Каченовского заменена отточием. На то, что здесь, по всей вероятности, следовала фамилия Каченовского, указал Н. К. Пиксанов (см.: ПССП. Т. III. С. 281). Профессор М. Г. Каченовский (1775—1842) читал лекции по русской истории в Московском университете в годы учения там Грибоедова. Грибоедов, выросший и воспитанный в Москве, не случайно послал статью в авторитетнейший московский журнал «Вестник Европы». В 1814 г. журнал издавался В. В. Измайловым, известным своей благотворительной деятельностью, заменившим на этом посту заболевшего Каченовского. Этим, видимо, объясняется и присылка в журнал денег «для бедных», и ироническое упоминание Каченовского в тексте «Письма».

«Письмо к издателю» написано в связи с награждением орденом св. Владимира А. С. Кологривова, под началом которого Грибоедов служил в 1814 г. (см.: Послужной список Грибоедова за 1829 год // Воспоминания 1980. С. 266).

Андрей Семенович Кологривов (1775—1825) начал службу с 1785 г. При наследнике Павле Петровиче командовал кавалерийскими войсками в Гатчине, а по восшествии его на престол получил генеральский чин. Участвовал в войнах 1805 и 1806—1807 гг., после чего ушел в отставку. В октябре 1812 г. вновь призван на военную службу, произведен в генералы от кавалерии и назначен командиром кавалерийских резервов, которые надлежало собрать, сформировать, обучить и отправить в русскую действующую армию, за границей. Резервный кавалерийский корпус, которым командовал Кологривов, располагался у западной границы России, в Литве (см.: Военная энциклопедия. Т. XIII. СПб., 1913). «Кологривов как опытный генерал,— отмечает М. Н. Лонгинов,— с успехом исполнял свою трудную обязанность, несмотря на то, что, вероятно, порывался на другое, более блестящее поприще, где отличались тогда храбрые его товарищи. <...> Кологривов имел удивительную способность привязывать к себе подчиненных, особенно молодежь» (Современник. 1857. Март. С. 83). Обстановка в корпусе Кологривова, дружеская атмосфера, как и литературные склонности многих офицеров, сочинявших стихи, отразились в «Письме» Грибоедова.

В «Вестнике Европы» (1814. Ч. 77. № 18. С. 160—162) было опубликовано «Уведомление» издателя: «Исполняя препоручение благотворительного господина Грибоедова, приславшего из Бреста Литовского 1000 рублей для раздания бедным, старался я узнать тех, которые более других терпят нужду; и получив верные сведения от особ, достойных доверенности, расположил я означенною суммою таким образом».

Далее следует отчет о выдаче денег тринадцати пострадавшим, названы их имена, указаны суммы и в конце говорится, что расписки их в получении денег благотворитель может получить в любое время.

Сохранился следующий текст упомянутой в «Письме...» песни, отпечатанный в полевой типографии (хранится: ГИМ. Ф. 160. Ед. 332. Л. 234—235; сообщено для данного издания А. К. Афанасьевым).

ПРИНОШЕНИЕ СОЛДАТ,
или
ПЕСНЯ СОЛДАТСКАЯ,

написанная в Кавалерийских резервах, формируемых Его Высокопревосходительством Генералом от Кавалерии Кологривовым. Петая 22 Июня 1814 года, Иркутскими Гусарами, по случаю

Всемилостивейшаго награждения его орденом Святаго Равно-Апостольнаго Князя Владимира 1-й степени.

На голос: Греми Росс в Европе,
Славой рази общаго врага и проч.

Генерал наш Кологривов
Нам начальник и отец.
Он достоин славы, Гимнов
От всех искренних сердец! —
Песню грянем мы с охоты,
Подарим ее ему;
А труды его, заботы
Не списать нам никому;
В армию он отсылает
Тысячи богатырей;
Одна сотня там хватает,
В плен Французов как гусей. (*)
Получил он повеленье —
Царя белого указ,
Чтобы выслать подкрепленье;
И вот сделано сей час.—
Всем приказы насылает
Своим, братцы, корпусам;
Подчиненным подтверждает
И надсматривает сам,
Чтобы рыцари готовы
Все к походу были вдруг,
Чтобы полк и эскадроны
Собиралися на луг.
Смотришь, пыль встает со мглою:
Идут крепкие ряды,
Все с врагом готовы к бою,
Все для славы рождены;
Тамо Хитров (**) в строй выводит
Полк богатырей одних;
Бельский тут в колонну строит
Также витязей своих;

(*) Так, как сделал Павлоградской эскадрон, прибывший в действующую армию с Подполковником Гельманом.

(**) Хитров, Бельский, Цорн, три Генерала Корпусных командиров, из коих 1 командир Гвардейских и Кирасир резервов, 2 Драгун и конно Эгерских, а 3 Гусарских, Уланских и Московского Козачьего полка резервов.

Цорн наездников дружины
Собирает в одну рать;
Бонапарт не без причины
Принужден пардон сказать;
Кологривов проезжает
Среди славных молодцов,
Во всех мужество вселяет
От своих геройских слов:
«В бой вступайте бодро, смело
И нагряньте на врагов:
Побеждать их ваше дело,
Русская кипит в вас кровь».
Кологривов! тебе слава!
Государь наш то сказал;
Кончилась война кровава —
И ты много помогал.
Потузить Наполеона
И согнать с чужова трона;
Государь наш и Отец
Тебе сделал награжденье;
Прими наше поздравленье
Ты от искренних сердец.

С. 244. *Тобою внушены кентавры ∾ И в вихре смерть несли врагам.*— Намек на кавалерийские полки, сформированные и отправленные к месту военных действий Кологривовым (см. также статью «О кавалерийских резервах»).

С. 247. *Сестры Парнасские* — музы.

С. 248. *В столицах виден блеск, в городах полубоярские затеи...*— Намек на театральные увлечения провинциалов, высмеянные в комедии А. А. Шаховского «Полубарские затеи» (1808).

А. А.

О КАВАЛЕРИЙСКИХ РЕЗЕРВАХ

(с. 249—253)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: ВЕ. 1814. Ч. 78. № 22. С. 116— 124, подпись: «А. Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации.

Статья отмечена М. Н. Лонгиновым в «Библиографических записках» (Современник. 1857. Март. С. 85) (см. комментарии к «Письму из Бреста Литовского»).

Это второе (вслед за «Письмом из Бреста Литовского») выступление Грибоедова в печати также связано с именем и деятельностью А. С. Кологривова (см. о нем с. 520).

Грибоедов вступил в военную службу 26 июля 1812 г. корнетом в Московский гусарский полк, «который формировался на собственный счет графом Салтыковым. Полк этот никогда не был окончательно сформирован» (Современник. 1857. Март. С. 83). 7 декабря 1812 г. Грибоедов тем же чином был переведен в Иркутский гусарский полк с назначением в резервный кавалерийский корпус под командованием А. С. Кологривова (см. там же, а также: Послужной список Грибоедова // Воспоминания 1980. С. 266). О военной службе Грибоедова см.: *Свердлина С. В.* В военные годы // Материалы. С. 61—75; *Николаев Б. П., Овчинников Г. Д., Цымбал Е. В.* Из истории семьи Грибоедовых (по архивным материалам) // Там же. С. 76—92; *Мясоедова Н.* О Грибоедове и Пушкине: Статьи и заметки. СПб., 1997. С. 6—11.

Статья Грибоедова «О кавалерийских резервах» — существенный источник сведений как о деятельности генерала Кологривова, так и о той стороне работы тыла, которая связана с формированием кавалерийских резервов.

«Это было первое выступление в печати, обратившее внимание на роль резервов в разгроме Наполеона»,— отметил военный историк Е. А. Прокофьев, который включил статью Грибоедова в круг выступлений декабристов по вопросам русского военного дела (см.: *Прокофьев В. А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. С. 262—264).

С. 250. *Слоним* — город в Западной Белоруссии на р. Шара, притоке Немана.

...закоснелых в военном ремесле — здесь: сжившихся с ремеслом, прочно в нем утвердившихся.

И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев, образовалось 65 000 кавалерии.— В 1808 г. в составе русской армии насчитывалось всего 49 000 сабель, а к началу войны 1812 г. ценой больших усилий общая численность кавалерии была доведена до 65 000 сабель. Таким образом, генерал Кологривов в течение года сформировал кавалерийские части, равные по числен-

ности всей кавалерии перед войной (см.: *Прокофьев В. А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. С. 263).

С. 252. *Небережные хвалы* — неосторожные, неосмотрительные, здесь: чрезмерные хвалы.

А. А.

О РАЗБОРЕ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ «ЛЕНОРА»

(с. 253—262)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО. 1816. Ч. 31. № 30 (ценз. разр. 28 июля 1816). С. 150—160, подпись: «Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации.

В «Сыне Отечества» публикация сопровождалась примечанием издателя: «Издатель получил сию статью за неделю перед сим, но не успел поместить ее в 29 книжке» (с. 150).

Статья является ответом на статью Н. И. Гнедича «О вольном переводе Бюргеровой баллады „Ленора"», опубликованную без подписи (СО. 1816. Ч. 31. № 27. С. 2—22) с пометой в конце: «СПб. губерния. Деревня Тентелева». Статья Гнедича посвящена разбору опубликованной в 1816 г. (почти одновременно в «Вестнике Европы», № 9, и «Сыне Отечества», № 24) баллады П. А. Катенина «Ольга», обозначенной автором как «вольный перевод из Бюргера». «Ольга» — перевод баллады Г. А. Бюргера (1747—1794) «Ленора» (1773), сюжет которой в 1808 г. уже был переложен на русский язык Жуковским в его балладе «Людмила». Гнедич в своей статье дал сравнение двух баллад, Жуковского и Катенина, везде отдавая предпочтение Жуковскому. Он обвинял Катенина в зависимости от Жуковского: «Не смею решительно предполагать, какие побуждения заставили после „Людмилы" переводить „Ленору", но кажется, что если б „Людмила" не приобрела так много справедливых похвал, то „Ленора" едва ли бы явилась под именем „Ольги", и потому-то нам сдается, что этот новый перевод не есть в полном смысле *вольный*» (СО. 1816. Ч. 31. 27. С. 10).

При этом Катенин противопоставлялся Жуковскому. Гнедич возмущался грубостью и резкостью его языка: «Слова: *светик,*

вплоть, споро, сволочь и пр., без сомнения, дышат простотою, но сия простота не поссорится ли со вкусом?» (там же. С. 18).

Катенин, несомненно, был оскорблен статьей Гнедича, в особенности содержавшимися там намеками на его зависимость от Жуковского. Грибоедов, лично и литературно близкий Катенину в этот период, ответил на статью Гнедича. Ответ его вызвал реакцию среди сторонников Жуковского, усмотревших в статье Грибоедова выпад лагеря «шишковистов», «беседчиков» против представителей «новой поэтической школы». К. Н. Батюшков писал из Москвы Гнедичу 17 августа 1816 г., что П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин и он «от всей души» благодарны Гнедичу за его статью. «Грибоедову не отвечай ни слова; и Катенин по таланту не стоил твоей прекрасной критики, которую сам Дмитриев хвалил очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковский поэт; тогда все Грибоедовы исчезнут». К этому письму В. Л. Пушкин сделал приписку: «Благодарю сердечно любезного Николая Ивановича за прекраснейшую критику. <...> Откуда взялся рыцарь Грибоедов? Кто воздоил сего кандидата Беседы пресловутой? Ради Бога освободите нас от нелепостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте!» (*Батюшков К. Н.* Соч. Т. II. М., 1989. С. 398). Журнальная полемика не имела продолжения, однако через год в комедии «Студент» Катенин и Грибоедов продолжили полемику с Жуковским. В 1831 г. Жуковский предпринял новый перевод той же баллады Бюргера и создал «Ленору», целью которой было не вольное переложение сюжета и не русификация его, а возможно более точное приближение к оригиналу. Катенин счел это признаком своей победы над Жуковским, о чем написал в «Московский телеграф» (см.: МТ. 1833. № 11. С. 449—459), в ответ на статью К. Полевого о сочинениях Катенина, и в письме к Н. И. Бахтину от 28 сентября 1833 г.: «*Слово* Грибоедова в споре с Гнедичем и *дело* Жуковского, вторым переводом признавшегося, что первый недостаточен, равно оправдали меня в предприятии Ольги, несмотря уже на существование Людмилы» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911. С. 205).

Относительную историческую правоту Грибоедова и Катенина в споре 1816 г. с Гнедичем и Жуковским отметил Пушкин в 1833 г. в статье «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина»: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Бирлгеровой „Леноры". Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем „Манфреде" сделал из „Фауста": ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам „Ленору" в энергической красоте ее

первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым» (Пушкин. Т. XI. С. 220—221).

Ю. Н. Тынянов в статье «Архаисты и Пушкин» (1926) включил полемику 1816 г. о переводе баллады Бюргера в общую картину борьбы «младших архаистов» (Шаховской, Катенин, Грибоедов, Кюхельбекер) с карамзинским направлением в литературе: «Годы 1815—1817 можно назвать одним из ответственных начальных пунктов полемики младших архаистов; в 1815 г. выходят „Липецкие воды" Шаховского; к 1815 г. относится начало деятельности „Арзамаса"; к 1816 г.— полемика вокруг баллады; к 1817 г.— комедия Грибоедова и Катенина „Студент", начиненная пародиями на Жуковского» (*Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 36). В статье Грибоедова Тынянов подчеркивал его стремление к простоте, народный слог и близость к природе, а также выпады против сглаженности стиля Жуковского и его ориентации на «приятность» (там же. С. 37). Точка зрения Тынянова послужила основой работ, в которых полемика о балладе 1816 г. прослежена более подробно (см. *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 146—155; *Орлов Вл.* Павел Катенин // Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971. С. 149—152; *Строганов М. В.* О литературной позиции Грибоедова // Новые безделки. М., 1995—1996. С. 142—146), а также отмечено, что позиции спорящих сторон не были лишены противоречий. Гнедич, сторонник Жуковского, иронически отнесся к жанру баллады, за что упрекнул его Батюшков в цитированном письме: «Жаль только, что ты напал на род баллад. Тебе, литератору, это непростительно. Все роды хороши» (*Батюшков К. Н.* Соч. Т. II. С. 398). Жанр баллад сам по себе был объектом спора между сторонниками романтизма и его противниками, осуждавшими баллады (см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика. С. 144—145), и позиция Гнедича здесь далеко не однозначна. Грибоедов же, выступая как проповедник нарождающегося романтизма с его интересом к народному творчеству и к изображению национального характера, в своей борьбе против мистицизма Жуковского оказался отчасти проводником рационалистических взглядов эпохи Просвещения (см. об этом: Русская литература и фольклор: Первая половина XIX века. Л., 1976. С. 55, 58—59).

О полемике вокруг переводческой деятельности Жуковского и Катенина, как и о значении самих этих переводов, см. также: *Мордовченко Н. И.* Русская критика С. 148—153; *Холмская А.* Пушкин

и переводческие дискуссии пушкинской поры // Мастерство перевода. М., 1959. С. 306—328; *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX в. Л., 1985. С. 18—20.

С. 253. *Г. Жуковский, говорит он, пишет баллады ~ или подражатели его, или завистники.*— В статье Гнедича говорилось: «Произведения отличных талантов обыкновенно рождают и жарких защитников, и жарких противников, и подражателей, которые от чистой души хотят писать подобно им, и соревнователей — чтоб не сказать завистников,— которые пишут в их роде, стараясь доказать, что дарование, уважаемое по общему мнению, не есть единственное в своем роде» (СО. 1816. Ч. 31. № 27. С. 3).

Грамматика у г. рецензента ~ никак не допускает, чтоб Рать под звон колоколов Шла почить от всех трудов.— Гнедич писал по поводу этих стихов Катенина, что войска могут идти «не под звон, а при звоне», точно как «идти при музыке или под музыкою», и иронически заключал это рассуждение: «Маленькая ошибка против логики и грамматики!» (там же. С. 12).

С. 253—254. *...сказанное в одной комедии, что «одни только красоты поэзии ~ странный выбор предметов».*— В тексте статьи Гнедича к этой цитате сделано примечание: «„Урок волокитам", комедия. Действ. I. Явл. 1» (там же. С. 5). Речь идет о комедии М. Н. Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (1815), положительный герой которой Изборский говорит о «роде баллады»: «Одни красоты поэзии могли до сих пор извинить в нем странный выбор предметов, и если сей род найдет подражателей, которые, не имея превосходных дарований своего образца, начнут также писать об одних мертвецах и привидениях, то признайтесь сами, что тогда словесность наша немного выиграет» (д. II, явл. 1). Несогласие Грибоедова с этой цитатой — выпад и против Загоскина (см. комментарии к стихотворениям «От Аполлона» и «Лубочный театр»).

С. 254. *...г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение рано поутру...*— «*Рано поутру* — сухая проза»,— отметил Гнедич (СО. 1816. Ч. 31. № 27. С. 11).

...слово турк, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова и в простонародных песнях, несносно для ~ г. рецензента...— Ю. Н. Тынянов видит в ссылке Грибоедова на оды Ломоносова и простонародные песни подтверждение его архаических устремлений (*Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. С. 37).

С. 255. *Еще не нравятся г. рецензенту стихи: ~ Обошел налой венчальной Уж с другою твой жених.*— При публикации «Ольги»

в «Сыне Отечества» вместо «налой» было напечатано «алтарь», что вызвало насмешку Гнедича: «алтари у нас обходят только во время крестного ходу» (СО. 1816. Ч. 31. № 27. С. 14).

С. 255. *Nous avons tout changé ~ toute nouvelle.*— Цитата из комедии Мольера «Лекарь поневоле» (1666; д. II, явл. 6). Сганарель говорит эту фразу в ответ на замечание Жеронта, что Сганарель ошибся, поместив печень слева, а сердце справа.

С. 256. *Стих: «В ней уляжется ль невеста?» заставил рецензента стыдливо потупить взоры...*— «Невеста,— пишет Гнедич,— которая говорит о кровати и спрашивает:

В ней уляжется ль невеста?

есть такая невеста, которая не может иметь места ни в подлиннике, ни в переводе. Это чувствовал г. *Жуковский*» (там же. С. 17).

...поэт дал слову пращь значение, ему не свойственное...— «Пращи не летают,— отметил в рецензии Гнедич.— Пращь есть веревка или ремень, которые всегда остаются в руках человека, мечущего ими камни» (там же. С. 17).

От стука палиц, свиста пращей Далече слышен гул дрожащий.— Цитата из послания Жуковского «К Воейкову» (1814).

С. 257. *...из Тентелевой деревни...*— Намек на помету в конце статьи Гнедича. Тентелева деревня находилась в четырех верстах от Петербурга по Петергофской дороге; «к ней причислено Митрофаньевское кладбище» (*Греч А. Н.* Весь Петербург в кармане. СПб., 1851. С. 515).

...следует замечание, которое похоже на дело.— Грибоедов отчасти соглашается со следующим рассуждением Гнедича: цитируя Катенина: «Тут над мертвой заплясали *Адски духи* при луне»,— он замечает, что «адски духи» — это черти. У Бюргера просто духи (Geister), у Жуковского — души умерших («Вдруг *усопшие* толпою Потянулись из могил»). «Но у г. переводчика Ольги... черти проповедуют нравственность, сами черти молят Бога о прощении грешной души! Какие добрые у него черти!» (СО. 1816.Ч.31. № 27. С. 21).

С. 258. *...взыскательные неотвязчивые читатели его окружают.*— Ряд замечаний Катенину в статье Гнедича высказан в форме вопросов и недоумений разных читателей.

С. 259. *Теперь я догадываюсь: отдаленье поставлено для рифмы. О, рифма!* — Здесь пародируется то место статьи Гнедича, где он, цитируя Катенина: «Наскакал в стремленьи яром Конь на каменный забор; С двери вдруг хлыста ударом Спали петли и запор»,— прибавляет: «Теперь я вижу, что это не конь, а наш поэт

наскакал на забор; рифма туда занесла его: *забор, запор.* О, рифма!» (там же. С. 19).

С. 260. *Извините, г-н Бюргер! Вы не виноваты!* — Повторение слов Гнедича: «Г. Бюргер, неужели это ваша выдумка?» И после немецкой цитаты из Леноры: «Извините, г. Бюргер! Вы не виноваты!» (там же. С. 20).

О, грамматика, и ты тиранка поэтов! — Повторение слов Гнедича.

С. 261. *Такие стихи: Хотя и не варяго-росски, Но истинно немного плоски.*— Грибоедов перефразирует известные стихи К. Н. Батюшкова из его «Видения на берегах Леты» (1809), относящиеся к членам «Беседы любителей русского слова»: «Стихи их хоть немного жестки, Но истинно варяго-росски». Гнедич в своей статье применил их к Катенину как к продолжателю «дела» Беседы: «Такие стихи: Хоть и варяго-росски. Но истинно — немного жестки!» (там же. С. 13).

С. 262. *Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги».*— Гнедич писал, что «в... „Людмиле" находятся некоторые несообразности; например: мертвец говорит о себе Людмиле так открыто, что словами его она не могла быть введена в заблуждение; он ясно говорит, что дом его

Саван, крест и шесть досок,

что

Путь их к келье гробовой.

Это разрушает обман Людмилы и читателя, между тем как у Бюргера он ответами неопределенными держит ее в вероятии до самого конца» (там же. С. 8—9).

А. А.

<ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ А. А. ЖАНДРОМ «СЕМЕЛЫ» ШИЛЛЕРА>

(с. 263)

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: СО. 1817. Ч. 42. № 51. С. 237.
Печатается по первой публикации.

Перевод и поэтическая обработка текста были завершены к началу 1818 г., когда пьеса «Семела» была поставлена на сцене

московского Большого театра 11 февраля 1818 г. в бенефис Е. С. Семеновой вместе с комедией А. А. Жандра и А. С. Грибоедова «Притворная неверность». В декабре предыдущего года уже существовал более или менее готовый текст (или часть его), отрывок из которого появился в «Сыне Отечества». Это были явл. 1 и 2, соответствующие началу сц. 1 подлинника. Предполагалась публикация пьесы в альманахе «Русская Талия», как это явствует из объявления о выходе его в петербургских газетах (Санкт-Петербургские ведомости. 1824. 18 ноября. С. 1158—1159; Русский инвалид. 1824. 18 ноября. С. 1090—1091), но в альманахе «Семела» не появилась, так так вышла отдельным изданием (Семела: Мифологическое представление / Подражание Шиллеру А. Жандра. СПб., 1825, ценз. разр. 20 ноября 1825 г.; гравюра К. Я. Афанасьева на фронтисписе изображала Пегаса, иссекающего из Геликона источник Иппокрену, и Мельпомену, музу трагедии, и не имела отношения к содержанию пьесы).

Перевод «Семелы» был рецензирован в «Московском телеграфе» (1826. Ч. 8. № 5. Отд. II. С. 58—60), возможно, Н. А. Полевым. Через несколько лет в печати появился отклик на очередную (скорее всего, одну из последних) постановку пьесы с участием Е. Семеновой (см.: СП. 1832. 2 сент., № 203). Как рецензенты, так и А. Жандр (в кратком предисловии к отдельному изданию) указывали на несценичность и театральный неуспех пьесы. Тем не менее появление «Семелы» на русской сцене — случай исключительный в судьбе этого не предназначавшегося для театра произведения Шиллера.

«Семела» была создана немецким поэтом в юности и впервые опубликована в изданной им «Антологии на 1782 год», фиктивно помеченной Тобольском (см.: *Данилевский Р. Ю.* Тема Сибири в предисловии Ф. Шиллера к «Антологии на 1782 год» // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 16—24). Первоначально автор обозначил жанр пьесы как «лирическую оперетту в двух сценах». Не связанная с «сибирской» темой, пародийно развернутой в предисловии к антологии, пьеса включалась, однако, по своей стилистике в общий тон пародии, насмешки, литературного эпатажа, характерный для этого поэтического сборника, основным автором которого был сам издатель.

Источником сюжета послужили Шиллеру в основном «Метаморфозы» Овидия, изложившего миф о дочери Кадма, основателя Фив, и Гармонии, родителями которой считались Арес (Марс) и Афродита. Семела стала возлюбленной Зевса, являвшегося к ней в образе смертного юноши. По наущению ревнивой Геры, принявшей облик старой кормилицы Семелы, девушка упросила Зевса пока-

заться в облике божества и погибла, ибо «громы Зевса для смертных неотразимы» (СО. 1817. Ч. 42. № 51. С. 237).

В несложном сюжете Шиллер увидел возможность показать бунт чувства, которое ставит человека вровень с богами, помогая не страшиться их гнева, даже и став жертвой коварных козней. Эмансипация чувства, как типичная черта «бури и натиска», литературного направления в Германии 1770—1780-х гг., легко принимала социальную окраску, что и произошло, например, в «Коварстве и любви» Шиллера (см. комментарий О. Вальцеля к «Семеле» в изд.: Schillers Sämtliche Werke: Säkular-Ausgabe in 16 Bänden. Bd 7 Stuttgart; Berlin, [S. a.] S. XLI). Зевс (у Шиллера — Юпитер) напоминает полновластного монарха XVIII в., обхаживающего очередную фаворитку. Античность пьесы весьма условна и, скорее, напоминает литературно-театральный маскарад в стиле рококо, хорошо разработанном в творчестве К. М. Виланда, одного из предшественников и литературных учителей Шиллера. Взаимоотношения легкомысленного Зевса и его ревнивой супруги, наивная заносчивость фивской царевны — черты комической оперы («оперетты»), обыгрывавшей современные зрителю ситуации. Однако трагический финал неожиданно открывает глубину шиллеровского замысла; и всевластный олимпиец и наивная Семела оказываются беспомощными перед роковым стечением обстоятельств. Этот переосмысленный новым временем античный трагизм рока Шиллер перенесет затем в свою «Мессинскую невесту».

Русский перевод делался по окончательному варианту текста, помещенному в издании: Theater von Schiller. 1807. Bd 5. Поэт сгладил вольности тона и лексики, присущие ранней редакции, и одновременно освободил пьесу от подробных ремарок, придав ей явный характер драмы для чтения. Переводчики пошли обратным путем. «Как сочинение Шиллера, сколько известно, написано было не для представления,— писал А. Жандр,— то я старался поставить Семелу на русскую сцену в виде, более театральном; ввел хор фивских дев и совершенно переделал вторую половину подлинника» (Семела. [Отд. изд.] Без пагинации). Грибоедов, Жандр и Е. Семенова, «исполнить волю» которой взялись переводчики (см. там же), все же надеялись привлечь к пьесе внимание русской театральной публики. Это были годы нарастания посмертной славы Шиллера в России. Кроме того, по своему небольшому объему пьеса представляла собой определенное удобство для бенефиса и, казалось, была не лишена эффективности в трогательных положениях сюжета и в античном оформлении, привычном для театра классицизма.

По правилам этого театра переводчики поделили обе сцены подлинника на явления (восемь явлений). Безмолвных статисток —

служанок Семелы сделали участницами хора на античный лад, с партией корифеи, строфой и антистрофой. Правда, в славословие Зевсу и Семеле, исполняемое «девами фивскими», проскользнули строки, больше свойственные русской лирике этого времени, чем античному хору, но это был несомненно сознательный прием работы «на публику»:

В крови ее горит желанье;
Все чувства ей велят любить... *и т. д.*

(Семела... С. 3)

(Ср.: «В крови горит огонь желанья...» Пушкина, 1825.) Более зрелищными были сделаны доказательства божественности, которые предъявляет Семеле Зевс: на сцену являются Амур и Аполлон с музами, звучат песни Филомелы, Амфиона и Эраты, хоры циклопов и сатиров. Существенно изменен финал. В русском переводе героиня умирает на сцене от молнии, которую мечет в нее Зевс (что не совсем логично, так как он не желает гибели девушки). У Шиллера Семела неминуемо должна, по словам Юноны (Геры, Иры), «растаять» в его «огненных объятиях, как снежные хлопья под лучами солнца» (естественно, это совершается за сценой). В переводе Семела перед гибелью произносит покаянный чувствительный монолог, в котором клянет свое безрассудство, а после этого добавлено целое явление 8, где Зевс высоким стилем бранится с Ирой и обещает умершей Семеле, что она будет взята к «полубогам», а сыном ее будет Вакх. Этот благополучный двойной финал значительно смягчает трагизм пьесы, заканчивая ее театральным триумфом. Согласно ремарке «Гром ударяет... Семелу окружают Нимфы и Амуры. Завеса опускается» (Семела... С. 34). В оригинале пьеса завершается мрачным решением Юпитера: «Счастья никто не достоин. Она умирает... (Занавес падает)». Заключительная сентенция как бы гасит все краски античного маскарада «Семелы». Сама же героиня Шиллера, в отличие от вложенного ей в уста русского текста, произносит перед смертью одну лишь гордо-язвительную и вовсе не покаянную фразу: «Ха! И это любовь Юпитера!»

Таким образом, стилистическая тональность пьесы оказывается в русском переводе значительно измененной. Слог перевода остается возвышенным, но это достигается иными средствами: отрывистый синтаксис, броские и неожиданные словообразования стиля немецкого «бури и натиска» замещаются высокой «архаикой», близкой, по наблюдениям И. Н. Медведевой, слогу, например, поэзии Н. И. Гнедича («Сетование Фетиды на гробе Ахиллеса». «Рождение Гомера») (см.: *Гнедич Н. И.* Стихотворения. М.; Л. 1963. С. 44. (Б-ка поэта. Малая сер. 2-е изд.). Вместе с тем рифмованный вольный

ямб перевода (на основе александрийского стиха) иногда придает тексту несколько бóльшую бытовую разговорность, чем это допускает немецкий тонический метр, чередующийся с пятистопным ямбом в шиллеровском оригинале. Так, вместо возгласов «Ха! Чую себя!.. Месть! Месть!» и проч., Ира (Юнона) в переводе возмущается более по-женски:

Как!.. Кронова во мне божественная кровь,
И чтобы я стерпела оскорбленье?..

(Семела... С. 2)

При доработке перевода (что видно при сравнении текста, помещенного в «Сыне Отечества», с отдельным изданием пьесы) стих местами делался проще, удобнее для декламации, лексика осовременивалась (вместо «одеянная облаком» — «окруженная», вместо «потщитесь» — «постарайтесь» и т. п.), однако общая архаическая окраска речи осталась неизменной. Кроме тех мест, где возникал живой диалог:

Ира *(плача)*:

Ах! я уверилась твоими же словами,
Что нет несчастнее тебя под небесами!
О горе! он не Зевс!

Семела:

Не Зевс!.. Не может быть!
И кто ж другой умеет так любить!

(Семела... С. 11)

В записке к Н. И. Гнедичу, сопровождавшей отрывок из перевода «Семелы», присланный в «Сын Отечества», Грибоедов уверял, что перу А. Жандра принадлежит все, «чего недостает в подлиннике», и что «лирическое во втором явлении от слова до слова» сочинено Жандром. Значит, помимо «хора фивских дев» Жандру можно с определенным основанием приписать все остальные вставки в шиллеровский текст (кому именно принадлежит идея радикального изменения концовки пьесы — решить трудно). Но, переводя для Жандра, по собственному признанию, «слово в слово», Грибоедов едва ли ограничился простым подстрочником. Может быть, именно проблески живой речи, подобные приведенному выше, восходят к Грибоедову. Не ему ли принадлежала также мысль «перевести» имена древнеримского пантеона, принятые у Овидия и Шиллера, на греческий лад, больше отвечавший месту действия? (В русском словоупотреблении обе традиции смешивались.) Но все это лишь догадки, в которых полностью достоверно одно — внимание Грибоедова к Шиллеру, к «прекрасным сценам» маленькой пьесы

«Семела» в период подготовки в «творческой лаборатории» великой комедии (см.: *Орлов Вл.* Грибоедов: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. М., 1954. С. 81).

Театральные постановки: «Семела, или Мщение Юноны. Мифологическое представление в 1 действии, в вольных стихах, с хорами, балетом и пением» на музыку К. А. Кавоса и Ф. Антонилини ставилась в Петербурге, на сцене Александринского театра, 11 февраля 1818 г. (премьера), 7 и 16 декабря 1821 г., 26 февраля 1823 г., 24 и 28 августа 1839 г., 15 ноября 1848 г. (другие даты неизвестны). В Москве на сцене Малого театра премьера состоялась 9 января 1828 г., и скорее всего, пьеса больше не игралась (см.: История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. Приложение: Репертуарный список; см. также: Арапов. Репертуар по 1825 г.).

Р. Д.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ <«СЫНА ОТЕЧЕСТВА»> ИЗ ТИФЛИСА ОТ 21 ЯНВАРЯ <1819 года>

(с. 263—266)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО. 1819. Ч. 52. № 10. С. 187—191 (ценз. разр. 8 марта), подпись: «Александр Грибоедов».

Печатается по тексту первой публикации.

«Письмо...» Грибоедова к издателю «Сына Отечества» было вызвано публикацией в «Русском инвалиде» (1818. 6 декабря. № 284) в разделе «Иностранные известия» следующего сообщения с пометой «Турция»: «Здесь носится слух, будто бы в Грузии происходило возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя» (с. 1144).

В «Путевых записках», письме к С. Н. Бегичеву от 29 января 1819 г. Грибоедов отметил: «Об бунте писали в „Инвалиде“ вздор, на который я в С<ыне> О<течества> отвечал таким же вздором».

«Письмо...» было сопровождено в «Сыне Отечества» следующим примечанием: «Благодарим любезного нашего корреспондента за сие известие. Только он слишком жестоко нападает на „Русского инвалида“: ежедневно (кроме понедельника) выходит номер

сей газеты, и выходит всегда в надлежащее время; как легко можно, при сей беспрерывной, единообразной и утомительной работе (особливо при нынешней засухе европейских новостей), ошибиться в выборе и поместить известие недостоверное! Впрочем, и это известие имело хорошие следствия: без него не имели бы наши читатели удовольствия получить сие любопытное письмо о крае весьма мало известном. Изд<атель>». О «Письме» см.: *Юсупов Р. Ф.* Грибоедов и Дагестан // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. им. Г. Цыдасы. Т. VII. Махачкала, 1959. С. 208—232.

С. 263. *Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом...*— Грибоедов выехал из Петербурга в конце августа 1818 г.

...по словам Ломоносова, Россия локтем возлегла...— Неточная цитата из оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748 года»: Россия

Конца не зрит своей державы
. . . .
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину (Китай.— *Ред.*) отделяет
Пространная стена от нас.
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши локтем на Кавказ.

...ястреба, потомки Прометеева терзателя...— Намек на античный миф, согласно которому к Прометею, прикованному к скале в горах Кавказа, прилетал орел, чтобы терзать его печень. Образ впервые встречается в Путевых заметках (см. наст. том, с. 558). Существует грузинская версия этого мифа (впрочем, вряд ли известная в это время Грибоедову). Рожденный солнцем герой Амирани «вместе с красавицей Камар и двумя своими братьями защищал людей от кровожадных драконов и злобных великанов-дэви. В наказание за обучение людей способам добывания огня и обработки металлов всемогущий властитель небес приковал Амирани цепями к стене одной из пещер на горе Казбек. Тщетно силится герой дотянуться до своей сабли, чтобы одним взмахом разрубить цепи. В отчаянии он тяжко вздыхает, и от этого вздоха сотрясается гора и вся окрестность» (*Богомолов И., Хуцишвили Г.* Эта удивительная Военно-Грузинская дорога. Тбилиси, 1983. С. 22—23).

...крутой спуск с Кашаура...— См. наст. том, с. 559.

...я уже четвертый месяц как засел в нем...— Грибоедов прибыл в Тифлис 21 октября 1818 г.

С. 264. *...об американском жарком воскресенье...*— В том же № 284 «Русского инвалида» в разделе «Смесь» сообщалось: «В Америке никто не запомнит таких жаров, как продолжались там с 11-го по 13-е июля. 12-е число сего месяца навсегда останется в памяти жителей под названием жаркого воскресенья» (стлб. 1144).

...о бесконечном процессе Фуальдеса...— В «Русском инвалиде» (№ 284) в разделе «Иностранные известия» помещено сообщение из Парижа о публикации там данных перед казнью показаний Бастида и Жоссьона, казненных как убийц прокурора Фуальдеса (в Родезе, в 1817 г.).

...о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике...— Там же, в разделе «Смесь», опубликовано сообщение: «Доктор Верлинг, родом ирландец, назначен преемником известного О'Миры, в качестве Буонапартова лейб-медика и уже принят сим последним».

С. 265. *...получаемые через Черное море ~ открыто сообщение сквозь Имеретию.*— Имеретия, княжество в Западной Грузии с выходом к Черному морю, вошла в состав России после того, как 3 сентября 1810 г. имеретинский царь Соломон был разбит русскими войсками и покинул страну.

В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстроиваются...— В 1819 г. по инициативе А. В. Ермолова в Грузии поселились 500 вюртембергских семейств колонистов из Германии (см.: РВ. 1863. Ноябрь. С. 281). По воспоминаниям Д. В. Давыдова, Ермолов, «желая также приучить туземцев к подражанию немецкому хозяйству... водворил немецкие колонии» (там же. С. 356).

...проповедуют Ш<тиллингов> золотой Иерусалим с жемчужными вратами...— Имеются в виду идеи известного немецкого мистического писателя Иоганна Генриха Юнг-Штиллинга (1740—1817). В его сочинении «Das Heimweh» (1794) — в русском переводе «Тоска по отчизне» (перевод 1803 г. был запрещен; книга полностью издана в России в 1815 г.),— проникнутом мистическими масонскими идеями, рисуется утопический образ некоего рыцарского братства, связанного с воплощением ветхозаветных и христианских идеалов. Сочинение это, широко известное как в Германии, так и в других европейских странах (переведено на все основные европейские языки), оказало сильное влияние на выходцев из Германии, немецких колонистов, исповедовавших утопические идеи Юнг-Штиллинга.

...заложена крепость на Сунже...— Сунжа — правый приток Терека. В мае 1818 г. А. П. Ермолов заложил в ее нижнем течении крепость Грозную.

С. 265. *Пестель* Андрей Борисович (1779—1863) — командир Тенгизского, а с 1812 г. шеф Тифлисского полка, участник Кавказской войны. С 1816 г. возглавил поход в Дагестан и занял крепость Башлы, но вынужден был оставить ее и отступить под натиском горцев. В 1820 г. уволен из армии.

Басилы (Башлы) — селение в Дагестане, на реке Башлы-озень, впадающей в Каспийское море. Укрепленная крепость, населенная лезгинами.

Акушинцы — представители лезгинского племени акуша в Дагестане, мусульманского вероисповедания, наиболее активные участники возмущения 1818 г. (см.: Дневник А. П. Ермолова // РВ. 1863. Ноябрь. С. 262—263).

...когда туда же приступил ∾ генерал Ермолов ∾ дарована пощада...— Ермолов возглавил экспедицию против взбунтовавшихся горцев и изменивших присяге Ахмед-хана Аварского и Гассан-ханбека Джангутайского в ноябре 1818 г. 14—15 ноября селение Джангутай было сожжено русскими, жители «приведены в повиновение». 19 ноября «главные зачинщики мятежа наказаны смертию» (там же. С. 263).

С. 266. *...события с Кавказской линии так же не годится переносить в Грузию...*— Кордонная линия, шедшая по северную сторону Главного Кавказского хребта, по рекам Кубань, Малка, Терек и Сунжа, возникла из русских поселений (с XVI в.) на Тереке и Кубани для защиты русских земель от нападений кавказских горцев.

Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света.— Имеются в виду помимо Европы и Азии американские владения России на Аляске.

А. А.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАВОДНЕНИЯ

(с. 267—271)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 69—74, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор статьи Д. А. Смирнов не снабдил текст какими-либо пояснениями, отметив только, что название дано самим Грибоедовым в рукописи (см.: РСл. 1859. Май. № 5. С. 61).

Написано под непосредственным впечатлением от наводнения 7 ноября 1824 г., очевидцем которого был Грибоедов. Писалось, по-видимому, в ноябре 1824 г. (в конце сказано: «Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия»). Как видно из текста статьи, Грибоедов предполагал издать свое «сказание» в виде отдельной брошюры: «Г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здесь уже не будет». О том, что издание предполагалось осуществить срочно, говорит и заключительная фраза, что друзья автора «в отдаленной Грузии» узнают об его участи «посредством сих листков». Однако статья Грибоедова не явилась в печати ни одна, ни с добавлениями. Н. К. Пиксанов, сославшись на Воспоминания О. Я. Пржецлавского, высказал предположение, что причиной послужил цензурный запрет. Рассказывая о наводнении 7 ноября 1824 г., Пржецлавский так заключает свое описание: «Замечательно, что известия о наводнении не были напечатаны ни в одной газете, делали тайну из того, чему было 400 000 свидетелей. Это довольно характеризует время. Только через год позволено было г. Аллеру, економу Смольного монастыря, напечатать брошюру с описанием подробностей наводнения, и немного ранее граф Хвостов воспевал их в напечатанном дифирамбе» (РС. 1874. Т. 11. С. 673).

Действительно, первые упоминания о наводнении появились в печати только через неделю. В газете «Русский инвалид, или Военные ведомости» от 13 ноября 1824 г. (№ 269) было опубликовано краткое известие о «бедствии», постигшем столицу. Некоторые дополнительные данные о районах затопления опубликованы в той же газете 18 ноября (№ 273). Ф. В. Булгарину удалось вскоре после наводнения напечатать в издаваемых им «Литературных листках» «Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в С.-Петербурге 7 ноября 1824 г.» (Литературные листки. 1824. Ч. 4. Ноябрь. № 21—22. С. 65—81; Дек. № 23—24. С. 175—177). Статья Булгарина с некоторыми дополнениями вошла в брошюру В. Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге» (СПб., 1826). В 1826 г. вышла и книга С. Аллера «Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 г.». В ней большое место занимают официальные документы, правительственные распоряжения, сведения о помощи пострадавшим, о собранных средствах, правительственной помощи и т. п. Официальная тенденция всех публикаций о наводнении сводилась к тому, чтобы приуменьшить число жертв и потерь и всячески подчеркнуть размеры правительственной помощи, факты мужества

и взаимовыручки граждан, а также чудесные случаи благополучного спасения отдельных жителей (см. прокомментированные Н. В. Измайловым документальные материалы о петербургском наводнении 7 ноября 1824 г.: *Пушкин А. С.* Медный всадник. Л., 1978. С. 103—124).

В таком же официально-бодром тоне откликнулась на годовщину наводнения «Северная пчела» (1825. 7 ноября. № 34) в заметке «Петербургские записки. Чувствования санктпетербургского жителя в день 7 ноября». Заметка посвящена в основном оказанию от правительства, царя и частных лиц помощи пострадавшим. Она заканчивается утверждением, что сейчас «столица цветет по-прежнему, слезы несчастных осушены, участь их обеспечена».

Большинство мемуарной литературы о наводнении 1824 г. относится к более позднему времени. Часть ее собрана в работе: *Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений // ИВ. 1888. Т. 33. Приложение. С. 1—87; О наводнении 1824 г. С. 33—84.

Статья Грибоедова, написанная сразу, по горячим следам, содержит неприкрашенные картины петербургской трагедии.

По предположению Н. В. Измайлова Грибоедов в марте — апреле 1828 г., встречаясь в Петербурге с Пушкиным, давал ему читать свою статью о наводнении; по крайней мере, только в ней Пушкин мог прочесть о том, что «В эту роковую минуту государь явился на балконе» (*Пушкин А. С.* Медный всадник. С. 116).

То, что Грибоедов давал читать свою неопубликованную статью многим современникам, подтверждается косвенно замечанием Д. А. Смирнова, который не мог разобрать слово в публикуемой рукописи, так как она была «стерта и захвачена руками» (РСл. 1859. № 5. С. 115).

С. 267. *...за час перед полднем...*— Подъем воды начался в ночь на 7 ноября. В 8 часов утра были залиты низменные части Васильевского острова, к 10 часам — большинство островов, а также устье Мойки и Фонтанки, в двенадцатом часу вода покрыла весь центр города.

...давно уже три раза выпалили с крепости...— Пушка Петропавловской крепости выстрелом оповещала о поднятии воды в Неве.

Коломна — низменный район Петербурга, расположенный между Мойкой, Фонтанкой и Крюковым каналом, населенный главным образом мелкими чиновниками и мещанами, сильно пострадал во время наводнения.

С. 267. *...на Торговой, в доме В. В. Погодина* — современный адрес: ул. Союза Печатников, д. 5.

Приспешная — комната для прислуги.

Гобвахта — караульная будка.

Кашин мост — мост через Крюков канал по Екатерингофскому проспекту (ныне пр. Римского-Корсакова).

С. 268. *...между Офицерской и Торговой...*— Офицерская улица (ныне ул. Декабристов) параллельна Торговой.

Возвратясь в залу к С<толыпину>...— Фамилия восстановлена по кн.: Указатель жилищ и зданий в С. Петербурге / Издал Самуил Аллер. СПб., 1824. С. 395. О смерти А. А. Столыпина Грибоедов сообщал Бегичеву 18 мая 1825 г.

...до 4-х аршин от уличной поверхности — на 2 м 84 см. По данным, приведенным П. П. Каратыгиным в «Летописи петербургских наводнений» (с. 75), высота воды в районе Большого театра (недалеко от места, где жил Грибоедов) достигла 5 футов, т. е. приблизительно 152 см.

...вода начала сбывать.— Подъем воды 7 ноября прекратился в 3 часа дня, а потом начался спад ее (см.: *Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. С. 42, 44, 46).

...Нева против дворца ∾ сдвинула и расчленила огромные мосты Исакиевский, Троицкий и иные.— Мосты Исаакиевский (от Сенатской площади на Васильевский остров) и Троицкий (от Летнего сада на Петербургскую сторону, к Троицкой площади) были плашкоутными (наплавными). Все подобные мосты на Неве и других реках были сорваны. «По разлитии воды Исакиевский мост, представляющий тогда крутую гору, был силою бури разорван на части, которые понеслись против течения реки в разные стороны, так что несколько плашкоутов оного с находившимися в то время на них людьми взошли на возвышенный берег Адмиралтейства. Большая часть прочих мостов не устояла также против ужасной бури» (*Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. С. 45).

С. 269. *Он многих избавил от потопления...*— О действиях катера, на котором находился А. Х. Бенкендорф и которым командовал девятнадцатилетний мичман Беляев, см.: Воспоминания А. П. Беляева // РС. 1881. Т. 30. С. 15—18; *Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. С. 55—57.

Невский проспект превращен был в бурный пролив...— Ср. описание Булгарина: «Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невским проспектом, как широкою рекою, до самого Аничкова моста» (*Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. С. 41).

С. 269. *Мещанская* — ныне Гражданская улица.

Поцелуев мост — мост через Мойку по Никольской улице (ныне ул. Глинки).

Пряжка — река, левый рукав Мойки, впадает в Неву.

Храповицкий мост — мост через Мойку по Алексеевской улице (ныне ул. Писарева).

...возле дома графини Бобринской...— Дом графини Бобринской занимал квартал между Мойкой и Галерной улицей. Здание сохранилось (современный адрес: Галерная ул., д. 60).

...мост с Галерного канала...— Галерный канал (ныне Ново-Адмиралтейский канал) ведет из Невы в Мойку перпендикулярно Галерной улице и отделяет Адмиралтейский остров, на котором в XVIII в. была создана Галерная верфь. Галерный мост (ныне Адмиралтейский) через Галерный канал по Галерной улице (см.: Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. СПб., 1992).

Бертов мост (Бердов мост) — по имени Ч. Берда, владельца чугунолитейного завода на Матиссовом острове. Мост через реку Пряжку от Мясной улицы на Матиссов остров.

...добрался я до Матиловых тоней.— Правильнее: Матиссовы тони, рыбачий стан на Матиссовом острове, омываемом Невой, Мойкой и Пряжкой.

С. 270. *...мы поплыли в Галерную гавань...*— Галерная гавань построена в 1721—1722 гг. на западной оконечности Васильевского острова для стоянки гребных судов (галер), строившихся на Галерной верфи на противоположном берегу Большой Невы. Особенно сильно пострадала в наводнение 1824 г. (см.: Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. С. 144).

Сальные буяны — продовольственные склады на острове, образуемом Большой Невой, Пряжкой и двумя каналами. Здание складов, возведенное по проекту архитектора Тома де Томона, не сохранилось.

Простирало (церк.-слав.) — ковер, пелена.

...недалеко от моей квартиры стоял пароход на суше.— Единственный в то время в Петербурге пароход, перевозивший пассажиров в Кронштадт, принадлежал Ч. Берду. В книге С. Аллера «Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге...» сказано: «В Коломне по Торговой улице стоял на суше пароход, на коем пассажиры ездят в Кронштадт» (см.: *Пушкин А. С.* Медный всадник. С. 114).

Английская набережная — аристократический район Петербурга на левом берегу Невы.

А. А.

<ПРИМЕЧАНИЯ К «НЕОБЫКНОВЕННЫМ ПОХОЖДЕНИЯМ И ПУТЕШЕСТВИЯМ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА ДЕМЕНТИЯ ИВАНОВА ЦИКУЛИНА...»>

(с. 271—275)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СА. 1825. Ч. 14. № 8. С. 348—362; ч. 15. № IX. С. 47—67, как подстрочные примечания к напечатанным тут же «Похождениям» Цикулина.

Печатается по первой публикации.

Примечания везде сопровождаются подписью: «Изд<атель>». Принадлежность их Грибоедову устанавливается на основании письма Грибоедова Ф. В. Булгарину, издателю «Северного архива», от февраля 1825 г. В письме речь идет о работе над примечаниями к сочинению Цикулина и содержится одно из примечаний о семействе Грифс, опубликованное в «Северном архиве» в несколько иной редакции. Примечания, вынесенные под строку, пронумерованы. Всего их 25 (5 в части 14 и 20 в части 15), кроме того, есть редакторские пояснения в тексте, в круглых скобках, никак не пронумерованные. Все они, по-видимому, составлены Грибоедовым, хотя, возможно, и подвергались редактуре Булгарина. Два примечания, отмеченные в публикации звездочками, принадлежат, вероятно, самому Булгарину. Грибоедов, видимо, представил свои примечания вместе с текстом Цикулина и в определенной нумерации, а примечания Булгарина в эту нумерацию не были включены. Первое примечание издателя содержало сведения о рукописи Цикулина: «Рукопись сия сообщена нам из Москвы почтенным П. А. Мухановым. Представляем ее нашим читателям, как удивительный пример ума и решительности простого русского народа; мы сделали весьма мало поправок в слоге, желая сохранить всю оригинальность рассказа, и выкинули только некоторые повторения. Само по себе разумеется, что мы не можем ручаться за достоверность всех происшествий, точно так же, как и за рассказы всех путешественников, которым читатель должен верить на слово. Впрочем, автор сих записок, кажется, не имел никакой нужды отступать от истины. Замечания его о разных странах тем любопытнее, что люди простого звания весьма редко отдают отчет в впечатлениях, ощущаемых ими при виде предметов новых и необыкновенных. Некоторые ошибки в собственных именах мы поправили по смыслу».

Второе примечание издателя относится к тому месту текста, где Цикулин рассказывает о своей встрече с диким львом в пустыне. На месте, откуда лев ушел, Цикулин нашел «обгорелый хлеб». В примечании (Булгарина?) сказано: «Вероятно брошенный каким-нибудь странником. Впрочем, происшествие сие весьма необыкновенно, и мы предоставляем читателям нашим решить степень его вероятия» (СА. 1825. Ч. 14. № 8. С. 361).

Д. И. Цикулин — крепостной Павла Михайловича Ласунского. Родился в 1780 г. в селе Ловцы, Зарайского уезда, Рязанской губернии. В 1808 г. «на 29 году» он был послан помещиком «с законным паспортом» в Астрахань «для отправления там должности при питейных сборах» (СА. 1825. Ч. 14. № 8. С. 348). Там Цикулин нанялся к одному русскому купцу, который отплывал в Персию, в Зинзилин. Оттуда Цикулин захотел отправиться в Иерусалим, к святым местам, но по дороге был схвачен персидскими разбойниками. Начались его многолетние мытарства в Персии. От одних хозяев переходил он к другим; все пытались обратить его в мусульманство, но Цикулин оставался верен своей религии, что стоило ему многих унижений и притеснений; чудом избежал он смерти. Убегая от одних хозяев и попадая к другим, Цикулин добрался до Багдада, где ему помог наместник Давид-Паша (грузин по происхождению). Цикулин встретил здесь христиан, которые помогли ему совершить путешествие в Иерусалим. Однако капитан одного английского судна заманил Цикулина на свой корабль и сделал его своим слугой, лишив всех прав на самостоятельность. Цикулин посетил с этим капитаном Египет и Индию. В Индии узнал он о существовании «человеколюбивого капитана», «умеющего говорить по-русски». Это был Грифс, который помог Цикулину освободиться от своего хозяина и попасть в Англию. В Лондоне Цикулин обратился к русскому консулу А. Я. Дубачевскому и через русского посланника графа Ливена получил разрешение вернуться в Россию. После 13 лет отсутствия он возвратился на родину. Обратившись к петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу с просьбой об отпускной, Цикулин получил ее от своего помещика Ласунского. Цикулин поселился в Нижнем Новогороде, приписавшись в мещанское сословие.

В записках Цикулин не только рассказывает о своих похождениях, но и дает сведения о жизни народов, среди которых он побывал, об их быте, хозяйстве, обрядах, о природе увиденных земель.

Рукопись, составленная малообразованным человеком, нуждалась в пояснениях и уточнениях. Булгарин обратился за этим к Грибоедову как к специалисту по Востоку.

С. 273. *Аббас-Мирза* (1782—1833) — сын Фатх-Али-шаха, наследник Персидского престола, с 1816 г. исполнявший обязанности министра иностранных дел.

С. 275. *...напоминают о путешествии тверитянина в Индию, в XIV столетии. См. Софийск<ий> времянн<ик>.*— Речь идет о путешествии тверского купца Афанасия Никитина в Индию, совершенного в 1466—1472 гг. и описанного им в сочинении «Хождение за три моря» (1471—1474).

А. А.

ЗАГОРОДНАЯ ПОЕЗДКА
(с. 275—278)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СП. 1826. 26 июля. № 76, под рубрикой: «Словесность», без подписи.

Печатается по тексту первой публикации.

В собрание сочинений Грибоедова впервые включено Е. Н. Серчевским в 1858 г. (см.: Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. 50—53). Вошло в ПССШ и ПССП.

Сомнение в принадлежности «Загородной поездки» Грибоедову было высказано в 1977 г. С. А. Фомичевым (см.: *Фомичев С. А.* Спорные вопросы грибоедовской текстологии // РЛ. 1977. № 2. С. 68—69; *Он же.* Заметки о грибоедовской текстологии // Творчество. Биография. Традиции. С. 201—205).

В 1826 г. 21 июня был понедельник, и описанное в Парголово гулянье вряд ли могло состояться. На этом основании С. А. Фомичев предположил, что в статье описана поездка 1825 г., и отверг авторство Грибоедова. Однако косвенное подтверждение того, что поездка состоялась именно в 1826 г., позволяет предположить ошибку в дате. Следовало, вероятно: «20 июня». 21-е, возможно, ошибочно появилось в результате редактуры Булгарина по аналогии с его статьей «Поездка в Парголово 21 июня», или это типографская опечатка. В. П. Мещеряков на основе анализа более поздних высказываний Ф. В. Булгарина и А. Н. Греча утверждает, что «Загородная поездка» принадлежит Грибоедову (см.: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983. С. 163—166).

Статья написана летом 1826 г., когда после освобождения из-под ареста 4 июня Грибоедов жил на даче Булгарина на Выборгской стороне (см.: Воспоминания 1929. С. 29) и описал поездку в Парголово, предпринятую совместно с Булгариным.

«Загородная поездка» перекликается с очерком Булгарина «Поездка в Парголово, 21 июня», напечатанным в той же «Северной пчеле» годом раньше (см.: СП. 1825. 27 июня. № 77). С. А. Фомичев, обративший внимание на эту статью, высказал предположение, что «Поездка в Парголово» и «Загородная поездка» посвящены одному событию (Творчество. Биография. Традиции. С. 203—205). Однако если статья Булгарина, как справедливо заметил Фомичев, «может служить комментарием к „Загородной поездке"» (там же. С. 204), то статья Грибоедова является в какой-то степени полемическим ответом на «Поездку в Парголово». В статье Булгарина дается больше сведений по истории Парголова и его заселения, о занятиях жителей, но содержится и идиллическое изображение парголовской природы, которой любуется автор. «Здесь северная природа является во всей своей красе. Холмы облечены душистою муравою и усеяны прекрасными возмужалыми деревьями всех родов. Каждый холм, каждая долина открывают вашим взорам разнообразные виды: с одной стороны цепь гор, оканчивающая горизонт, с другой — лесистый берег Финского залива и вдали, в тумане, противоположный его берег; прямо перед вами белеется обширная столица, блестят золотые куполы и шпицы». Вместо этого у Грибоедова постоянно подчеркивается убожество северной природы: «Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрыпучий песок — всё это не располагает странников к приятным впечатлениям». В очерке Булгарина описывается превосходный вид, открывающийся с горы Парнас: «За лесами и долинами блестящая в солнечных лучах столица составляет последний предел картины». Грибоедов замечает не без иронии: «Так рассказывают, но мы ничего не видали. <...> Всё было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении». Статья Грибоедова повторяет план и последовательность описаний булгаринского очерка (застава, церковь, озеро, возвышенности, песни и пляски крестьян, путешествия верхом на местных лошадках), но дает все это в иной тональности, являясь как бы скептическим комментарием и к очерку Булгарина, и к распространенному жанру путевых картин, описывавших преимущественно увиденные «красоты».

О высказанных в статье взглядах Грибоедова на проблему национальной культуры, критику им оторвавшегося от народных кор-

ней господствующего класса см.: *Пиксанов Н. К.* А. С. Грибоедов // ПССП. Т. I. С. CXXII—CXXV. В. Н. Орлов отметил, что «вопрос о народе начинает особенно тревожить Грибоедова сразу же после поражения декабристов». Не случайно он поставлен в написанной в это время «Загородной поездке». «Не подлежит сомнению, что выраженная в этой статье мысль о пропасти, разделяющей народ и даже передовые круги дворянства, из которых вышли декабристы, приобрела для Грибоедова особую остроту и особое значение в свете неудавшегося безнародного восстания». Хотя, отмечает исследователь, «ничто в высказываниях Грибоедова по социально-политическим вопросам не дает оснований предполагать, что он разделял идею массовой народной революции» (*Орлов Вл.* Грибоедов. М., 1952. С. 141; см. также: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977. С. 596—597).

Ю. В. Манн находит в «Загородной поездке» характерные для предромантической и романтической литературы оппозиции: «1) историческое (прошлое) как оппозиция современному (сегодняшнему), 2) народное (сельское, нецивилизованное) как оппозиция светскому (городскому, цивилизованному)». В «Загородной поездке» «путешествие из города в деревню означало путешествие из настоящего в прошлое. <...> Таким образом, смыкаются обе оппозиции» (*Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 310, 311, 312).

С. 275. *...мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы.*— Выборгская застава находилась на Большом Выборгском, позднее Большом Сампсониевском, проспекте, в 5 верстах от центра города (в районе нынешней ж.-д. станции Ланская).

С. 275—276. *Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели...*— Фраза эта в иной редакции, возможно, также восходящей к Грибоедову («Петербургская природа с величайшими усилиями производит одни веники»), неоднократно использовалась Булгариным и другими журналистами со ссылкой на Грибоедова (см.: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. С. 164—165).

С. 276. *Подымаемся на пригорок и на другой (кажется, на шестой версте)...*— Вероятно, имеется в виду Поклонная гора, ближайшая к городу возвышенность на Парголовской дороге. А. Н. Греч писал в 1848 г., вспоминая «Загородную поездку» Грибоедова: «В то время и версты считались иначе: теперь их счет начинается от Адмиралтейской башни, а тогда он начинался с заставы. Вот почему Грибоедов помещает Поклонную гору на шестой версте, тогда как теперь она на одиннадцатой, от

Адмиралтейства до старой заставы считается пять с половиною верст, которые должно прилагать к прежним расстояниям» (*Греч А. Н.* Парголово: (В ответ из Заманиловки Ф. В. Булгарину в Карлово близ Дерпта) // СП. 1848. 5 авг. № 174).

С. 276. *...несколько верст далее, влево от большой дороги, простота деревенского храма. ~ на разложистом мысе, которого подножие омывает тихое озеро...*— В одном из рукописных описаний Парголова 1820-х гг. упоминается «на 9 верстах по Выборгской дороге церковь деревянная на горе во имя Спаса Нерукотворного образа» (цит. по: *Фомичев С. А.* Заметки о грибоедовской текстологии // Творчество. Биография. Традиции. С. 204). Булгарин называет «церковь Спаса, построенную на береговом возвышении озера». Церковь в перестроенном виде сохранилась до наших дней.

С. 277. *Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!* — Н. К. Пиксанов отметил сходство этого высказывания с текстом «Письма русского уроженца к сыну его» (1813) Ф. П. Львова: «Как будто силою какого волшебства они (иностранцы-учителя.— *Ред.*) заставили нас забыть язык отечественный, посеяли между нами свои обычаи, переодели нас в свою одежду... и наконец дошли до того, что мы не стыдимся презирать народ с нами единоземный, народ, который был всегда и велик и славен» (см.: ПССП. Т. I. С. CXXIV—CXXV).

Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство...— Ср. упоминание тех же народностей в стихотворении Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

...затянули: Вниз по матушке по Волге ~ на ногах оставались: Атаман и Есаул.— Грибоедов описывает сцену из народной драмы-игры «Лодка», возникшей в XVII в. и связанной с сюжетами и образами разбойничьего фольклора. Первоначально в «Лодке» отразились события Астраханского похода Степана Разина. Позднее имя Разина, под действием запретов, заменено было просто Атаманом. Песня «Вниз по матушке по Волге...» встречается в большинстве вариантов этой пьесы, записанной в разное время фольклористами (см.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русская устная народная драма. М., 1959. С. 38—79).

Ахтуба, Бузан — левые рукава Волги. Ахтуба отделяется от Волги выше современного Волгограда, течет на юго-восток, соединяясь с Бузаном, впадающим в Каспийское море.

...по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса.— В труде Жана Шардена (Jean Chardin, 1643—1713) «Путешествие в Персию» (Париж, 1811) рассказывается о разорении Степаном Разиным персидского

города Фируз-Абата (Ферах-Абад) в 1669 г., в правление шаха Аббаса.

С. 277. *Сели на лошадей, которые здесь сродни горным мулам...*— В очерке Булгарина «Поездка в Парголово» говорится: «Петербургские щеголи и даже прекрасный пол не стыдятся на чухонских лошадках и седлах разъезжать по горам и долинам: скучные приличия отсюда изгнаны и насмешки были бы здесь не у места».

А. А.

<ЗАМЕЧАНИЯ НА РУССКУЮ ГРАММАТИКУ Н. И. ГРЕЧА>

(с. 278—281)

Автограф — РНБ (ф. 221. № 4).
Впервые опубликовано: ПССШ. Т. I. С. 84—87.
Печатается по автографу.

Николай Иванович Греч (1787—1867) рассылал в 1823 г. корректурные листы своей «Практической русской грамматики» (СПб., 1827), доведенной к тому времени лишь до местоимения. В распоряжении Грибоедова оказалась писарская копия второй части — гл. 5, «О глаголе». Среди лиц, которых автор благодарил в предисловии за советы, имя Грибоедова не упоминается. По мнению И. А. Шляпкина, замечания Грибоедова «вряд ли<...> составлены в период 1825—1827 гг.— во время путешествия в Крым, ареста и службы при Ермолове — вот почему мы отнесли их к 1824 г., периоду сближения А. С. Грибоедова с Булгариным и Гречем» (ПССШ. Т. I. С. 111). Н. К. Пиксанов считал, что они, возможно, «писались и несколько позже, в 1825 году, до отъезда в Киев и Крым» (ПССП. Т. I. С. 304).

В начале XIX в. сложилась необычная для национальной культуры ситуация: возникла и развивалась великая литература — но не было еще литературного языка. Филологи ловили все изменения языка современной им литературы, работа по созданию литературного языка шла с двух сторон: практически в текстах и теоретически в грамматиках и словарях. Беда заключалась в том, что русскую речь примеряли к уже сложившимся немецким или французским грамматическим схемам, подверстывали ее то к немецкой философской грамматике, то к французской рациональной грам-

матике. Греч был сторонником первой — немецкой — схемы. В числе многих своих занятий он преподавал русский язык и литературу в частных школах, гимназиях и в Пажеском корпусе. На основе прочитанных им иностранных грамматик и работы с учениками (с 1804 г.) он составил множество пособий по русскому языку. В 1827 г. вышло сразу два объемистых его труда: «Практическая русская грамматика» и «Пространная русская грамматика» (т. 1) — первым из них и пользовался А. С. Грибоедов. Для работ Греча характерно субъективное отношение к фактам русской грамматики, стремление подвести ее категории под категории французского и немецкого языков, следование универсально-логическим концепциям грамматики, популярным на Западе в то время. Формалист-коллекционер системно не увязанных фактов русской грамматики, Греч уже современниками был оценен весьма критически (известны язвительные замечания В. Г. Белинского о том, сколько в грамматиках Греча «странностей, сколько клевет на бедный русский язык!»). О трудах Н. И. Греча по русской грамматике см.: *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958. С. 134—162. Отзыв Грибоедова является одним из первых, он очень точно отмечает слабые места в классификациях Греча, тот факт, что Греч не учитывает специфические особенности русской грамматики, нелогичность и субъективность определений и терминов Греча.

§ 7

С. 278. *...либо определение, либо примеры не довольно ясны...*— Современные грамматисты различают грамматический вид (совершенный — несовершенный), способы действия (однократный — неоднократный и пр.), а также чисто контекстные значения русского глагола, которые определяются сочетанием глагольной формы с наречием, союзом и т. п. («я жду *теперь* в поле, он бежал..., *когда*» и пр. в примерах «определенного лица», приведенных Гречем). Кстати сказать, в примерах самого Грибоедова «определенность» может передаваться и формой имени, ср. «не выноси *сора* (или *сору*, или *сор*) из избы» — тоже своего рода попытка передать «по-русски» свойственное западноевропейским языкам противопоставление определенного и неопределенного артикля. Последнего не сознает, по-видимому, и Грибоедов, вообще очень внимательный к примерам в тексте грамматики Греча (так, русской формой *вынесъ* он заменяет употребленную Гречем книжную форму *изнесъ*); поставленные в скобки формы в начале XIX в. еще только пробивались из просторечия в литературный язык (в том числе в текстах

Пушкина и самого Грибоедова). После появления работ А. Востокова (1831) и Г. Павского (1844) о русском глаголе Греч более четко оформил новое представление о глагольном виде в русском языке (в издании 1858 г. примечание к §69): совершенный и несовершенный виды имеют: первый — однократный, второй — многократный «вид», а определенный и неопределенный «виды», соотносимые оба с совершенным видом, на самом деле выражают речевую модальность: способность к действию («птица летитъ») противопоставлена возможности действия («птицы летаютъ»). Такая же «излишняя утонченность» классификации русского глагола у Греча отмечается Грибоедовым и в отношении приставочных («предложныхъ») глаголов ниже.

«Неокончательное наклонение» — наклонение неопределенное (инфинитив); Грибоедов тонко отмечает упущение Греча, только что толковавшего о глагольных временах, но забывшего (в связи с категорией вида) сказать и о наклонениях (модальность как категория не интересует Греча в разделе морфологии).

§ 12

С. 279. *Определения сбивчивы...*— Очень неопределенное распределение простых глаголов по семантике на «полные», «неполные», «сугубые», восходит едва ли не к средневековым грамматикам; Грибоедов высмеивает типичные для Греча логические несвязности в классификации фактов.

§ 17

С. 279—280. *Если предположить, что система языка не разом издана...* и т. д.— Здесь содержится много важных положений, показывающих отношение Грибоедова к теории и истории языка. По-видимому, ему известны мысли, впоследствии развивавшиеся и славянофилами, о врожденных идеях, о «коренных правилах языка», которые «у всех одни и те же» (В. фон Гумбольдт) и т. п. Вполне определенно (что ново в его время) говорил о «*системе* языка», которая «развилась постепенно», причем «глаголы... придуманы прежде других частей речи» — все три положения стали определяющими для русской филологии XIX в., но высказавший их Грибоедов один из первых соединил понятие системы с историческим ее развитием, подчеркивая роль глагола (и в грамматике Греча его внимание привлекают только глаголы) в народной речи. Проницательны замечания Грибоедова о соотношении «вещи» и мысли о ней через посредство языка (слова). Он знаком уже с «Рассуждением о славянском языке» А. Х. Востокова (1820), которое опубликовано в редком издании, и пытается восстанавливать праславянские формы: **брчь* при *беречь* (научная реконструкция сегодня — **bergt'i*), понимая роль плавных звуков. Таковы и другие филологические заметки Грибоедова. Сложность затронутых Грибоедовым проблем сравнительно-исторического языкознания, еще только на-

биравшего силу, показывает, насколько глубоким и вдумчивым филологом был писатель.

§ 24

С. 280. *Полно, произошел ли тут один от другого?* — Глаголы *идти* и *ходить* разного происхождения, восходят к различным корням; как обычно, Греч смешивает происхождение формы и ее функцию в языке. Греч смешивает грамматическую и лексическую семантику русских глаголов, и Грибоедов отмечает это: подобные несуразности возникали из желания Греча перекраивать русские формы по образцу западноевропейских грамматик.

О «Замечаниях» Грибоедова см. также в статье М. В. Строганова «Народы Востока в поэтической реальности и реальной поэтике Грибоедова» (А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. С. 57—60).

В. К.

<ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»>

(с. 281)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: частично — РА. 1874. № 6. Стлб. 1542; полностью — Грибоедов 1875. С. 242, с редакционным названием: «Драматический писатель и публика. Черновой набросок не для печати по поводу „Горя от ума"».

Печатается по тексту: Грибоедов 1875.

Первоначально отрывок из заметки Грибоедова со слов: «Первое начертание этой сценической поэмы...» до слов: «Такова судьба всякому, кто пишет для сцены...» опубликован А. Н. Веселовским в составе его статьи «Очерк первоначальной истории „Горя от ума"». Источником текста был для Веселовского «рукописный сборник материалов», составленный Д. А. Смирновым и переданный после его смерти в московское Общество любителей российской словесности (см. о нем комментарии к заметке «Характер моего дяди», а также: *Шаломытов Н. В.* Из неизданных материалов Д. А. Смирнова // ИВ. 1909. № 3. С. 1034—1035).

Набросок не поддается точной датировке. Скорее всего, он написан не ранее 1824 г., когда работа над основным текстом «Горя от ума» была в основном завершена, но мог относиться и к более позднему времени. Веселовский, приводя отрывок из заметки Грибоедова,

подчеркнул: «Но что достойно особого замечания, Грибоедов, очевидно, не назначал своего произведения для сцены. На это указывают почти прямо следующие слова из неизданного чернового отрывка, сообщаемого известною уже рукописью (т. е. рукописным сборником, составленным Смирновым.— *Ред.*). <...> Итак, в начале Грибоедов задумывал нечто вроде комедии для чтения, быть может оттого, что не верил возможности всенародного обличения с сценических подмосток в то время; он не хотел заискивать внимания театральной толпы, но стремился, в пламенном увлечении молодости, сказать современному обществу несколько суровых, беспощадных истин,— замысел совершенно соответствующий тому особому *гражданскому* настроению, которое его охватывало» (РА. 1874. № 6. Стлб. 1542).

Н. К. Пиксанов же утверждает, что замысел «высшего значения», о котором говорит Грибоедов, был «актом сознания, а не творчества». «Ни в одной из сохранившихся редакций комедии, даже в самой ранней, музейной (что особенно показательно), мы не встречаем и намека на то „высшее значение", которое Грибоедов хотел придать содержанию своей пьесы и на которое, по-видимому, намекает первоначальное название: „Горе уму". С начала до конца пьеса была и осталась бытовой и сатирической, но отнюдь не философской комедией» (*Пиксанов Н. К.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Горе от ума 1969. С. 252).

А. А.

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

(с. 281—282)

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РА. 1874. № 6. Стлб. 1528—1529.
Печатается по тексту первой публикации.

Опубликовано А. Н. Веселовским в составе его статьи «Очерк первоначальной истории „Горя от ума"». Веселовский указал, что для этой статьи он, помимо прочего, использовал «рукописный сборник материалов... составленный покойным родственником и искренним поклонником Грибоедова, г. Смирновым, поставившим целью всей своей немногосложной литературной деятельности собрание всевозможных данных для биографии любимого им писателя» (РА. 1874. № 6. Стлб. 1516). Сборник, составленный Д. А. Смирновым, был передан его вдовой в московское Общество любителей российской словесности, откуда и получил его для работы Веселовский. Однако местонахождение этого сборника было неизвестно уже в 1889 г. (см.:

Шаломытов Н. В. // К биографии Грибоедова. Из неизданных материалов Д. А. Смирнова. ИВ. 1909. № 3. Стлб. 1034—1035).

В статье Веселовского публикации текста Грибоедова предпосланы сведения, почерпнутые, видимо, из той же рукописной тетради Д. А. Смирнова, но без конкретных ссылок на источники: «В числе важнейших членов семейного ареопага особенно выдавался дядя Грибоедова по матери, Алексей Федорович, один из тогдашних почтеннейших московских тузов. При помощи матери нашего писателя, питавшей к нему большое уважение, Алексей Федорович, гордившийся своими связями и положением в свете, старался ввести молодого Грибоедова в лучшее общество. Вечно приходилось Александру Сергеевичу отстраняться от попечений дяди. «Как только Грибоедов замечал, что дядя въехал к ним на двор (рассказывал Бегичев в записке, составленной для г. Смирнова), разумеется, затем, чтоб вести его на поклонение к какому-нибудь князь Петр Ильичу, он раздевался и ложился в постель. Поедем, приставал Алексей Федорович. „Не могу, дядюшка, то болит, другое болит, ночь не спал",— хитрил молодой человек. Каков был в действительности этот человек, мнения и взгляды которого пользовались всеобщим уважением в грибоедовской родне, видно из следующей его характеристики, набросанной начерно Грибоедовым в позднейшие годы и впервые сообщенной в рукописных материалах Смирнова» (там же. Стлб. 1527—1528).

Об А. Ф. Грибоедове см.: *Лыкошин В. И.* Из «Записок» // Воспоминания 1980. С. 32; *Пиксанов Н. К.* Грибоедов и старое барство. Л., 1926; *Фомичев С. А.* Новое о... Настасье Семеновне Грибоедовой // РЛ. 1985. № 4. С. 105—107. О том, что А. Ф. Грибоедов послужил прототипом образа Фамусова, впервые сказал М. А. Дмитриев в «Мелочах из запаса моей памяти» (М., 1869. С. 243).

А. А.

СТАТЬИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ <«СЫНА ОТЕЧЕСТВА»>

(с. 283)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СО. 1817. Ч. 35. № 2. С. 88 (ценз. разр. 12 января), подпись: «N. N.».

Печатается по журнальной публикации.

«Письмо к издателю» атрибутировано Грибоедову, по сходству публикации в СО его эпиграммы «От Аполлона», в кн.: Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 180—184.

Обстоятельства публикации «Письма» были следующие. В 1816 г. вышел в свет перевод П. А. Катенина трагедии Расина «Эсфирь». В отделе «Современная русская библиография» «Сына Отечества» (1816. Ч. XXXIV. № 52. С. 278) появилась заметка: «Издатель отлагал до сего времени суждение свое о сем переводе, полагая, что о нем неможно говорить *наскоро*; но на сих днях получил *грозное письмо*, в котором жалуются на его медленность и требуют, чтоб он поместил рассмотрение „Эсфири". Сие будет исполнено в первых книжках будущего года». П. А. Катенин, приняв это сообщение на свой счет, откликнулся на него письмом, которое было помещено во втором номере журнала за 1817 г.:

«Вы давно уже получили бы мое письмо, если б мне случилось ранее прочитать 52 книжку вашего журнала; но к стыду моему признаюсь, что читаю его весьма редко, не будучи сам подписчиком и не встречая его у других так часто, как *прежде*, например в 1812 году. Вот в чем дело: молчав (не знаю почему) несколько месяцев о моем переводе „Есфири", вы наконец объявили желание сделать ему разбор, получив *грозное* письмо, вас к тому побудившее. Позвольте мне полюбопытствовать и спросить, кто именно пишет к вам на мой счет *грозные* письма. Из двусмысленных слов вашего объявления могут подумать, что я сам тот *грозный* писатель, почему и полагаю вывести их из заблуждения, объявив в вашем же журнале, что я к вам ничего не писал и даже без нужды писать не намерен. Вас уверять в том, конечно, не нужно, но я не хочу, чтоб кто-нибудь подозревал меня в том, чего нет, и по этой причине я надеюсь, что вы напечатанием *моего* письма объясните вашим читателям, что если первое *грозное* существует, то по крайней мере оно мне неизвестно. Имею честь и проч. Января 6 дня 1817 года».

Вслед за этим Н. И. Греч опубликовал «Ответ»:

«Письмо, о котором упомянуто на стр. 278 52 кн. „Сына Отечества", получено мною от неизвестной особы. Помещение его от слова до слова лучше всего докажет читателям, что оно писано не самим г. переводчиком Есфири. Вот оно (далее следует текст «Письма к издателю», после чего издатель добавлял.— *Ред.*): Причину молчания моего изложил я при первом извещении публики о сем письме, которое, правда, приличнее было бы назвать *смешным*, нежели *грозным*. Замечание г. К<атенина> о том, что прежде сего, напр. в 1812 году, он чаще встречал „Сына Отечества", нежели ныне, мне кажется *неосновательным*, ибо он в 1812 году находился при армии, где получалось не более *двух* или *трех* экземпляров

сего издания, и то в последние уже дни того года; ныне же можно найти его в библиотеках всех гвардейских полков».

Разбора «Эсфири» в журнале Греча так и не появилось.

М. С.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ <«СЕВЕРНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ»>
(с. 283—284)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: СН. 1817. Ч. I. № 8. С. 273—274. Подпись: «N».

Печатается по тексту первой публикации с исправлением явных опечаток.

Основанием для атрибуции данной заметки Грибоедова является ее раскованный стиль, сходный с другими полемическими выступлениями писателя, а также его музыкальные интересы. При всей неопределенности подписи-криптонима под «Письмом...», нельзя все же не заметить, что он тоже обычен для Грибоедова. Под «издателями» разумеются П. А. Корсаков и М. П. Загоскин; отзыв последнего о комедии «Молодые супруги», вызвавший стихотворение «Лубочный театр», напечатан в № 15 журнала «Северный наблюдатель», а до того сотрудничество Грибоедова в данном издании было возможным, тем более что с П. А. Корсаковым его связывали какие-то общие литературные интересы (см. наст. том, с. 407—408).

С. Ф.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Путевые заметки представляют собой фрагментарные записи дорожных впечатлений Грибоедова за 1818—1827 гг. Они велись с разной степенью подробности и, по-видимому, рассматривались автором как материал для будущих произведений, разнообразных по жанру (дневник, дружеская переписка, рассказ и т. д.). Сохранившиеся заметки — первый этап формирования прозаического текста — ценный материал для изучения творческой лаборатории Грибоедова-прозаика.

Заметки были вплетены в Черновую тетрадь (см. о ней наст. том, с. 382—384) без соблюдения точной последовательности записей. Д. А. Смирнов попытался систематизировать эти записи (хотя и не вполне корректно) и опубликовал в извлечениях, дав некоторые из них в своем пересказе.

Более подробно параллельные сведения из переписки Грибоедова, а также другие документальные данные позволяют внести некоторые уточнения в текст и хронологическую последовательность Путевых заметок.

<МОЗДОК — ТИФЛИС>

(с. 287—290)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 9—13, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Эти путевые записки, отмечал Д. А. Смирнов, «писаны на почтовой, золотообрезной, старой фабрикации бумаге... (с какими-то крупными продольными и мелкими поперечными чертами), в большую осьмушку, сперва карандашом, потом переведены чернилами, но почерком мелким, связным и потом, в конце, опять одним уже

карандашом, но крупным почерком» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 9). Смирнов ошибочно датировал записки 1822 г. на основании даты: «5 марта 1822 г.», проставленной в одной из последующих записей (см. наст. том, с. 322). Однако запись эта, как отметил сам Д. А. Смирнов, не связана с путевым дневником и сделана на отдельном листе (см.: РСл. 1859. Май. № 5. С. 13). Н. К. Пиксанов при помощи Е. Г. Вейденбаума датировал путевой дневник октябрем 1818 г., отнеся его к первой поездке Грибоедова в Персию. Начало перехода от Моздока до Тифлиса датируется 13 октября на основании письма Грибоедова к С. И. Мазаровичу от 12 октября 1818 г. «Записки,— отметил Е. Г. Вейденбаум,— заключают в себе сжатое описание пути от Моздока через Владикавказ в Тифлис. Несмотря на краткость или лаконичность записей, нетрудно заметить, что автор совершает этот путь в первый раз» (ПССП. Т. III. С. 286). Заметки являются, по-видимому, кратким планом или конспектом будущего произведения, которое, возможно, мыслилось в соответствии с традицией жанра путешествий в форме писем к другу (ср. следующий этап путешествия — от Тифлиса до Тегерана,— оформленный в виде писем к С. Н. Бегичеву). В письме к Бегичеву от 29 января 1819 г. Грибоедов сообщает: «Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много».

Следует особо подчеркнуть, что в очерке путешествия по Дарьяльской (Военно-Грузинской) дороге Грибоедов в 1818 г. почти не имел предшественников в русской литературе, хотя эти места были описаны еще древнегреческим географом и историком Страбоном (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) и древнеримским писателем Плинием Старшим (I в. н. э.). С этими местами древнее предание связывало легенду о заточенном Прометее, отраженную как в путевых записках Грибоедова, так и в его письме к издателю «Сына Отечества», начало которого в сжатой форме дает описание Дарьяльской дороги. В ранней редакции «Горя от ума» также сохранился след непосредственных грибоедовских впечатлений о Кавказе:

...Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег в паденье все охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность...

С. 287. *Быстрина Терека...*— По левому берегу Терека шла так называемая Кавказская линия, состоявшая из укрепленных казачьих станиц и поселений. Моздок, с которого начиналась Военно-Грузинская дорога, входил в эту линию.

С. 287. *Ружейные армяне* — так называемые «армянские роты» и «эскадроны», несшие наряду с казаками сторожевую или пограничную службу. Они были сформированы из армянских переселенцев, которые с 1724 г. стали покидать Персию. Их селили в Притеречном районе, где они должны были развивать садоводство и промышленность, а также нести караульную службу.

Конные рекогносцируют — т. е. производят изучение местности и расположения противника перед предстоящими боевыми действиями, — в данном случае, вероятно, перед выступлением в путь.

Редут Кабардинский — первая станция после Моздока по Военно-Грузинской дороге. Ввиду исключительной опасности этого пути был сильно укреплен.

Гальт (от *франц.* la halte) — привал, остановка.

Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей.— Ср. наст. том, с. 535.

Кумбалеевка (Камбилеевка) — приток Терека.

С. 288. *Владикавказ на плоском месте...*— Владикавказ основан в 1784 г. на правом берегу Терека, на месте осетинского селения Заур, как опорный пункт по дороге из России в Грузию. Особое значение получил после присоединения Грузии к России и с 1803 г. был связан как с Тифлисом, так и с Моздоком.

Редут направо.— Редут Джераховский, построен в 1803 г.

Замок и конические башни налево.— Замок у деревни Ларс, принадлежал владетелям ущелья Дударовым.

Огарев Николай Гаврилович — подполковник, командир пионерской роты путей сообщения, руководил работами на Военно-Грузинской дороге. Н. Г. Огарев упоминается Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» (см.: Пушкин. Т. VIII. С. 453).

Дариель (Дариал, Дарьяльское ущелье) — самая узкая теснина Терека на протяжении 15 верст. Дариал (Дари-алан, т. е. Аланские ворота) — с древнейших времен проход с севера в Закавказье. В ущелье находился укрепленный пост того же названия. Ср. описание Дарьяльского ущелья в «Путешествии в Арзрум» (Пушкин. Т. VIII. С. 451—452).

Остаток завала теперь необъятен...— По свидетельству Е. Г. Вейденбаума, «в октябре 1817 года Военно-грузинская дорога, между Дариалом и сел. Казбеком, была засыпана так называемым Казбекским завалом, остановившим на несколько часов течение Терека и прекратившим всякое сообщение по дороге. Масса льда и снега была так велика и таяние ее в узком ущелье происходило так медленно, что еще и в следующем 1818 году она затрудняла движение по дороге» (ПССП. Т. III. С. 287). Об этом обвале писал в своем дневнике А. И. Ермолов: «В октябре месяце <1817 г.> обрушился с гор Кавказских снеговой обвал, какого не помнят старики. Снача-

ла высота его была в 50 саж<еней>. Почти на сутки было остановлено течение реки Терека» (РВ. 1863. Ноябрь. С. 261). Завалы в этом месте дороги, производимые Девдоракским ледником (на горе Казбек) были частыми. Об одном из них упоминает Пушкин в «Путешествии в Арзрум».

С. 288. *Селение Казбек...*— Селение, как и гора, недалеко от которой оно находилось, получило название по имени грузинского военачальника, род которого управлял этой местностью. Ранее селение называлось Стефан-Цминда (Св. Стефан). В обязанности владельца входило поддержание этого участка Военно-Грузинской дороги.

...монастырь посреди горы Казбека.— Монастырь Св. Троицы (Цминда-Самеба) среди нескольких священных урочищ на склонах горы Казбек является самым почитаемым. Предание относит основание его к XII в. (время правления царицы Тамары). Монастырь служил хранилищем сокровищ Мцхетского собора Светицховели, когда ему угрожала опасность от нападения врагов.

С. 289. *Сион* — ближайшее к Казбеку селение и монастырь.

Коби — военный пост (высота которого 1987 м) и станция у Крестовой горы, в верховье долины Терека. У Коби сходятся четыре ущелья.

Крестовая гора — высшая точка современной Военно-Грузинской дороги (2347 м). Д. В. Давыдов сообщал в своих «Замечаниях» о деятельности А. П. Ермолова на Кавказе: «Крестовая гора, самая возвышенная точка высот, по которым едешь от Коби до Тифлиса, есть истинный пункт перевала через Кавказ. Вокруг нее находятся горы гораздо выше ее. Она получила сие название от креста, который был водружен на ней первыми русскими, перешедшими за Кавказ в Грузию во времена Екатерины, но так как крест деревянный сгнил, то Ермолов заменил его огромным крестом, высеченным из гранита, с таким же подножием» (РВ. 1863. Т. 48. Ноябрь. С. 364).

Подъем на Гуд-гору...— Во времена Грибоедова путешественник, спустившись с Крестовой горы, взбирался по узкой долине, известной под именем Чертова, на Гуд-гору, высшую точку перевала (2740 м) (см.: Ениколопов. С. 12).

...приходим в Кашаур ~ снег мало-помалу пропадает, все начинает зеленеться...— Кашаур — селение, где находились пост и почтовая станция. Здесь заканчивался тяжелый переезд через горы, и путник попадал в долину Арагвы. Местность эта описана Лермонтовым в повести «Бэла», герой которой совершал путешествие в обратном направлении. Та же местность (вид с вершины на долину Арагвы) описана Пушкиным в стихотворении «Кавказ» (1829).

Мелоны — дыни.

С. 289. *...длинная тень монастыря на снежном верху.*— Церковь Св. Георгия с колокольней на вершине Ломисской горы, у водораздела Ксани и Арагвы.

С. 290. *Посананур* (Пасанаури) — село и станция у слияния Белой и Черной Арагвы.

Ананур, карантин.— Ананур — селение в 60 верстах от Тифлиса на р. Арагве (ср. заметку «Ананурский карантин» — наст. том, с. 319). Здесь в 1704 г. эриститвом (удельным князем) Георгием была построена крепость на подступах к Мцхети и Тбилиси.

Душет — в прошлом (до 1688 г.) резиденция арагвинских эриститвов, с 1820 г.— уездный город Тифлисской губернии.

Я лег между обгорелым пнем ~ Наши лошади кормятся.— Эта запись, по свидетельству Смирнова, следовала «через одну, белую, страницу» после путевого дневника от Моздока до Тифлиса (РСл. 1859. Май. № 5. С. 13) и, вероятно, примыкает к записям дорожных впечатлений.

А. А.

<ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА К С. Н. БЕГИЧЕВУ>

(с. 290—308)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 16—40, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации с исправлением по смыслу: *я как-то* вместо *и как-то* (с. 291), *отростки* вместо *отрости* (с. 297), *нарами* вместо *норами* (с. 297), *хлопать* вместо *хлопотать* (с. 301).

Текст со слов: «Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке» до слов: «Однако, как мне горько бывает!» (наст. том, с. 290—291), записанный в Черновой тетради отдельно, по свидетельству публикатора Д. А. Смирнова, после «довольно значительного пробела», печатался им и последующими издателями вслед за последним путевым письмом к Бегичеву от 10—13 февраля. По предположению С. А. Фомичева (см.: Грибоедов 1988. С. 390—391, 700), текст этот включается в письмо от 29 января, которому он соответствует по содержанию.

Отправляясь в 1818 г. в Персию, Грибоедов, видимо, предполагал литературно оформить свои путевые впечатления в виде попу-

лярного в те годы жанра путешествий. Форма дорожных писем к друзьям была наиболее распространенной в этом жанре. Первоначальный этап путешествия по Кавказу, от Моздока до Тифлиса, Грибоедов также собирался отразить в этой книге. «Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много»,— писал он Бегичеву (наст. том, с. 291). Однако ни описания путешествия по Военно-Грузинской дороге, ни последующие путевые впечатления от Тавриза до Тегерана Грибоедовым не были окончательно оформлены в виде текста, предназначавшегося к печати. Не публиковались им и путевые письма к С. Н. Бегичеву.

Об этом разделе грибоедовских заметок см.: *Краснов П. С.* Путевые письма Грибоедова (от Тифлиса до Тегерана) // Творчество, биография, традиции. С. 206—211.

С. 290. ...*и даже князь*...— А. А. Шаховской.

...*все с своими идеальными Холминскими и Ольгиными*...— Имеются в виду персонажи комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды».

...*дуэль*...— Речь идет о дуэли с А. И. Якубовичем 23 октября 1818 г., на которой Грибоедов был ранен в руку (см. письмо его к Я. Н. Толстому и Н. В. Всеволожскому от 27 января 1819 г.).

С. 291. ...*кротость с Катериною Ивановной*...— Речь идет о Е. И. Ежовой (1787—1835), актрисе Петербургского Императорского театра, гражданской жене А. А. Шаховского.

Осип Мазарович — брат С. И. Мазаровича (о нем см. наст. том, с. 564).

Амбургер Андрей Карлович (?—1830) — сослуживец Грибоедова в 1818 г.

Алексей Петрович — Ермолов.

С. 292. ...*после своей экспедиции против горцев*...— Речь идет, видимо, об экспедиции в Дагестан, предпринятой Ермоловым в октябре — ноябре 1818 г. (см. «Письмо к издателю <„Сына Отечества">»).

С. 293 ...*Об бунте писали в Инвалиде вздор ~ отвечал таким же вздором.*— Речь идет о статье Грибоедова «Письмо к издателю <„Сына Отечества">».

Драгоман — переводчик.

...*я Измайлову, Храповицкому не писал стихов.*— Возможно, Грибоедов имеет в виду своих современников — генералов русской армии. Измайлов Лев Дмитриевич (1763—1836) в 1812 г. был на-

чальником русского ополчения, которое прошло по всей Германии. За заслуги Измайлов получил чин генерал-лейтенанта. По возвращении жил в своих обширных имениях Тульской и Рязанской губерний, стяжал известность самодура и крайне деспотичного крепостника. Дважды (в 1802 и 1827 гг.) находился под следствием, однако добивался оправдательных приговоров. Храповицкий Матвей Евграфович (1783—1847) — генерал-адъютант. Начал службу при Суворове, был участником всех войн с Наполеоном. После войны — виленский и гродненский военный губернатор. Грибоедов, вероятно, знал его во время своей службы в Бресте Литовском.

С. 293. *Мадатов* Валериан Григорьевич (1782—1829) — князь, с 1826 г. генерал-лейтенант. Уроженец Карабаха. Служил с Ермоловым во время Отечественной войны. В 1816 г., по представлению Ермолова, переведен в Кавказский отдельный корпус. Ближайший помощник Ермолова на Кавказе. С назначением на Кавказ Паскевича был уволен (см. о нем: Князь В. Г. Мадатов // РС. 1873. № 1; Жизнь генерал-лейтенанта Мадатова. СПб., 1874).

...ястреба с погремушками привязаны к столбам...— Речь идет о птицах, используемых на охоте.

С. 294. *Саганлук* (Саганлуг) — селение и первая почтовая станция по дороге из Тифлиса в Эривань.

Агач — мера длины; согласно расчетам Грибоедова, равен приблизительно шести верстам.

Демурчизам (ранее Демурчасалы, правильнее Демурчихасанлы) — вторая почтовая станция от Тифлиса по дороге на Эривань.

Храма (Храм) — приток р. Куры.

...вид на мост великолепный!..— Грибоедов описывает так называемый Красный мост, получивший это название от красного кирпича, из которого он был построен в середине XVII в. картлинским царем Ростомом. Многие путешественники восхищались этим сооружением. П. А. Муханов в очерке «Красный мост» писал: «Переезд через Храм устроен через большой, каменный мост, называемый Красным. Это образец азиятской архитектуры. Наружность его прелестна. Он сделан на 4 сводах, имеет около 300 шагов длины и 20 ширины. Размеры соблюдены с удивительною точностию, украшения доказывают вкус, и все здание приносит честь азиятскому зодчию» (МТ. 1825. Ч. 6. № 21. С. 58, 59).

С. 295. *...Куре, древней Цирусе Страбона...*— Древнегреческий историк и географ Страбон (I в. до н. э.— I в. н. э.), автор 17-томной географии, называл р. Куру Cyrus.

С. 295. *Сенаккюрпи* (сынык-кёпрю, *тюркск.*) — разрушенный мост.

Бетанкур Августин (1758—1824) — инженер, архитектор, по происхождению испанец, с 1808 г. на русской службе, основатель Института инженеров путей сообщения. Принимал участие в постройке Военно-Грузинской дороги. В данном случае — вообще строитель.

...или одного из Софиев, любителя изящного.— Вероятно, Грибоедов имеет в виду представителя династии Сефевидов (1502—1736), основанной шахом Исмаилом I. Власть Сефевидов распространялась на Азербайджан, Ширван, Восточную Армению и Восточную Грузию.

Шемир-Бек — Мелик-Бегляров Шамир Фридонович, состоял на русской службе по дипломатической канцелярии главнокомандующего на Кавказе (см.: Попова. С. 98).

...даже в описании П<авла> Петр<овича> Свиньина.— Имеется в виду книга П. П. Свиньина «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей», вышедшая тремя выпусками — в 1816, 1817 и 1818 гг.

Пренумеранты — подписчики.

С. 296. *Персеполь* — греческое название древней столицы Персии.

...подобно Грееву Барду...— Имеется в виду ода «Бард» (1757) английского поэта Томаса Грея (1716—1771), популярного в России благодаря переводу В. А. Жуковским в 1802 г. его элегии «Сельское кладбище».

С. 297. *...как царевич в 1001-й ночи ~ взвился к облакам.*— О царевиче, который при помощи искусно сделанного коня, летающего по воздуху, похитил свою невесту, рассказывается в «Сказке о коне из черного дерева», вошедшей в сборник сказок «Тысяча и одна ночь».

Нет, это не в Бресте, где я был в «кавалерийском»...— Намек Грибоедова на свою службу в кавалерийских резервах в 1814 г. (см. его статьи «Письмо из Бреста Литовского к издателю <„Вестника Европы">» и «О кавалерийских резервах» — наст. том, с. 243—253).

Бамбак (памбук, перс.: памбе) — хлопок.

...скала Пепис...— Пепис, или Пипис,— гора близ селения того же названия на территории современного Казахского района Азербайджана. Здесь обычно останавливались на ночлег путешествующие от Тифлиса до Эривани (см.: Ениколопов. С. 42).

*Мы ночевали в ***, но не имели в виду страшилища...*— Возможно, здесь оставлено место для литературной цитаты, или реминисценции, которую следовало уточнить (см.: *Левченко О. А.* Грибоедов и русская баллада 1820-х гг. // Материалы. С. 266).

С. 297. *Мазарович* Семен (Симон) Иванович (?—1852), родом из Венеции, на русской службе с 1807 г.— доктор медицины. В качестве врача находился в составе посольства Ермолова в Персию в 1816—1817 гг. По представлению Ермолова был назначен в 1818 г. поверенным в Персии и возглавлял русскую миссию. Непосредственный начальник Грибоедова в эти годы. Об отношениях Грибоедова и Мазаровича см.: Попова. С. 6—15.

С. 298. *...между камней, по гололедице, в царстве Жуковского ~ туманы, туманы над горами.*— По мнению О. А. Левченко, здесь отразился пейзаж из баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1817) (см.: Материалы. С. 266). Последние слова фразы — реминисценция из этой баллады:

Туманен вид полей и гор;
Туманы над водами...

Возможно, что Грибоедов здесь дал сгущенную и ироническую характеристику обычного пейзажа Жуковского (ср. ироническое обыгрывание этого же образа в статье В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824), написанной не без влияния Грибоедова и, возможно, в его присутствии для первой части альманаха «Мнемозина» — см. комментарии к стихотворению «Давид», наст. том, с. 486.). Отмечая однообразие картин и образов в нашей элегии, Кюхельбекер среди других штампов выделял «в особенности же — туман: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя» (Кюхельбекер 1979. С. 457).

...нас очень пугают Дилижанским ущельем.— По свидетельству И. К. Ениколопова, «в описываемое время эта часть дороги была в самом плачевном состоянии, вследствие частых разливов рек» (Ениколопов. С. 42).

...по течению Автафы...— Имеется в виду Акстафа, приток р. Куры.

Булаган (балаган) — временное сооружение, сарай, навес.

Мафусаил — один из библейских праотцев, сын Еноха, знаменитый своим долголетием; *Ламех* — его сын, отец Ноя (см.: Бытие, V, 21—31).

...куда сын Товитов ходил за десятью талантами...— В Библии рассказывается о том, как сын Товитов Товия ходил в Риги Мидийские за 10 талантами серебра, отданными на сохранение Товитом Гаваилу (Кн. Товит, V).

...пребываем в армянской столице...— Эривань — столица Эриванского ханства, находившегося в то время (до 1828 г.) под властью Персии. Город насчитывал 15 000 жителей.

С. 299. *Гиперборейцы* — северяне.

Занги — река в Эривани.

С. 300. *Стефан-Цминд* — здесь: гора Казбек. На самом деле название расположенного рядом селения Стефан-Цминда (Святой Стефан) на гору не распространялось. Казбек иначе назывался Цминдаа-Самеба (Святой Троицы) по имени монастыря, расположенного на склоне горы.

Сардарь (*перс.* сардар — военачальник) — здесь: правитель Эриванского ханства.

Фараш (*перс.* фарраш) — воин личной стражи высокопоставленного лица. Фарраши выполняли полицейские функции.

С. 301. *Ассафетида* — лекарственное растение.

Мегмет-бей, Мегмед (Мегбед)-бек — один из крупнейших феодалов Эриванского ханства и приближенный сардара. В его доме останавливался и Ермолов, следуя с миссией в Персию в 1817 г. (см.: Записки А. П. Ермолова о посольстве в Персию // Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. М., 1863. С. 34, вторая пагинация).

Кюррикель (*англ.* curricle) — двухколесный экипаж.

С. 302. *Сарбазы* — солдаты регулярного войска.

Балансер — «фигляр, штукарь, скоморох... пляшущий по канату или делающий другие штуки равновесия» (Даль. Т. I).

...Мазарович щедро оплачивается калейдоскопами...— О популярности этой игрушки при дворе иранского шаха Фатх-Али-шаха Каджара (1798—1834) рассказывает Д. А. Смирнов, приводя анекдот из «Воспоминаний о Персии» барона Ф. Ф. Корфа (см.: РСл. 1859. № 4. С. 66).

Жуковский стукнул бы чашей в чашу...— Намек на популярное стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812), в котором пир воинов перед сражением стилизован в духе Оссиана, изображающего древние пиры воинов с участием бардов.

...сам я — Олеарий.— Грибоедов сравнивает себя с известным ученым и путешественником Адамом Олеарием (1599—1671), который дважды был членом посольства Голштинии в Москву (1633—1635), а также в Москву и Персию (1635—1639). Цель посольства — изучение Московской Руси и возможность установления торговых связей с ней. В результате поездок Олеария возникла его книга «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», содержащая богатый и разнообразный материал о жизни России в XVII в. (см.: *Лимонов Ю. А.* Россия в западноевропейских сочинениях XV—XVII вв. // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986).

С. 303. *Маржерет* Жак — француз по происхождению, военный наемник и авантюрист, служивший в армиях многих европейских стран. С 1600 г. был на русской службе, участвовал в борьбе против Лжедмитрия I, но потом перешел на его сторону. Служил также Лжедмитрию II, а затем польскому гетману Жолкевскому, воевавшему против России. Написал книгу «Состояние Российской империи и великого княжества Московии», изданную в Париже в 1609 г. и отразившую хотя и в тенденциозной, но яркой и занимательной форме впечатления автора о пребывании в России. Сравнивая себя с Олеарием (см. выше), а английского «анонима» с Маржеретом, Грибоедов подчеркивает различное направление в действиях русской миссии и англичан в Персии. О русско-английских противоречиях см.: *Кузнецова И. А.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

Дурьгильбред — словообразование Грибоедова: дурь-гиль-бред.

Иасскул (возможно от *перс.*: йасавол) — охранник, караульный.

Сардарь Гуссейн-хан — Хуссейн-хан Каджар, правитель Эриванского ханства с 1806 по 1828 г. Занимал независимое положение и был полновластным хозяином края. После присоединения Эриванского ханства к России (1828 г.) Хуссейн-хан жил в Казвине и не играл никакой политической роли.

Каджары — тюркские племена, появившиеся в Иране в XIII в., а в XVII в. расселенные в Мерве, Карабахе и Астрабаде. Астрабадские (или горганские) каджары дали начало одноименной династии персидских шахов, к которой принадлежал Фатх-Али-шах (см.: *Кузнецова И. А.* Ук. соч. С. 8—10).

Бейрам (байрам) — один из двух великих мусульманских праздников: курбан-байрам (жертвоприношение в честь завершения паломничества в Мекку) и рамазан-байрам (разговенье в честь завершения поста в месяц рамазан).

Шар (*арабск.* аш-шари'а) — букв.: прямой, правильный путь; закон; здесь имеется в виду шариат — комплекс закрепленных Кораном предписаний, определяющих поведение мусульман.

С. 304. *...похождения Ростома ~ которого Малькольм вклеил в свою историю.*— Речь идет о труде английского дипломата Дж. Малькольма, возглавлявшего в 1799—1801 гг. английскую миссию в Персию, «История Персии», вышедшем в Лондоне в 1815 г. в 2-х томах: *Malcolm, John.* The History of Persia from the Most Early Period to the Present Time... Vol. 1—2. London, 1815. В ней говорится и о персидской мифологии. *Ростом* (Рустам) — богатырь, герой эпоса «Шах-Намэ», созданного Фирдоуси на рубеже X—XI вв. Позднее — популярный образ фольклора разных народов Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии.

С. 305. ...*Эчмядцинский монастырь*...— Эчмиадзинский монастырь, резиденция главы армянской церкви, католикоса всех армян, основан в IV в. Крупнейший религиозный центр армян, в нем хранится множество священных сокровищ и большая библиотека (см. также наст. том, с. 320).

...*следы последней осады русскими*...— Имеется в виду блокада крепости в 1807 г. русскими войсками во время русско-персидской войны 1804—1813 гг. из-за закавказских земель. Корпус генерала Гудовича подошел к Эривани, но не смог взять ее (см.: Семенов. С. 20).

С. 306. ...*лествица слепого рабства* ∾ *восходит до бега, хана, беглер-бега и каймакама*...— Перечисляются ступени персидской феодально-чиновничьей иерархии.

Беглер-бег (*тюркск.*: бек беков) — военный наместник пограничной области.

Каймакам (*перс.*: каем-макам — заместитель) — помощник первого министра шаха и первый министр наследного принца.

С. 307. ...*на поклон отправлялся к шах-зиде!* — Шах-заде (*перс.*) — шахский сын, принц. В данном случае речь идет о наследнике престола, Аббас-Мирзе (1781—1833), одном из 150 сыновей Фатх-Али-шаха. По каджарской традиции наследник (валиахд) был правителем провинции Азербайджан со столицей в Тебризе и фактическим правителем Персии.

Слова: душа, сердце, чувства ∾ *в покойных розовых книжечках «Для милых»!* — Грибоедов намекает здесь на сентименталистский «Журнал для милых», издававшийся в 1804 г. карамзинистом М. Н. Макаровым.

А. А.

<ТЕБРИЗ — ТЕГЕРАН>

(с. 308—310)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 37—40, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Хронологически является продолжением путевых писем к С. Н. Бегичеву, содержит заметки о дальнейшем пути русской миссии до Тегерана. Датируется февралем — мартом 1819 г. на основании того, что в Тегеран русская миссия прибыла к празднику

навруз, т. е. в начале марта 1819 г., а из Тавриза выехала 21 февраля (см. наст. том, с. 308).

С. 308. *Таврис* (Тебриз) — главный город провинции Азербайджан, резиденция наследника престола Аббас-Мирзы. В Тебризе находились русская и английская миссии. Город в то время насчитывал 90 000 жителей.

Фетхалихан (Фатх-Али-хан) — беглер-бек (военный губернатор) Тебриза, родственник Аббас-Мирзы. Позднее в заметке «О Гилани» (1827) Грибоедов так его характеризует: «Воспитан при шахском дворе; но он и два сына его и все его семейство привержены к России чрезвычайно. Я это испытал во время моего пребывания в Персии. Это один дом, с которым мы были точно дружны». О прорусских настроениях Фатх-Али-хана см. также: Семенов. С. 90—91.

Каймакам — см. комментарии к путевым письмам к С. Н. Бегичеву (наст. том, с. 567). Имеется в виду мирза Бозорг, воспитатель и первый министр Аббас-Мирзы. «Он имеет 70 лет от роду, человек хитрый и умный, владеет умом Аббас-Мирзы, которого он воспитывал, и делает в Тавризе, что хочет»,— вспоминал о нем Н. Н. Муравьев-Карский (РА. 1886. № 4. С. 487—488). О хитрости и лицемерии мирзы Бозорга сохранились выразительные свидетельства Ф. Ф. Корфа (см.: *Корф Ф.* Воспоминания о Персии. СПб., 1838. С. 159—160; см. также: Грибоедов в Персии. С. 16—20).

Сир Роберт Портер — полковник Роберт Кер Портер, секретарь английского посольства в Петербурге, который в 1817 г. прибыл на Кавказ под видом путешественника, изучающего Восток (затем он издал книгу о своем путешествии: *Porter R.-K.* Travels in Georgia, Persia, Armenia... Vol. 1—2. London, 1821—1822). Однако то, что Р. Портер выполнял разведывательные функции, было замечено Н. Н. Муравьевым, встретившимся с ним в Закавказье (см.: *Муравьев-Карский Н. Н.* Записки // РА. 1886. Кн. 5. С. 15). «Официально Портер был просто путешественником, и только впоследствии в печати стало известно, что живописец, интересующийся древним искусством Востока, выполнял важное дипломатическое поручение. По прибытии в Иран, где он в 1819 г. встретился с С. И. Мазаровичем, А. С. Грибоедовым и А. К. Амбургером, Р. Портер с беспокойством писал о возросшем влиянии России и о важности — в политическом и торговом отношениях — нахождения российского дипломатического представительства в Северном Иране» (Семенов. С. 71).

Приезд шах-зиды, церемониальное посещение...— Грибоедов дает краткий перечень событий, описанных более подробно в статье «Рус-

ская миссия в Персии», опубликованной в петербургской газете « Le Conservateur Impartial » от 13 и 20 августа 1819 г. Статья написана в форме письма «одного лица, причастного к Русскому посольству» в Персии, как сказано в редакционном введении к ней. По мнению О. И. Поповой, составителем этого «письма» мог быть Грибоедов, хотя оно и написано от лица главы миссии (см.: ЛН. Т. 47—48. С. 215—224). В статье, описывавшей пребывание русской миссии в Тебризе, прием у наследника престола Аббаса-Мирзы, а также приезд в Тегеран и прием у шаха, всячески подчеркивается уважение и исключительные знаки внимания, оказанные русским дипломатам. Об отношениях между Грибоедовым и Аббас-Мирзой см.: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 75—76.

С. 308. ...*англичане, мое мнение на счет их и наших сношений с Персией.*— С начала XIX в. Персия все больше становилась объектом внешних влияний как со стороны Англии, так и России. При этом русско-английские противоречия на Среднем Востоке неизбежно обострялись. Ост-Индская компания в результате войн 1816—1818 гг. расширила свои владения в Индии и усилила борьбу за Персидский залив. Несмотря на некоторые противоречия между Англией и Персией в эти годы, англичане продолжали проводить реорганизацию персидской армии. Английские инструкторы проводили обучение сарбазов гвардии Аббас-Мирзы, главным образом, в Тебризе (см.: Семенов. С. 46—47). Несомненно, что мнение Грибоедова насчет англичан было критическим.

Уджан — равнина на восток от Тебриза и городок того же названия. Считался одним из самых прохладных мест в Персии (см.: Бартольд. С. 210).

В виду летний замок.— Речь идет о дворце, выстроенном Аббас-Мирзою. «Персияне положение замка почитают прелестным,— отмечал А. П. Ермолов, проезжавший эту дорогу в 1817 г.,— он довольно обширный и во вкусе азиятском, хорошо расположенный» (*Ермолов А. Н.* Записки о посольстве в Персию // Записки А. Н. Ермолова. Ч. II. М., 1868. С. 22).

Катéр (*перс.*) — мул.

Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.— Миане — город на реке того же названия, расположен на большой дороге в Тегеран. Отсюда начинается самая трудная часть пути — перевал через хребет Кафланкух. Миане известен своими коврами и ядовитыми клопами «кене», о которых, по свидетельству Д. А. Смирнова, «упоминают все путешественники, и старые, и новые. <...> Эти клопы менее наших и цвета глинистого. Особенно опасны они во время жаров. После укушения их образуется круглое красное пятнышко, переходящее иногда в смертельное воспаление» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 69).

С. 308. *Мост на Кизиль-агаче...*— Грибоедов имеет в виду реку Кызыл-Узун, или Сефид-руд (Красная река). См. об этом: Бартольд. С. 202.

С. 309. *Славный издали Занган красиво представляется.*— Занган (Зенджан) — город на пути в Тегеран. В нем был расположен великолепный ханский дворец, ставший во время Грибоедова резиденцией градоначальника.

Вот до которых пор доходило посольство.— Имеется в виду миссия А. П. Ермолова в Персию в 1817 г. Переговоры Ермолова с Фатх-Али-шахом происходили в летней резиденции шаха в Султанийе, «куда персидский двор переезжал из Тегерана на время господствующих там сильных летних жаров» (*Ермолов, Александр.* А. И. Ермолов в Персии. СПб., 1909. С. 10).

Султанея (Султанийе) — во времена Грибоедова деревня, а прежде город, знаменитый великолепной мечетью, построенной в XIV в. султаном Улджейту (известным как Худа-Бенде) для захоронения останков халифа Али, зятя Мухаммада. Перенесение останков не состоялось, и мечеть со временем пришла в запустение. Разрушению ее способствовал Фатх-Али-шах, велевший использовать ее как строительный материал для своего увеселительного дворца, построенного неподалеку (см.: РСл. 1859. № 4. С. 70; Бартольд. С. 201—202).

История Кодабенде.— Имеется в виду султан Худа-Бенде, строитель мечети (см. выше). По преданию, ему явился во сне дух халифа Али, не пожелавшего, чтобы переносили и тревожили его останки, и предсказавшего, что мечеть станет гробницей самого Худа-Бенде. Однако он выстроил для себя подле мечети более скромную гробницу (см.: РСл. 1859. № 4. С. 70).

Абгар (Абхар) — речка, на ней расположено селение Хуррамдерэ, которое Грибоедов также называет Абгаром (Абхар — город на дороге из Зенджана в Казвин, упоминаемый в X в.; см.: Бартольд. С. 201).

Казбин (Казвин) — в XVI в. столица Персии, крупный город и торговый центр (см.: Бартольд. С. 199—200).

Мейданы (майданы) — площади, базары.

С. 310. *Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань.*— Рей, древняя Рага, был одним из древнейших городов Ирана; город Рага в Мидии упоминается уже в VI в. до н. э. в надписях Дария. В X в. Рей был значительным городом с мощными укреплениями, мечетью и т. д. В XI в. пострадал от нашествия гузов, в XIII в. — от монголов, после чего уже не вернул прежнего значения (см.: Бартольд. С. 130—134). *Тагирань* — Тегеран (Грибоедов писал также Тейран).

С. 310. *Давамендза облаками.*— Даваменд (Демавенд) — высочайшая гора в Персии, расположенная в горной группе Эльбурс, к северо-востоку от Тегерана. Высота ее 5900 м.

Седеразам (*перс.*: садр-азам) — первый министр. Речь идет о первом министре Фатх-Али-шаха Мирзе Мухаммад-хане Шафи (1738—1819).

Бейрам — имеется в виду праздник Нового года.

Навруз (ноуруз) — праздник Нового года, приуроченный к дню весеннего равноденствия (момент вступления Солнца в знак Овна, очевидно, и был отмечен пушечным выстрелом). Древнейший народный праздник в Персии. В этот день происходил торжественный прием у шаха — салям (поклон), на котором присутствовал Грибоедов.

Бимбаши (*тюрк.*: мин-баши) — тысячники, военная должность.

...доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник.— Описание этого праздника дано И. К. Ениколоповым: «В одном и специально отводимых для селяма дворцов устраивался на террасе трон для шаха. В ожидании появления шаха вокруг трона размещались самые приближенные к нему люди, причем на площадке перед террасой располагался глава духовенства, облаченный в чалму и дорогой халат, в обязанность которого входило вести разговор с шахом. При появлении шаха начинала играть музыка, солдаты брали „на караул", а все собравшиеся низко кланялись. Шах медленным шагом поднимался по лесенке к трону и садился на него, поджав под себя ноги. Усевшись, шах поздравлял сначала собравшихся с праздником, а затем начинал громко расспрашивать главу духовенства об урожае, погоде, положении страны, на что получал ответы в пышных фразах, восхвалявших милости шаха. Такая беседа продолжалась минут 5—10, после чего шаху подавался кофе и „наргилле" (кальян), усыпанный драгоценными камнями. И пока он пил кофе и разыгрывал курение (на самом деле шах не курил), два поэта, одетые в пестрые чалмы и халаты, поочередно читали нараспев стихи, составленные в честь шаха. При каждом упоминании поэтами имена шаха все кланялись. На этом „салям" заканчивался, шах вставал, музыка снова гремела, происходила раздача денег, начинался парад войскам, и шах уходил в свой дворец, где принимал поздравления от особо приглашенных лиц» (Ениколопов. С. 48).

Сорбет (шербет) — фруктовый прохладительный напиток.

Царь в богатом убранстве и с лорнетом.— В статье «Русская миссия в Персии» так описан наряд шаха: «Е<го> в<еличество> имел на плечах шаль, его грудь и его рукава были украшены жем-

чугом. Ковер и подушка были также украшены; на голове его была надета мерлушковая шапка с бриллиантовой эгреткой; его левая рука опиралась на богато украшенный бриллиантами и жемчугом кинжал (такое положение руки является общепринятым; те, что не носят кинжала, держат таким же образом руку на поясе)» (ЛН. Т. 47—48. С. 220).

С. 310. *Амлихово замечание.*— Амлих — слуга Грибоедова. О нем, со слов знакомых Грибоедова, Д. А. Смирнов сообщает, что «усердный и верный Амлих был для Грибоедова лицом благодетельным и незаменимым. И вместе с тем, по справедливому замечанию С. Н. Бегичева, Амлих был оригинальное, комическое лицо» (РСл. 1859. № 4. С. 72).

...God save the king...— начальные слова и название английского гимна, который был введен в персидской армии наряду с английской формой (близкой индийской) военными инструкторами-англичанами (см.: Семенов. С. 47).

...стихи, слон, деньги...— Среди подарков, преподнесенных русской миссией шаху, находились «слон и люстры <...> которые его превосходительство генерал Ермолов передал шаху от имени императора» (ЛН. Т. 47—48. С. 222).

Как длинна борода царя.— Борода шаха была предметом его гордости и заботы. «Фет-Али-Шах,— описывал его Ф. Ф. Корф,— был небольшого росту и очень худощав. Выразительные глаза и довольно большой, несколько горбатый нос, были единственные черты его лица, видные из-за густой бороды, которая начиналась под самыми глазами и простиралась до нижних областей желудка. Эта борода считалась самой длинной во всей Персии. Живописцы, льстя во всех случаях шаху вместе с другими придворными, увеличивали ее до бесконечности на портретах» (*Корф Ф. Ф.* Очерки Персии // Библ. для чт. 1836. Т. 18. С. 211).

А. А.

<ТЕГЕРАН — СУЛТАНИЙЕ>

(с. 311—313)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 42—44, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации с включением пропущенных фрагментов текста.

Первый публикатор «Путевых записок» Д. А. Смирнов печатал их не целиком, «а выдержками,— впрочем, довольно значительными,—выписывая вполне только его начало» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 41). Пропуски в записях он иногда заполнял своим пересказом или комментарием, иногда оставлял без внимания, некоторые фразы из опущенных им записей Грибоедова воспроизводил в других местах своего комментария. В настоящем издании эти отрывки помещаются под соответствующими датами.

В записках отражена поездка Грибоедова в летнюю резиденцию шаха в Султанийе. Поездка состоялась с 8 июня по 22 августа 1819 г. Позднее, в письме к П. А. Катенину (февраль 1820 г.), Грибоедов, перечисляя события последнего года, отметил: «Жар выгнал нас (из Тегерана.— *Ред.*) в поле, на летнее кочевье в Султанейскую равнину, с Шааен-Шаа, Царем Царей и его двором».

С. 311. *Седер-азам* (садр-азам) — первый министр мирза Шафи (см. примеч. к с. 310).

...упоминает об Румянцеве.— Речь идет, видимо, о П. А. Румянцеве-Задунайском (1725—1796), знаменитом победами над Турцией.

Кенд (Кент) — деревня в окрестностях Тегерана, расположенная в живописной горной местности.

Сулейманга (Сулеймания) — ближайшая к Тегерану остановка на дороге.

Трахтараван (*перс.*: тахт-е раван) — экипаж, род закрытых носилок, который на шестах несут два мула.

Pittoresque.— Далее в публикации Д. А. Смирнова, видимо, пропуск. Смирнов комментирует текст Грибоедова и сообщает, что «во время отдыхов он читает Thomas Moore» (РСл. 1859. № 4. С. 43).

Посылается Эйвас к Хозров-Хану.— Первый публикатор текста Смирнов сообщил, что запись эта содержится в тетради Грибоедова под 12 июня (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 48). Он сделал большой пропуск, опустив записи конца июня — начала июля (ср. след. примечание). *Эйвас* (Эйваз-хан) — офицер персидской армии, командовал батальоном, расположенным в г. Хое. *Хозров-Хан* — (Хосров-хан) Кайтмазов, выходец из Тифлиса, достигший в Персии высокого положения (см.: Ениколопов. С. 53).

Бунт в Реште ~ Эйвас не возвращается...— Эта запись, как отметил Смирнов, помещена под 15 июня (там же). Речь идет о бунте в провинции Гилян, расположенной на южном побережье Каспийского моря с центром в г. Решт. Позднее, в заметке «О Гилани» Грибоедов писал: «В бытность мою в Султанее в 1819 году

жители Рящ (Решта. — *Ред.*) взбунтовались против правителя их, шахского евнуха Хосров-Хана. Он был сменен».

С. 311. *Абдул-Вагиб* — Мирза Абдул-Ваххаб Исфахани, государственный секретарь, пользовавшийся большим доверием шаха. После смерти первого министра Мирзы Шафи (сер. 1819 г.) сосредоточил в своих руках управление внешними сношениями Персии. Способствовал русско-персидскому сближению в начале 1820-х гг. (см.: Семенов. С. 70).

С. 312. *Давуд-паша багдатский прислал шаху подарки.*— Эта фраза восстанавливается на основании упоминания о ней Д. А. Смирнова, который опустил окружающий ее текст в своей публикации (см.: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 41). Речь идет о начавшемся персидско-турецком конфликте, перешедшем через два года в войну (см. ниже).

Говорят о походе в Багдат.— Фразу эту, по свидетельству Смирнова, Грибоедов «приписал на полях своей дорожной тетрадки (сбоку)», когда 10 июля он «приблизился к стану шаха» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 41). Текст, к которому сделана приписка, Смирнов в своей публикации опустил.

Луна не показывается, нет бейрама.— Мусульманский праздник, приуроченный к новолунию, не может начаться, если на небе не видно луны. Как следует из дальнейших записей, наступил период дождей, и луна, вероятно, была скрыта за облаками.

Шах дарит государю Аббас-Мирзу.— Фраза эта должна указывать на высокопарный и лицемерно-почтительный стиль персидских дипломатических разговоров.

Али — четвертый «праведный халиф», двоюродный брат и зять пророка Мухаммада. С именем Али связано зарождение в исламе шиитского движения. Персы-шииты почитают Али еще более, чем Мухаммада (см.: Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 18—19).

Имам-Риза — седьмой после Али имам шиитов, считается в Персии святым. Его могила находится недалеко от Султанийе.

Фехт-Али-хан — придворный поэт Фатх-Али-шаха, имевший звание главы придворных поэтов. Писал под псевдонимом Саба. Из его произведений наибольшею известностью пользуется поэма «Шахиншах-намэ», посвященная царствованию Фатх-Али-шаха.

Юсуф-хан-Спадар (Сепахдар) — уроженец Тифлиса по фамилии Гелоянц, начальник артиллерии в персидской армии (см.: Ениколопов. С. 53).

Пословица о Каджарах — см. примеч. к заметке «<Таврис — Тегеран>», с. 566. Д. А. Смирнов, комментирующий это место, отметил: «Пословиц о каджарах очень много, и все они не в похвалу

им. Некоторые из этих пословиц... мне известны, но я не могу привести их здесь. <...> Каджары ныне царствующия в Персии династия, находящаяся в дружественных отношениях к России» (РСл. 1859. № 4. С. 75).

С. 313. *10 000 отправляются к Багдату против турков.*— Речь идет о подготовке к персидско-турецкой войне, открыто начавшейся в 1821 г. Однако уже в 1818 г. произошли столкновения на ирано-турецкой границе из-за спорной территории Ирака. Правитель Багдада, бывшего под властью Турции с XVII в., Дауд-паша намеревался перейти на сторону Персии, чем и вызвана была отправка подарков шаху, однако турецкие войска подавили его выступление. Спор между Персией и Турцией из-за Багдада шел с начала XVI в. Военные действия Персии, начавшиеся в 1821 г., были направлены на присоединение Ирака (см.: Семенов. С. 72—73; РСл. 1859. № 4. С. 41).

Нагиб-султан (*перс.*: наиб-ос-салтане — регент, наместник) — титул наследника, Аббас-мирзы.

А. А.

РАССКАЗ ВАГИНА

(с. 313—314)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 44—45, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор рассказа Д. А. Смирнов сообщил: «В этом дневнике, который мы теперь рассматриваем (речь идет о публикации «Путевых заметок» 1819 г.— *Ред.*), под 10 числом августа, совершенно неожиданно выступает эпизодически записанный Грибоедовым, как видно, наскоро, без всяких, однако, помарок, но очень плохими, бледными чернилами *Рассказ Вагина*» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 44). Отсюда следует, что заглавие этой записи дано самим Грибоедовым и содержится в Черновой тетради.

Запись заканчивается пометой Грибоедова: «Обмакнул в чернилы». Смирнов отмечает, что помета эта сделана «чернилами, действительно гораздо темнее тех, которыми писан весь рассказ: видно, бедствующий в письменном отношении путешественник очень

обрадовался порядочному и одному из совершенно необходимых для письменного дела средств и не утерпел, чтобы не записать об этом с некоторым торжеством» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 46).

Как справедливо предположил Смирнов, Вагин — русский пленный, волею судеб попавший в персидские сарбазы. Вагин упомянут в письме Грибоедова С. И. Мазаровичу от 6 сентября 1819 г. среди других русских пленных, которых Грибоедов вывел из Персии в Россию. Сообщая, что после Нахичевани в его отряде осталось 155 человек русских солдат, выводимых из Персии, Грибоедов особо выделяет Вагина: «которого я не смешиваю с другими».

С. 313. *Так он в 40 дней доставил голову Цицианова.*— О П. Д. Цицианове см. наст. том, с. 602. В 1806 г. Цицианов вступил в переговоры с Бакинским ханом о добровольной сдаче Баку русским. Во время переговоров Цицианов был убит, а его голова доставлена в Тегеран шаху, который в эти годы (1804—1813) вел войну с Россией.

Мегмед (Мухаммад)-*Али-Мирза* Каджар — старший сын Фатх-Али-шаха; не имел права наследования престола, так как, в отличие от Аббас-Мирзы (третий сын шаха от каджарки из рода довалу), был рожден грузинкой.

Давуд-Эффенди (Давуд-паша) — уроженец Кавказа, грузин по происхождению, перешедший на турецкую службу. Упомянут в «Похождениях... Дементия Цикулина» и примечаниях Грибоедова к ним (см. наст. том, с. 272). В спорах Персии и Турции за Багдад переходил в 1818—1819 гг. на сторону персов (см. наст. том, с. 574).

С. 314. *Ферман* (фирман) — указ, грамота.

А. А.

<МИАНЕ — ТЕБРИЗ — ГЕРГЕРЫ>

(с. 314—318)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 46—53, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Эти записи, относящиеся к августу — сентябрю 1819 г., отражают важное событие дипломатической деятельности Грибоедова —

его активную борьбу за возвращение в Россию оказавшихся в Персии русских подданных, а также само это возвращение, когда Грибоедов возглавил отряд возвращавшихся русских и вывел его в пределы России, доведя до Тифлиса.

Согласно Гюлистанскому договору (1813) всех военнопленных и других российских подданных, оказавшихся в Персии в результате войны 1804—1813 гг., следовало возвратить в Россию (см.: Семенов. С. 23). Судьба русских подданных, оказавшихся в Персии, была различной, как различны были и причины их нахождения там: плен, дезертирство из армии, побеги из России от наказаний и притеснений и т. д. Некоторые из бывших русских подданных приняли ислам и сделали большую карьеру в Персии, многие служили в регулярной армии (сарбазы), но были пленные, находившиеся в положении рабов. Персидское правительство чинило множество препятствий к возвращению бывших русских подданных в Россию (см.: Попова. С. 18—31; см. также: *Берже А. Н.* Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии // РС. 1876. № 4. С. 770—804).

Краткие дневниковые записи Грибоедова (до нас дошли записки с 17 августа по 6 сентября) были использованы им при составлении служебных рапортов С. И. Мазаровичу от 6 сентября и 11—13 сентября 1819 г.

С. 314. *Вали Курдистанский* — Аманулла-хан, крупнейший персидский феодал, имевший титул вали (наместник): пребывал в г. Синне, центре Курдистана.

Мианские ковры, клопы.— На обратном пути в Тебриз Грибоедов снова остановился в Миане (см. наст. том, с. 569).

Тюркменчай (Туркманчай) — селение по дороге из Тегерана в Тебриз. Позднее, в 1828 г., по окончании войны с Персией, в нем был заключен выгодный для России Туркманчайский договор.

Под вечер в Ужданах ~ в виду дворец.— Речь идет о летнем дворце Аббас-Мирзы в Уджане, который посетил А. Н. Ермолов во время своей миссии в Персию в 1817 г. (см. наст. том, с. 569).

Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят.— Имеются в виду картины, украшающие Уджанский дворец. А. П. Ермолов отметил их в своем описании дворца: «В самой большой комнате выставлены две картины, из коих первая изображает Аббас-Мирзу. <...> Другая картина изображает победу, одержанную над российскими войсками. Тут русские обращены в бегство. <...> Я спросил сопровождавших меня персиян, какое картина представляет сражение?.. Мне сказали, что картина пред-

ставляет разбитие батальона Троицкого пехотного полка. Я замолчал против правды» (Записки А. П. Ермолова. Ч. II. М., 1868. С. 23—24 второй пагинации).

С. 315. *Подметные письма.*— Речь идет о подметных письмах персидских чиновников, видимо, содержавших угрозы Грибоедову. О них говорит Грибоедов Аббас-Мирзе 30 августа 1819 г.

Верещагин — бывший прапорщик Троицкого пехотного полка, попал к персам в плен в 1804 г., был ими оскоплен и служил в персидской армии (см.: Ениколопов. С. 57).

Шах-зида Ширазский (Шах-заде) — один из сыновей Фатх-Алишаха, наместник Шираза.

Туман — персидская монета, равная в то время приблизительно четырем рублям серебром.

30-е августа.— Записанная под этим числом беседа Грибоедова с Аббас-Мирзой отражает те трудности и препятствия, которые Грибоедов должен был преодолевать в борьбе с персидской стороною за возвращение русских подданных.

С. 317. *Я буду иметь честь донести ~ когда, отведя их в Тифлис, ворочусь сюда.*— Уговаривая бывших русских подданных возвратиться в Россию, Грибоедов был убежден, что их всех ждет на родине полное прощение, согласно обещанию С. И. Мазаровича и А. П. Ермолова. Для осуществления этого Грибоедов предпринял ряд мер, отправив в Тифлис соответствующие бумаги (см.: Рапорт Грибоедова Мазаровичу от 6 октября 1819 г. // Грибоедов-дипломат. С. 22—23).

Тут он позвал нашего беглеца С<амсона> М<акинцева>...— Макинцев Самсон Яковлевич, бывший вахмистр Нижегородского драгунского полка, бежал за границу в 1802 г., служил в персидской армии под именем Самсон-хана и командовал соединениями сарбазов, состоявших из бывших русских солдат. О нем см.: *Берже А. И.* Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии // РС. 1876. № 4. С. 770—804.

Ньюкер (*перс.*— ноукер) — слуга, телохранитель.

С. 318. *По многим хлопотам выступление.*— Далее идут дневниковые записи, в которых Грибоедов отразил главные события похода из Персии в Россию отряда бывших русских подданных, пожелавших вернуться на родину. Подробности этого путешествия изложены также в рапортах Грибоедова С. И. Мазаровичу от 5 сентября — 6 октября 1819 г. (см.: Попова. С. 11; Грибоедов-дипломат. С. 22—26).

Ночь, поустаю, днем нахожу своих.— По смыслу — «отстаю». В рапорте Мазаровичу от 6 сентября 1819 г. Грибоедов так описал это происшествие: «Вчера, в 2 часа ночи мой обоз тронулся в путь.

Я остался на три минуты, чтобы проститься с Шемиром (Шамир Фридонович Мелик-Бегляров — переводчик при русском посольстве, см. с. 563 — *Ред.*), на три минуты буквально. Хочу следовать за моими людьми, но мехмендар... дает мне проводника, с которым я сбился с дороги, и я проплутал всю ночь и часть утра... Изнуренный усталостью, я нашел, наконец, свой отряд». Мехмендар (мехмандар) — чиновник, назначаемый для сопровождения официальных гостей правительства. Мехмандаром при отряде Грибоедова был Мухаммад Али-бек (см.: Попова. С. 98—99).

Брошеный больной.— Рассказ о том, как мехмандар отказал в помощи заболевшему и отставшему от отряда во время отсутствия в нем Грибоедова солдату Леонтию Саброву, содержится в рапорте Мазаровичу от 6 сентября 1819 г.

Софиян (Софиан) — местечко, лежащее на дороге из Тебриза в Маранд.

Назаров — вероятно, Назар-али-хан Аршарский, правитель Маранда, упомянутый в рапорте Грибоедова С. И. Мазаровичу от 6 сентября 1819 г. из Маранда. См. о нем также в письме Грибоедова И. Ф. Паскевичу от 1 октября 1828 г.

Известие о милостях государя к Маман-Хану.— Маман (Мамед)-хан Марандский получил награду от русского правительства за услуги, оказанные им А. П. Ермолову во время проезда его с посольством через Маранд в 1817 г. Впоследствии Мамед-хан оказывал услуги русским во время русско-персидской войны 1826—1828 гг., а по окончании ее вынужден был покинуть пределы Персии. О нем напоминал Грибоедов И. Ф. Паскевичу в письме от 1 октября 1828 г., говоря о долге русского правительства помочь «несчастным братьям Марандского хана», которые перешли на нашу сторону (см.: Ениколопов. С. 63).

...камнями в нас швыряют, трех человек зашибли.— В донесении С. И. Мазаровичу от 11 сентября 1819 г. Грибоедов отмечал: «В нас бросали камнями, но я скрывал под намеренным молчанием, ради моих собственных людей, душившую меня ярость, и они держались спокойно».

Гаргары (Гергеры) — селение в Персии за р. Араксом, бывшее в то время последней станцией собственно персидских владений по пути в Россию. Дальше начиналась Армения, находившаяся в то время еще под властью Персии (Эриванское ханство).

А. А.

АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН

(с. 319)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 15.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор текста Д. А. Смирнов сообщил: «В черновой тетради Грибоедова находится... почтовый поллист четвертного формата, который я долго не знал куда правильно отнести. Прежде всего замечу, что на этом листке существует странная особенность: с левой ее стороны, сбоку, целая связанная прядь оранжевого шелка припечатана черным сургучом печатью с двумя гербовыми щитами, сходящимися под одной княжеской короной. Ничто, однако, и самое странное место печати, и отсутствие на поллисте всяких сгибов (plis), и самое содержание бумаги не показывают, чтобы поллист этот принадлежал какому-либо письму» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 14). Так как Ананурский карантин упомянут Грибоедовым в его Путевых записках от Моздока до Тифлиса («7-й переход»), которые Смирнов отнес к 1822 г., то и эту запись он датировал так же. Однако на основании воспоминаний князя Д. О. Бебутова, упомянутого Грибоедовым, «Ананурский карантин» легко датируется 1819 г. «В конце ноября 1819 года,— вспоминал Д. О. Бебутов,— я выехал на родину в отпуск. <...> В это время Военно-грузинская дорога проходила через г. Моздок. В Моздоке был тогда комендантом бывший мой однополчанин майор Котырев. Я пошел к нему, и он меня задержал целую неделю до другой оказии. В продолжение этих дней приехал из крепости Грозной Александр Сергеевич Грибоедов: он был у Алексея Петровича Ермолова, в то время находившегося в экспедиции в Чечне, и возвращался в Тифлис, я с ним познакомился. <...> От Моздока до Тифлиса мы ехали вместе и коротко познакомились» (Кавказский сборник. Т. 23. Тифлис, 1902. С. 51 третьей пагинации).

С. 319. *Ананурский карантин* находился в г. Ананур, в Душетском уезде на Военно-Грузинской дороге, по Тагаурскому ущелью. Ср. упоминание его на с. 290.

...срок сиденья зависит от комиссара.— Подобные порядки существовали в то время во всех кавказских карантинах. Путешествовавший по Кавказу французский граф Сюзане рассказывает в своей книге « Souvenirs de Voyages. Les provinces du Caucase »:

«Мы прибыли в карантин города Гумри, где с нас потребовали всю нашу одежду, которую выкуривали в продолжении 24 часов, а нам дали взамен — госпитальную. Продолжительность пребывания в карантине не зависит ни от какого правила: мой попутчик по путешествию с Эрзерума, полковник русской службы, был освобожден от пребывания в карантине согласно распоряжению наместника; он находился всего 24 часа, а с меня потребовали остаться там 28 дней, хотя опасность чумы нам одинаково угрожала» (цит. по: Ениколопов. С. 64—65).

С. 319. *Беб<утов>* Давид Осипович, князь (1793—1867) — офицер Отдельного Кавказского корпуса.

А. А.

<ТИФЛИС — ТЕБРИЗ>

(с. 319—321)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 56—58, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор текста Д. А. Смирнов отметил, что вслед за записками 1819 г. о выводе русских пленных из Персии в Закавказье должен следовать «дневник, над которым ясно выставлен год — 1820-й» (РСл. 1859. № 4. С. 53). «Я не буду приводить,— замечает далее Смирнов,— этого, писанного как и все другие путевые записки Грибоедова, перечнем, дневника вполне, а только выдержками: он не заключает в себе ничего особенного, и я заимствую из него только те места или указываю на те места в нем, которые потому имеют неоспоримую важность для биографии Грибоедова, что уже несомненно, фактически верно указывают, где и когда именно он находился» (там же. С. 55—56).

По поводу записи «1801. Омар-Хан разбит ~ за штурм дано по рублю» (с. 319—320) публикатор Д. А. Смирнов сообщает: «На 2 стр. дневника у Грибоедова проведена черта, какие обыкновенно проводятся для выносок, и за чертой этой описаны вещи, нисколько не относящиеся к путешествию. Может быть, они пришли Грибоедову на память, он побоялся их забыть и записал, где случилось» (РСл. 1859. № 4. С. 56). Однако, возможно, это сведения, полученные Грибоедовым от кого-то во время путешествия.

В дневнике 1820 г., который дошел до нас в отрывках, отражен обратный путь Грибоедова из Тифлиса, где он находился прибли-

зительно три месяца (совершив за это время поездку к Ермолову на Кавказскую линию), к месту его службы в Персии.

С. 319. *Саганлук* — крепость в 10 верстах от Тифлиса.

Меднозаводская гора (Ляльвар Лалевер) — гора Малого Кавказа, в Борчалинском уезде.

Озеро — озеро Кумиси, недалеко от Тифлиса.

Код (Коди) — селение в 25 верстах от Тифлиса и первая станция по Елизаветпольскому тракту (Елизаветполь — ныне Гянджа).

Квеши — селение в Боргалинском уезде, где находится средневековый замок — резиденция князей Орбелиани.

Гергер (Гергеры) — селение в Боргалинском уезде, где находилась стоянка воинских частей и карантин.

Безобдал — Безобдальский хребет с перевалом высотой 2528 м. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин описал встречу с телом убитого Грибоедова на этом перевале близ селения Гергеры (см.: Пушкин. Т. VIII. С. 460). О возможности этой встречи см.: *Фомичев С. А.* «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. С. 374—383.

1801. Омар-Хан разбит пшевцами, хевсурцами...— Речь идет о лезгинском хане Омаре, не раз досаждавшем Грузии своими набегами. Об одном из таких набегов 1785 г. со ссылкой на Артемия Араратского рассказывает Д. А. Смирнов (см.: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 79—80). В 1800 г. Омар-Хан был разбит соединенными силами грузин и русских. Смертельно раненный, он умер 10 марта 1801 г.

Князь Цицианов — см. наст. том, с. 602.

С. 320. *Бедственное положение патриарха.*— Эчмиадзинский монастырь, как и вся Эриванская область, находился до 1828 г. под властью Персии среди враждебного армянской религии окружения. А. П. Ермолов, посетивший Эчмиадзинский монастырь в мае 1817 г., отметил, что персияне «в храмах наших обыкновенно не оказывают никакого уважения святыне». Он же сообщает о больших денежных штрафах, которыми под разными предлогами персы облагают патриарха, о множестве шпионов в монастыре и о других фактах, показывающих униженное положение священнослужителей (см.: Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии // РВ. 1863. Октябрь. С. 649).

С. 320. *Монастырь* — Эчмиадзин (см. наст. том, с. 567), буквально его название означает «Сошествие Единородного».

Рука св. Георгия (Григория) — часть мощей св. Григория, обратившего армян в христианство в IV в.

С. 320. *Копье* — железный наконечник копья, которым, согласно Евангелию, был прободен бок распятого Христа.

Кусок от креста — креста, на котором был распят Христос.

Место — 4 столпа мраморные ~ 1500 лет.— По преданию, Эчмиадзинский храм был построен св. Григорием на том месте, где жестокий царь Тиридат приказал избивать трех праведных дев, не пожелавших стать его наложницами. Здесь посетило Григория видение самого Бога, который явился в лучах света и в сопровождении ангелов, ударил в землю молотом, и на этом месте появился круглый престол, а вокруг него четыре столба, из которых три на месте избиения святых дев, покрытые куполом. Тут и воздвиг св. Григорий храм, в центре которого четыре мраморных столба стоят на месте, указанном Богом.

Ризница скрыта.— В ризнице монастыря хранились церковные сокровища, среди которых митра, украшенная редким по качеству и величине изумрудом. По свидетельству А. М. Фадеева и А. П. Берже, изумруд этот в 1830-х гг. был похищен для жены главнокомандующего Кавказа барона Розена, а на месте «дорогого изумруда оказалось самое обыкновенное дешевое зеленое стекло. <...> Эта интересная история в свое время наделала много шуму и тем окончилась» (Воспоминания А. М. Фадеева // РА. 1891. Т. III. С. 146). Происшествие это показывает, что и с переходом монастыря под власть России он не приобрел полной независимости.

Типография на 3 станка.— По свидетельству И. К. Ениколопова, типография в Эчмиадзинском монастыре была устроена в 1771 г., получив оборудование из-за границы (Ениколопов. С. 68).

Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде.— Речь, видимо, идет о мастерах-армянах, работавших на монетном дворе и в типографиях Константинополя и рекомендованных в конце XVIII в. тогдашним католикосом Симеоном для службы в Тифлисе грузинскому царю Ираклию II. Во время одного из переездов их в Константинополь (Царьград) за материалами с ними «случилось несчастье» (Ениколопов. С. 68).

С. 321. *От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом.*— Здесь речь идет о Гаргарах (Гергерах), находящихся на персидской границе (ср. с. 318, запись от 6 сентября 1819 г. и комментарии к ней, с. 579). Как отметил Д. А. Смирнов в своих примечаниях к Путевым запискам, «Гергер — трое: этим именем называется, во-первых, урочище Эриванской губернии, в Александропольском уезде (Александрополь — ныне Гюмри.— *Ред.*), во-вторых, селение Тифлисской губернии, в Елизаветпольском уезде (Елизаветполь — ныне Гянджа.— *Ред.*) и, в-третьих, селение в Пер-

сии, за Араксом, недалеко от наших границ» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 79).

А. А.

<ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ>

(с. 321—322)

<1>

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 57, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор записи Д. А. Смирнов сообщил, что перечень фамилий сделан на отдельной свободной странице и расположен в Черновой тетради посреди дневниковых записей об обратном пути в Персию.

Запись эта, скорее всего, содержит перечень тех лиц, которым Грибоедов собирался написать письма по возвращении в Персию.

<2>

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 58, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Как отметил публикатор текста Д. А. Смирнов, заметки эти расположены на отдельных листах и не связаны между собою. Датировать их можно 1820—1821 гг., временем пребывания Грибоедова в Персии, так как в Черновой тетради они следуют после его дорожного дневника на обратном пути в Персию, а по содержанию относятся к пребыванию в этой стране.

С. 321. *Каймакам* (каем-макам) — заместитель (помощник) первого министра; возможно, имеется в виду Мирза-Бозорг (см. наст. том, с. 568).

С. 321. *Шах-зида* (шах-заде) — наследный принц; здесь — Аббас-Мирза (см. о нем наст. том, с. 567).

Фараш (фарраш) — здесь: посыльный, слуга.

<3>

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 13, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Запись, по свидетельству первого публикатора Д. А. Смирнова, сделана «в самом конце дорожной тетрадки, чернилами» (РСл. 1859. Май. С. 13). Она датирована Грибоедовым и относится ко времени службы его в Грузии у А. П. Ермолова.

С. 322. *Прихожу к Полю...*— Речь, видимо, идет о ресторане в Тифлисе, содержателем которого был француз Поль. Он упомянут также в письмах Грибоедова к О. И. Рыхлевскому от 25 июня 1820 г. и неизвестной от 17 ноября 1817 г.

Бичё — (*перс.:* баче) — здесь: слуга.

Амлих — см. наст. том, с. 572.

А. А.

КРЫМ

(с. 322—334)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 19—34, по Черн. тетр.

Печатается по первой публикации.

Описание рукописей этой части тетради у Смирнова отсутствует, по-видимому, она сохранилась лучше других.

Грибоедов приехал из Киева в Крым около 20 июня 1825 г. и прожил там почти три месяца. Поначалу обосновался в Симферополе в гостинице «Афины» на Салгирной улице (ныне ул. Кирова, 25).

Период с 24 июня по 12 июля документирован: почти три недели поэт путешествовал по Тавриде, ознакомился с примечательностями горных районов между Симферополем и Алуштой, проехал Южным берегом от Алушты до Фороса, побывал в Байдарской

долине, посетил Балаклаву, Георгиевский монастырь и Севастополь, на пути в Бахчисарай осмотрел пещерные города Инкерман и Мангуп-Кале, а также Успенский монастырь и Чуфут-Кале,— этому путешествию посвящены, собственно, Путевые заметки.

Письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 июля, 9 и 12 сентября 1825 г., которые служат прямым дополнением к Путевым заметкам, дают представление о последних его днях в Крыму: покинув Симферополь 9 сентября, писатель вечером того же дня приехал в Судак, на другой день осмотрел знаменитую Судакскую крепость, потом посетил Кафу (Феодосию), ее развалины и памятники, затем уехал в Керчь. Через несколько дней после 12 сентября Грибоедов покинул Тавриду и морем возвратился на Кавказ.

Сведения о жизни Грибоедова в Крыму с 12 июля до начала сентября крайне скудны и отрывочны. Из писем самого Грибоедова известно только, что он в течение какого-то времени жил в имении А. М. Бороздина Саблы неподалеку от Симферополя («...потом подумал поселиться надолго в Соблах», — письмо к С. Н. Бегичеву от 9 сентября 1825 г.) и что в Крыму встретился с Н. Н. Оржицким (см. письмо к А. А. Бестужеву от 22 ноября 1825 г.).

Немногочисленные воспоминания современников содержат существенные дополнения к этим сведениям. Н. В. Сушков, товарищ Грибоедова по Благородному пансиону, служил советником казенной палаты в Крыму в середине 1820-х гг. и обмолвился позднее о своем общении там с писателем: «...Грибоедов часто услаждал меня на чужой стороне, посреди татар, в Крыму, своею певучею разумною игрою на клавикордах» (*Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион... М., 1858. С. 12—13). О том, что Грибоедов жил у Сушкова, вспоминал В. И. Ярославский (см.: *Ярославский В. И.* Записки // Киевская старина. 1887. № 11. С. 525). О встречах на крымских путях вспоминали Андр. Н. Муравьев (см.: *Муравьев А. Н.* Мое знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 9) и П. П. Свиньин, причем Свиньин отметил исключительную осведомленность Грибоедова в истории и достопримечательностях Крыма (см.: ОЗ. 1825. Т. 24. С. 130—131).

Путевые заметки самого Грибоедова дают большой перечень лиц, с которыми он познакомился и общался в Тавриде, среди них чиновники (В. Д. Офрен, Ф. Д. Ревельоти), помещики (А. К. Боде, А. М. Бороздин, П. И. Ланг), знатоки края (А. И. Султан Крым-Гирей), приезжие (ирландский проповедник Джемс). В реальности таких знакомых у Грибоедова в Крыму было значительно больше, но сведений о них нет. Сомнение вызывают сведения о встречах Грибоедова с Г. Ф. Олизаром (см. ниже). О возможной встрече Грибоедова с А. Мицкевичем, выехавшим из Одессы 25 июля

1825 г., см.: *Живов М.* Адам Мицкевич: Жизнь и творчество. М., 1956. С. 141.

Принято считать, что поездка в Крым была в жизни Грибоедова неожиданной случайностью — не попал за границу, куда собирался всю зиму, и компенсировал это несостоявшееся путешествие знакомством с Тавридой. Однако факты говорят о другом. В Киев и Крым писателя влекли интересы, связанные с замыслами новых драматических произведений на сюжеты древней русской истории — трагедий о великом князе Владимире, крестившемся в Корсуни в 988 г., и о князе Федоре Рязанском.

Сведения об этих планах содержат воспоминания А. Н. Муравьева, сблизившегося с автором «Горя от ума» в Крыму и сохранившего для истории содержание их бесед: «Я думал сделать из сего трагедию (имеется в виду история крещения князя Владимира.— *Ред.*), когда посетил Корсунь,— отвечал он,— и сия мысль во мне сохранилась», «...„Федор Рязанский", если он не кончен бессмертным и несчастным Грибоедовым, он мне рассказал его план в Крыму» (см.: *Муравьев А. Н.* Из моих воспоминаний // Воспоминания 1980. С. 113, 114). Много лет спустя после гибели Грибоедова о замысле трагедии «Федор Рязанский» вспомнил журналист М. Н. Макаров: «В последний раз я встретил Грибоедова у С. Д. Нечаева. „Друг! — сказал я ему,— еще бы „Горе от ума"!" — „Душа моя темница,— отвечал он,— и я написал трагедию из вашей рязанской истории, ты прочтешь ее первый"» (Репертуар русского и пантеон иностранных театров. 1843. Т. I. Кн. 1. С. 109, под псевдонимом «Быстрорецкий»). Встреча Грибоедова и Макарова могла произойти летом 1826 г., когда Грибоедов возвращался из Петербурга на Кавказ после ареста.

Книги и бумаги Грибоедова свидетельствуют о его серьезной подготовке к работе над новыми произведениями и к путешествию к древним святыням. В его походном чемодане, вскрытом и описанном при аресте в январе 1826 г., находились: топографическая карта Крыма, составленная генерал-майором Мухиным в 1817 г., три первых тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб., 1818—1819), «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола (СПб., 1824), поэма С. Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе» (Николаев, 1798), «Родословная история о татарах» в двух томах, соч. Альбугази (на французском языке), и три книги о Киеве. Эти книги поэт брал с собой в Крым.

Рабочая тетрадь писателя, озаглавленная «Desiderata» («Пожелания»), содержит целый раздел материалов, посвященных предстоявшему путешествию. На связь многих заметок в разделе

«Desiderata» Черновой тетради с поездкой в Крым обратил внимание еще публикатор, в предисловии он писал: «...действительно, они имеют близкую связь со всем путешествием Грибоедова в Крым и с самим путешествием по Крыму (на это ясно указывают №№ 21—28, относящиеся к Таврическому полуострову), стало быть, все эти заметки могли быть составлены или до путешествия, или во время его, по крайней мере, по поводу его» (РСл. 1859. Апрель. № 4. С. 11), а в примечаниях добавил: «Даже, прибавлю я, оне написаны на такой же точно бумаге (белой, почтовой, in-4°), на какой написано и путешествие по Крыму» (там же. С. 59).

Часть заметок в рабочей тетради посвящена древней истории России и Крыма и населявших его народов, их взаимоотношениям с соседями, для этой работы Грибоедов читал: «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб., 1818—1819), русские летописи (Софийский временник. М., 1820; Русская летопись по списку Воскресенскому. Ч. 1, 2. СПб., 1793—1794), исследование о Тмутараканском княжестве (*Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжества. СПб., 1794), историческую хрестоматию Стриттера (ориг. лат.: *Stritter I. M.* Memoriae populorum olim ad Danubium Pontum Euxinum etc. incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae. Petropoli, 1771—1779; русский перевод: *Стриттер И. М.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древнейших времен и переселение народов. СПб., 1770—1776).

Для изучения Таврического полуострова были прочитаны следующие книги: сочинения П. С. Палласа, знаменитого путешественника и естествоиспытателя (*Паллас П. С.* Топографическое описание Таврической области. СПб., 1795; Заметки о путешествии в южное наместничество Российской империи. Т. 1—4. Лейпциг, 1799—1801; у Грибоедова был немецкий оригинал этой книги: Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs. T. 1—4. Leipzig, 1799—1801); путевые записки Зуева (*Зуев В. Ф.* Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсонеса в 1781 и 1782 годах. СПб., 1787); описание Украины Г. Бопланом (см.: Description d'Ukranie, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne / Par le Sieur de Beauplan, *à* Rouen. 1660) и «Топографические сведения о Российской империи» Фалька (см.: *Falk.* Beitrage zur Topographischen Kenntuiss des Russischen Reichs. [СПб.], 1786). Кроме того, Грибоедов изучал «Книгу Большому Чертежу», в списке 1627 г. (СПб., 1792) — пояснительный текст к несохранившейся карте Московского государства, составленной, очевидно, в конце XVI в., и Всеобщий атлас, составленный Иорденом.

Все это свидетельствует о том, что Грибоедов ехал в Тавриду не туристом, как большинство его современников. Он знал историю края и понимал значение в европейской и русской истории этого многолюдного на протяжении веков перекрестка народов и рас. Его путевые записки обнаруживают пристальный взгляд исследователя, эрудицию ученого и глубокую увлеченность художника, умевшего в далеком прошлом черпать вдохновение. И хотя замыслы, ради которых была предпринята поездка в Крым, остались невоплощенными (см. письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 и 12 сентября 1825 г.), сама «полуденная земля» не ушла из памяти писателя. Скитаясь через два года в горах Кавказа вместе с воюющей русской армией, Грибоедов не раз вспомнил пленившие его места: «Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину», или: «К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен» («Эриванский поход» — наст. том, с. 336, 338).

Указатель литературы о современном писателю Крыме см.: *Маркевич А. И.* Taurica: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1908—1909. № 42—43; см. также: Перечень писем от жителя и помещика загорной стороны Таврической губернии // СП. 1828. № 41.

С. 322. *Салгир* — главная река Крымского полуострова, берет начало у северных склонов Крымских гор от подножия Чатыр-Дага, течет по степному Крыму и впадает в залив Сиваш.

Перовского дачка — имение «Кильбурун» в 10 верстах к югу от Симферополя (ныне возле пос. Пионерское), принадлежало Николаю Алексеевичу Перовскому (1784—1858), который был одно время губернатором Тавриды.

Чатыр-Даг (*татарск.*: Шатер-гора) — самая большая и одна из самых высоких гор в Крыму почти в центре полуострова.

...надгробные камни с чалмами.— По-видимому, имеется в виду одно из мусульманских кладбищ, где могилы знатных татар были обозначены узкой стелой, увенчанной мраморной чалмой.

Аянь (Аян, от Ай-Иоанн — Святой Иоанн, ныне Родниково) — во времена Грибоедова большая татарская деревня, расположенная на двух пригорках у подножия Чатыр-Дага; до 1778 г. была населена греками.

Источник Салгира — одна из достопримечательностей Крыма, находится в 20 верстах к югу от Симферополя в глубоком ущелье, где под сводами пещеры выходит на поверхность земли подземная река.

С. 322. *Темирджи* (Демерджи, *татарск.*: Кузнец-гора) — уго́льная гора северной части Крымской гряды, там, где цепь гор раздвигается и дает выход к морю; в результате воздействия влаги и выветривания на ней образовались многочисленные живописные фигуры.

Йайла (*татарск.*: плоскогорье) — плоская поверхность цепи Крымских гор на Таврическом полуострове.

...тут дача Офрена...— Имение «Енисала» графа В. Д. Офрена (Hoffréne), крымского чиновника и помещика, и его жены Екатерины Осиповны, хозяйки известного симферопольского салона, находилось в Ангарской долине (об Офренах см.: *Гераков Г.* Путевые записки по многим российским губерниям. 1820. Пг., 1828. С. 129).

Кизиль-Кобе (Кизил-Коба, *татарск.*: Красная пещера) — урочище в верховьях реки Салгир, названное, как и деревня и речка, именем знаменитой карстовой пещеры из шести ярусов, имеющих залы и галереи со сталактитами и сталагмитами, в нижнем ярусе течет подземная река. Грибоедов, судя по тексту, посетил пещеру Кизил-Коба, это подтверждает и «Путеводитель по Крыму» 1871 г.: «На сталактитовых колоннах высечено много имен посетителей. Между ними мы заметили имя известного нашего поэта А. С. Грибоедова...» (Путеводитель по Крыму для путешественников / Сост. М. Сосногорова. Одесса, 1871. С. 52).

Човки (Чавке, или Чавка) — деревня на дороге между Симферополем и Алуштой, первая почтовая станция от Симферополя (ныне Сорокино).

Алушта — селение на месте древнего города с крепостью Алустон (построена в VI в. н. э. императором Юстинианом), находится на водоразделе между южным и восточным побережьем Крыма; после постройки в 1824 г. дороги между Симферополем и Южным берегом — пункт первой почтовой станции на побережье, здесь было во времена Грибоедова несколько лавок, мечеть, таможня, почта, почтовая станция для смены лошадей, большая гостиница.

Малый Джанской (Кучук-Джанкой) — татарская деревня в 5 верстах к востоку от дороги Симферополь — Алушта.

Симферополь — с 1802 г. столица Крыма, административный центр Таврической губернии; название дано было городу после завоевания Крыма в 1783 г., по мнению И. М. Муравьева-Апостола, оно придумано митрополитом Евгением и означает «город пользы», «приносящий пользу», вместо прежнего татарского Ак-Мечеть (Белая Мечеть — в 1800-е гг. так называли старую часть города, сохранявшую татарский колорит).

С. 322. *Буюк Джанской* (*татарск.*: Большой Джанкой) — татарская деревня в 7 верстах к западу от дороги Симферополь — Алушта.

Альма — река, берущая начало на северных склонах Яйлы и впадающая в Черное море в западной части полуострова, севернее Севастополя.

Саблы (ныне пос. Каштановое) — деревня в 20 верстах от Симферополя в сторону Бахчисарая, возле нее меловая гора и одноименная речка, впадающая в Альму; в 1820-е гг.— имение Андрея Михайловича Бороздина (1765—1838), в 1810-х гг. губернатора Тавриды. На фасаде дома Бороздина в Саблах имеется мемориальная доска в честь пребывания там Грибоедова летом 1825 г.

С. 323. *Бахчисарай* (*татарск.*: Город Садов) — до последних лет существования Крымского ханства — его столица и резиденция ханов, находится в ущелье вдоль речки Чурук-Су и окружен белыми меловыми горами.

Каймак — топленные до густоты сливки с пенками, лакомство многих южных народов.

Паллас производит их от лигурийцев и греков...— Паллас Петр-Симон (1741—1811) — знаменитый путешественник и натуралист; в 1768— 1810 гг. жил в России, предпринял по заданию Российской Академии многие путешествия, результатом которых были многотомные ученые труды и обширные коллекции, составившие основу академической Кунсткамеры; с 1796 г. жил в Крыму, изучая климат юга России. Грибоедов знал книгу Палласа «Bemerkungen auf einer Reise in die s*ü*dlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs». Leipzig, 1799—1801 (на русском языке см.: *Паллас П. С.* Топографическое описание Таврической области. СПб., 1795); лигурийцами Грибоедов называет генуэзцев, живших в Крыму до конца XV в.: название происходит от имени древнего народа, населявшего в античную эпоху западный берег Средиземного моря, единственным городом лигурийцев была Генуя; по свидетельству античных авторов, лигурийцы были низкого роста, худощавы, но очень сильны; греки — выходцы из античной Греции, поселившиеся на Крымском полуострове в VII в. до н. э.

Гроты снеговые — по-видимому, пещера Суук-Коба (*татарск.*: холодная пещера) на горе Чатыр-Даг.

Судак (*татарск.*: водяная гора; другие названия — *греч.*: Солдая, Сугдея, *русск.*: Сурож) — древний город и крепость при нем на юге-восточном побережье полуострова, основанный еще античными греками, расположен на горе, изобилующей ключами и родниками.

Темирджи (Демерджи) — татарская деревня у подножия горы Демерджи, выше Алушты.

С. 323. *Корбе́к* (Корбеклы, ныне село Изобильное) — татарская деревня в южных предгорьях Чатыр-Дага, в 6 верстах выше Алушты.

Салтан-гора — небольшая гора среди отрогов Чатыр-Дага.

Касте́ль — невысокая гора к югу от Алушты, с развалинами древнего селения и крепости, еще заметными во времена Грибоедова.

Замок Алустон в развалинах...— Грибоедов мог видеть развалины стен и трех башен древней крепости.

Шумы (Шума, Шули) — деревня выше Алушты, славившаяся своими садами.

Бешмы (Бешуй или Бешев, *татарск.*: Пять Жилищ) — деревня неподалеку от Алушты.

С. 324. *Севастополь* — город на юго-западном побережье Крыма, основан на месте деревни Ахтиар на берегу Ахтиарской (ныне Севастопольской) бухты вскоре после завоевания полуострова в 1783 г. как гавань для строившегося Черноморского флота.

Козлов (Гезлев, ныне Евпатория) — город на западном берегу Крыма на месте древних поселений.

Зуя — деревня к востоку от Симферополя на феодосийской дороге, на одноименной реке, была населена татарами и русскими.

Карасу-базар (*татарск.*: Рынок на Черной воде, ныне Белогорск) — город в 40 верстах к востоку от Симферополя, самый населенный в Крыму в начале XIX в., центр религиозной общины караимов.

Перекоп — перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком, в древние времена его пересекал глубокий ров и охраняли от набегов врагов мощные укрепления.

Св<ятой> Нос (Святой мыс, *татарск.*: Айя-бурун) — мыс, завершающий с запада бухту Ласпи.

Балаклава — город на западном берегу Крыма недалеко от Севастополя, возле круглой удобной гавани; древнее поселение, называвшееся: Символон — у античных греков, Цембало, Чембало — у генуэзцев, Ямболи, Ямболо — у греков, поселившихся в этих местах при Екатерине II.

...точно между Обсерваторией и Горным Корпусом.— Изгиб морского берега от Алушты до Судака напомнил Грибоедову очертание левого берега Васильевского острова в Петербурге, который он наблюдал сверху, с Ростральной колонны на Стрелке Васильевского острова, перед отъездом в Киев и Крым (см. письмо к С. Н. Бегичеву от 12 сентября 1825 г.).

С. 324. *Кара-Даг* (*татарск.*: Черная гора) — застывший вулкан возле деревни Коктебель (ныне пос. Планерское) в западном Крыму.

С. 325. *Эфенди* — почтительная форма обращения в некоторых мусульманских странах, в частности, к лицам, находящимся на службе (государственной, духовной и т. п.).

Мыс — видимо, мыс Плака.

Кучук-Ламбат (ныне пос. Кипарисное) — деревня у подножия мыса Плака на самом берегу Черного моря, расположена на месте древнего греческого поселения Лампат, или Лампас (светильник); здесь была дача А. М. Бороздина, известная всем приезжавшим на Южный берег, на ней Грибоедов гостил день и ночевал 28 июня 1825 г.

Аю-Даг (*татарск.*: Медведь-гора) — самая знаменитая гора Крымского побережья, спускающаяся к морю тремя каменными мысами. Грибоедов видел еще на вершине горы развалины древних укреплений; в настоящее время многие ученые считают более правильным название древних — Ай-Даг (Святая гора), это место считалось священным как у древних тавров (здесь находился их знаменитый Храм Девы), так и у более поздних народов, населявших Крым.

Кизильташ (Кизилташ, *татарск.*: Красный Камень, ныне пос. Краснокаменка) — деревня, название которой произошло от скалы красновато-охристого цвета неподалеку от нее.

Выдубец (Выдубичи) — урочище близ Выдубецкого монастыря на берегу Днепра, немного ниже Киева. Грибоедов побывал там во время поездки в Киев.

Парфенит (*греч.*: Партенит) — деревня у подножия Аю-Дага с восточной стороны на месте древней крепости и большого средневекового торгового города, Страбон называл его Парфенион, у генуэзцев он назывался Фьоренте.

...участок Олизара...— Имеется в виду имение Артек (*татарск.*: Перепелка) у западного подножия Аю-Дага, принадлежавшее графу Г. Ф. Олизару (1798—1865) — общественному деятелю, связанному с польскими политическими кругами и русскими тайными обществами; Грибоедов, по-видимому, не встретился с Олизаром, когда путешествовал по Южному берегу, о том свидетельствует хозяин Артека, писавший позднее в воспоминаниях: «В этой поэтической, но вполне пустынной местности я провел два года в совершенном почти одиночестве, ибо кроме близкого соседа Бороздина и навещавших меня по временам графов Воронцовых никого в своем доме не принимал» (РВ. Т. 228, 1893, № 9. С. 108). Они встретились в Одессе в июне 1825 г.

С. 325. *Утес Юрзуфский* — скала Горзувита возле деревни Гурзуф с остатками древней крепости, построенной в VI в. н. э. римским императором Юстинианом.

Вид с галереи — вид с террасы дома герцога Ришелье, принадлежавшего в 1825 г. М. С. Воронцову, губернатору Новороссии, в котором по традиции, заведенной его первым владельцем, останавливались все нуждавшиеся в отдыхе и приюте путешественники.

...кипарисники возле балкона...— Речь идет о молодых кипарисовых деревьях, росших возле самого дома Ришелье (о них же писал А. С. Пушкин, живший в том же доме в августе 1820 г., брату Л. С. Пушкину 20 сент. 1820 г.); кипарисовых деревьев в Крыму 1820-х гг. было мало, потому Грибоедов каждый раз, встречая, упоминает о них.

...прямо против галереи Аю и впереди его два голые белые камня.— Имеются в виду гора Аю-Даг и скалы Адалары, торчащие в море возле деревни Гурзуф.

Манто (в первой публикации ошибочно: Монта) — управляющий гурзуфским имением М. С. Воронцова.

Гаспринский мыс — мыс Ай-Тодор между Гурзуфом и Ялтой.

С. 326. *Ник<итский> сад* — ботанический сад, основан в 1812 г. Х. Х. Стевеном, был одной из главных достопримечательностей «нового Крыма».

Rus delphinius — растение, русское название: шпорник, или живокость.

Ширван — феодальное мусульманское ханство в Северном Азербайджане, с 1813 г. по Гюлистанскому договору входило в состав России; Грибоедов неоднократно бывал в Ширване.

Дерекой — татарская деревня возле Ялты на берегу одноименной речки, ныне в черте города.

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — государственный и общественный деятель.

Ялта — в 1820-е гг. небольшая деревня на месте оживленного в древние и средние века города Джалита (Ялита), здесь были карантин и почтовая станция.

Никита — деревня к северо-востоку от Ялты.

Запущенные и оброшенные сады греков... — Чтобы ослабить Крымское ханство, крымские греки были выселены из Крыма русским правительством в 1778 г. на специально выделенные им территории у берегов Азовского моря.

Аутка — деревня, расположенная в полутора километрах выше Ялты, была населена греками.

С. 326. ...*Водопады Ялты.*— По-видимому, речь идет о водопаде Учан-Су и о ручье, которые низвергаются со скалы, где находилась крепость Учансу-Исар, неподалеку от водопада.

Никита-бурун — мыс, на котором расположен Никитский ботанический сад.

Урьянда (Ореанда) — селение, расположенное к западу от Ялты.

Нос Ай-Тодор — Гаспринский мыс, Ай-Тодор.

Гаспри (Гаспра), *Хурсис* (Кореиз), *Мускор* (Мисхор) — селения между Ялтой и Алупкой.

...*земляничный лес на Яйле*...— Грибоедов имеет в виду заросли земляничного дерева (Arbutus anolrachne), декоративного вечнозеленого растения с красными ветками и стволом, семейства вересковых, встречающегося на южных склонах Крымских гор.

Алупка — большая татарская деревня в 40 дворов с мечетью.

...*впереди два кипарисника*...— два огромных кипариса, посаженных в парке по приказу Г. А. Потемкина, ровесники путешествия в Крым Екатерины II (1787 г.) и родоначальники всех кипарисов в Крыму. (Строительство алупкинского дворца в 1825 г. еще не начиналось.)

С. 327. *Симеис* (Симеиз) — деревня в пяти верстах к западу от Алупки, принадлежала Д. В. Нарышкину и Ф. Д. Ревельоти (см. наст. том, с. 597).

Коурме — татарское кушанье.

...*береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк*...— Речь идет о балаклавском греческом батальоне (в 1797 г. преобразованном из греческого Морского корпуса), который нес службу охраны крымского побережья, очередь каждого солдата быть в карауле на одном из 21 береговых кордонов наступала через четыре месяца, остальное время солдаты были свободны и обрабатывали землю, предоставленную батальону правительством. Упразднен в 1860 г.

Кукунейс (*татарск.*: Кикинеис, ныне пос. Оползнево) — деревня к западу от Симеиза, знаменитая опасными горными подходами к ней, отмеченными большинством путешествовавших в Тавриду.

Кучук-Кой (*татарск.*: Малая Деревня) — деревня к западу от Симеиза, ныне пос. Бекетово.

...*обвал от землетрясения*...— В 1786 г. в результате сдвигов горных пород образовался провал в версту шириной, куда ушла и была засыпана камнями часть деревни Кучук-Кой, этот каменный поток виден и сейчас, а Грибоедов застал еще сухие вершины деревьев на месте погибших домов и садов.

С. 327. *Форус* (Форос) — мыс к западу от Симеиза и деревня на нем того же названия.

Пшетка (Пшатка, Мшатка) — деревня, принадлежавшая Д. Е. Башмакову, по пути из Симеиза в Фо́рос и почтовая станция в ней.

...красноречивые страницы Муравьева...— Имеется в виду описание подъема на Мердвень в кн.: Путешествие по Тавриде И. Муравьева-Апостола в 1820 году. СПб., 1824.

Мердвень (*татарск.*: Шайтан-Мердвень — Чертова лестница) — знаменитая нерукотворная каменная лестница протяженностью около 600 м, идущая по обрыву в горной расселине от подошвы до вершины Яйлы неподалеку от Фороса; с древних времен на протяжении веков Мердвень была единственной дорогой с гор на Южный берег Крыма; одно из самых знаменитых мест Тавриды, многократно описанное путешественниками.

Паллас прав насчет лицеочертаний...— Паллас находил, что жители деревень Кикинеиза, Лимены и Симеиза отличаются от прочих обитателей Крыма формой лица (см.: *Pallas*. Bemerkunger auf einer Reise... T. II. Leipzig. S. 127).

Байдарская долина — долина на западном плоскогорье Крымских гор, много раз описанная путешественниками, одно из самых знаменитых мест Тавриды.

Куткашинская — долина в предгорьях Большого Кавказа на территории нынешнего Азербайджана.

Мискомия (*татарск.*: Кучук-Мискомия) — большая татарская деревня в Байдарской долине по пути в Балаклаву.

...где была разбита палатка для Екатерины...— Во время своего путешествия в Тавриду в 1787 г. Екатерина II посетила Байдарскую долину и любовалась Южным побережьем Крыма, не спускаясь с гор, с обрывистого края Яйлы, обращенного в сторону моря.

Узен, Узень (*татарск.*: Ручей, ныне Черная) — речка, текущая по Инкерманской долине с западного склона Крымских гор.

Бельбек (*татарск.*: Хребет) — речка в Инкерманской долине, текущая в узкой лощине, где находится одноименная деревня, и впадающая в море севернее Севастополя.

Комара, или *Карловка* — татарская деревня Чоргуны, знаменитая средневековой постройкой неизвестного происхождения — двенадцатиугольной каменной башней; здесь была дача ученого ботаника Карла Габлица (1752—1821), ему же принадлежала часть деревни, возможно, поэтому в XIX в. деревню стали называть Карловка.

С. 327. *...полуостров, которого две оконечности — Севастополь и Балаклава.*— Греки называли полуостров, расположенный между Севастопольским и Балаклавским заливами, Гераклийским, имя ему, по преданию, дали переселенцы и Древней Греции, называвшие себя ираклийцы понтийские.

С. 328. *...замок и башни древнего Чемболо...*— Имеются в виду древние постройки Балаклавы (см. выше).

Кадикой — греческая деревня в трех верстах от Балаклавы, ныне Пригородное.

Ревельот (Ревельоти) Федор Дмитриевич — полковник, командир Балаклавского греческого батальона, грек по национальности, житель Балаклавы.

Макрель — маленькая рыбка, род сардины.

Кефала, кефаль (от *греч.*: голова) — черноморская рыба.

Корани — греческая деревня к северо-западу от Балаклавы.

Хутор монастырский ∾ налево новая колокольня св. Георгия...— Имеется в виду древний Георгиевский монастырь, оплот христианства в Крыму, располагался на мысе Фиолент на крутом обрывистом берегу моря, хутор — в степной части полуострова; в начале XIX в. все старые постройки монастыря были разобраны и заменены новыми, в том числе церковь XII в. и колокольня св. Георгия.

Царьград — древнерусское название города Константинополя (ныне Стамбул, столица Турции).

Криуметопон (*греч.*: Бараний лоб).— Этим именем древнегреческие ученые, и Страбон в частности, называли самый южный мыс Таврического полуострова, однако не установлено, какой мыс имелся в виду; в новейшие времена многие путешественники и ученые считали Криуметопоном мыс Ай-Тодор, И. М. Муравьев-Апостол присвоил это название горе Аю-Даг, дав ей новое имя — «Баранья голова» (см. *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде... С. 11), Грибоедов, полемизируя с Муравьевым, находил, что больше всего соответствует этому понятию мыс Айя, замыкающий с запада бухту Ласпи.

С. 329. *Митрополит из Кефалоники* — лицо не установлено.

...дом Снаксарева (в первой публикации ошибочно: Снакмарева).— Дом генерала Снаксарева находился на высокой северной стороне Севастопольской бухты, на крыше его была башня оптического телеграфа.

Инкерман (*татарск.*: Пещерный Город; ныне — Белокаменск) — город с крепостью севернее Севастополя, основан античными греками (под названием Дори, Дорас; в средние века —

Феодори); гора, на которой находится крепость, вся изрыта пещерами — здесь поселялись в первые века н. э. ссыльные христиане со всех концов Римской империи; во II—III вв. н. э. здесь нашли приют гонимые ариане (одно из средневековых еретических движений), позднее основан монастырь, существовавший до XVII в. Во времена Грибоедова в горе еще можно было видеть кроме пещер две высеченные в камне церкви с остатками стенных росписей.

С. 329. *Ктенус* — так Страбон называл одну из гаваней древнего Херсонеса. М. И. Муравьев-Апостол полагал, что это название современной ему Северной, или Ахтиарской, бухты. Грибоедов разделяет эту точку зрения и рисует местоположение Севастополя (между Южной и Артиллерийской бухтами), ориентируясь на Северную (ныне Севастопольскую) бухту.

Балки — пригород Севастополя в районе Черной речки, где были одни сады, без жилья.

Александр — Грибов Александр Дмитриевич, слуга Грибоедова.

С. 330. *Готфы* (готы) — древний народ германского происхождения; во второй половине II в. н. э. началось движение готов на юг, они достигли Черного моря и укрепились в горной части Крыма между Судаком и Балаклавой; эта часть полуострова носила в средние века название Готии, или Готфии, под этим именем Южный Крым вошел в историю церкви, до 1786 г. существовал титул митрополита Готфского.

Епископ Ульфила (Вульфила, церковное имя — Феофил) — первый епископ готов (ок. 311—381 или 383), ревностный проповедник христианства, переводчик Священного писания на язык готов, для чего создал азбуку и изобрел готскую письменность.

Не здесь ли Владимир построил церковь? — Великий князь Владимир Святославович крестился в Херсонесе в 988 г. и, по летописному преданию, построил в память этого события церковь; еще в середине XIX в. на холме в Херсонесе сохранялись развалины этого древнего священного храма: «...ясно обозначены были стены святилища и место олтаря, ознаменованное крестом... показывают посреди храма углубление купели...» (*Муравьев Андр. Н.* Впечатления Украйны и Севастополя. М., 1859. С. 57).

«Корсуняне подкопавше стену градскую ~ и воины Владимировы присыпаху более».— Цитата из летописи с описанием взятия воинами Владимира древней Корсуни (см.: Софийский временник. Ч. I. М., 1820. С. 78; книга была у Грибоедова с собой во время путешествия по Крыму).

Корсунь — древнерусское название Херсонеса.

С. 332. *Bâtisses cyclopéennes* — так называемая «циклопическая кладка», один из известных в Крыму способов кладки стен из огромных камней без скрепляющего состава.

Учкуй — деревня в четырех верстах от Севастополя по дороге через Бельбек в Симферополь.

Кача — река, стекающая с северных склонов Крымских гор и впадающая в море севернее Севастополя.

Дуван-Кой — татарская деревня к востоку от Севастополя, ныне Верхне-Садовое.

Мангупская гора — гора примерно в 30 верстах к востоку от Севастополя, на плато которой в XIV—XV вв. находился город Мангуп — столица княжества Феодоро. С трех сторон обрывистые стены ее образовали естественные укрепления, а с запада вход на плато был прегражден стенами. Помимо большого наземного города в Мангупе существовал пещерный город с выходами на террасы вдоль стен, с залами, переходами под землей, подземной церковью. Остатки всего этого Грибоедов видел.

Кара-Илаз (*Кара-Ильяз,* Каралез, *татарск.*: Черный Илья) — в Каралезской долине севернее Мангупа — река и три деревни этого имени: Верхний, Средний и Нижний Кара-Илаз.

Суук-Су (*татарск.*: Холодная вода) — речка, ручей.

Ходжа-Сала (Каджа-Сала) — ущелье, со стороны которого идет единственная дорога на Мангуп, в нем деревня того же названия.

С. 333. *Жидовское кладбище* — караимское кладбище в ущелье Ходжа-Сала при въезде в Мангуп, где Грибоедов видел могильные плиты с надписями XIII в.

Хан-сарай (*татарск.*: Ханский дворец) — ханский дворец в Бахчисарае, построен в XVI в., разрушен при захвате города русскими войсками в 1737 г., восстановлен к приезду в Крым Екатерины II в 1787 г. В начале XIX в. во дворце останавливались знатные путешественники.

Мавзолей Грузинки — мавзолей возлюбленной хана Гирея Дилары Бикеч, построен в 1764 г.

Азис — предместье Бахчисарая, где сохранялось несколько памятников татарского средневековья, ныне в черте города.

Чурук-Су (*татарск.*: Гнилая вода) — речка, по берегам которой расположен город Бахчисарай, вода ее не пригодна для питья.

...справа монастырь навис под горою...— Имеется в виду Успенский монастырь, вырубленный в скалах в средние века; в нача-

ле XIX в. существовал как скит, в 1820-е гг. при монастыре оставалась чета стариков-греков, живших в маленькой келье, прилепившейся к скале высоко над землей.

С. 333. *Иосафатова долина* — долина к юго-востоку от Успенского монастыря, где находилось кладбище караимов — членов секты татар иудейского вероисповедания; они, сохранив обычаи и образ жизни татар, были верны закону Моисея, признавая только Библию и отвергая Талмуд и другие ее толкования.

Чуфут-Кале (древнее название: Кирк, Кирк-Ор) — город в предместье Бахчисарая, на вершине крутой каменной горы того же названия. В древности и в средние века — одна из самых неприступных крепостей Крыма. В XIX в.— мирный город, в котором обитало несколько сот караимских семей.

...Тепе-Кермен с пещерным его венцом...— гора с тремя вершинами, на которой сохранялись остатки бывшей здесь некогда крепости, и с обширным пещерным городом со многими этажами хорошо сохранившихся пещер.

С. 334. *Татар-Кой* — татарская деревня на берегу реки Качи, неподалеку от которой была дача Офренов (см. выше).

...между Салгиром и Касили-Узенем...— Грибоедов имеет в виду главную гряду Крымских гор между реками Салгиром и Черной речкой (Казикли-Узень — татарское название Черной речки).

Ахмечет (Ак-Мечеть, *татарск.*: Белая мечеть) — название старой части Симферополя.

Лангов хутор — в трех верстах от Симферополя по дороге на Бахчисарай владение симферопольского врача и помещика П. И. Ланга (ум. не ранее 1854).

Крестьяне в Саблах выведенцы из России.— Саблы было первым крымским имением, образованным по русскому типу его первым владельцем и первым таврическим губернатором В. В. Каховским; здесь были молочные фермы, поля и угодья, доходный сад и огород, суконная фабрика, жили и работали крестьяне, переселенные из России хозяевами усадьбы.

Султан — Султан Крым-Гирей Александр Иванович, татарин по происхождению (его магометанское имя Казы Гирей), с детства обращенный в протестантство и воспитанный в Англии; писатель и общественный деятель Крыма, знаток истории и культуры края, ему обязаны своим спасением остатки Неаполя Скифского возле Симферополя.

Ирландский проповедник Джемс — видимо, гость А. М. Бороздина и знакомый А. И. Султан Крым-Гирея.

Карагач — селение на берегу Альмы.

С. 334. *...сад Чернова на Алме же...*— Имеется в виду великолепный фруктовый сад у маленькой деревни Кобаза в долине реки Альмы, в трех верстах от имения Саблы.

Бодрак — маленькая речка к юго-востоку от Бахчисарая, приток Альмы.

Н. Т.

<ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ>

(с. 335—336)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 15—16, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

Публикатор Черновой тетради Д. А. Смирнов сообщил, что «в „Черновой" Грибоедова находится не вполне исписанный почтовый лист, не принадлежащий, как видно с первого же взгляда, к путевым запискам, стало быть такой, которому, в строгом смысле, не следовало бы давать места в отделе путешествий» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 15). Однако, поскольку лист этот «содержит в себе несколько отдельных замечаний, касающихся Грузии и Кавказа», то публикатор поместил его вслед за отдельными записями 1822 г.

Н. К. Пиксанов опубликовал эти записи непосредственно вслед за путевым дневником от Моздока до Тифлиса и датировал, таким образом, 1818 г. (см.: ПССП. Т. III. С. 33—34). В составе путевого дневника от Моздока до Тифлиса эти записи печатаются и в последующих изданиях Грибоедова. Однако здесь упомянуты места, находящиеся в восточной части Кавказской линии, на границе с Дагестаном. Грибоедов не мог посетить их в 1818 г., когда ехал по Военно-Грузинской дороге. Он побывал здесь в декабре 1825 г., совершив поездку с А. П. Ермоловым (см.: ПССП. Т. III. С. 371). К этому времени, по всей вероятности, и относятся эти заметки.

С. 335. *Шелкозаводск* (ныне Шелковская) — станица на Тереке, на границе с Дагестаном, приблизительно в 300 км к востоку от Моздока. Грибоедов бывал в этих краях в декабре 1825 г. (см.: ПССП. Т. III. С. 371).

Гребенцы — гребенские казаки, произошли от донских казаков, часть которых в XVI в. переселилась на Кавказ и обосновались в

Гребнях на р. Акташе. Позднее под натиском горцев гребенцы отошли к Тереку. Их регулярная служба русскому правительству началась при Петре I. В 1819 г. Ермолов подчинил их регулярным войскам, назначив вместо атамана своего офицера. В мирное время гребенские казаки занимались виноделием, рыболовством и шелководством.

С. 335. *Даданиурт* (вероятно, Дадаюрт) — один из главных чеченских аулов на Тереке. В 1819 г. был разрушен отрядом русских войск генерала Сысоева.

Андреевская — селение Андреево, на р. Акташе, возле крепости Внезапной, заложенной А. П. Ермоловым в августе 1819 г. (см.: Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии // РВ. 1863. Т. 48. Ноябрь. С. 264, 297).

Цицианов Павел Дмитриевич (1754—1806) — генерал от инфантерии, принадлежал к грузинскому княжескому роду Цицишвили. Служил в русской армии на Кавказе при Екатерине II. С 1802 г. назначен главнокомандующим в Грузии и астраханским военным губернатором. Присоединил к России Дагестан и часть Каспийского побережья, а также ряд областей Закавказья. Погиб во время экспедиции против Баку.

Царь Ираклий II (1744—1798) — первоначально князь Кахетии, с 1760 г. соединил под своим владычеством царства Кахетинское и Картлинское. В 1783 г. заключил договор с Россией, признав себя ее вассалом. При его сыне Георгии XIII Грузия была полностью присоединена к России.

А. А.

<ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД>

(с. 336—342)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. Май. № 5. С. 35—41, по Черн. тетр.

Печатается по тексту первой публикации.

16 июля 1826 г. персидская армия вторглась в пределы России и началась русско-персидская война 1826—1828 гг. В ее процессе главнокомандующий А. П. Ермолов был уволен в отставку 29 марта 1827 г., а на его место назначен И. Ф. Паскевич (см.: Грибоедов-дипломат. С. 76—86). В апреле 1827 г. войска Кавказского корпуса, начав общее наступление, заняли Эчмиадзин и блокировали

Эривань. В начале июня к осаждавшим подошли главные силы под командованием И. Ф. Паскевича. Однако 19 июня главные силы двинулись дальше, к р. Араксу, оставив возле Эривани отряд генерала Красовского (Семенов. С. 116). Эривань была взята штурмом лишь 1 октября 1827 г. после восстания ее жителей против персов (там же. С. 117).

«В мае 1827 г.,— отмечает Д. А. Смирнов,— Грибоедов выступает вместе с генералом Паскевичем в персидский (эриванский) поход, начинает с самого дня отъезда из Тифлиса писать беглые, перечневые путевые заметки и прерывает их тогда, когда дела становятся интересны — как вообще, так и в частности, по отношению к Грибоедову, человеку, который был именно драгоценен графу Паскевичу, как хорошо знавший персиян, их язык и находившийся в близких, можно сказать, дружественных связях с главным тогдашним военным и политическим со стороны Персии деятелем — принцем Аббас-Мирзою. Причина, почему этот дневник порван (прерван? — *Ред.*), очень ясная: Грибоедову в то время стало не до заметок, не до занятий самим собою,— нужно было дело делать, а записывать о деле было уже некогда» (РСл. 1859. Май. № 5. С. 34). В июле 1827 г. после ряда побед русской армии (взятие Нахичевани, Аббас-Абада) Паскевич поручил Грибоедову вести с Аббас-Мирзой переговоры о перемирии на условиях, выработанных в Петербурге (см.: Семенов. С. 116—117).

С. 336. *Бенкендорф* Константин Христофорович (1785—1828) — брат А. X. Бенкендорфа. Участвовал в русско-персидской войне, с марта 1827 г. командовал авангардным отрядом под Эриванью, затем вместе с И. Ф. Паскевичем участвовал во взятии Аббас-Абада, Сардар-Абада и Эривани. По свидетельству Н. Н. Муравьева, К. X. Бенкендорф, как человек придворный, тяготился пребыванием в действующей армии. Отношения его с Паскевичем были напряженными, и в 1827 г. он вернулся в Петербург «очень недовольный Паскевичем» (РА. 1889. Кн. 2. С. 555—556).

Сейд-Абад — предместье Тифлиса.

...при проезде генерала гремят в бубны.— Речь идет о главнокомандующем Кавказской армии генерале И. Ф. Паскевиче.

Акзибегок (Акзибеюк, ныне Степанован) — гора в Борчалинском уезде на пути к Джелал-оглы.

Коди — селение в Тифлисском уезде.

Серван — селение в Борчалинском уезде, вторая станция от Тифлиса к Елизаветполю.

Храм — река, приток Куры.

С. 336. *Шулаверы* — город, центр Борчалинского уезда.

Шулаверка — река Шулавер-чай.

Салгирская долина — долина р. Салгир у подошвы Чатыр-Дага.

Лалавер (Медная гора) — см. наст. том, с. 582.

Чатыр-Даг — гора в Крыму, см. наст. том, с. 589.

Бабий мост (Ахкерпи, Белый мост), *Самийский погост* (пост) — как и находящийся неподалеку Акзибеюкский пост, были учреждены на этом месте дороги, как наиболее опасном и трудном.

Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.— Речь идет о болезни Паскевича. Н. Н. Муравьев в своих «Записках» рассказывает, что постоянное раздражение и частые приступы «исступления», характерные для Паскевича, привели к обострению желчной болезни, «с коею он через несколько дней своего пребывания в Шулаверах и выехал в Джелал-Оглу. По прибытии в лагерь за Бабьим Мостом болезнь его усилилась до такой степени, что к ночи, казалось, уже было мало надежды к его выздоровлению» (Воспоминания 1980. С. 58). Муравьев «вместе с Грибоедовым, который был ему родственником», старались помочь Паскевичу.

Волчьи ворота — перевал через гору Акзибеюк на высоте 1771 м.

Крестовский остров — один из островов Петербурга, в дельте Невы.

С. 337. *Крутой спуск в овраг каменной речки.*— Вероятно, речь идет о реке Каменка, пересекавшей путь следования возле крепости Джелал-Оглы.

Карапапахцы (карапапахи) — одна из небольших этнографических групп азербайджанцев, живущая в Азербайджане, Иране, Турции (см.: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... // Живая старина. Вып. III—IV. 1896. С. 413—414).

Пускаюсь к развалинам Лори в 3-х верстах от лагеря.— Имеется в виду Лори — крепость, в настоящее время селение в Борчалинском районе, в прошлом (VIII—XII вв.) центр пограничной грузино-армянской области Лори-Ташира, находившейся в вассальном подчинении армянской столицы Ани. По свидетельству Д. А. Смирнова, «крепость Лори <...> в большом упадке, но еще держится и в последнюю персидскую войну служила убежищем для всех окрестных жителей» (РСл. 1859. № 5. С. 110).

Тебеде (Дебеде, или Дебед-чай, иначе Бамбак-чай) — река, приток реки Храм.

Трапезонд (Трепезунд, ныне Трабзон) — турецкий порт на Черном море, в XIII—XV вв. столица Трепезундской империи, грече-

ского государства на южном берегу Черного моря. Грибоедову могла быть известна «История Трапезундской империи», написанная немецким историком Фальмерайером и изданная в Мюнхене в 1827 г.

С. 337. *...династия Таи, от 8 до 12-го столетия...*— Речь идет о правителях Лори-Тамирского царства из рода Багратидов-Квирикидов, которые распространили свою власть на соседнюю провинцию Тао-Кларджетия (управляемую с VII в. родственниками лорийских Квирикидов). Присоединив провинцию Тао (Тайк), правители Лори прибавили к своему титулу имя Таи (см.: Ениколопов. С. 77).

Письма Игурлехана.— Угурлу-хан Гянджийский накануне персидской войны находился на службе у шаха. Осенью 1826 г. во время сражения под Елизаветполем он был взят в плен и оказывал большое содействие русской армии.

С. 338. *Приезд Обрескова.*— А. М. Обресков, чиновник Министерства иностранных дел, был прислан из Петербурга в распоряжение Паскевича для ведения дипломатических переговоров. Позднее, после занятия русскими Тебриза (13 октября 1827 г.), Обресков вел переговоры с каймакамом Абуль-Касимом и выдвинул предварительные условия России для ведения мирных переговоров. В ноябре 1827 — январе 1828 г. Обресков вместе с Паскевичем и Грибоедовым участвовал в переговорах с персами в Дех-Карганэ, на которых обсуждались условия заключения мира (см.: Семенов. С. 120—121).

Тепе-Кермен — гора близ Бахчисарая, на которой находятся развалины пещерного города того же названия.

Безобдал — см. наст. том, с. 582.

Кишлаки — селение на пути между г. Караклисом и Амамлы (см. ниже).

Аббас-Кула — Аббас-Кули Бакиханов (1794—1847), азербайджанский поэт и историк, знаток восточных литератур; служил при дипломатической канцелярии и участвовал во всех русско-персидских переговорах как главный переводчик. Грибоедов постоянно общался с Бакихановым и был обязан ему многими сведениями о восточных литературах. Бакиханов, по-видимому, послужил прототипом главного рассказчика в задуманной В. К. Кюхельбекером поэме о Грибоедове (см.: Кюхельбекер 1967. Т. I. С. 347—349; см. также: *Попов А. В.* Бакиханов и Кюхельбекер // Учен. зап. Ставропол. гос. пед. ин-та. 1951. кн. VII. С. 181—189); *Якубова М. А.* Грибоедов и его азербайджанское окружение // Проблемы творчества. С. 262—266).

Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге.— «Согласно распоряжения Паскевича было сформировано среди грузин опол-

чение, в которое вошло из каждого уезда определенное количество ратников. Распределение командных должностей вызвало большие осложнения и положило начало распрям, продолжавшимся и в походе» (Ениколопов. С. 77).

С. 338. *Мавзолей Монтрезора* — гробница майора Монтрезора, воздвигнутая возле селения Амамлы. Посланный во главе отряда в 100 человек за провиантом во время Эриванской экспедиции 1804 г., он подвергся нападению неприятеля и погиб, сопротивляясь до последней возможности.

Амамлы — селение и станция на тракте от Тифлиса в Александрополь, или Гумри.

Памва (Памб) — гора между Безобдалом и Алагезом.

Бамбахская долина, расположенная на возвышенности, входила тогда в Памбахскую дистанцию Грузии.

Алагез — высочайшая гора Малого Кавказа в Армении, 4095 м над уровнем моря.

Завтрак у Раевского.— Речь идет о Николае Николаевиче Раевском-младшем (1801—1843), сыне известного героя 1812 г. генерала Н. Н. Раевского. Раевский-младший участвовал мальчиком в Отечественной войне, был другом Пушкина и многих декабристов. По подозрению в принадлежности к тайным обществам был арестован 19 декабря 1825 г., но в январе 1826 г. освобожден с оправдательным аттестатом. С 1826 г.— командир Нижегородского драгунского полка, с которым участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах 1828—1829 гг. В 1829 г. получил чин генерал-майора, но вскоре был отрешен от службы за излишнюю близость с подчиненными ему ссыльными декабристами и лишь в 1831 г. назначен состоять при кавалерии. Уволен в 1841 г. (см. о нем: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 153—154; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 362—363).

Судогент — селение.

Артемий Араратский — уроженец армянского села Вагаршапат, живший в конце XVIII — начале XIX в. Он в молодости покинул свою родину, много путешествовал, занимался самообразованием. Описал свою жизнь в книге, переведенной им затем с армянского на русский язык и изданной в Петербурге в 1813 г.: «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапет, близ горы Арарата, и приключения, случившиеся с ним от младенчества до совершенных лет, удаление его из своего отечества в Грузию, оттуда в Россию, потом в Персию и, наконец, возвращение обратно в Россию через Каспийское море, с описанием многих любопытных предметов, находящихся в его стороне и прочих местах Персии, с приложением шести гравированных эстампов,

изображающих виды городов персидских». Н. Н. Муравьев в своих «Записках» упоминает Артемия Араратского, говоря о его странностях и о том, что под старость он возвратился на родину, «поселился в монашеской келье, где занимался» (РА. 1891. Т. III. С. 221).

С. 338. *Аштарак, Аштараки* — селение в пятнадцати километрах от Эривани, славилось виноградниками.

Селение принадлежит матери Хосро-Хана.— О Хосров-Хане см. наст. том, с. 573.

С. 339. *Гассан-Хан* — брат сардара Эриванского Гуссейн-Хана (см. о нем наст. том, с. 566), ему была поручена оборона Эривани.

Султан Шадимский (Шамшадильский) — один из крупных феодалов Эриванского ханства, правитель дистанции Шамшадиль.

Мехти-Кули-Хан перешел к нам с 3000 семействами.— Карабахский правитель Мехти-Кули-Хан перешел по Гюлистанскому договору 1813 г. под русское владычество. Имел чин генерал-майора. В 1822 г. из-за недовольства жителей его управлением и страха понести ответственность за растрату казенных денег бежал в Персию. В 1827 г. вновь перешел на сторону русских, так как при активном участии Грибоедова ему было обещано прощение и вновь управление Карабахом (см.: Попова. С. 104, 112; Ениколопов. С. 78—79; Шостакович. С. 106—108). Во время переговоров с Аббас-Мирзою летом 1827 г. Грибоедов использовал факт перехода Мехти-Кули-Хана на русскую сторону как показатель сильного русского влияния среди подвластных Персии народностей (см. донесение Грибоедова Паскевичу от 30 июля 1827 г.).

Вальховский с колокольни видит пыль вдали.— Речь идет о Владимире Дмитриевиче Вольховском (1798—1841), товарище Пушкина по Царскосельскому лицею, после окончания которого он пошел в армию. Был членом ранних декабристских организаций: «Священной артели», Союза спасения и Союза благоденствия. Привлекался по делу декабристов и в 1826 г. был переведен на Кавказ состоять при Паскевиче. Участвовал в русско-персидской войне. С 1828 г.— полковник, с 1831 г.— генерал-майор (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. С. 77; Декабристы: Биографический справочник. С. 44—45; *Шадури В. С.* Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В. Дм. Вольховском. Тбилиси, 1979).

Гераклеева (Ираклиева) *гора* — находится в окрестностях Эривани, названа в честь Ираклия II, царя Кахетии и Карталинии,

который в 50—90-х гг. XVIII в. распространял свою власть и на все Эриванское ханство.

С. 339. *Фальшфейер* — картонная гильза, наполненная пиротехническим составом, дающим яркое пламя, используемое для освещения и сигнализации.

Адриан — римский император (117—138), в самом начале царствования отказался от завоеваний своего предшественника Траяна — Месопотамии, Ассирии и Армении.

С. 340. *Обед у Красовского...*— Речь идет об Афанасии Ивановиче Красовском, генерал-лейтенанте, начальнике 20-й пехотной дивизии, переведенной на Кавказ в 1826 г. для усиления Кавказского корпуса. Участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах 1827—1829 гг. Вследствие интриг Паскевича был отстранен в 1828 г. от командования дивизией. См. о нем «Записки» Н. Н. Муравьева-Карского (РА. 1889. Кн. 3. С. 81—83).

Кольбелей (Кельбали)-*Султан* — местный уроженец, перешедший на сторону русских. Позднее ему было поручено сопровождать тело Грибоедова до Нахичевани (Ениколопов. С. 79).

Курганов (Корганов) Осип Иванович — поручик, армянин по национальности. В русско-персидскую войну состоял при Паскевиче и занимался снабжением армии продовольствием (там же).

Гарнычай (Горнычай) — река, левый приток Занги.

André Chénier (Андре Шенье; 1762—1794) — французский поэт и публицист, активный деятель Великой французской революции, автор политических «ямбов», од и элегий. Не разделявший взглядов якобинцев, Шенье был арестован ими и казнен. Его стихи были изданы посмертно в 1819 г. Пушкин посвятил ему известную элегию «Андрей Шанье» (1825), опубликованную с цензурными купюрами в 1826 г. в «Стихотворениях» Александра Пушкина. Запрещенные цензурой строфы распространялись в 1826 г. в списках с произвольным заголовком «На 14 декабря». Результатом этого явилось политическое дело о распространении стихотворения, когда к допросу привлекался Пушкин. Дело закончилось в Государственном совете в июле 1828 г. учреждением секретного надзора за Пушкиным.

Сакен — Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789—1881), барон, впоследствии граф, тогда генерал-майор, командир уланской бригады. Участник русско-персидской войны, Остен-Сакен после занятия Нахичевани был временным правителем Нахичеванской области, затем начальником Азербайджанского временного правления. Впоследствии — начальник штаба Кавказского корпуса (о нем см.: Генерал-лейтенант, генерал от кавалерии граф Д. Е. Остен-Сакен 1-й. СПб., 1872). Грибоедов был помощником и советником Д. Е. Остен-Сакена в делах гражданского управления. Так,

Грибоедовым было составлено «Положение по управлению Азербайджана», одобренное Остен-Сакеном и утвержденное Паскевичем (см.: Грибоедов-дипломат. С. 98—99).

С. 340. *Ведичай* — река, приток Аракса.

Девалу (Давалу) — горы, состоящие из отдельных утесов, около Шарурского ущелья, недалеко от Нахичевани. В данном случае имеется в виду, вероятно, селение того же названия в Эриванском районе, через которое шла дорога на Нахичевань.

Прокламация садакцам и миллинцам.— Речь идет об обращениях к местным племенам, призывавших переходить на сторону русских. Миллинцы (милли) — союз курдских племен. Садакцы (садани) — курдское племя; возможно, сейдан — подразделение милли.

Садараки — селение Эриванского района на пути в Нахичевань.

Арпачай — река, приток Аракса.

С. 341. *Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот.*— Тактика русских на привлечение к себе местных жителей, инициатором которой был во многом Грибоедов, приносила плоды (см.: Шостакович. С. 106—108; Грибоедов-дипломат. С. 98—99). Шарульцы — возможно, шаруки (чаруки), одна из туркменских этнографических групп Закавказья, Ирана и Турции.

Рассказ Аббас-Кули, что Елисаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами.— Возможно, что Аббас-Кули Бакиханов (см. о нем выше) рассказывал о штурме г. Гянджи в 1803 г. Цициановым, который, после занятия города, переименовал его в Елизаветполь в честь императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I. Но, может быть, речь идет о Елизаветпольском сражении 13 сентября 1826 г., окончившемся поражением персидских войск и приведшем вслед за этим к занятию русскими войсками почти всех территорий, захваченных неприятелем в самом начале русско-персидской войны (см.: Семенов. С. 110). Сражение 13 сентября 1826 г. происходило на равнине в семи верстах от Елизаветполя, где, по преданию, похоронен знаменитый поэт Низами (1154—1180), прозванный Гянджеви, так как он был родом из Гянджи.

Аббас-Абад — персидская крепость на левом берегу Аракса, построенная при Аббас-Мирзе английскими военными инженерами по последнему слову военной техники. Осада крепости русскими войсками началась после взятия Нахичевани. 7 июля 1827 г. крепость Аббас-Абад сдалась русским, что во многом решило исход войны (см.: Семенов. С. 116—117). Сразу вслед за этим начались переговоры Грибоедова и Аббас-Мирзы. Грибоедов заявил наследнику: «Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения. Нынче мы, пройдя Эри-

ванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я прислан. <...> — Овладели! взяли! Вам сдал Аббас-Абад зять мой, трус,— он женщина, хуже женщины» (Донесение Грибоедова Паскевичу от 30 июля 1827 г.). Сдача персами Аббас-Абада — во многом результат политики Грибоедова, старавшегося склонить неприятеля на сторону русских (см.: Ениколопов. С. 80).

С. 341. *Эйлан-Дак* — Змеиная гора (см. ниже).

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид оттудова из моей комнаты.— 27 июня 1827 г. русские войска без боя заняли Нахичевань. Керим-хан, правитель области, бежал (см.: Семенов. С. 116). По свидетельству Н. Н. Муравьева, «город этот почти весь состоит из садов, и строения в оном закрыты в сих садах; ханский дворец, выстроенный на круче, в южной стороне города, был еще в хорошем состоянии, и к нему Паскевич, в сопровождении Грибоедова, направил свой путь. Из окон дворца видна находившаяся в 8-ми верстах Аббас-Абадская крепость» (РА. 1889. Кн. 2. С. 303).

Комендант сменен.— Комендантом крепости Аббас-Абад был зять шаха Мамед (Мухаммед)-Амин-хан, который был против сдачи русским, тогда как Эксан-хан и другие защитники уже договорились с русскими о сдаче, что вскоре и произошло (см.: Ениколопов. С. 81).

Змеиная гора, или, как называет ее выше Грибоедов, Эйлан-дак (правильнее Илан-даг),—конусообразная, черного цвета гора близ г. Нахичевани. Название свое получила по множеству змей, которые около нее гнездятся. Н. Н. Муравьев-Карский рассказывает в своих «Записках» о будто бы происходящих битвах между огромными полчищами змей с Илан-дага и Арарата (см.: РА. 1891. Кн. 3. С. 22).

Муравьев послан рекогносцировать крепость ∾ в подзорную трубу за всеми его движениями.— Этот эпизод подробно описан Грибоедовым в его письме П. Н. Ахвердовой от 28 июня 1827 г.

29 ∾ К 10 часам сильная рекогносцировка — 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий обступают крепость.— Ср. изложение этих событий в «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского, возглавившего операцию 29 июня (Воспоминания 1980. С. 59—61). Этот эпизод описан также в письме Грибоедова к П. Н. Ахвердовой от 3 июля 1827 г.

С. 341—342. *Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага...*— племянники Аббас-Мирзы, сыновья его брата Али-Наги.

С. 342. *Иавер* (*перс.*: йавар) — адъютант, помощник.

А. А.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
ГЛМ — Государственный литературный музей. Москва.
ГТБ — Государственная Театральная библиотека им. А. В. Луначарского. С.-Петербург.
ГЦТМ — Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Москва.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. С.-Петербург.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.
РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.
РНБ — Российская Национальная библиотека. С.-Петербург.

Печатные источники

Акад. словарь — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I—VI. СПб., 1806—1822.
Арапов — *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861.
Бартольд — *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана // Соч. Т. VII. М., 1911.
Библ. для чт.— Библиотека для чтения.
ВЕ — Вестник Европы.
ВЛ — Вопросы литературы.
Воспоминания 1929 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова. Примечания И. С. Зильберштейна. М.: Федерация, 1929.
Воспоминания 1980 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Составление, вступительная статья, подготовка текста С. А. Фомичева; Редакция В. Э. Вацуро; Комментарии П. С. Краснова. М.: Худож. литература, 1980.

Горе от ума 1839 — Горе от ума: Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. 2-е изд. СПб., 1839 (ценз. разр. 14 дек. 1838).

Горе от ума 1875 — Горе от ума: Комедия в четырех действиях, в стихах. А. С. Грибоедова... / Редакция полного текста, примечания и объяснения составлены И. Д. Гарусовым. СПб., 1875 (ценз. разр. 23 дек. 1874).

Горе от ума 1969 — *Грибоедов А. С.* Горе от ума / Подготовка Н. К. Пиксанова при участии А. Л. Гришунина. М.: Наука, 1969 (Лит. памятники).

Грибоедов 1875 — *Грибоедов А. С.* Собрание сочинений. СПб., 1875 (Русская б-ка. Вып. 5).

Грибоедов 1940 — *Грибоедов А. С.* Сочинения / Редакция Вл. Орлова. Л.: Гослитиздат, 1940.

Грибоедов 1956 — *Грибоедов А. С.* Сочинения / Подготовка текста, предисловие и комментарии Вл. Орлова. М.: ГИХЛ, 1956.

Грибоедов 1967 — *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах / Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. Н. Медведевой. Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта, Большая сер., 2-е изд.).

Грибоедов 1978 — *Грибоедов А. С.* Избранное / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания С. А. Фомичева. М.: Худож. литература, 1978.

Грибоедов 1987 — *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах / Составление, подготовка текста и примечания Д. М. Климовой; Вступительная статья В. П. Мещерякова. Л.: Сов. писатель, 1987 (Б-ка поэта, Большая сер., 3-е изд.).

Грибоедов 1988 — *Грибоедов А. С.* Сочинения / Вступительная статья, комментарии, составление и подготовка текста С. А. Фомичева. М.: Худож. литература, 1988.

Грибоедов в Петербурге — *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1982.

Грибоедов-дипломат — *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб., 1863—1866.

Ениколопов — *Ениколопов К.* Грибоедов: Путевые заметки. Записная книга. Тифлис, 1920.

Зотов — *Зотов Р.* Театральные воспоминания: Автобиографические записки. СПб., 1860.

ИВ — Исторический вестник.

Кюхельбекер 1939 — *Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы. Драматические произведения: В 2 т. / Вступительная статья, редакции и примечания Ю. Тынянова. Л.: Сов. писатель, 1939 (Б-ка поэта, Большая сер.).

Кюхельбекер 1967 — *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. В. Королевой. Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта, Большая сер.).

Кюхельбекер 1979 — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Издание подготовили Н. В. Королева и В. Д. Рак. Л.: Наука, 1979.

ЛГ — Литературная газета.

ЛН — Литературное наследство.

Материалы — А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сборник научных трудов / Ответственный редактор С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1989.

МВед.— Московские ведомости.

МТ — Московский телеграф.

НМ — Новый мир.

ОЗ — Отечественные записки.

Ост. арх.— Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. I—IV / Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова; 1909—1913. Т. V. Вып. 1, 2 / Под редакцией и с примечаниями П. Н. Шеффера.

Попова — *Попова О.* А. С. Грибоедов в Персии. М., 1979.

Проблемы творчества — Проблемы творчества А. С. Грибоедова / Ответственный редактор С. А. Фомичев. Смоленск: ТРАСТ—ИМАКОМ 1994.

ПССП — *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений / Под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. Т. I—III. СПб., Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, 1911—1917 (Академическая б-ка русских писателей. Вып. 8).

ПССШ — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова / Под редакцией <...> И. А. Шляпкина. Т. I—II. СПб., 1889.

Пушкин — *Пушкин.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI.

РА — Русский архив.

РВ — Русский вестник.

РЛ — Русская литература.

РС — Русская старина.

РСл — Русское слово.

СА — Северный архив.

Семенов — *Семенов Л. С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века. Л., 1963.

СН — Северный наблюдатель.

СО — Сын Отечества.

СП — Северная пчела.

Творчество, биография, традиции — А. С. Грибоедов: Творчество, биография, традиции / Ответственный редактор С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1977.

Черн. тетр.— Черновая тетрадь с автографами Грибоедова, опубликованная Д. А. Смирновым в журнале «Русское слово» (1859, № 4, 5) затем утраченная.

Шостакович — *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения, приписываемые Грибоедову

СТАТЬИ

Статьи, приписываемые Грибоедову

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

А. С. ГРИБОЕДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

Директор издательства
Л. И. Захаров

Художник
В. Г. Бахтин

Технический редактор
Л. П. Никитина

Корректоры
Н. Б. Абалакова, А. Ю. Ларионова, В. Д. Чаленко

Компьютерная верстка
Н. Н. Зайцева

ISBN 5-87170-046-2

9 785871 700464

Издательство «Нотабене»

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59; тел. (факс) 311-9475

Лицензия ЛП № 000004 от 31.07.1998

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.08.1999.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура литературная. Печ. л. 19,5.

Тираж 4000 экз. Заказ № 437.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат»
(типография им. Володарского)
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59